

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

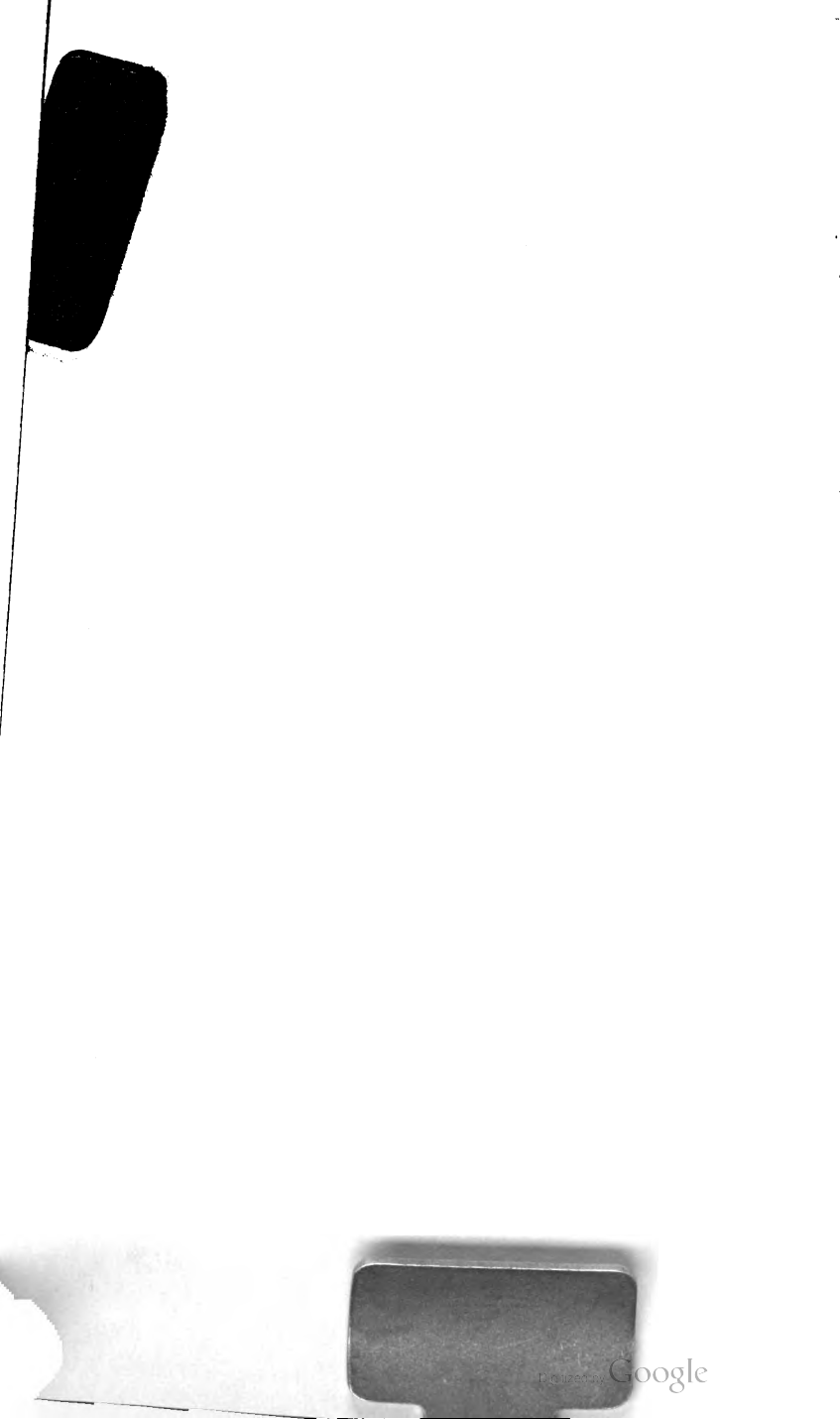
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RES

3 3433 06802983 8

INDEXED.

Н О В А Я

461
Б И Б Л И О Т Е К А

Д Л Я

Ч Т Е Н І Я.

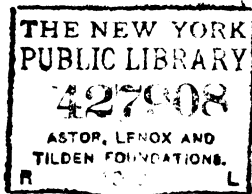
L'art d'adoucir sa destinée
Est l'art d'occuper son loisir.

Ч А С Т Ъ П І.

7
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1 8 2 4.

ПЕЧАТАТЬ П О З В О Л Е Н О

съ швъи, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типогра-
оіи, представлены были семь экземпляровъ въ С: Пешер-
бургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда
слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпешербургъ,
Юня 27 дня 1824 года.

*Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

У Р И К А. *)

This is to be alone, this, this is solitude!

Byron.

Вскорѣ послѣ прѣзда моего изъ Монпелье въ Парижъ, позвали меня, какъ врача, въ предмѣстіе Сен-Жермень, въ монастырь, къ одной больной монахинѣ. Незадолго передъ тѣмъ Наполеонъ возстановилъ нѣкоторыя изъ сихъ монастырей: шопъ, куда меня пригласили, принадлежалъ къ ордену Урсулинскому и былъ посвященъ воспитанію юношества. Революція разрушила часть зданія; древняя развалившаяся церковь, ошъ кошорой сохранилось нѣсколько сводовъ, открывала съ одной стороны длинныя монашескія переходы. Встрѣтившая меня монахиня ввела въ нихъ, и мы пошли по продолговатымъ гладкимъ камнямъ, составляв-

*) Новѣйшее произведеніе Герцогини Дюрасъ. Сія повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи, появилась въ Парижѣ въ нынѣшнемъ году и принята публикою съ особеннымъ одобреніемъ. Передѣланная въ драматическую пьесу, представлена она была на всѣхъ Парижскихъ театрахъ, и по сіе время Журналы не перестаютъ говорить о ней.

шимъ помоспъ сихъ галлерей: я замѣнила, что эти камни были надгробные, потому что всѣ имѣли надписи, большею частію изглаженныя временемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были разломаны въ продолженіи революціи: монахиня сказала, что еще не успѣли ихъ поправить. Мнѣ никогда еще не случилось видѣть внутренности монастыря: это зрѣлище было совершенно для меня ново. Изъ переходовъ вошли мы въ садъ, куда, по словамъ монахини, перенесли больную сестру: въ самомъ дѣлѣ я скоро увидѣлъ ее на концѣ длинной буковой алеи. Она сидѣла, завернувшись почти вся въ большое черное покрывало. „Вошь лѣкаръ!“ — сказала приведшая меня сестра и въ тоже время насъ оставила. Я приблизился медленными шагами; сердце мое билось сильно: уже видѣ гробницъ поселилъ въ него какое-то странное чувство. Больная оборотилась ко мнѣ и — кто предскажетъ мое удивленіе? — я увидѣлъ арабку. Ошмѣнная ловкость въ обращеніи и выборъ выраженій ея еще увеличили мое изумленіе. — „Я рѣшилась обезпокоить васъ просьбою навѣстить меня, потому что чувствую себя очень больною“ — сказала она: „теперь мнѣ бы хотѣлось выздороветь; но я не всегда желала этого и можешь быть опъ того-то и кошераа со-

вершено здоровье.“ — Я спросил о ея бо-
 лѣзни. — „Чувствую“ — отвѣчала она —
 „безпрестанное стѣсненіе въ груди; сонъ бѣ-
 жипъ отъ меня, а жаръ не оставяешь ни
 на минушу.“ — Видъ ея вполне подтвер-
 ждалъ ея слова: она была чрезвычайно худа;
 одни только большіе блестящіе глаза и от-
 личной бѣлизны зубы оживляли нѣсколько ли-
 це ея; душа жила еще, но шло было уже
 вполонину разрушено: во всѣхъ чертахъ за-
 мѣтны были слѣды продолжительной жесто-
 кой скорби. Тронутый до глубины сердца,
 я рѣшился испытать все средства спасши
 ее: началъ говорить ей о необходимости у-
 спокоить воображеніе, разсѣяться, стараюсь
 отдалить отъ себя горестныя мысли. —
 „Я счастлива“ — отвѣчала она: „никогда
 еще не была я такъ спокойна и довольна.“
 Звукъ ея голоса удосповѣрялъ въ искренно-
 сти сказаннаго: никакой голосъ не могъ обма-
 нывать. Но удивленіе мое возрастало. — Вы
 не всегда такъ думали — сказалъ я — лице
 ваше показываетъ, что вы много страдали.
 — „Правда; сердце мое очень поздно нашло
 спокойствіе; но теперь я счастлива.“ —
 Однако жъ вы согласитесь, что для из-
 цѣленія болѣзни врачъ долженъ узнать
 ея корень, источникъ; а потому и мнѣ,
 чтобъ имѣть успѣхъ, нужно ознакомиться

съ началомъ вѣстей. — „Ахъ! это одно безуміе!“ — При этихъ словахъ крупная слеза выкапилась на ея рѣсницы. — И вы говорите, что вы счастливы! — воскликнулъ я — „Счастлива,“ — отвѣчала она съ швердосію — „и не промѣняла бы своего счастья на ту участь, кою имѣла прежде столько желала. У меня нѣтъ тайны: мое несчастіе есть исторія всей моей жизни. Я столько спрадала до сихъ поръ, пока всупила въ это мирное убѣжище, что мало по-малу здоровье мое вовсе разспроилось. Съ радостію смотрѣла я на свое разрушеніе, потому что будущее не представляло мнѣ никакой надежды. Пагубная мысль, но, вы видите, я за нее и наказана. Теперь, когда я желала бы жить, жизнь моя готова пошухнуть.“ — Я старался ее въ томъ разуверить, подавалъ ей надежду на скорое выздоровленіе; но въ то время, когда успокаивалъ ее, обѣщалъ ей жизнь, не знаю какое-то тайное предчувствіе говорило мнѣ, что все поздно и что смерть обрекла уже ее себя въ жертву.

Я началъ навѣщать молодую монахиню; участіе мое, казалось, ее трогало. Однажды она сама завела разговоръ о томъ, что мнѣ такъ хотѣлось узнать отъ нее. „Горестныя, прешерцѣныя мною“ — сказала она — „до

шого спранным, что я всегда избѣгала вѣ-
ряшь ихъ кому-либо: трудно судишь о спра-
даніяхъ другаго, и наши повѣренныя обыкно-
венно бывающъ и нашими обвинителями.“ —
Не опасайтесь этого съ моей стороны —
возразилъ я — видя глубокіе слѣды, остав-
ленные въ васъ горестью, я очень вѣрю ея
искренности. — „Вы найдете ее искреннею;
но она покажется вамъ безразсудною.“ —
Если даже и такъ, развѣ нѣтъ исключенія
для симпатіи? — „Конечно; впрочемъ, если
для моего излеченія вамъ необходимо знать
несчастія, распространившія мое здоровье, я ош-
крою ихъ вамъ, когда мы познакоимся ко-
роче.“

Я посѣщалъ монастырь день ото дня
наше; образъ моего леченія, казалось, былъ
успѣшенъ. Наконецъ, прошедшимъ лѣтомъ,
когда мы опять случились одни въ той же
бесѣдкѣ, на той же самой скамьѣ, на кото-
рой я увидѣлъ ее въ первый разъ, зашла рѣчь
о прежнемъ нашемъ разговорѣ, и она расска-
зала мнѣ слѣдующее.

Я была двухъ лѣтъ, когда Шевалье Б°,
бывшій Губернадоръ Сенегальскій, вывезъ ме-
ня оттуда. Онъ увидѣлъ меня при отпра-
вленіи одного корабля, нагруженнаго невольни-

ками: лишившись предъ симъ мащери, я горько плакала; но, не смотря на мой вопль, меня прошивъ воли шацили на корабль. Г. Б* сжалился надо мною, купилъ меня, и привезя въ Парижъ, отдалъ шепкъ своей, супругъ Маршала Б*, любезнѣйшей особъ погдашняго времени, кошорая съ возвышеннѣйшими качествами соединяла рѣдкое добродушіе.

Избавивъ меня ошъ рабства и поручивъ благодѣніямъ г-жи Б*, это значило: дважды даровать мнѣ жизнь. Если я не была счастлива, то это показывало только неблагодарность мою къ Провидѣнію. Впрочемъ развишь въ насъ умственныя способности, значишь ли сдѣлать насъ счастливыми? Не думаю. Мифологія не говоритъ намъ, была ли Галадея счастлива, когда боги даровали ей жизнь.

Уже гораздо позже узнала я испорію первыхъ дней моего дѣтства. Помню только, какъ я проводила жизнь мою въ гостинной г-жи Б*, любимая ею, ласкаемая всѣми ея знакомыми, осыпаемая подарками, перевозносимая, какъ самое умное и самое милое дитя.

Господствующій тонъ общества г-жи Б* было предубѣжденіе; но предубѣжденіе, ошъ кошорого хоршій вкусъ умѣлъ отдалить всякое издѣшество. Хвалили все, что шодѣ-

ко можно было хвалить; извиняли, что стало порицанія и часто самымъ недоспашкамъ давали видъ достоинства. Успѣхъ ободряеть; въ обществѣ г-жи Б* каждый значилъ все, что только могъ значить, даже можешь быть нѣсколько и болѣе, потому что невольно заимствоваль отъ нее часть собственныхъ ея достоинствъ: видя, слушая ее, казалось, всякой подходилъ нѣсколько на нее.

Одѣвая по восточному вкусу, у ногъ г-жи Б*, слушала я разговоры отличнѣйшихъ людей того времени, еще не понимая ихъ. Во мнѣ не было обыкновенной дѣтской развосты; я была задумчива прежде, нежели начала думать; была счастлива подлѣ г-жи Б*: любить ее значило для меня — быть съ нею, ее слушать, ей повиноваться, въ особенностяхъ смотрѣть на нее — и я не желала ничего болѣе. Живучи въ роскоши, окруженная особами остроумнѣйшими и любезнѣйшими, я не находила въ помѣ ничего удивительнаго, потому что не имѣла понятія о прошивномъ; но даже и не зная того, чувствовала уже отвращеніе отъ всего, что выходило изъ сферы свѣта, въ которомъ жила. Хорошій вкусъ въ отношеніи къ уму есть по же, что вѣрное ухо въ отношеніи къ звукамъ. Будучи еще совершеннымъ ребен-

комъ, я уже оскорблялась недостаткомъ вкуса; чувствовала сей недостатокъ прежде, нежели могла сказать, въ чемъ онъ состоитъ. Такое расположеніе могло бытъ для меня пагубно, если бы я въ состояніи была помышлять о будущемъ; но будущаго для меня не существовало.

Достигнувъ двѣнадцати лѣтъ, я не имѣла еще понятія о томъ, что можно бытъ счастливою иначе; не огорчалась тѣмъ, что родилась арабкой: всѣ находили меня прелестною и никто не говорилъ, чтобы цвѣтъ лица моего составлялъ недостатокъ. Къ тому же я почти совсѣмъ не видала другихъ дѣшей: одинъ изъ нихъ былъ мой другомъ, и моя черноша не мѣшала ему любить меня.

У благодѣтельница моей было двое внучатъ, дѣшей дочери, скончавшейся въ молодости. Карлъ, младшій, почти такихъ же лѣтъ, какъ и я, воспитывался вмѣстѣ со мною и былъ защитникомъ, совѣтникомъ и товарищемъ во всѣхъ моихъ шалостяхъ. Семь лѣтъ отослали его въ училище; я плакала, расставаясь съ нимъ, и это была первая моя печаль. Часно думала я объ немъ; но видались мы очень рѣдко. Онъ учился; я также: мнѣ давали уроки во всемъ, что принадлежило къ полному воспитанію дѣвушки;

и, въ угожденіе г-жѣ Б*, я старалась, чтобы труды моихъ учителей не были тщетны. Она хотѣла, чтобы я блещала во всѣхъ родахъ: у меня былъ довольно пріятный голосъ и самымъ искуснѣйшимъ учителямъ поручено было его образованіе; я имѣла охоту къ живописи, и одинъ отличный живописецъ, пріятель г-жи Б*, взялся наставлять меня; я училась по-Англійски, по-Италіянски и г-жа Б* сама давала мнѣ уроки. Она руководила мною, занималась образованіемъ моего ума: говоря съ нею, открывая всѣ сокровища души ея, я чувствовала, что и моя душа возвышалась. — Увы! Я не могла предвидѣть, что за сими пріятными занятіями послѣдующіе дни сполнъ горестныя; я желала только нравиться г-жѣ Б*; улыбка одобренія на устахъ ея составляла все мое благополучіе, и я не помышляла о будущемъ.

Однако жъ съ охотою къ чтенію, особенно поэтовъ, начало развиваться и юное мое воображеніе; но безъ цѣли, безъ предмета; мысли мои блуждали по волю случая, и съ увѣренностію молодыхъ лѣтъ говорила я сама себѣ, что г-жа Б* не оставитъ сдѣлать меня счастливою: ея ко мнѣ нѣжность, веселая жизнь, которую вела я у ней въ домѣ, все способствовало къ продолженію моего заблужденія и оправдывало мое ослѣпленіе.

Разскажу вамъ одинъ примѣръ въ доказательствѣ, какъ много занимались мною, какъ всегда старались оплечить меня.

Смотря на меня въ наспоящемъ моемъ положеніи, вамъ вѣроятно трудно будетъ повѣрить, что нѣкогда славилась я стройностью и гибкостью моего спана. Г-жа Б* часто говорила о моей ловкости и прыпности, и поному непременно хотѣла, чшобм я шанцовала превосходно. Чшобъ выказашъ во мнѣ это совершенство, она дала нарочно балъ, какъ будто для своихъ внучашъ; но главнѣйшею цѣлью было то, чшобм доставить мнѣ случай блеснуть своимъ дарованіемъ въ кадрилъ, составленной изъ четырехъ частей свѣша, гдѣ я должна была представлять Африку. Совѣповались съ путешественниками, перебрали всѣ книги о костюмахъ, перечитали ученые разсужденія объ Африканской музыкѣ; наконецъ выборъ палъ на *комба*, національную пляску моего опечества. Кавалеръ мой покрылъ крепомъ лице свое, — увы! я не имѣла нужды закрывать своего; но въ то время мнѣ и не приходило этого на мысль. Предавшись совершенно удовольствіямъ бала, я прошанцовала *комба* съ одобреніемъ, какого только можно было ожидать отъ новости зрѣлища и отъ выбора зрителей: большая часть изъ нихъ,

пріѣхали г-жи Б*, были опъ меня въ восхищеніи и въ полной увѣренности угодишь ей, наперерывъ распочали мнѣ похвалы. Сверхъ того и самая пляска была замысловаша: въ ней изображалась любовь, печаль, воспоргъ и ошчаяніе. Я не имѣла еще никакого понятія объ вѣдѣхъ сильныхъ движеніяхъ души нашей; но по какому-то инстинкту угадала ихъ; однимъ словомъ, успѣхъ былъ совершенный. Хлопали въ ладоши, окружили меня, осыпали похвалами. Радость моя была чрезвычайна: тогда ничто еще не нарушало моего спокойствія. Но нѣсколько дней послѣ этого бала одинъ разговоръ, котораго случайно была я свидѣтельницею, открылъ мнѣ глаза, и счастье юности моей исчезло.

Въ гостиной г-жи Б* спояли большія ширмы. Онѣ закрывали дверь; но подходили близко къ окошку; а между ширмами и окномъ стоялъ столъ, на которомъ я иногда рисовала. Однажды занималась я шуть очень прилежно. Углубленная въ свою работу, нѣсколько времени сидѣла я неподвижно и безъ сомнѣнія г-жа Б* считала, что я уже вышла, какъ ей доложили о пріѣздѣ ея пріятельницы, Маркизы. . . . Это была женщина опмѣнно холоднаго нрава, рѣзкаго ума, сухая въ обращеніи, предприимчивая и рѣшительная. Такова была она и съ друзьями: для ихъ бла-

га и выгоды не щадила она ничего; но за то и заставляла их плачивать дорого за такую привязанность. Ея взыскательность и строгость были также велики, какъ и ея преданность, и изъ всѣхъ знакомыхъ г-жи Б* въ ней одной не находила я любезности. Я боялась ее, хотя она и казалась довольно хорошо ко мнѣ расположенною; но она дѣлала все по своему: чтобы показать мнѣ свое вниманіе, она всякій разъ экзаменовала меня и даже строго; а я уже такъ привыкла къ благосклонности и снисходительности, что справедливость пугала меня.

„Хорошо, что мы одиѣ“ — сказала Маркиза г-жѣ Б* — „мнѣ давно уже хотѣлось поговорить съ вами объ Урицѣ. Она спановиная очень мила; разумъ ея образованъ совершенно; въ ней много достоинствъ, остроумія, живости; но что будетъ съ нею? Что намърены вы изъ нее сдѣлать?“

— Увы! — отвѣчала г-жа Б*. — Эта мысль часно меня занимаетъ и, признаюсь, всегда съ горестію думаю я о томъ. Я люблю ее, какъ дочь, готова все сдѣлать для ея счастья, и не смотря на то, когда подумаю о ея положеніи, не вижу никакихъ средствъ помочь ей. Бѣдная Урика! Всегдашнее одиночество ожидаетъ ее во всю жизнь! Что съ нею будетъ? —

Я не въ состояніи описатьъ вамъ дѣйствія, кошорое произвели надо мною эти неиногія слова; молнія не могла бы поразить скорѣе. Въ одно мгновеніе открылись мои глаза: я увидѣла все; увидѣла себя арабкой; въ зависимости, въ презрѣніи, безъ состоянія, безъ опоры, безъ существа, подобнаго мнѣ, съ кошорымъ могла бы раздѣлить судьбу свою; до сего времени игрушкою, забавою моей благошворительницы; скоро опвергнутою свѣтомъ, въ кошоромъ нѣтъ для меня мѣста. Сильный шрепешъ объѣлъ меня, свѣтъ пожеркъ въ глазахъ моихъ, бѣненіе сердца лишило способности слышать далѣе; наконецъ мало по-малу пришла я въ состояніе выслушать продолженіе ашого роковаго разговора.

„Воюеъ“ — сказала Маркиза — „чтобы вы не сдѣлались невинною причиною ея несчастія. Чшо въ состояніи будешъ удовлетворить ея вкусу, привычкамъ, желаніямъ, когда она до сего времени провела всю жизнь свою въ избранномъ кругу вашего общества?“

— Но она въ немъ и останешся — опвѣчала г-жа В*.

„До шѣхъ поръ, пока останешся ребенкомъ; но ей уже пятнадцать лѣтъ; что жъ будешъ далѣе? При ея умъ, при полученномъ

ею воспитаніи, гдѣ найдете вы для нее достойнаго мужа? Кто захочетъ жениться на арабкѣ? И если за деньги вы и опытите человека, который согласился бы имѣть дѣтьми маленькихъ негровъ, то развѣ не иначе какъ въ низшемъ классѣ людей, человека, съ которымъ она вѣчно будетъ несчастна. Ей можете нравиться только шопъ, кому она не понравится.“

— Все это правда; но, къ счастью, она еще и сама объ этомъ не думаетъ. Привязанность ея ко мнѣ, надѣюсь, еще долгое время не допуститъ ее обратить вниманіе на свое положеніе. Чтобы сдѣлать ее счастливою, мнѣ бы надобно было дать ей самое обыкновенное воспитаніе: признаюсь откровенно, это было невозможно. Почему жъ знать! Можетъ быть, она въ состояніи будетъ поставять себя выше судьбы своей, когда не могла остаться ниже ея.

„Вы предаетесь мечтамъ: философія можете возвысить насъ надъ обыкновенными несчастіями жизни; но она бессильна пропихивъ бѣдствій, выходящихъ изъ порядка природы. Урика не исполнила своего предназначенія: она вступила въ общество безъ его дозволенія, и общество опростило за себя.“

— Но кто же не признаетъ, что она совершенно невинна въ этомъ преслуденіи?

Вы уже слишком строги къ бѣдному дѣшани.

„Напрощивъ : я желаю ей болѣе добра , нежели вы; я хочу, чтобы она была счастлива; а вы ее губите.“

Г-жа Б* опивчала съ нѣкоторою досадою, и можетъ быть я сдѣлалась бы причиною ссоры между обѣими пріятельницами, если бы вошедшій слуга не доложилъ о новомъ визитѣ: я ускользнула за ширмы и убѣжала въ свою комнату, гдѣ ручьи слезъ облегчили нѣсколько стѣсненное мое сердце.

Потеря очарованія, окружавшаго меня досель, произвела большую перемѣну въ моей жизни. Есть мечты, копорыя можно сравнить съ дневнымъ свѣтомъ: съ попереею ихъ исчезаешь и все. Такъ было и со мною: все, что прежде занимало меня; все, что было для меня такъ пріятно — исчезло. Въ головѣ моей возродились новыя мысли, новыя понятія: это былъ хаосъ, бездна, грозившая поглотить меня. Ежеминутно представлялось мнѣ презрѣніе, меня преслѣдующее; общество, опвергающее меня; человекъ, копорый за деньги можетъ быть согласился бы имѣть дѣшей — араповъ! Эти мысли, какъ привидѣнія, восплавали противъ меня; какъ фуріи меня перзали; — въ особенностіи это опчужденіе опъ свѣта, эта увѣренность,

что я на всю жизнь осуждена къ одиночеству. Г-жа Б* сказала это, и я безпрестанно повсюду себя: одна, одна навсегда! — Наканунъ еще, какая нужда была мнѣ въ томъ, что я одна? Я не знала, не чувствовала этого. Я имѣла нужду въ томъ, что любила, и не думала, что то, что я любила, не имѣло нужды во мнѣ. Но теперь повязка упала съ глазъ моихъ, и несчастіе поселило недоувѣренность въ мою душу.

Когда я возвратилась къ г-жѣ Б*, всѣ были поражены происшедшею со мной переменною. Прислушали ко мнѣ съ вопросами: я сказала, что чувствовала себя нездоровою, и мнѣ повѣрили. Г-жа Б* послала за докторомъ, который распросилъ меня со всею подробностию, пощупалъ мой пульсъ и напрямки сказалъ, что я совершенно здорова. Г-жа Б* успокоилась, старалась развлечь и развеселить меня. Стыжусь признаться, какъ неблагодарна была я къ ласкамъ своей благодѣтельницы; сердце мое какъ бы сжалось. Намъ приятно принимаешь благодѣнія, когда сердце въ состояніи ошланишь ихъ; мое было слишкомъ наполнено ощущеніями горестными: посторонніе предметы не могли уже на него дѣйствовать. — Однѣ и тѣ же мысли безпрестанно занимали меня: онѣ возрождались въ тысячъ различныхъ ви-

довъ: воображеніе придавало имъ самыя мрачныя краски; часто цѣлыя ночи проводила я въ слезахъ. Все во мнѣ возбуждало мое сожалѣніе; лице мое ужасало меня; я не осмѣливалась уже смотрѣться въ зеркало; когда глаза мои нечаянно опускались на мои черныя руки, мнѣ казались онѣ руками обезьяны; я увеличивала свое безобразіе, и цвѣтъ моего шѣла былъ для меня знакомъ моего опроверженія; онъ ошлучалъ меня отъ всѣхъ подобныхъ мнѣ сущесствъ; онъ осуждалъ меня бышь одной, вѣчно одной, и никогда нелюбимой! — Человѣкъ за деньги согласился бы, можешь бышь, имѣшь дѣшей - араповъ! — При этой мысли вся кровь моя кипѣла отъ негодованія. Мнѣ приходило даже въ голову, прасишь г-жу Б*, чпобы она отпослала меня въ мое опечесство; но и шамъ была бы я одинока: кто бы могъ поняшь меня? Увы! Я не принадлежала никому; была чужда всему человѣческому роду!

Уже долгое время спустя научилась я безъ ропота сносить судьбу свою. Этимъ обязана я одному почтенному Священнику, отъ котораго получила первыя наставленія въ Религіи. Я искренно была прилѣплена къ Вѣрѣ; но не знала, что благочестіе можешь бышь для насъ испинно полезно шолько тогда, когда мы будемъ примѣнять его ко всѣмъ

*

своимъ пошункамъ. Меня занимало оно только нѣсколько минутъ въ день; остальное время я совсѣмъ объ немъ не думала. Духовникомъ былъ набожный старикъ, который никакъ мало не подозрѣвалъ, что происходило во мнѣ: я видала его два или три раза въ годъ, и не воображая, чтобы горестнѣ могла быть грѣхонъ, не говорила ему о своихъ спраданіяхъ. Между тѣмъ они видимо распронвали мое здоровье, и въ то же время — странная вещь! — усовершенствовывали мой разумъ. Одинъ восточный мудрецъ сказалъ: „что можешь знать шомъ, кто не испыталъ бѣдшвій?“ — И я увидѣла, что ничего не знала до своего несчастія. Прежде всякое впечатлѣніе было уже для меня чувствованіемъ; я не разсуждала, а любила; рѣчи, поступки, люди нравились или не нравились моему сердцу, но я не давала себѣ отчета: почему. Теперь, мой умъ не былъ уже болѣе подверженъ этимъ невольнымъ движеніямъ: печаль — какъ опдаленіе: она заставляешь насъ обращать вниманіе на совокупность предметовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я почувствовала себя опчужденною опо всего, сдѣлалась я гораздо разборчивѣе и начала даже крипиковать, шо что нравилось мнѣ до того времени.

Такое расположеніе моего духа не могло скрыться ошь г-жи Б*: не знаю полько, угадала ли она истинную причину его. Можешь бышь опасалась она усилить мои спраданія, дозволивъ мнѣ ввѣриться ей; но за шо сдѣдалась ко мнѣ еще благосклоннѣе обыкновеннаго. Она не скрывала ошь меня ничего, и чшобы ошвлечь ошь моихъ горестей, занимала меня своими собственными. Какъ хорошо знала она мое сердце! Въ самомъ дѣлѣ, ничшо не могло такъ снова привязать меня къ жизни, какъ увѣренносшь бышь необходимою, или по крайней мѣрѣ полезною для моей благодѣшальницы. Больше всего преслѣдовала меня мысль, что я одна въ свѣтѣ, что могу умереть, не оставя по себѣ сожалѣнія ни въ одномъ сердцѣ. Ахъ! Я была слишкомъ несправедлива къ г-жѣ Б*: она любила меня и безпреснанно это доказывала; но сердце ея писало любовь, гораздо сильнѣйшую той, которая привязывала ее ко мнѣ. Я не завидовала нѣжности ея ко внучанамъ, въ особенности къ Карлу; но я бы хотѣла, какъ и онъ, называть ее матерью.

Особенно шогда сердце мое обливалось кровію, когда видѣла я вмѣстѣ людей, соединенныхъ между собою узами родства. Увы! Я лишена была навѣкъ счастья бышь сестрою, женою, матерью! Можешь бышь, въ сихъ

узахъ представляла я себѣ болѣе пріятно-
стей, нежели сколько онѣ имѣли въ самомъ
дѣлѣ; но, не будучи въ состояніи пользо-
ваться ими, я пренебрегала уже шѣ, на ко-
шорыя имѣла право. У меня не было подру-
ги; никому не дарила я своей довѣренности;
чувства мои къ г-жѣ Б* походила болѣе на
благоговѣніе, нежели на любовь; но мнѣ ка-
залось, что къ Карлу питала я почто ша-
кія чувствованія, какія можно имѣть къ
брату.

Онѣ все еще былъ въ училищѣ; откуда
въ скоромъ времени готовился отпра-
виться путешествовать. Съ старшимъ братомъ и
гувернёромъ долженъ онѣ былъ объѣхать
Германію, Англію и Италію и пребыть въ
отлучкѣ два года. Карлъ восхищался своимъ
путешествіемъ; я была огорчена только въ
последнія минуты его отъѣзда: мнѣ всегда
было пріятно то, что доставляло ему удо-
вольствіе. — Я не открыла ему перзавшихъ
меня мыслей: мнѣ никогда не случалось бытъ
съ нимъ наединѣ; а чтобы изъяснить ему
скорбь свою, надобно было довольно време-
ни: тогда — я увѣрена — онѣ бы понялъ
меня. Другая причина моего молчанія была
склонность его къ насмѣшкамъ: она внушала
мнѣ боязнь, хотя правда и то, что предме-
томъ ея было обыкновенно смѣшное при-

шворештво или жеманштво; все искренное, чистосердечное его обезоруживало. Но какъ бы то ни было, я не сказала ему ничего. Отъездъ его служилъ для меня разсвѣніемъ, и я находила уже облегченіе и въ помѣ, чшобы огорчаться чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ моей обыкновенной печали.

Нѣсколько времени спустя послѣ отъезда Карла, революція начала усиливаться и всѣ умы взволновались; въ гостиной г-жи Б* цѣлый день говорили только о нравственныхъ и политическихъ переворотахъ, произведенныхъ революціею. Ничто не могло болѣе способствовать къ развитію и образованію моихъ понятій, какъ наблюденіе того, что въ это время дѣлали революціонеры. Они углублялись во всѣ предметы, восходили до началъ всѣхъ учрежденій — очень часто для того только, чшобы все поколебать и все разрушить.

Повѣрише ли, что не смотря на мою молодость, не смотря на то, что я была чужда всѣхъ общественныхъ выгодъ и занимаясь болѣе снѣдающею меня печалью, революція произвела перемѣну въ моихъ мысляхъ, возродила въ сердцѣ моемъ надежды и даже прекратила на минуту мои спрданія. Такъ хващаемся мы за все, что можетъ принести намъ ушѣшеніе, хотя и самое невѣрное! Мнѣ

казалось, что въ этомъ хаосѣ я скорѣ найду мѣсто для себя; что по уничтоженіи всѣхъ сословій, по смѣшеніи всѣхъ званій, при новомъ порядкѣ вещей я уже не буду какъ чужда въ свѣтѣ; что если душа моя способна къ возвышенности, если я имѣю какія нибудь скрытныя достоинства, они скорѣ будутъ оценены тогда, когда цвѣтъ моего гнѣва перестанетъ опалаять меня изъ среды людей, какъ это было до сего времени. Но вышло напротивъ: самыя достоинства, которыя предполагала я въ себѣ, нашлись въ противоположеніи съ моими мечтами: я не могла долгое время желать великаго зла для меньшаго частнаго блага. Съ другой стороны увидѣла я, какъ смѣшны были люди, желавшіе управлять Франціею, къ какимъ мѣлочамъ были они способны, — и угадывала тайныя ихъ намѣренія. Скоро ихъ ложное человеколюбіе открылось глазамъ моимъ, и я опоздалась опъ надежды, видя, что и посреди сполькихъ бѣдствій я все еще не избѣгну презрѣнія. Не смотря на это, я продолжала принимаять участіе въ сужденіяхъ о семъ предметѣ; но скоро потеряли они это, что составляло самую большую ихъ прелесть. Уже прошло время, когда искали только нравиться, когда опказывались для того опъ успѣховъ собственнаго самолюбія. Съ

лѣхъ поръ, какъ революція перестала быть одною теорією, когда она коснулась частныхъ выгодъ каждаго, разговоры превратились въ споры, и оскорбленія, колкости и личности заступили мѣсто разсужденій. Иногда, не смотря на свою горечь, забавлялась я—слушая съ жаромъ защищаемыя мнѣнія о благу общественномъ, и видя, что они скрывали подъ собою приспращіе, притворство или шрусость. Но забава, дошавляемая намъ наблюдениемъ надъ людскими глупостями, не утѣшительна; она не такъ чиста, чтобы могла служить пищею для сердца, привыкшаго къ невиннымъ наслажденіямъ. Находить удовольствіе въ насмѣшкахъ можно, не переставая быть несчастнымъ; даже едва ли несчастіе не располагаетъ насъ болѣе къ подобнымъ забавамъ, потому что горечь, копорою въ это время полна душа наша, составляетъ обыкновенную пищу этого жалкаго удовольствія.

Спось быстрое разрушеніе надежды, возрожденной во мнѣ революціей, не перемѣнило состоянія души моей; я не переставала быть недовольною своею судьбою и моя скорбь была улаждаема только довѣренностію и милостями ко мнѣ г-жи Б*. Иногда посреди палишическихъ разговоровъ, оныхъ копорохъ, при всемъ своемъ опараніи, не могла она

опдалитъ колкостей, печально взглядывала она на меня; эпошь взглядъ былъ цѣлительнымъ бальзамомъ для моего сердца; казалось, онъ говорилъ мнѣ: Урика, ты одна понимаешь меня!

Начали говорить о свободѣ негровъ: эпошь предметъ не могъ не произвести во мнѣ живѣйшаго ощущенія: онъ былъ близокъ къ мечтѣ, которая шакъ много улаждала меня; — онъ напоминалъ мнѣ, что по крайней мѣрѣ сущесвующъ люди, подобные мнѣ. Они были несчастны — и я считала ихъ добрыми, и судьба ихъ возбуждала мое участіе. Увы! Очарованіе мое скоро разрушилось! Убийства Сентъ-Домингскія нанесли новую рану моему сердцу: до сихъ поръ огорчала меня мысль, что я принадлежу къ поколѣнію отверженному; теперь я спыдилась принадлежать къ поколѣнію изверговъ и убійць.

Между тѣмъ революція шла быспрыми шагами; съ ужасомъ увидѣли мы, что власть была въ рукахъ людей самыхъ несповыхъ. Казалось, что для нихъ не было ничего священнаго: послѣ ужасныхъ дней 20 Іюля и 10 Августа можно было всего ожидать. Въ эпо время всѣ знакомые, соспавлявшіе общество г-жи Б*, разсѣялись: одни убѣжали отъ преслѣдованій въ чужіе края; другіе скрылись

или удалились въ провинціи. Г-жа Б* не сдѣлала ни шого ни другаго: она была привязана къ прежнему жилищу поспоянными чувствованіями своего сердца. Съ ней осталось воспоминаніе и гробница ея дочери.

Уже нѣсколько мѣсяцовъ прожили мы въ уединеніи, какъ въ концѣ 1792 года вышелъ декретъ о конфискованіи имѣній всѣхъ эмигрантовъ. Посреди всеобщаго несчастія, г-жа Б* не забошлась бы о пошеръ своего соспожня, если бы оно не принадлежало ея внукамъ; но по особому фамильному распоряженію, она шолько временно имъ пользовалась. Это побудило ея призвать къ себѣ Карла, младшаго изъ брашьевъ, и отправишь старшаго, кошорому было около двадцати лѣтъ, въ армию Принца Конде. Въ это время они были въ Испаніи и оканчивали пушешествіе, предпринятое ими за два года предъ шѣмъ совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ. Карлъ прибылъ въ Парижъ въ Февраль 1793 года, вскорѣ послѣ смерти Короля.

Это ужасное убійство сильно подѣйствовало на г-жу Б*: шрепешъ, объявишь душу ея при извѣстіи о шакоемъ злодѣяніи, равнялася безмѣрности самаго злодѣянія. Сильныя печали, въ шарости, имѣющъ въ себѣ ничто разишельное: онѣ поддерживающся и

укрѣпляющіяся разумомъ. Г-жа Б* сохранила всю твердоспъ своего характера. Здоровье ея разспроизлось; но мнѣ и на мысль не приходило упѣшашь или развлекашь ее. Я плакала, раздѣляла ея спраданія; старалась возвысипь свою душу, чшобы прѣблизипься къ совершенспвамъ ея души, чшобы по крайней мѣрѣ спрадашь сполько же, какъ она, и вмѣспѣ съ нею.

О собственной гореспи я почши не думала во все вшо время; я бы спидилась считашь себя несчастною при споль великихъ бѣдспвіяхъ: къ шому же съ шѣхъ поръ, какъ всѣ сдѣлались несчастны, я чувспвовала себя болѣе въ связи съ свѣшомъ. Мнѣніе, какъ опечесшво, еспъ благо, общее всѣмъ; всякій дѣлаешся брешомъ, какъ скоро нужно подкрѣпипь или зашпшпть его. Я была бѣдная арапка; но, не смощря на шо, чувспвовала необходимость въ правосудіи — и вшо чувешво, которое раздѣляла я вмѣспѣ со всѣми возвышенными душами, сблизало меня съ ними: я говорила себѣ, чшо день шоржесшва добродѣтели и справедливоспи. Будешь нѣкогда и для меня шакимъ же днемъ шоржесшва, какъ и для нихъ; но увы! эшощъ день былъ еще очень далеко.

По прѣздѣ Карла, г жа Б* отправилась шощчасъ въ деревню. Всѣ ея прѣшели скры-

лись или убъжали, и ея общество состояло только изъ одного стараго аббата, кошорый безпрестанно жаловался на то, что имънія, принадлежавшія духовенству, проданы, пошому что онъ потерялъ съ нѣмъ вмѣстѣ двадцать тысячъ ливровъ годоваго дохода. Эпошъ аббатъ переселился съ нами въ Сень-Жермень.

Г-жа Б* въ жизнь свою имѣла случай оказывать услуги: будучи пріятельницей Шуазеля, она, во время продолжительнаго управленія его министерствомъ, была полезна многимъ людямъ. Двое изъ сихъ послѣднихъ имѣли большое вліяніе на дѣла во время ужасовъ революціи; они не позабыли одолженій г-жи Б* и почли долгомъ оказать свою признательность. Безпрестанно заботясь о ней, они сберегали ее отъ всѣхъ непріятностей; нѣсколько разъ даже подвергали опасности собственную жизнь, чтобы только укрыть ее отъ бѣдствій революціи. Надобно сказать, что въ эпо роковое время самые начальники главнѣйшихъ партій не могли сдѣлать безъ опасности и малѣйшаго добра; казалось, владычествовало значило тогда злодѣйствовашь: одни злодѣянія доставляли и лишали власпи. Г-жа Б* не была принуждена идти въ шемницу, подъ предлогомъ дурнаго ея здоровья; но спржа была поспавлена

у нее въ домъ. Карлъ, Аббапъ и я оспались при ней и пеклись о ней сколько могли.

Ничто не въ состояніи изобразить всего ужаса тогдашняго нашего положенія. Чистая всякій день въ журналахъ извѣстія объ осужденіи и казни друзей г-жи Б*, мы каждую минушу пррпепали за нее, боясь, что ея покровишпели не въ силахъ будущъ спасти ея опъ подобной учаспи. Мы узнали даже, что шуча гошова была разразишьея и надъ нею, какъ смерть Робеспьера положила конецъ ужасамъ. Всъ начали дышашъ свободнѣе; спража удалилась изъ дома г-жи Б*, и мы четверо оспались въ пррпнемъ уединеніи, какъ бы избѣгнувъ большаго бѣдствія, которому всъ подвергались. Можно сказать, что несчастіе шѣснѣ соединяешъ всъ узы; я чувспвовала, что здѣсь по крайней мѣрѣ я не была чужая.

Если, послѣ потери очарованій моего дѣшспва, имѣла я еще нѣсколько пріятныхъ минушъ въ жизни, то это безъ сомнѣнія въ эпоху, послѣдовавшую за симъ злополучнымъ временемъ. Г-жа Б* обладала въ высочайшей степенн качеспвами, дѣлзующими семейшвенную жизнь споль пріятною: она была шакъ крошка, шакъ снисходишельна, что при ней можно было говорить, разсуждашъ обо всемъ; она умѣла угадывашъ, что хотѣли сказать,

что сказали. Тутъ не было недоразумѣній; ни кривыхъ шолоковъ, которые шакъ часшо нарушающъ взаимную довѣренность; слова были принимаемы именно за шо, что хошѣли сказашь ими, и всякой изъяснялъ свое мнѣнiе свободно, не боясь осужденiя. Если бы г-жа Б* и не имѣла другихъ достоинствъ, шо одно это составляло бы уже счастье друзей ея. Но сколько опличныхъ качествъ украшали ее! Въ ея обществѣ никогда нельзя было чувствовашъ пустоты или скуки; все служило для нее пищею. Вниманiе къ мнѣнiямъ, которое въ людяхъ обыкновенныхъ служило признакомъ ихъ слабоумiя, въ знашнѣйшей особѣ бываешъ источникомъ безчисленныхъ удовольствiй: въ томъ-шо и состоишъ опличительная черта возвышеннаго ума, что-бы сдѣлашь что - нибудь изъ ничего. Самая простая мысль дѣлалась занимательною въ устахъ г-жи Б*; она умѣла облакашь ее тысячью новыхъ прелестей.

Карлъ имѣлъ въ характерѣ своемъ много одинаковаго съ г-жею Б*; умы ихъ были шакъ же сходны: шо ешь, умъ Карла былъ шакъ, шакъ върошно былъ прежде умъ его матери: шочень, швердъ, обширенъ; но еще не шолько гибокъ, не шолько умѣренъ въ сужденiяхъ. Молодость не знаешъ срединъ: для нее все хорошо или все дурно, между

тѣмъ какъ старость находилъ часто, что нѣтъ ничего совершенно хорошаго и ничего совершенно дурнаго. Карлъ имѣлъ два лучшія качества своихъ лѣтъ: правду и любовь къ истинѣ. Я уже сказала, что онъ ненавидѣлъ и цѣль пришествія; часто даже доходилъ до излишества и находилъ его тамъ, гдѣ его совсѣмъ не было. Довѣренность Карла была легка; всякій видѣлъ, что она есть плодъ уваженія, а не простой склонности его характера. Онъ такъ былъ во мнѣ увѣренъ, что немедленно сообщалъ мнѣ каждую возродившуюся въ немъ мысль. Вечеру, когда сживали мы все вокругъ стола, разговоры наши не прерывались ни на минуту. Старый Аббать занималъ особенное мѣсто: онъ составилъ себѣ такую полную цѣль ложныхъ мнѣній и защищалъ ихъ съ такимъ чистосердечіемъ, что служилъ неисчерпаемымъ источникомъ забавы для г-жи Б*. Ея зоркой и просвѣщенный умъ удивительно умѣлъ высплавлять недѣлности бѣднаго Аббата, который былъ такъ добръ, что никогда не сердился. Всего забавнѣе было видѣшь, какъ она его *порядокъ идей* разрушала внезапно быстрыми сужденіями здраваго разсудка: мы сравнивали ихъ обыкновенно съ могучими ударами меча Роланда или Карла Великаго.

Г-жа Б* любила ходить: каждое утро прогуливалась она въ Сен-Жерменскомъ лѣсу. Аббашъ обыкновенно велъ ее подъ руку, а я съ Карломъ слѣдовала за ними издали. Въ это время онъ сообщалъ мнѣ все, что его занимало: всѣ свои намѣренія, надежды, мнѣнія обо всемъ, о вещахъ, о людяхъ, о происшествіяхъ. Онъ не скрывалъ отъ меня ничего и даже не думалъ о томъ, что ввѣришь мнѣ что нибудь. Уже споль съ давняго времени привыкъ онъ къ мнѣ, что моя дружба была для него какъ собственная его жизнь; онъ пользовался ею, не замѣчая того; не требовалъ отъ меня ни участія, ни вниманія: зналъ, что говоря мнѣ о себѣ, говорилъ обо мнѣ, что я была *имъ* больше, нежели онъ самъ. Незыблемая прелесть довѣренности! Ты можешь замѣнить все, даже и самое счастье!

Мнѣ никогда не приходило въ голову ввѣришь Карлу причину моихъ спраданій; я слушала его, и наши разговоры имѣли надо мною какое-то магическое дѣйствіе, шакъ, что съ нимъ забывала я свою горестъ. Если бы онъ спросилъ меня, напомнилъ мнѣ объ ней, я бы тогда же все ему сказала; но онъ не воображалъ, чтобы я могла шакже имѣть шайну. Уже всѣ шакъ привыкли видѣть меня страдающею, и г-жа Б* шакъ много за-

бошилась о моемъ благополучіи, что и она и всѣ должны были считатьъ меня счастливою.

Мнѣ бы и надобно бытъ счастливою; часто говорила я это сама себѣ, укрѣпляла себя въ неблагодарности, безуміи; не знаю даже, осмѣлилась ли бы признаться, до какой степени это негцѣлимое зло — цѣль моего тѣла — дѣлало меня несчастливою. Не умѣю покориться необходимости — заключаешь въ себѣ вѣчно унижительное, и потому подобная горесть, овлаждая душою, близка къ отчаянію. Въ особенності удерживала меня отъ открытій Карлу — строгость его сужденій. Однажды въ разговорахъ нашихъ зашла рѣчь о жалости, и былъ предложенъ вопросъ: что въ печали заслуживаетъ большее сожалѣніе: ея послѣдствія или причины? Карлъ былъ послѣдняго мнѣнія. По этому онъ считалъ, что всякая печаль должна имѣть основательную причину. Но кто можетъ сказать, что значимъ здѣсь основательность? Одна ли она для всѣхъ людей? Однѣ ли и тѣ же нужды имѣютъ всѣ сердца? И несчастіе не есть ли неудовлетвореніе нуждъ сердечныхъ? — Впрочемъ наши вечернія бесѣды рѣдко заставляли меня обращать вниманіе на себя, и я старалась какъ можно меньше о себѣ думать. Изъ своей комнаты велѣла вынести всѣ зеркала;

никогда не снимала перчатокъ; шея моя и руки были обыкновенно закрыты платьемъ; а во время прогулокъ всегда надѣвала я большую шляпу съ покрываломъ, которое часто носила даже и дома. Такимъ образомъ старалась я обманывать сама себя: какъ дѣши, закрывала глаза, и думала, что меня не видятъ.

Въ концѣ 1795 года ужасы прекратились и всѣ снова начали сближаться. Оставшіеся еще друзья г-жи Б* стали собираться около нее, и я съ неудовольствіемъ видѣла, какъ кругъ знакомыхъ ея распространялся. Въ свѣтъ была я такъ не на своемъ мѣстѣ, что чѣмъ болѣе общество приходило въ обыкновенный порядокъ, тѣмъ болѣе я его чуждалась. Всякой разъ, когда прѣзжали къ г-жѣ Б* знакомые, которые у нее еще не были, чувствовала я новое мученіе. На лицахъ ихъ читала я изумленіе, смѣшанное съ презрѣніемъ, которое перзало меня: я уже видѣла, какъ удалясь въ уголь, или шопотомъ между собою, разсуждали они о томъ, какимъ образомъ г-жа Б* рѣшилась допустить въ кругъ коронскихъ друзей своихъ — арапку. Въ продолженіи такихъ объясненій я спрадала какъ нельзя болѣе, желала бытъ перенесенною въ суровое свое опечество, посреди дикихъ, его населяющихъ: они не такъ

успрашали меня, какъ это жестокое общество, подвергавшее меня отвѣтственности за зло, которому оно одно было причиною. Воспоминаніе о презрѣннѣи, мною замѣченномъ, преслѣдовало меня по нѣсколькимъ днямъ сряду; я видѣла его во снѣ; оно представлялось мнѣ каждую минушу, являлось передо мною, какъ мой собственный призракъ. Увы! Таковы были дѣйствія мечты, овладѣвшей мною! Тогда, о Боже! я не научилась еще отгонять отъ себя сія страшныя привидѣнія; я не знала еще, что покой можно обрѣсти только въ Тебѣ.

Въ семь положеніи одно сердце Карла служило мнѣ прибѣжищемъ. Я гордилась его дружбою, гордилась еще больше его добродѣтелями; удивлялась ему, какъ существу совершеннѣйшему на землѣ. Прежде считала я, что любила Карла какъ брата; но съ тѣхъ поръ, какъ начались мои ссраданія, мнѣ казалось, что я успарѣла, и нѣжность моя къ нему походила болѣе на нѣжность матери. Въ самомъ дѣлѣ, одна только мать могла такъ ссрастно желать ему счастья; охотно отдавала бы я свою жизнь, чтобъ отвратить отъ него минушу ссраданій. Всякое впечатлѣніе, производимое имъ въ другихъ, замѣчала я прежде, нежели онъ самъ: онъ былъ столько ссрастливъ, что не заботился о

земь: весьма еспешвенно — ему нечего было бояшья; ничшо не заспавляло его, подобно какъ меня, безпреспанно безпокоишья о мысляхъ другихъ: въ его судьбѣ было все въ согласіи, въ моей все въ распройснѣвѣ.

Однимъ упромъ явился къ г-жѣ Б* спаринный ея пріятель, сваташъ за Карла невѣсту. — Несчастіе сдѣлало дѣвицу Анаиду де Теминь вдругъ богашою наслѣдницею: въ одинъ день пошерала она всѣхъ родныхъ своихъ на эшафонѣ; оспалась шолько шепка ея опца, бывшая нѣкогда монахинею, кошорая, заступя мѣсто опекуна, почишала обязанностью выдать ея за-мужъ и чѣмъ скорѣе шѣмъ лучше, пошому что имѣя уже болѣе осмидесяти лѣтъ опъ роду, боялась умерешъ и оспавишъ внучку одну, безъ всякой подпоры. Анаида соединяла въ себѣ всѣ достоинства: знашную породу, богашство, опличное воспитаніе; шестънадцати лѣтъ, прекрасна какъ Ангель — могла ли г-жа Б* колебашья? Она сказала о шомъ Карлу: мысль женишья въ шакихъ молодыхъ лѣтахъ испугала его. Однако онъ пожелалъ видѣшъ Анаиду, и послѣ перваго свиданія все было рѣшено. Въ самомъ дѣлѣ, дѣвица Теминь, казалась, была сотворена для шого, чшобъ поправишья Карлу. При красотѣ своей, она была удивишельно скромна: съ перваго взгля-

да видно было, что этою прелестною добродѣтелью она одолжена одной природѣ. Г-жа Теминь пригласила Карла посѣщать ее, и вскорѣ страстная любовь овладѣла его сердцемъ. Я была его повѣренною; видя, какъ привязанность его съ каждымъ днемъ возрастала, я съ нетерпѣніемъ желала узнать ту, кою которой назначено было составить благополучіе Карла. Наконецъ Анаида прѣѣхала въ Сен-Жермень. Карлъ говорилъ уже ей обо мнѣ, и я не замѣтила въ ней того презрительнаго, пронзительнаго взгляда, коимъ обыкновенно спользуюсь перзаять меня. Она дѣйствительно была прекрасна и добра, какъ Ангель. Я увѣряла, что она будетъ счастлива съ Карломъ и успокоивала ее на счетъ его молодости: хотя ему былъ двадцать одинъ годъ; но умъ и характеръ его имѣли все постоянство, всю основательность лѣтъ зрѣлыхъ. Анаида много разспрашивала меня о Карлѣ, потому что я знала его съ самаго младенчества, и мнѣ такъ пріятно было рассказывать о немъ только хорошее, что я не могла довольно наговориться.

Приведеніе въ порядокъ домашнихъ дѣлъ и разныя приготовленія побудили отложить свадьбу на нѣсколько недѣль! Карлъ продолжалъ посѣщать г-жу Теминь и часно осѣивался въ Парижъ по два и по три

дня сразу. Такія оплочки огорчали меня, и я досадовала даже сама на себя, видя, что предпочитала свое удовольствіе счастью Карла; я не такъ привыкла любить. Дни, въ которые онъ возвращался къ намъ, были для насъ праздниками. Онъ рассказывалъ мнѣ, что занимало во все время его мысли, и если замѣчалъ въ сердцѣ Анаиды новую къ себѣ привязанность, я радовалась тому столько же, какъ и онъ. — Однажды говоря о томъ, какъ будетъ жить съ нею, сказалъ онъ: „Хочу заслужить совершенную ея довѣренность; хочу, чтобы она вполне обладала моею. Не стану ничего скрывать отъ нее; она будетъ знать все мои помышленія, все скрытыя ощущенія моего сердца; хочу, чтобы между ею и мною была такая же взаимная довѣренность, какъ между нами, Урика.“ — Какъ между нами! Какъ больно было слышать эти слова; они напомнили мнѣ, что Карлъ не знаетъ единственной тайны моей жизни и опшияли у меня желаніе ввѣрить ему эту тайну. — Мало-по-малу оплочки Карла дѣлались продолжительнѣе; онъ проводилъ въ Сен-Жерменѣ почти только по нѣскольку минутъ; пріѣзжалъ къ намъ обыкновенно верхомъ, чтобы какъ можно сокращить время дороги и послѣ обѣда возвращался въ Парижъ, такъ, что почти все вечера проводи-

ли мы безъ него. Г-жа Б* часто шутила на счесть продолжительныхъ его оплучекъ; ахъ! я бы желала дѣлать то же!

Однажды мы прогуливались въ лѣсу. Карлъ не былъ у насъ почти цѣлую недѣлю; вдругъ увидѣла я его на концѣ алеи, по которой мы шли; онъ скакалъ верхомъ къ намъ на встрѣчу. Подъѣхавъ и спрыгнувъ съ лошади, пошелъ онъ прогуливаться съ нами: послѣ нѣсколькихъ минутъ общаго разговора, мы двое опспали и начали говорить другъ съ другомъ, какъ прежде. Я замѣшила ему это. — „Какъ прежде!“ воскликнулъ онъ: „ахъ, какая разность! что могъ я говорить прежде? Мнѣ кажешся, я началъ жить не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Урика! Я не въ состоянiи описать тебѣ всѣхъ моихъ чувствъ! Иногда право кажешся мнѣ, что вся душа моя переселяется въ душу Анаиды. Когда она смотритъ на меня, я боюсь дышать; когда она краснѣетъ, я бы желалъ броситься къ ногамъ ея, какъ къ существу неземному. Воображая себя покровителемъ, защитникомъ этого ангела; представляя, что она мнѣ ввѣряетъ свою жизнь, свое счастье, какъ благословляю я судьбу свою! и какъ буду спараться сослужить ея благополучіе! Я буду для нее опцомъ, матерью, которыхъ она лишилась; но въ то же время буду ея мужемъ, ея нѣж-

нѣйшимъ другомъ! Мнѣ посвятивъ она первую любовь свою; всѣ ощущенія ея сердца перельются въ мое сердце; мы будемъ жить одною жизнію, и я хочу, чшобъ и въ позднѣйшихъ лѣтахъ не могла она сказать, что провела хотя одинъ часъ, не будучи счастлива! Какое наслажденіе, Урика, въ мысли, что она будешь матерью дѣшей моихъ, что грудь Анаиды вскормитъ ихъ! О, они будутъ также крошки и прелестны, какъ и она! Боже! чѣмъ заслужилъ я такое счастье!“

Увы! въ это время обращала я къ Небу совсѣмъ прошивной вопросъ. Уже нѣсколько минушь слушала я эшѣ спрашныя рѣчи Карла съ неизъяснимымъ чувствомъ. Великій Боже! Ты свидѣтель, что благополучіе Карла дѣлало и меня счастливою; но для чего даровалъ Ты жизнь бѣдной Урикѣ? Для чего она не умерла на корабль, на которомъ погибли тысячи ея собратьевъ, или на груди своей матери? Горсть песку въ степяхъ Африканскихъ покрыва бы ея шѣло, и эша тяжесть была бы для нее легка! Какая польза свѣшу въ жизни Урики? Для чего осуждена она жить? Для шого, чшобы жить одной, вѣчно одной, и никогда не быть любимой! О Боже! Непусти сего! Призови къ себѣ бѣдную Урику! Никто не имѣетъ въ ней нужды: она одна въ свѣтѣ!— Эша ужасная мысль

овладѣла мною еще съ большею силою; я чувствовала, что ноги мои подгибались, свѣтъ померкъ въ глазахъ, — мнѣ казалось, что я умираю. — —

При сихъ словахъ грудь бѣдной монахини епѣснилась, голосъ измѣнился и слезы поспекали по увядшимъ щекамъ ея. Я просила ее прекратить на время разсказъ; но она не хотѣла. — Это ничего — сказала она — теперь скорбь непродолжительна въ моемъ сердцѣ: источникъ ея изсякъ. Богъ сжаляся надо мною: Онъ Самъ извелъ меня изъ пропасти, въ которую вверглась я только отъ того, что не знала и не довольно любила Его. Не забудьте, что я счастлива; но я не была такова въ то время. —

До сихъ поръ — продолжала она — переносила я свои спраданія: они разстроили мое здоровье; но я сохранила еще рассудокъ и власть надъ собою. Горесть моя, какъ червь, пожирающій плодъ, начала съ сердца; въ груди своей носила я уже сѣмя разрушенія, тогда, какъ все внѣ меня было исполнено жизни. Я находила удовольствіе въ разговорахъ, дружескія бесѣды и разсужденія одушевляли меня; сохранила даже нѣкоторую веселость, игривость ума, но лишилась радости сердца. Наконецъ, до того времени, на которомъ остановилась я въ своемъ раз-

сказъ, одерживала я верхъ надъ своими спрдаданіями, шеперь чувствовала, что мои спрданія начали брать верхъ надо мной.

Карль донесъ меня на рукахъ до дому; здѣсь подали мнѣ помощь, и я пришла въ себя. Открывъ глаза, увидѣла я г-жу Б* подлѣ евоей постели; Карль держалъ меня за руку; оба заботились обо мнѣ, и на лицахъ ихъ замѣшила я выраженіе безпокойства и горести, которое пронуло меня до глубины души: я чувствовала, какъ жизнь возвращалась ко мнѣ, и слезы пошекли изъ глазъ моихъ. Г-жа Б* легонько оперла ихъ; она не говорила мнѣ ни слова, не сдѣлала ни одного вопроса; но за то Карль осыпалъ меня ими. Не знаю, что я ему отвѣчала; случившееся со мною приписывала я сильному знюю, продолжительной прогулкѣ: онъ повѣрилъ мнѣ — и это легковѣріе нанесло новую рану моему сердцу. Слезы мои осушились. Какъ легко обманушь людей, которыхъ всѣ мысли обращены къ другому предмету! — говорила я сама себя, оидернула руку и спаралась казаться спокойною. Карль, по обыкновенію, уѣхалъ ошь насъ въ пять часовъ; это огорчило меня; мнѣ хотѣлось, чтобы онъ безпокоился обо мнѣ: я такъ страдала! Рано или поздно онъ все бы уѣхалъ; я бы сама пошребовала того; но по крайней мѣрѣ утѣшалась

бы мыслию, что мнѣ одолженъ онъ счастьемъ этого вечера! — Однако жъ я скрыла отъ Карла это движеніе моего сердца: такіа нѣжныя чувства имѣюшь родъ спыдливости; они несовершенны, если ихъ не угадываютъ; ихъ можно испытать только вдвоемъ.

Едва Карлъ увхаль, какъ горячка возвратилась ко мнѣ съ новою силою, и въ два слѣдующіе дня еще болѣе увеличилась. Г-жа Б* заболѣла обо мнѣ съ обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ: ее приводило въ опчаяніе мое положеніе и невозможность перевезти меня въ Парижъ, куда на другой день призывала ее свадьба Карла. Доктора сказали, что опвѣчаютъ за мою жизнь, если только оставятъ меня въ Сен-Жерменъ. Г-жа Б* наконецъ согласилась на то, и уѣзжая оказала мнѣ такую нѣжную привязанность, что этимъ успокоила нѣсколько мое сердце. Но послѣ ея отъѣзда, въ первый разъ, совершенно, дѣйствительно всѣми оставленная, предалась я опчаянію. Тушь увидѣла я себя на самомъ дѣлѣ въ томъ положеніи, которое такъ часто рисовало мнѣ прежде мое воображеніе. Я умирала далеко отъ милыхъ моему сердцу; мои спенанія не доходили даже до ихъ слуха: увы! они бы нарушили ихъ радость. Я представляла себѣ, какъ они предавались всему упоенію счастья, далеко отъ

умирающей Урики. — У Урики не было никого въ свѣпъ, кромѣ ихъ; но они не имѣли нужды въ Урикѣ; никто не имѣлъ въ ней нужды! Это ужасное чувство безполезности существованія всего сильнѣе раздирало мое сердце: оно вдохнуло въ меня такое отращеніе къ жизни, что я искренно желала тогда умереть. Я не говорила, не подавала никакого признака чувства; одна только мысль занимала меня: *желаніе умереть*. Иногда была я не такъ спокойна: припоминала себѣ всѣ слова послѣдняго разговора съ Карломъ; представляла себѣ, какъ упоаешь онъ въ моръ наслажденій, между тѣмъ—какъ я умираю, всѣми оставлена, одна при смерти, какъ и при жизни. Эта мысль раздражала меня болѣе, нежели самая болѣзнь. Я прибѣгала къ разнымъ мечтамъ, чтобы удовлетворить этому новому чувству: представляла себѣ, какъ Карлъ призвалъ въ Сен-Жермень и ему сказывали, что я умерла. И повѣрите ли? Его печаль была для меня наслажденіемъ; она оцмщала меня — и за что? Великій Боже! За то, что онъ былъ моимъ ангеломъ покровишелемъ? — Скоро однако же возненавидѣла я это чувство; я увидѣла, что если горесць и не соспавляетъ грѣха, то предаваться ей, какъ я, было пресшупленіе. Тогда мысли мои приняли другое направленіе; я

старалась побѣдить себя, найши въ самой себѣ силу превозмочь волновавшія меня чувствованія; но не искала этой силы тамъ, гдѣ она была. Я стала упрекать себя въ неблагодарности. Умру, говорила я сама себѣ; хочу умереть; но не хочу предать своего сердца спрашямъ порочнымъ. Урика естъ дитя, лишенное наслѣдства; но съ нею осталась невинность; не поущу неблагодарности омрачить ее. Какъ цѣнь мелькну я на землѣ; но въ могилѣ буду наслаждаться покоемъ. — О Боже! Они уже очень счастливы; но опдай имъ часть, предназначеную для Урики — и пусть умретъ она какъ листъ, опадающій осенью. Развѣ я не довольно терпѣла?

Освободясь отъ болѣзни, подвергавшей опасности жизнь мою, впала я въ состояніе изнеможенія, которому немалою причиною была моя горестъ. Г-жа Б*, послѣ свадьбы Карла, переехала опять въ Сен-Жермень: онъ также часто прѣзжалъ къ намъ съ Анаидою; но никогда не являлся безъ нее. Я всегда болѣе спрадала, когда они были у насъ. Не знаю, зрѣяще ли благополучія дѣлало меня чувствительнѣе къ собственному несчастію, или присутствіе Карла пробуждало во мнѣ воспоминаніе о нашей прежней дружбѣ: иногда я искала ее и не находила. Онъ говорилъ

ниъ почти все по же, что и прежде; но его шеперешняя дружба походила на прежнюю какъ искусственный цвѣшокъ на природный: съ виду они одинаковы; въ первомъ нѣшь шолько жизни и благовоиѧ.

Карлъ приписывалъ перемѣну моего характера разспройспѣу здоровья; я думаю, что г-жа В* лучше судила о горестномъ состоянii души моей, что она утадывала шайныя мои спраданiя и очень шѣмъ огорчалась. Но уже прошло время, когда я ушѣшала другихъ; я сожалѣла шолько о самой себѣ.

Анаида сдѣлазась беременна, и мы возвратились въ Парижъ. Это внушренное мирное счастье; эти сладостныя семейственныя узы; эта невинная любовь, всегда равно нѣжная, равно спрасшная — какое зрѣлище для несчастной, осужденной провести въ одиночествѣ всю жизнь свою, умереть, не бывъ любимою, не бывъ привязанною къ свѣту никакими узами, кромѣ зависимости и состраданiя!

Дни, мѣсяцы пролекали: я не принимала участiя ни въ одномъ разговорѣ, оставила всѣ свои занятiя и иногда шолько читала книги, въ кошнорыхъ могла найтти хотя несовершенное изображенiе скорби, меня пожирательней. Я извлекала изъ нихъ новый ядъ, унивалазась своими слезами и одна въ своей

комнатѣ, по нѣсколькѣ часовъ сряду, предавалась горести.

Рожденіе сына увѣнчало благополучіе Карла; онъ прибѣжала сказать о томъ мнѣ и въ изліяніяхъ его восшорга замѣшила я нѣкоторые признаки прежней его ко мнѣ довѣренности. Какъ было это для меня больно! Увы! Я слышала голосъ друга, котораго не имѣла болѣе, и воспоминанія о прошедшемъ снова расправляли мою рану.

Сынъ Карла былъ прекрасенъ, какъ Анида. Видъ юной матери съ дышащею приводилъ въ удивленіе всѣхъ; я одна, по особой странности судьбы, осуждена была смотрѣть на нихъ съ прискорбіемъ. Сердце мое пожирало этою образъ благополучія, которымъ я никогда не должна была наслаждаться, и зависъ, какъ хищный вранъ, шерзала грудь мою. — Чшо сдѣлала я шѣмъ, которые думали спасти меня, переселя на эту землю, гдѣ осуждена я бытъ отверженной? Зачѣмъ не предоставили меня судьбѣ моей? Я была бы невольницею на какой нибудь богатой колоніи; палимая солнцемъ, воздѣлывала бы землю другаго; но у меня была бы хижина, куда бъ я могла укрыться вечеромъ; у меня былъ бы соповарищъ въ жизни и дѣши одного со мною цвѣпа, который называли бы меня машерью. Они безъ отшращения

прижимали бы уста свои къ моимъ щекамъ, опдыхали на груди моей, засыпали въ моихъ объятіяхъ! О, за что осуждена я не испытать ввѣкъ чувствъ, для которыхъ только сотворено мое сердце! Боже! Опзови меня изъ этого свѣта! Чувствую, что не въ состояніи болѣе переносить жизни!

Одна въ своей комнатѣ, на колѣнахъ, возсылала я къ Творцу эту несчастную молитву, какъ вдругъ отворилась дверь, и ко мнѣ вошла пріятельница г-жи Б*, Маркиза . . . , недавно возвратившаяся изъ Англіи, послѣ продолжительнаго отсутствія. Съ ужасомъ увидѣла я эту женщину; взглядъ на нее напоминалъ мнѣ всегда, что она первая предсказала мнѣ судьбу мою, что она открыла бездну горестей, въ которую я низверглась. Съ тѣхъ поръ, какъ она была въ Парижѣ, я не могла видѣть ее безъ особенно тягостнаго для меня чувства.

„Я пришла поговорить съ тобою, милая Урика“ — сказала она мнѣ. „Ты знаешь, какъ я люблю тебя съ самаго своего дѣтства; теперь не могу безъ огорченія видѣть твоей скорби. Возможно ли, съ твоимъ умомъ не умѣть лучше найтись въ своемъ положеніи?“

— Умъ — отвѣчала я, — служитъ только къ умноженію истинныхъ бѣдствій: онъ

показываешь ихъ намъ въ столь различныхъ видахъ, съ столь многихъ епоронъ!

„Но когда бѣдшвія неопвратимы, не безразсудно ли не умѣшь имъ покориться и борешься съ необходимостью? Ты знаешь, что здѣсь сила не на нашей епоронѣ.“

— Правда; но мнѣ кажется, что въ эшомъ случаѣ необходимость только увеличиваешь бѣдшвія.

„Тогда — ты согласишься, Урика — разумъ совѣщуетъ намъ покориться и искашь разсвннн.“

— Конечно; но чтобы разсвннться, мы должны быть не вовсе оставлены надеждою.

„По крайней мѣрѣ ты можешь заняться, прохоишь себя къ чему-нибудь.“

— Ахъ! эшо будешь принужденіе, а не удовольствіе.

„Но ты одарена талантами . . .“

— Чтобы прибѣгнушь къ талантамъ, надобно имѣшь цѣль: мои походили бы на цвѣшокъ Англійскаго Поэша *)), который шеплетъ благовоніе свое въ пустынь.

*)

Born to blush unseen
And waste its sweetness in the desert air.

Gray.

Какъ часто лилія цвѣшетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!

Сельское кладбище. Переводъ Жуковскаго.

„Ты позабываешь друзей, которыми доспавляли бы они удовольствіе.“

— У меня нѣтъ друзей: есть пѣхровишели, а это большая разница.

„Урика! Ты дѣлаешь себя очень несчастливую и понапрасну.“

— Въ моей жизни все напрасно, даже и моя горесць.

„Какъ можешь ты сказать это, Урика! ты, которая, во время ужасовъ революціи, оставшись одна съ г-жею Б*, оказала ей столько преданности?“

— Ахъ! Я похожу на шѣхъ злыхъ духовъ, которые владычествуютъ только во времена бѣдствій: благополучіе изгоняетъ ихъ.

„Ввѣрь мнѣ свою пайну, милая Урика; открой мнѣ свое сердце; никто не принимаетъ въ тебѣ участія столько, какъ я, и можешь быть, я въ состояніи буду помочь тебѣ.“

— У меня нѣтъ пайны. Вы знаете, что мое положеніе, дѣвѣ моего шѣла соспавляющъ все мое несчастіе.

„Перестань же скрипячь! Тебѣ ли запираешься, что ты имѣешь пайную, снѣдающую тебя скорбь? Надобно только взглянуть на себя, чтобы въ томъ увѣришься.“

Я повшоряла ей то, что уже сказала

прежде; она разгорячилась, возвысила голосъ, и я видѣла, что шуча скоро разразится.

„И это твоя ошкровенность?“ — воскликнула она. „Это чистосердечіе, кошорое въ тебѣ такъ превозносятся? Урика, осперегись! Излишняя скромность есть лицемеріе.“

— Но что же я могу опкрыть вамъ? Вамъ въ особенностяхи, когда вы уже такъ давно предвидѣли все несчастіе насшоющаго моего положенія? Вамъ не могу я сказать ничего новаго.

„Въ этомъ ты меня никогда не уверишь“ — возразила она съ сердцемъ. „Но когда ты не хочешь подарить мнѣ своей довѣренности, когда ты ушверждаешь, что не имѣешь тайны, то я ее тебѣ опкрою, Урика! Вся твоя печаль происходитъ только опъ несчастной, опъ безразсудной страсти, и если бы ты не была до безумія влюблена въ Карла, твое положеніе опняюдь не убивало бы тебя. Прощай, Урика! Я иду опъ тебя и признаюсь, гораздо съ меньшимъ въ тебѣ участіемъ, нежели съ какимъ пришла сюда.“

Пръ сихъ словахъ она вышла. Я оспалась, какъ пораженная громомъ. Что опкрыла она мнѣ! Какимъ ужаснымъ свѣтомъ озарила бездну, въ кошорую была я погружена! Великій Боже! Это было лучъ свѣта,

ироникшій въ пропасть и заставившій не-
 счастливыхъ ея обитателей сожалѣть о пре-
 жнемъ мракѣ! Какъ! Я пишала пресшупную
 спрассть! Она до сихъ поръ пожирала мое
 сердце! И это желаніе удержашъ свое мѣсто
 въ цѣпи сущесствъ, эта пошребность въ
 любви, эта пошка одиночества, были толь-
 ко жалобы виновной спрассти! И когда мнѣ ка-
 залось, что я завидовала тольکو призраку бла-
 гополучія, предместомъ злочесивыхъ моихъ
 желаній было самое это благополучіе! И что я
 сдѣлала шакого, почему бы можно заключашъ,
 что я пишаю эту безнадежную спрассть? Развѣ
 невозможно любишь болѣе своей жизни, и
 любишь невинно! Какое чувствво одушевляло
 машь, когда она бросилась въ разверзшій
 зѣвъ льва, чшобы спасти своего сына? Развѣ
 пресшупная любовь соединяла братьевъ и се-
 сшерь, которые хошѣли вмѣстѣ умереть на
 эшафосѣ и—прежде принятія казни— возсы-
 лали къ Небу мольбы свои? Развѣ не видимъ
 мы ежедневно примѣровъ челоувѣколюбія, го-
 ловаго на величайшія пожертвованія? И
 почему жъ я не могу любишь шакъ Карла —
 шоварища моего дѣшства, покровишеля моей
 юности? . . . Но, не взирая на то, не знаю
 какой-то голосъ опзывается во глубинѣ ду-
 ши моей, что меня обвиняюшъ не напрасно,
 что я пресшупна! О Боже! Неужели сердце

мое должно подвергнуться еще угрызениям совести? Неужели должна я испытать все роды мучений? И мои слезы будутъ опныи пресупленіемъ? И мнѣ запрещено думать о немъ? Я не смѣю болѣе спрадать? . . .

Такія ужасныя мысли повергли меня въ изнеможеніе; близкое къ смерти. Въ ту же ночь впала я въ горячку и на прешій день уже опчаявались въ моей жизни. Докшоръ объявилъ, что если хощешь еще причаститься меня Святыхъ Таинъ, то не нужно ни минушъ перяшь времени. Послали къ моему духовнику: за нѣсколько дней передъ шѣмъ, онъ скончался. Тогда г-жа Б* велѣла просить къ себѣ приходскаго священника: онъ нашелъ меня уже не въ состояніи причаститься, а пошому особоровагъ масломъ. Я была уже совершенно безъ чувствъ и каждую минушу ожидали моей смерти. Безъ сомнѣнія, въ это время Творецъ смалился надо мною; прежде всего Онъ сохранилъ жизнь мою: прошивъ всякаго чаянія, силы мои начали возвращаться. Такимъ образомъ боролась я со смертію около двухъ недѣль; напоследокъ пришла въ памяшь. Г-жа Б* не оставляла меня ни на минушу; Карлъ, казалось, предался прежней своей ко мнѣ привязанности. Священникъ продолжалъ навѣщать меня каждый день: онъ хощѣлъ воспользоаваться первою возможно-

спію мновѣданъ меня. Я сама чрезвычайно этого желала; какое-то внутреннее чувство призывало меня къ Богу; увѣряло, что въ Немъ одномъ обрѣшу я покой. Священникъ услышалъ признаніе моихъ заблужденій: онъ не былъ успрашенъ состояніемъ души моей. Какъ опытному кормчему, ему знакомы были всѣ бури. Прежде всего началъ онъ успокоивать меня на счетъ спрасши, въ которой меня обвиняли. „Сердце ваше чисто“ — говорилъ онъ мнѣ: „вы дѣлали зло только самой себѣ, хотя это и не уменьшаетъ вины вашей. Творецъ попребуешъ ошъ васъ ошчеша и въ вашемъ собственномъ благополучіи. Онъ ввѣрилъ его вамъ — но что вы съ нимъ сдѣлали? Это благополучіе зависѣло ошъ васъ, ибо оно состоишъ въ исполненіи нашихъ обязанностей; вы даже и не знали ихъ. Приблизившись къ Богу — вопшъ назначеніе человека; что же было вашею цѣлью? Но не ошчалвайшесь: молишесь Богу, Урика! Онъ слышитъ васъ; Онъ просшираешъ къ вамъ Свои руки; для Него нвшъ ни черныхъ, ни бѣлыхъ: всѣ сердца равны передъ Его очами и ваше заслуживаетъ содѣлаться достойнымъ Его.“ — Такимъ образомъ сей благочестивый мужъ ободрялъ бѣдную Урику. Эти просшия слова распространили въ душѣ моей какое-то спокойствіе, котораго

не знала я прежде. Безпрестанно размышляла я объ нихъ и всякій разъ извлекала новое ушѣшеніе. Я увидѣла, что въ самомъ дѣлѣ не знала своихъ обязанностей: Богъ предназначалъ ихъ для людей одинокихъ, равно какъ и для тѣхъ, которые привязаны къ свѣту; отрѣшивъ первыхъ отъ узъ крови, Онъ далъ имъ въ семейство цѣлое человечество. Сестра милосердія, говорила я сама себѣ, не одна въ мірѣ, хотя она и отъ всего отказалась; она сама избрала для себя семейство: сдѣлалась матерью всѣхъ сиротъ, дочерью преспарьвалыхъ, сестрою несчастныхъ. И свѣтскіе люди не прибѣгали ль сами къ произвольному одиночеству? Они хотѣли бесѣдовать съ Богомъ; отреклись отъ всѣхъ удовольствій, чтобы въ уединеніи обожать чистый источникъ всякаго блага и всякаго счастья: въ тайныхъ помышленіяхъ своихъ они старались содѣлать душу свою доспойною предстать предъ Господа. Сколь пріятно, о Боже, украсить для Тебя свое сердце, какъ въ день празднества, всеми добродѣтелями, Тебѣ угодными! Увы! Что же я дѣлала до сихъ поръ? Безразсудное игралище невольныхъ движеній души, гонялась я за наслажденіями жизни и пренебрегала благополучіе. Но еще не поздно. Богъ, пересели меня на эту чуждую землю, хотѣлъ, можешь быть, предназна-

читъ меня Себѣ; онъ изпоргнулъ меня изъ рукъ варваровъ, изъ невѣжества; чудесною милостію Своею укрылъ меня ошъ пороковъ рабства и научилъ меня Своему закону. Онъ указалъ мнѣ путь, и я послѣдую по немъ. О Боже! Не буду впредь пользоваться Твоими благодѣяніями для того только, чшобы огорчать Тебя; не буду обвинять Тебя въ моихъ собсшвенныхъ просшункахъ!

Причивъ себя смотрѣть на свое положеніе съ другой точки зрѣнія, я почувствовала спокойствіе въ своемъ сердцѣ и удивлялась тишинѣ, которая наступила послѣ сполькихъ бурь: ручью, опустошавшему окрестности, открытъ былъ истокъ, и теперь воды его текли спокойно въ безмятежное море.

Я рѣшилась вступитъ въ монашеское званіе и объявила о шомъ г-жѣ Б*. Это огорчило ее, но она сказала мнѣ: „я шакъ много сдѣлала тебѣ зла, жедая сдѣлать добро, чшо теперь не смѣю препятствовать твоему намѣренію.“ — Карлъ гораздо болѣе прошивился шому; онъ просилъ, закланалъ меня ошашься въ свѣшъ.

Здѣсь молодая монахиня вдругъ прервала свой рассказъ. Я продолжалъ навѣщать ее. Къ несчащію старанія мои были без-

успѣшны: она умерла въ концѣ Октябрю; съ послѣднимъ осеннимъ листомъ оплелась и ея душа.

С. В — нъ.

С У П Р У Г А .

(*Посвящ. В. М. К.*)

Избери себѣ подругу и повинуйся усла-
новленію Божію: вступи въ бракъ — будь
доспойнымъ членомъ гражданскаго обще-
ства.

Не спиши въ выборѣ: ошъ него зави-
сипъ счастье всей швоей жизни. Если та,
которая шебъ нравишься, большую часть
времени проводишь въ нарядахъ, много за-
нимаешься своею красошою, ищешь похвалъ,
громко говоришь, много смѣешься, не лю-
бишь сидѣшь дома, заглядываешься на дру-
гихъ мужчинъ — и если красота ея подобна
солнцу — отвориши взоръ ошъ ея прелестей
и не вдавайся въ обольстительныя същи
пылагаго воображенія.

Но если ты встрѣпиши дѣвушку съ
чувствительнымъ сердцемъ и крошкнымъ
правомъ, съ образованнымъ умомъ и прищ-

ною наружностью, но не колебайся предложить ей свою руку: она достойна быть соуполицею твоей жизни, твоею повѣренною, твоимъ другомъ, твоєю супругою.

Люби ее какъ даръ, ниспосланный тебѣ Небомъ, и старайся ласковымъ обхожденіемъ заслужить ея къ себѣ привязанность.

Она госпожа твоего дома; обходись съ нею почтительно, чтобы служители твои повиновались ей охотно.

Не поступай безъ причины прошивъ ея желаній, ибо она беретъ участіе въ твоихъ спраданіяхъ. Раздѣляй съ нею твои радости.

Осуждай недоспашки ея снисходительно и не шребуй строго, чтобы она тебѣ повиновалась.

Повѣрай ей тайны твои; совѣты ея изливаются изъ сердца; она не обманетъ тебѣ. Будь ей вѣренъ, ибо она мать дѣшей твоихъ.

Когда болѣзни и спраданія посѣщаютъ ее, облегчай судьбу ея твоею нѣжностію: одинъ взглядъ любви будешь для нея цѣлительнѣе всѣхъ врачеваній.

Снисходи къ слабостямъ ея пола и уважай нѣжность ея сложенія; не обходись съ нею строго и помни собственныя твои недоспашки.

Будь всегда добродѣтеленъ, и супруга твоя послѣдуетъ своему призыву. Руководимая богатою сокровищницею твоихъ познаній и опытности, она будетъ менѣ заблуждаться и навсегда останется любящею супругою и нѣжною матерью. Твое счастье составишь и ея счастье, и благословеніе Небесъ осѣнишь васъ.

С — Я.

ЗАПИСКА ПОКОЙНИКА.

Священникъ села К*, недалеко отъ Абердена, взошелъ на кафедру въ первое воскресенье Марша 1822 года, развернулъ Библию, чтобы прочесть вложенныя въ оную молитвы, и нашелъ свернутую записку, которую почелъ однимъ изъ обыкновенныхъ объявленій, какія Сакристианъ (дьячекъ) вкладывалъ къ нему всегда для прочтенія съ кафедры. Онъ уже хотѣлъ начать читать ее вслухъ — какъ вдругъ остановился, поблѣднѣлъ, и — опложивъ на сторону, принялся за молитву. Но голосъ его такъ шепеталъ, что слушатели не могли того не замѣтить, и по окончаніи Богослуженія приступили къ нему со всѣхъ сторонъ съ вопросами,

что съ нимъ случилось. Большаго труда стоило ему опдѣлаться опъ нихъ ничего мезначущими опговорками; послѣ чего поспѣшилъ онъ домой и заперся. — Записка, споль сильно на него подѣйствовавшая, была слѣдующаго содержанія: „Вчера, въ суббощу, въ десять часовъ вечера, когда возвращался я въ Аберденъ, неподалеку опъ вашого села напали на меня вашъ Сакрисханъ и деревенскій учитель: они умертвили меня, ограбили и шѣло мое бросили въ рѣку. Молитесь о спасеніи души Іереміи Брюса.“ — Эшошь Брюсъ былъ мѣлочной торгашъ изъ Абердена, кошораго Священникъ очень хорошо зналъ и кошорый всегда, приходя въ село, останавливался у Сакрисхана, содержавшаго корчму.

Священникъ рѣшилъ хорошенько обдумать эшо дѣло. Опобѣдавъ, опсправляешся онъ, съ Библіею подъ рукой, къ деревенскому Судѣ и объявляеш ему о случившемся. Судья разкрываетъ Библію, находишь записку, развершываетъ и видишь шолько одну бѣлую бумажку: эшо заснавляеш его посмѣяшся надъ добрымъ Священникомъ и сказашь, что ему вѣрно все эшо пригрѣзилось. Священникъ не знаеш самъ, что подумашъ, не вѣришь глазамъ своимъ: передъ шѣмъ онъ самъ дено чишалъ, что было на-

писано на бумажкѣ, а шеперь все слова исчезли. По краткомъ размышленіи хотя онъ и согласился, что Судья въ правѣ считающъ его мечшашелемъ; но, не взирая на то, настаивалъ, чтобы произвести законный розыскъ. — Наконецъ оба положили: содержать дѣло въ тайнѣ, а между тѣмъ съ надлежащею осторожностью развѣдать въ Аберденѣ. Оказалось, что Брюсъ наканунѣ ввечеру домой не возвращался. Это побудило Судью сдѣлать въ домахъ Сакриспана и Учишеля обыскъ, по которому однако же ничего не открылось. Но такъ, какъ оба примѣтно смѣшались и испугались, да и при допросахъ сдѣланныхъ каждому изъ нихъ порознь, замѣчены были противорѣчія, то и сочли за нужное, не смотря на ихъ упорное заpiresельство, взять обоихъ подъ стражу. Нѣсколько дней прошло въ тщесныхъ розыскахъ, такъ, что начали уже терять надежду побудить ихъ къ признанію и открытію истины, какъ рыбаки, вытащивъ изъ рѣки неводъ, нашли въ немъ тѣло Брюса. На головѣ его видны были знаки ударовъ и проломы; но самое неоспоримое доказательство насильственной его смерти заключалось въ крѣпко сжатой лѣвой его рукѣ — это была пуговица, такого же цвѣта и образца, какъ и на Учишельскомъ кафтанѣ, на которомъ

именно не доспавало одной: по ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что она должна бытъ ошорвана насильно. Учитель, безъ того уже пораженный содержаніемъ таинственной записки, и шеперь совершенно удиченный неожиданно-ошкрытымъ нѣмымъ свидѣтелемъ, не могъ болѣе запыраться. Его признаніе побудило къ тому же и его сообщника. Оба осуждены были на смерть и казнены въ Аберденѣ, искренно раскаявшись въ своемъ пресупленіи.

Уже послѣ ихъ казни ошкрыта была пайна записки. Работникъ Священника, умный, но чрезвычайно боязливый малой, объяснлъ своему господину дошоль непонятное обспояшельство. — Въ пошъ же самый вечеръ, когда совершилось убійство, ошправился онъ шихонько изъ церковнаго дома къ жилищу своей невѣсты, стоящему ошдѣльно, неподалеку ошъ рѣки и большой дороги. Вдругъ услышалъ онъ голоса, ссору и крикъ. Прокрадываясь позади кустарниковъ, вдоль дороги, онъ все слышалъ и видѣлъ; но не имѣлъ довольно бодрости появиться и поичь несчастному. Сейчасъ воропился онъ назадъ и прибѣжалъ домой внѣ себя ошъ сильнаго движенія и вънеръшимости, чшд начашь. Съ одной спороны совѣсть побуждала его ошкрыть пресупленіе; съ другой не

доставало ему твердости предстать самому обвинителемъ. Наконецъ рѣшился онъ написать записку и вложить ее въ Библию своего господина. Но едва только сей послѣдній ушелъ въ церковь, какъ работникъ раскаялся уже и въ этомъ поступкѣ. Руку его могли узнать, потребовавъ отъ него удостовѣренія; а въ состояніи ли онъ подтвердитъ истину словъ своихъ, будучи единственнымъ свидѣтелемъ прошивъ двоихъ: Училеля и Сакристана? И чѣмъ докажетъ онъ убійство, когда дѣло дойдетъ до розыска? Такія и подобныя размышленія напугали его: онъ воспользовался обѣденнымъ временемъ своего господина, вынулъ снова записку изъ Библии и вложилъ вмѣсто ее бѣлую бумажку. Бывши самъ въ церковь, онъ былъ твердо увѣренъ, что записки его не читалъ никто, кромѣ Священника, а потому и не надѣялся быть открытымъ.

А Н Е К Д О Т Ъ.

Лордъ С* хвастаясь однажды предъ Футомъ (Foote) своею опкровенностію, сказалъ:

„У меня сердце всегда на языкѣ.“

— Я давно догадывался—отвѣчалъ Футь,
— что оно у васъ не на настоящемъ мѣстѣ.

НАМУРСКИЙ БЛОНДИНЪ.

(*Повѣсть сог. Цшокке.*)

Не знаю, что есть справедливаго въ предлагаемой здѣсь повѣсти, но за достоверную выдалъ ее шось, кто первый разсказалъ и напечаталъ въ Брюсселѣ, 1796 года, подъ названіемъ: *Histoire de Mr. le Blond etc.* Есть въ ней нѣчто сходное съ извѣстною исторіею Ландавскаго палача, только приключенія нашего Блондина не шоль ужасны. Онъ разсказывалъ ихъ, какъ увѣряешь Издашель помянушой книги, много разъ въ Намурѣ, въ кругу друзей своихъ, хошя это и не слишкомъ могло нравиться его любезной Жакелинѣ. Впрочемъ подобныя приключенія во Франціи, во время Лудовика XIV, конечно случались время онъ времени.

М а т ь и с ы н ь.

Во Фландріи, въ прекрасномъ городѣ Намурѣ, жила одна старая добрая вдова, и жила весьма уединенно и тихо. Кто не видалъ ее у обѣдни, кошорой не пропускала она ни одного дня, или въ прилавкѣ ея, гдѣ шорговала она шелковыми матеріями и шонками

кружевами, пошь конечно совѣмъ не зналъ, существуетъ ли она въ свѣтъ. Можешь быть, дама Ле Блондъ и умерла бы въ такой неизвѣстности какъ жила, когда бы не имѣла сына, которъй, едва достигнувъ двадцати пяти лѣтъ, привлекъ на себя вниманіе жипелей города — если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ половины и припомъ прелестнѣйшей половины. Это всеобщее вниманіе ему собственно не спомло однако никакой заботы. Онъ былъ добрый юноша, воспитанный дамою Ле Блондъ самымъ кропкимъ образомъ; никогда не знавалъ другаго общества, кромѣ своей мапери и ближайшихъ родшвенниковъ, сѣдшвенно зналъ не самое худшее; никогда не имѣлъ много денегъ въ карманъ, попомоу что покойный мужъ дамы Ле Блондъ ничего не оставилъ ей въ наслѣдство, а торгъ шелкомъ и кружевами приносилъ очень скудные барыши; былъ весьма ограниченъ въ своихъ желаніяхъ, шрудолобивъ, честенъ, смышленъ и расшоропенъ. Однако такими добродѣтелями не прославиться бы ему въ Намуръ, если бы онъ не былъ прекраснѣйшій юноша изъ всего окологка, милъ на двадцать или на шридцать вокругъ. Опъ чего же былъ онъ такъ прекрасенъ и въ чемъ состояла его красота — кто можешь что разсказать?

Довольно что всякой, глядя на его благородное, цвѣшущее лице, всегда привѣшливое; на его прелестно-голубые глаза, всѣхъ ласковымъ взоромъ къ себѣ манящіе, говорилъ невольно: что за молодець! И весь Намуръ, приглядясь къ золотымъ кудрямъ, унизаннымъ по его открытому челу, прозвалъ его, вмѣсто Ле Блонда, просто Блондиномъ. Тогда было въ модѣ, чтобы всякой молодой господчикъ, желающій значить что нибудь въ свѣтѣ, носилъ при бедрѣ шпагу, а на головѣ парикъ; но дама Ле Блондъ, вѣроятно изъ бережливости, не хотѣла ономъ и слышать: сынъ ея носилъ, вмѣсто шпаги, аршинъ, а вмѣсто парика, бѣлокурые свои кудри, и всякому, или лучше, всякой казалось это очень мило, очень — какъ говорятъ Французы — *просто душно* (paif).

Честный Блондинъ не много впрочемъ заботился о томъ, мило ли ходилъ съ аршиномъ и безъ парика, или нѣтъ. Онъ считалъ себя человекомъ не лучше, не хуже другихъ и совсѣмъ не зналъ, что Намурскія дѣвушки невольно влеклись къ нему глазами и сердцами. Ему не ново было, что та или другая съ выразительною ласкою на него глядѣла и заглядывалась: къ этому привыкъ онъ съ дѣтства; объ этомъ онъ даже не думалъ, не находя нужды ничего спрашивать.

*

Когда же случалось, что она или другая завлекала его въ длинные разговоры, онъ думалъ только: это привычка женщины; онъ рады поговорить и кспаша и некспаша. Случалось и то, что иная пожимала ему руку; онъ пожималъ ей также, безъ всякаго умысла и безъ дальнихъ о томъ размышлений.

Намурскія дѣвушки, даже изъ лучшихъ домовъ, спали приходивъ чаще въ лавку дамы Ле Блондъ за шелковыми плащочками, за кружевами. Дама Ле Блондъ говорила: „Видишь ли, сынокъ, Богъ благословяетъ шруды наши, честность и смиреніе.“ Сынокъ благодарилъ Бога за Его благоспѣ.

Надобно сказать однако, что дама Ле Блондъ, при всемъ своемъ шрудолюбіи, смиреніи и честности, конечно не меньшихъ, какъ и въ ея сынѣ, была не такъ счастлива на покупщицѣ. Когда ей одной случалось быть въ лавкѣ, то совсѣмъ не было удачи въ шоргѣ. Прицѣняшся къ вещи, да и пойдешь прочь, говоря, что дорого, спрашь какъ дорого. Сынъ ея отдавалъ за ту же цѣну безъ ушупки, но отдавалъ, пошому что брали, не шоргуясь. „Богъ же съ шобой, сынокъ, сказала наконецъ мать, я стара, слаба и бранчива — не гошусь шеперь ни къ чему. Съ шобой всѣ шговорчивѣе. Я умѣ до-

волью на своемъ вѣку похозяйничала, пошорговала, приберегла и скопила. Теперь швой чередъ работашь. Возьми себѣ жену. Я хочу, чшобъ шы меня покоилъ въ моей старости.“

Сынокъ нашель это весьма справедливымъ. Изъ общаго хода вещей въ свѣтѣ былъ ему довольно извѣстенъ старый и пресстарый обычай, чшо возмужалше берутъ жену, а зачѣмъ? объ этомъ онъ не много заботился.

Печаль Блондина.

Вопросъ: откуда взять жену? — „Ужь я шебѣ найду, мой милый!“ сказала дама Ле Блондъ: „будь покоенъ.“

— А чшо, машушка, если бь мнѣ взять Марію, мою двоюродную сесприцу? Вѣдь вы знаете, дядюшка давно говорилъ, чшо я да Марія будемъ хорошая пара. Она двушка-хозяйка. Ещѣ, помню я, ребяпами въ играхъ нашихъ предспавляли мы мужа и жену. Дядюшка, дни съ два назадъ, мнѣ опяшь о шомъ говорилъ.

„И мнѣ шожѣ“ — сказала дама Ле Блондъ — „но, другъ мой сердечный, изъ этого никогда ничего не выдешь. Помѣхой сошля

причинъ, если не больше. Вошь я себя выскажу хоть первую полдюжину. Разъ, шо, что когда еще мы кое-какъ перебивались въ своемъ шоргъ, дядя не хошълъ на насъ и смолръшь. Теперь мы, слава Богу, имвемъ копъйку и на черный день — шакъ вошь и нашъ гордый господчикъ дядюшка спановишя учливъ. Не вѣрю я спарой лись. Вшорая причина: Марія очень добрая, очень хорошая дѣвушка и хозяйка, но у ней ничего нвшь. Купецъ не долженъ спрашивать, что шакое жена его, но что шакое у ней. А у нея пусто въ карманъ, у себя шоже: нуль да нуль, все нуль. Третья причина: вы близко другъ другу родня, и я въ жизнь свою не соглашусь на вашу свадьбу. Четвертая причина —“

„Будешь, будешь, машушка!“ закричалъ вразумленный сынокъ. „Вѣдь я шакъ шолько сказала. Выбирайте мнѣ другую.“

Дама Ле Блондъ черезъ нѣсколько дней выбрала другую — дочь богатаго слесаря Полеша. Богаша была эта дѣвушка — правда, но и отвращительна: горбъ на спинѣ и вышекшій ошь оспы глазъ составляли еще малѣйшее въ ней безобразіе. Потому-шо и не находила она до сихъ поръ себя мужа, не смолря на шо, что любезныя денешки манили къ ней всякаго. Слесарь Полешъ не за-

иъшкалъ ударить по рукавъ съ дамою Ле Блондъ, а дѣвица Полешъ, которая никогда не воображала себѣ, чшобъ въ какой либо изъ чешырехъ часпей свѣша нашелся поклонникъ ея желшаго, невзрачнаго личика, вся запылала отъ восхищенія, когда услышала о видѣомъ Блондинѣ.

Доброму Блондину не много было радости: у него пошемяло въ глазахъ, когда сказали ему о новой его побѣдѣ. Когда же оправился онъ отъ внезапнаго испуга, шо поднялъ вверхъ всѣ десяти пальцовъ и сказалъ: „Послушай, машушка, я перечшу тебѣ по пальцамъ двѣ сошни причинъ, если не больше, по кошорымъ я не могу жениться на Полешовой дочери. Во-первыхъ, когда шолько о шомъ подумаю, начинаеть меня шрясти лихорадка; во-вторыхъ: бросаеть въ жаръ; въ шрешьихъ: кружится голова; въ чешвершыхъ — шрешишь въ ухахъ; въ пяпыхъ — —“

—Постой, постой!—закричала дама Ле Блондъ, которая не хотѣла выслушать ошпальныхъ спа девяносто шести причинъ: —шты дѣлаешь аптекарскій счетъ, а не купеческій. Перечши-ка лучше, сколько мы дошпанемъ барыша, когда пущимъ въ оборощъ Полешовы денежки.

Машъ и сынъ никакъ не могли сойтись въ своихъ счешахъ. Эшо досаждало обoимъ.

Дама Ле Блондъ упрямилась, разсуждая, что старая сѣдая голова ея что нибудь да смыслишь; упрямство Блондина заключалось въ молодомъ пылкомъ его сердцѣ, кошорое, какъ онъ говорилъ, въ эшомъ дѣлѣ поже что нибудь да значишь. Какъ часто бывають шакие споры, извѣстно всякому. Дама Ле Блондъ спановилась опчасу сердитѣе, а Блондинъ печальнѣе. Не смотря на суровое время года, любилъ онъ больше, чѣмъ прежде, бродить и шашаться по окрестностямъ, чтобы шолько не слыхашъ разсчетовъ своей матери. Если бъ не удерживала его сыновняя любовь и благодарность, онъ давно бы можешъ бышь пушился куда глаза глядешъ, чтобы избавишься опъ дорогой невѣсны своей и опъ всего, что ее напоминаетъ. Однажды чущъ было не рѣшилса онъ на эшо.

Я в л е н и с.

Въ одно упру, когда, по своему обыкненію, стоялъ онъ смиренно въ церкви, попалась ему на глаза невдалекѣ опъ него молящаяся женщина, въ дорогой, но не пышной одеждѣ, съ опущеннымъ на лице, шипымъ золошомъ покрываломъ. Судя по на-

ряду, надобно было счестъ ее пушешественицей, но слишкомъ богомольной нельзя было счестъ ни почему. Блондинъ, казалось, привлекъ на себя все ея вниманіе: она смотрѣла на него приспально, пошомъ перешепывалась съ другой, стоящей подлѣ нея женщиной, пошомъ опять на него смотрѣла.

Эшо не скрылось ошъ Блондина, однако и не было для него заманчиво. Онъ шолько подумалъ: „эпа, я чаю, не шакъ ошвращительна, какъ сокровище, мнѣ нарѣченное.“ Впрочемъ шже думалъ онъ, шопря на каждую женщину, и шолько увеличивалъ шѣмъ шоску свою. Выходя изъ церкви, замѣнилъ онъ, что выходяшъ и пушешественицы. Нѣскольکو богато одѣвшихъ мужчинъ почшищельно проводили ихъ до карелы и посадили въ нее, а сами сѣли въ другую. Блондинъ заключилъ, что эшо какіе нибудъ знашныя господа.

Эшо минушное явленіе пошому шолько было ему примѣчательно, что на другой день возобновилось. Чшобы разсѣяшъ грушъ свою, пошелъ онъ въ нижній городъ черезъ Самбру по каменному мосту: шущъ вздумалось ему взойти на близъ лежащую высокую гору. По горѣ ведушъ вверхъ шупени разными изгибами. У нижнихъ шупеней увидѣлъ онъ знакомыя двѣ карелы, а вскорѣ

вспрѣшилъ и двухъ господъ, копорыхъ замѣ-
шилъ въ церкви. Когда же поворотилъ по
первому изгибу дороги, то въ небольшомъ
разстояніи увидѣлъ незнакомку въ покрыва-
лѣ съ золотымъ шитьемъ, вѣсѣвъ съ ея
спутницею; обѣ шли тихо, разговаривали и
озирались вокругъ, наслаждаясь прелест-
нымъ видомъ Намура между двумя горами,
копорыхъ подошвы омывались Масомъ, Сам-
брою и маленькою рѣчкою Ведеринь.

Но женщинамъ, идучи по лѣшницѣ, не
надобно заговариваться и заглядываться: не
мудрено спохнувшись, особливо когда свѣ-
жій снѣгъ сдѣлалъ дорогу скользкою. Дама
въ покрывалѣ показала тому живой примѣръ.
Она унада съ громкимъ, пронзительнымъ
крикомъ. Блондинъ со всѣхъ ногъ бросился къ
ней на помощь, поднялъ ее вѣжливо и полу-
чилъ за то привѣшливую благодарносьть сло-
вами и рукою, копорую она подала ему, чпо-
бы спуспиться безопасно съ горы. Упав-
ши, она ушибла себѣ немного руку и по-
тому часто осшанавливалась, ччтобъ оп-
дохнуть. Въ это время дѣлала она множе-
ство ласковыхъ вопросовъ Блондину, и когда
услышала между прочимъ, ччто онъ шоргуешь
кружевами, то, рассказавъ ему, гдѣ она жи-
вешь, назначила время, когда придти къ ней,
съ увѣреніемъ, ччто непременно хочешь бышь

его покупщицею. Спросить велѣла она Графиню Сень-Сильванъ. Блондинъ конечно воспользовался бы долѣе такимъ пріятнымъ разговоромъ, если бы мужчины, бывшіе внизу, не взошли опять, на верхъ, чѣшобъ узнать, по какой причинѣ замѣшкались дамы ихъ. Они слушали рассказъ маленькаго несчастія съ такимъ страхомъ и огорченіемъ, чѣшобъ были сами упасъ въ обморокъ; попомъ свели съ величайшею оспорожноспію своихъ дамъ къ карешамъ, а Блондина оставили шупъ, не сказавъ ему ни слова.

Блондинъ осправился своимъ пушемъ, разсказалъ все мащери, а въ назначенное время пошелъ въ лучшую въ городѣ гостиницу и спросилъ Графиню Сень-Сильванъ. Его ввели къ ней въ комнату. И опять была она въ дорожномъ плащѣ и въ покрывалѣ съ золотымъ шипьемъ. Онъ раскрылъ передъ нею двѣ коробки драгоцѣннѣйшаго кружева и не долго дожидался, пока она выберетъ. Нѣсколько лучшихъ кусковъ было потчасъ опложено, и онъ получалъ все, чѣшобъ пощребовалъ, а сверхъ того и за трудъ, чѣшобъ самъ принесъ шоваръ свой. Тушъ Графиня завлекла его опять въ такую же лестный для него разговоръ, какъ и пошпру на горѣ. Когда онъ между прочимъ сказалъ, чѣшобъ въ жизнь свою не вызжалъ никуда изъ Намура, она

сдѣлала ему предложеніе опредѣлиться къ ней въ службу. „Ты увидишь всю Францію“ — сказала она: „я дамъ тебѣ жалованья гораздо больше, нежели сколько приносишь тебѣ пвой торгъ, и сдѣлаю тебя своимъ нам мужа моего секретаремъ.“

Она сказала это такимъ нѣжнымъ и благосклоннымъ голоскомъ, что Блондинъ чувствъ было не пришелъ въ искушеніе, особливо когда вспомнилъ о голосѣ дѣвицы Полеши, которая обыкновенно не много гнусила. Но спарушку машь осшавишь безъ призора — на это никакъ не могъ онъ рѣшиться. Десять разъ клялся онъ прежде, что скорѣе пойдетъ съ костьюлемъ бродить по свѣту, нежели женился на дочери богатаго Полеши, но — при всемъ томъ — отказала Графиня, увѣряя, что не можешь разстаться съ матерью.

Однако, пришедши домой, онъ положилъ и это на счетъ дамъ Ле Блондъ; но спарушка не хотѣла и слышать о такомъ счетѣ, гдѣ въ первой смашъ нѣшь сыновней покорности; почему и сказала въ сердцахъ: „Ступай себѣ, куда хочешь, непослушный! Но Полеши все-таки будешь твоей женой. Иначе съ дубою нечего дѣлать, ты пропадешь; да я ужъ и дала слово ея опцу; шакъ безчесно было бы опступиться.“

Разогорченный Блондинъ въ самомъ дѣлѣ побѣжалъ на другой день къ Графинѣ; но ворошился спокойно опять въ лавку, потому что Графиня уже не было въ городѣ.

В о й н а.

Явленіе было скоро забыто; но дама Ле Блондъ не забывала дѣвицы Полепъ. Однако привычка все дѣлаешь сноснымъ. Блондинъ каждый день слышалъ о томъ и каждый день говорилъ *нѣтъ*. Такъ прошелъ годъ, а шамъ наступила другая бѣда.

Вотъ какая: Французскій Король Людовикъ XIV съ войскомъ своимъ придвинулся къ Намуру въ 1692 году и тысячею пудовъ пороха разрушилъ всѣ планы дамы Ле Блондъ на счетъ упрямаго ея сына и нарѣченной ему невѣсты. Послѣ семидневной осады, городъ былъ занятъ непріятелемъ, а спустиши три недѣли и замокъ: опъ испуга дама Ле Блондъ захворала, слегла и скончалась.

Хотя Блондинъ не мало былъ обязанъ Французскому Королю за то, что онъ военною силою помѣшалъ свадебнымъ зашѣямъ его машери; но шѣмъ не менѣе горевалъ

объ ея смерти. Впрочемъ добрая маменька оставила ему наследства больше, нежели онъ ожидалъ. Безъ его вѣдома скопила и сберегла она нѣсколько полновѣсныхъ свершковъ золота, которыхъ было весьма доспашочно, чшобъ привести въ исполненіе давно замышляемый имъ планъ къ распроспраненію своей торговли. Онъ и дѣйствительно исполнилъ это.

Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ маленькой домъ въ маденькомъ переулкѣ, гдѣ сгруженъ былъ весь торговый и домашній скарбъ его, онъ бросилъ, а наплъ себѣ лавку, попроспорнѣе и покрасивѣе, въ одной изъ самыхъ большихъ и самыхъ многолюдныхъ улицъ. Вскорѣ явились покупщики, а особенно, какъ и прежде, жаловали его покупщицы. Не мало радоваль его и принадлежавшій къ квартирѣ садикъ сзади большаго дома, попому чшо разводилъ цвѣшы было однимъ изъ первыхъ его удовольствій. Съ боковъ и сзади граничили къ садику другіе соседніе сады, шакъ, чшо въ немъ, на маденькомъ проспранствѣ, пріятно было видѣшь себя окруженнымъ со всѣхъ споронъ зеленью. Только небольшимъ плещемъ, во многихъ мѣстахъ высохшимъ, раздѣлялся одинъ садъ ошъ другаго; всѣ можно было счишашъ принадлежноштію общео. Блондинъ въ своей час-

ни имѣлъ даже бесѣдочку изъ дикихъ ясени-
новъ, и здѣсь-то рѣшился онъ проводить
пріятнѣйшее для себя время, выучивая на-
зустъ Италіанскую Грамматику, что бы со-
временемъ, какъ всѣ купцы шелковыхъ и
кружевныхъ товаровъ во Фландріи, ѣхалъ
самому въ Италію. Владѣлецъ превосходнаго
дома, въ кошоромъ жилъ онъ въ нижнемъ в-
пажѣ, былъ Президентъ Городскаго Правле-
нія и мало заботился о своемъ жильцѣ.

Все шло какъ нельзя лучше. Покупщицы
заохочивашь къ новой лавкѣ было незачѣмъ;
онѣ сами охотно приходили, разсматривали
и покупали, а назавтра возвращались опять,
какъ будто что нибудь забывши. Блондинъ,
казалось, съ каждымъ днемъ спановиался пре-
краснѣе; Намурскія дѣвушки и дамы утвер-
ждали, что его лавка лучшая въ городѣ и
все въ ней дешевле.

Напрощивъ шого ученье Италіанской
Грамматики шло не такъ-то хорошо. Учи-
телей этого языка въ Намуръ не было; до
всего доходить самому очень шрудно; а къ
тому жь случилось еще помѣшательство
особаго рода.

П о м ѣ ш а т е л ь с т в о .

Въ одно лѣшнее, знойное утро шелъ онъ,
по своему обыкновенію, съ Италіанской

Грамматикой подь мышкой, въ свой садикъ, чпобы прошвердишь хорошенько урокъ — и шолько лишъ сунулся въ бесѣдку, какъ увидѣлъ шамъ женщину, кошорая, съ книгою въ рукъ, чшо-шо очень прилежно швердила. Это была дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, спройна и миловидна, какъ лилія; короче—дѣвушка, какой господинъ Ле Блондъ не видывалъ опроду. И не легко увидѣшь въ свѣтѣ споль нѣжной бѣлизны лица и шеи; споль шонкаго живаго румянца щекъ; шакія уста, подобныя розѣ, едва развернувшейся; глаза какъ смоль; брови, какъ бы Кишайскою шущью въ искусствѣ полукружїи опшѣвенныя; кольца шемныхъ на головѣ локоновъ, дающія нѣкоторое понятїе о шемъ Египетской.

Блондинъ шмоль, какъ вкопанный. Не меньше смущена была и прекрасная, когда онъ предсталъ ей вдругъ какъ бы существо изъ другаго міра. Казалось, она шже опроду не видала ни одного Блондина. Въ замѣшательствѣ она поклонилась ему, а онъ передъ нею присѣлъ, и оба наперерывъ спали дѣлашь извиненїя, совсѣмъ ничѣмъ не огорчивъ другъ друга. Наконецъ завязался и разговоръ; дѣвушка говорила съ большою живосшію, но—при всемъ шомъ—не очень понятно, пошому чшо во-первыхъ вся душа Блондина перешла къ ней въ глаза, а не въ

уши; во вѣпорыхъ Французскія фразы ея мѣшались безиреспублианно съ Италіянскими. Объяснилось однако, что они сосѣди. Садикъ, примыкающій сзади къ Ле Блондову, принадлежалъ большому дому, который выходилъ на улицу Св. Фіакра, параллельную съ тою, на которой Ле Блондъ основалъ свое жилище. Онъ пришелъ учить Италіянскую, а она учила Французскую Грамматику, потому что не было и трехъ мѣсяцевъ, какъ привѣчала изъ Италіи и непременно хотѣла какъ можно скорѣе и какъ можно лучше познакомиться съ употребительнымъ здѣсь языкомъ Французскимъ.

Между тѣмъ, какъ они дѣлали взаимное объясненіе — довольно медленное, потому что для перевода съ одного языка на другой надлежало прибѣгать къ разнымъ средствамъ — вдругъ послышался женской голосъ, зовущій Жакелину. Тушъ Жакелина раскланялась, взяла со стола Грамматику и исчезла.

Блондинъ стоялъ долго еще, какъ приторосій къ мѣсту, и самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Ясминная бесѣдка какъ будто преобразилась; каждый листочикъ казался прозрачнымъ, какъ изумрудъ. Въ немъ самомъ родилась какая-то смѣсь восхищенія и унынія, какъ будто его заколдовали. Онъ сѣлъ на то мѣсто скамейки, гдѣ она сидѣла,

и по шѣлу его пробѣжала пріятная дрожь. Онъ мечталъ; говорилъ, какъ безумный; дѣлалъ комплименты давно исчезшей красавицѣ, какъ будто она еще тушь была. Теперь въ первый разъ отъ души проклиналъ онъ свое невѣдніе сладкозвучнаго языка Тосканы и далъ себѣ швердое слово, день и ночь не выпускавъ изъ рукъ Грамматики, лишь бы прекрасной сосѣдкѣ умѣшь сказашь — что сказашь, не зналъ самъ.

Вспомня о Грамматицѣ, увидѣвъ онъ, что на столѣ оспалась не его книжка, а Жакелинина. Въ такомъ смятеніи разсѣвѣлась съ нимъ сосѣдка, что захватила съ собою Италіанскую Грамматику вмѣсто своей Французской. Едва достало въ немъ смѣлоси ко нушься сей книги, ошасчливленной прикосновеніемъ нѣжныхъ ея пальчиковъ; даже ропсалъ на судьбу, что она сдѣлала его господиномъ Ле Блондомъ, а не Италіанской Грамматицой, столь завидной по своей учаши: ее взяла и унесла своими руками Жакелина; она шеперь въ ея комнатѣ, передъ ея глазами.

Цѣлый день пища не шла ему на умъ, и когда не было покупщиковъ, онъ вѣрно ужъ сидѣлъ въ маленькой своей горенкѣ сзади лавки и глядѣлъ въ окно на яминную бесѣдку и на возвышающійся за нею большой

домъ. Не прежде, какъ вечеромъ вспало ему на мысль, что приличіе пребуешь опнести Грамматику къ прелестной сосѣдкѣ и отдашь ей собственноручно. Онъ собрался шопчасъ и въ нѣсколько скачковъ перепрыгнулъ черезъ переулокъ на улицу Св. Фіакра. Большой домъ недолго было опыскашь. Внизу надъ лавкою прочель онъ крупными липерами въ черномъ полѣ написанную вывѣску. На ней спояло: *Сестры Буонвинчини изъ Милана торгуютъ модами.*

До сихъ поръ все шло хорошо. Но вдругъ овладѣла имъ какая-то необыкновенная шоска или робость. Онъ пошелъ вдоль по улицѣ и уже въ большемъ распояніи онъ дома спало ему немного полегче. „Для чего жь бы нейши мнѣ шуда?“ разсуждалъ онъ самъ съ собою. „Вѣдь я не воровашъ же иду.“ Онъ повернулъ назадъ. Но съ каждымъ шагомъ, приближающимъ его къ дому, шоска опять возобновлялась. „Что скажешь она, когда увидишь себя съ Грамматикой? Не подумаетъ ли: какой онъ дерзкой! Развѣ нельзя подождать, пока она сама пошребуетъ свою книжку? И кошорая же собственно Жакелина изъ сесперъ Буонвинчини? Какъ знашь, дома ли она? Если нѣшь, прощай Грамматика, единственнѣй залогъ надежды швоей вновь съ ней увидѣшься.“

Въ такомъ размышленіи прошелъ онъ медленными шагами опять мимо дома. Чѣмъ болѣе онъ него удалялся, тѣмъ сильнѣе влекло къ нему. Онъ повернулъ назадъ и пошелъ—опять мимо. Такъ провелъ онъ съ часъ времени, пока совсѣмъ не стемнѣло. Туть въ усталости и досадѣ возвратился въ свою маленькую горенку.

З а б л у ж д е н і е.

Однако добрый Блондинъ скоро утѣшился. Жакелинину Грамманнику, какъ залогъ будущаго свиданія съ нею, спряхалъ онъ за замокъ, и ключъ носилъ у груди, какъ будто послѣдній вздохъ ея онъ него зависѣлъ. Ужинъ былъ ему не по вкусу; но живутъ же люди и воздухомъ, а при томъ и спряхалъ прекрасныя замки на воздухъ.

Такъ, напримѣръ, понравилась ему чрезвычайно мысль, что Жакелина модная торговка. Это состояніе соотвѣтствовало, какъ нельзя лучше, его шелковой и кружевной торговлѣ. Онъ дѣлалъ множество разныхъ плановъ, между прочимъ и томъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ лучшей жены для господина Ле Блонда, какъ прелестная Жаке-

лина. Дѣло стало только за шѣмъ: какъ по-
правиться этому милому созданію?

Всѣ расчеты Блондина сдѣланы были
очень благоразумно — только въ одномъ онъ
жестко обчелся. Жакелина почто жила
въ большомъ домѣ, но совсѣмъ не принадле-
жала къ торговкамъ Буонвичини. Она была
единственная дочь Французскаго Генерала Де
Фано, кошорый, будучи сильно раненъ при
осадѣ Намура, остался въ городѣ до выздо-
рвленія. Доброму кружевному продавцу и
не грѣзилось, что онъ замышляеть о побѣдѣ
надъ дочерью одного изъ храбрыхъ Генераловъ
Людвика XIV. Онъ, какъ дурной поляшникъ,
съ роду не слыхалъ о существованіи Гене-
рала Де Фано.

Открывши чиншанелю одинъ секретъ, я
не скрою и другаго: Жакелина тоже приза-
думалась, оставя яминную бесѣдку. Пре-
десный Блондинъ не выходилъ у ней изъ
памяти или — все равно — изъ сердца: го-
воря о дѣвушкахъ, шупь не много найдешь
разницы. Главное дѣло въ томъ, что носить
въ сердцѣ образъ предеснаго Блондина все-
ма не выгодно, даже опасно для дѣвушки.

Хотя женщины, какъ извѣстно, вовсе
не любопытны, однако жъ ей захошѣлось у-
знать, кто бы шаконъ былъ эишотъ Блон-
динъ. Но какъ узнать? довольно трудно, ко-

гда она не могла даже вымолвить слова *Блондинъ* передъ лицомъ своей матери или своихъ горничныхъ — боялась, что изъ этого выведутъ заключеніе, угадающъ. Ипакъ рѣшилась она вывѣдывать спороною, и когда усдышала, что въ большомъ домѣ, къ кошорому принадлежишь яминная бесѣдка, живешъ Президентъ высокоименишаго Городскаго Правленія, то не почла уже за нужное знашь что-нибудь болѣе: Блондинъ конечно былъ не кто другой, какъ сынъ господина Президента.

Вскорѣ замѣшила она и подмѣкъ Грамматики. Закладка въ книгѣ показывала, что учащійся остановился на спряженіи глагола *іо ато*, кошорый она уже очень правильно умѣла переводишь на Французскій словомъ *jaime* во всѣхъ временахъ и наклоненіяхъ. Однако на эшомъ разѣ она пушалась, претверживая выученное, и часпенько забывала, что твердила, подходя къ окну, изъ кошораго очень в иднабыла яминная бесѣдка.

Каждое утро съ восходомъ солнца смотрѣли и шопъ и другая въ окно на бесѣдку; одинъ ждалъ ошъ другаго Грамматики на обмѣнъ чужой; но какъ оба ждали, а никшо не являлся, то прошли бесполезно шри дня. Жакелина мучилась неперпнѣемъ, а Блондинъ почти умиралъ ошъ него.

У р о к и.

Наконецъ на прешье упро — еще и солнце не восходило — рѣшился господинъ Ле Блондъ снова посѣтить яминную свою бесѣдку. Заглянувъ между шѣмъ въ окно, онъ увидѣлъ уже прелестное личико Жакелины въ саду модныхъ торговокъ; она ходила между кушарниками въ бѣломъ ушренемъ плашьецѣ. Почти однимъ скачкомъ очутился нашъ Блондинъ у себя въ саду, съ Граммашкою подъ мышкой, и похаживая въ цвѣтникъ, искалъ какъ будто какого-нибудь хорошенькаго цвѣпка, но все посматривалъ искоса въ ту сторону, гдѣ живой, прелестнѣйшій цвѣпочикъ блуждалъ между грядками. Жакелина приблизилась къ бесѣдкѣ; онъ шоже. Первое движеніе при встрѣчѣ было то, чшобъ показать другъ другу своихъ ученыхъ наѣвницъ — Граммашки, и каждому выручить свою.

Когда же наконецъ надобно было движенія дополнишь словами, то рѣчь сама собой склонилась къ языку и къ его изученію. Жакелина жаловалась на шрудность Французскаго; Блондинъ говорилъ шоже объ Ишаліанскомъ. При такіхъ жалобахъ почувствовали невольню другъ ко другу сладостную добродѣшель — состраданіе, и естественню

родились обоюдныя предложенія учиць и учишься вмѣстѣ. Положили, чтобъ на это ученье посвящались одинъ часъ при солнечномъ восходѣ въ бесѣдкѣ — можешь быть пошому, что вѣрно въ обѣихъ Грамматикахъ сподобилась поговорка: упряго вечера мудренѣе; а ясениная бесѣдка была самымъ удобнымъ мѣстомъ для учащихся.

Начало сдѣлано не мышкала. Съли другъ подлѣ друга на скамью и съ нѣкоторою важностию взяли въ руки каждый свою Грамматику.

Нѣтъ сомнѣнйя, что въ первый же урокъ съ обѣихъ споронъ было бы сдѣлано много успѣховъ; но та бѣда, что нельзя было, смотря часомъ въ одну и ту же книжку, не сидѣть очень близко другъ къ другу. А отъ этого выходило, что Блондинъ часомъ забывалъ, о чемъ его спрашивали, часомъ въ отвѣтахъ голосъ его прерывался. Жакелина также не могла быть спокойна: хотя она и приспально смотрѣла въ книгу, но всѣ буквы казались ей не на мѣстѣ; она не могла хорошенько разобрать ни одной; а это очень удивительно, пошому что у Жакелины были самыя зоркіе глаза.

Впрочемъ на первый случай нельзя было много и разыскивать; общали, что въ другой разъ дѣло пойдетъ лучше. И въ самомъ

дѣлъ въ молодыхъ людяхъ родилось такое прилежаніе, такое—можно сказать—образцовое прилежаніе, что ни свѣтъ ни заря сидѣли оба съ Грамматикиами въ ясминной бесѣдкѣ. Только спрранно: учитель часно говорилъ совсѣмъ наизворотъ, а ученица была до того невнимательна, что вмѣсто нижней спроки водила указательнымъ пальцемъ по верхней, и все читала невпопадъ. Разумѣлся, дѣло учителя было—поправишь: онъ передвигалъ палецъ на настоящую спроку; но тогда и у него рябѣло въ глазахъ, и ему казалось, что буквы и спроки прыгали по книжкѣ.

Надобно было въ прервій урокъ приняшься хорошенько и вознаградишь первые два, въ кошорые все какъ-то шло неудачно. Такъ и хотѣли сдѣлать. До сихъ поръ Блондинъ былъ учителемъ; шеперь ученица стала учительницей. Онъ искренно признался, что прошелъ не далѣе спряженія іо ато, но что это спряженіе выучилъ швердо, и просилъ прослушати его; а чтобы урокъ могъ обратиться въ пользу и для учительницы, предложилъ ей, въ каждомъ лицѣ глаголь переводить на Французскій.

Сѣли на скамью и Грамматику опложили на спорону. Блондину должно было начать; но онъ долго собирался съ духомъ; на-

конецъ сказалъ : „Настоящее время, первое лице: io amo.“ — Хорошо, что ему надобно было подождать перевода, а то онъ, не будучи въ состояніи продолжашъ, выказалъ бы свое незнаніе.

Жакелина покраснѣла и потупя стыдливо глаза, произнесла свой переводъ почти шопотомъ: „j'aime.“

Еще прошло не мало времени, пока онъ могъ выговорить, запинаясь : „tu ama.“

Она съ трудомъ удержала голицовый выдѣшъ вздохъ и продолжала: „tu aimes.“ —

Далѣе — положила руку на сильно-бьющееся сердце — Блондинъ сказалъ : „Egli ama.“

— Il aime — примолвила она тихо, бросивъ на него робкій взглядъ. — Ученикъ смѣшался, забылъ начисто все Италіянское и началъ : „vous aimez.“

— Не то, не то! сказала учительница. Вы должны говорить по-Италіянски.

Онъ посмотрѣвъ въ черныя глаза ея и произнесъ опять : „vous aimez!“

Смотрѣвъ въ глаза совсѣмъ не годившяся при ученѣ. И она, позабывшись, ошвѣчала : „vous aimez“ — однако опомнилась и опять повторила : „не то, не то!“

— Чшо же! — сказалъ онъ. — Вѣдь

шуть, кажешся, нѣшь ничего дурнаго — и хошьль поцѣловать руку ея.

Противъ такого убѣжденія конечно нечего было полковать много. Однако Жакелина сдѣлалась безпокойна — вѣроятно опъшого, что ученье шло неладно.... Безмолвно сидѣли они другъ подле друга, и когда вспрѣчались ихъ взоры, они оба шихонько шештали: „*pour aïmons.*“

Въ эпошъ урокъ, правда, и не выучили они больше. Однако имъ казалось, что они сдѣлали удивительные успѣхи, пошому что сердца ихъ начали понимать другъ друга, хошь и не говорили между собою ни по-Италіянски, ни по-Французски. — Урокъ продолжался часа два. Надобно было разслаться.

П о м о щ и и к ъ.

Охота къ ученью увеличивалась со дня на день. И холодный воздухъ по ушрамъ не былъ помѣхою. Не справляясь съ Грамматикой, начали свободно говорить другъ съ другомъ и никогда не могли пересказать всего, что на сердце. Если не въ яминной бесѣдкѣ, шо изъ оконъ, разговоръ продолжался понашными для каждаго знаками.

Правда, что Блондинъ любилъ все еще модную торговку, а Жакелина Президентскаго сына; но когда и это заблужденіе рушилось, одни только вздохи и слезы послужили ему данью. Любовь не могла прекратиться; она сдѣлалась тѣмъ искреннѣе, тѣмъ сокровеннѣе, чѣмъ менѣе надежды видѣли они въ будущемъ.

„Ахъ, если бъ я былъ богачъ!“ говорилъ онъ, вздыхая. „Ахъ, если бъ я была небогаша!“ говорила, вздыхая, она.

Къ бѣдшей бѣдѣ наступила зима: скромную бесѣдку сдѣлала прозрачнѣе, по аллеямъ разсыпала снѣгъ, шакъ, что каждый шагъ спановился предашелемъ, оставляя по себѣ слѣдъ. Свиданія сдѣлались рѣже; однако не совсѣмъ прекратились: видались сквозь окна, при встрѣчѣ на улицѣ, въ прогулкѣ за городомъ. . . . Мало ли гдѣ любовь находишь свои пуши!

При всѣхъ пусяхъ, ни одинъ однако не вель къ истинной цѣли. Блондинъ въ своей любезной гораздо бы охотнѣе видѣлъ свою жену; брюнетка желала себѣ не одного страстнаго почашателя, а чего-то еще. Оба клялись неоднократно въ ненарушимой вѣрности, но въ душѣ своей сомнѣвались, чтобы когда-нибудь сбылась эша клятва.

Однажды сидѣлъ Блондинъ за спаканомъ вина въ одной изъ лучшихъ госпинницъ Намура. На пасмурномъ челѣ его написана была печаль. Уже болѣе недѣли не видался онъ съ Жакелиною, а зналъ, что она каждый день то на обѣдъ, то на балъ, у первыхъ особъ въ городѣ. И сегодня приглашена съ родителями на вечеринку въ помѣсть самый домъ, гдѣ, несчастный, проводилъ онъ въ горестни дни и ночи. Мысль, что надъ его головой будетъ танцовать Жакелина, была для него нестерпима; онъ заперъ свою лавку и убѣжалъ въ прахширъ, куда никогда не заглядывалъ прежде. Ахъ, положеніе его было очень горько!

Подъ него помѣспился человекъ въ сѣромъ кафтанѣ, уже довольно въ лѣтахъ, суровый видомъ, непривлекательный лицомъ. Онъ пилъ дорогое вино — спаканъ за спаканомъ.

„Вѣдь вы Господинъ Ле Блондъ, если не ошибаюсь?“ сказалъ онъ ему наконецъ.

Блондинъ взглянулъ на него, и по широкому рубцу на лѣвой щекѣ незнакомца, узналъ въ немъ того самага, котораго въ шеченіи двухъ дней почти безпрестанно вспрѣчалъ: то въ лавкѣ у себя — онъ покупалъ шуть кусокъ драгоценной шелковой матеріи — то, можетъ быть двадцать разъ, на улицѣ,

передъ своимъ домомъ, пошомъ въ церкви, пошомъ оная здѣсь. Эшошъ господинъ не понравилася Блондину съ перваго взгляда. Въ шощемъ, желшномъ лицѣ его было чшо-шо опшврашительное, а глаза крупилась и сверкали. Блондинъ опшвѣчалъ однако на еговопросъ весьма учшиво.

„Вы кажешесь не совсѣмъ веселы?“ про-
должалъ незнакомецъ.

— Бышь можешъ. Можно ли всегда бышь
веселымъ?

„Спаканъ вашъ заспоялся. Попробуйше
выпить.“

— Ошъ шшого будешъ не легче.

„Жалѣю. Скажише, не могу ли чѣмъ
помочь.“

— Помилуйше — къ чему эшо?

„Нѣшъ, въ самомъ дѣлѣ! Вы очень по-
любились мнѣ, молодой человекъ. Нѣшъ ли
вамъ какой нужды? Вы не знаете меня, но
будемъ пріяшелями. Я шочно могу помочь
вамъ, если согласишесь имѣшь ко мнѣ довѣ-
ренность.“

— Весьма благодаренъ.

„Можешъ бышь васъ кшо-нибудь оскор-
билъ?“

— Ошибаетесь, государь мой.

„Такъ не любовное ли огорченіе?“

— И шого менѣе, сударь.

„Или нужда въ деньгахъ — скажите одно слово . . .“

Блондинъ посматрѣлъ большими глазами въ желтое лице своего докучливаго ушъщипела.

„Да промолвите что-нибудь. Много ли вамъ надобно? Тысячи двѣ ливровъ или больше? Вы счастливецъ. Вы можете сдѣлаться богачѣйшимъ человѣкомъ въ Намуръ.“

— Какъ это?

„Я вамъ сказываю — лишь пожелайте!“

— Кто не желаетъ быть богатымъ!

„Хорошо же. Только здѣсь — вы меня понимаете — здѣсь, гдѣ каждую минуцу могутъ насъ подслушать, конечно не годится говорить много о такихъ вещахъ. Не угодно ли вамъ посѣтить меня въ шракширъ, гдѣ я остановился съ пріѣзда, и ошъужинашь со мною въ моей комнатѣ?“

Блондинъ смотрѣлъ недоувѣрчиво на своего новаго пріятеля. Однако въ этошь грустный вечеръ, когда Жакелина танцуетъ надъ его маленькой горенкой, ему не хотѣлось возвращаться домой рано и, хотя бы для одного разсѣянiя, онъ вздумалъ пусшиться на приключенiе: „Посмотримъ“ — сказалъ онъ самъ себѣ — „что тушь будешь“ и пошелъ въ свѣдъ за пріятелемъ.

К л а д ъ.

Незнакомецъ занималъ въ пракширѣ нѣсколько прекраснѣйшихъ комнатъ. По знаку его, изъ толпы служителей ошдѣлились двое и побѣжали заказывать ужинъ. Блондинъ изумлялся всему, что представлялось глазамъ его, и по всему заключалъ, что пріятель его въ сѣромъ кафтанѣ долженъ обладать несмѣтнымъ богатствомъ и могъ бы выбрать себя въ городѣ гораздо лучшее общество, нежели какого достойнъ былъ бѣдный, влюбленный продавецъ кружевъ.

„Позвольте мнѣ теперь спросить, кто удостоиваетъ меня своимъ пріемомъ?“ сказалъ довольно робко Блондинъ.

— Называйте меня просто Абубекеромъ, ошвѣчалъ незнакомецъ; я родомъ изъ Хаалдеи.“

„Хаалдеецъ! Боже мой! Какъ же вы попали изъ Азіи въ наши края!“

— Да такъ — ошвѣчалъ тотъ — я шагаю по бѣлому свѣту часнію опъ скуки, часнію изъ любопытства. Отсюда думаю проѣхать въ Исландію, какъ скоро погода сдѣлается немного пошепаѣе.

„Въ Исландію? А давно ли вы изъ Азіи?“

Хаалдеецъ на минушу задумался, какъ будто что-нибудь припомяная; пошомъ сказалъ весьма равнодушно: „Вошъ, черезъ двѣ

недѣли; думаю, будетъ ровно сто двадцать два года, какъ я оставилъ свою родину.“

Блондинъ выпарашилъ на него глаза, полагая, что ослышался. Халдеецъ повторилъ очень спокойно: „Да, точно, сто двадцать два года.“

„Сто двадцать два года!“ воскликнулъ Блондинъ. „Сколько же лѣтъ, если смѣю спросить, вамъ отъ роду?“

— Недавно исполнилось триста двѣнадцать.

„Триста двѣнадцать!..!“ вскричалъ въ себя Блондинъ.

— Триста двѣнадцать — повторилъ опять Халдеецъ весьма равнодушно. — Конечно — продолжалъ онъ — это покажется вамъ страннымъ, какъ и многое другое, когда вы покорооче меня узнаете и будете со мною ошкровеннѣе. Вы даже можете принять это за шулку. Думайте что хотите, только судите людей не по словамъ, а по дѣламъ ихъ.

Блондинъ закусилъ губы и думалъ про себя: „Толкуй, любезный, что хочешь; я вижу, что у тебя на умъ подшумить надъ моимъ легковѣремъ. Посмотримъ, кто кого перехитритъ.“

Слуга доложилъ, что ужинъ готовъ. Отправились въ столовую, гдѣ множество

зажженныхъ свѣчей ослѣпляли глаза и пріятнѣйшіе ароматы благоухали. На столѣ, уставленномъ дорогими блюдами и винами, было только два куверта, для Блондина и Халдейца. Они съѣли; слуги ушли.

„Теперь, любезный другъ“ — сказалъ Абубекеръ — „прошу на здоровье кушать; отгоните прочь всякую печаль и заботу и говорите со мною откровенно, какъ я привыкъ уже говорить съ вами.“

Блондинъ дѣйствительно кушалъ себя на здоровье и даже, при концѣ ужина, дорогія вина расположили его къ веселости; но, вмѣсто откровенности къ докучливому пріятелю, онъ по справедливости чувствовалъ къ нему особенную недоувѣрчивость. Ему бы хотѣлось болѣе узнать о странномъ Халдейцѣ, не смотря на то, что сей, въ продолженіи всего ужина, рассказывалъ ему невѣроятныя вещи о подвигахъ своихъ на сушѣ и на морѣ.

„Да, Господинъ Абубекеръ“ — сказалъ наконецъ Блондинъ — „послѣ вашихъ рассказовъ я какъ-будто переселился въ другой свѣтъ, исполненный Феями. Но неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что человѣкъ разсудительный повѣритъ вамъ на словъ?“

— Мнѣ все равно — возразилъ Халдеецъ — вѣрите вы мнѣ или нѣтъ; но для васъ же

хуже. Вы конечно не могли не замѣтить, что мнѣ извѣсны нѣкоторыя тайныя науки. Слыхали ль вы когда-нибудь о Некроманціи?

„Слыхаль, но никогда не полагаль въ ней большой важности. Сколько мнѣ извѣстно, она основана на обманѣ и шарлатанствѣ.“

— Можеть быть, при вашемъ невѣжествѣ въ Европѣ; у насъ въ Халдеѣ совсѣмъ другое дѣло.

„Пожалуйста же, покажите мнѣ какую-нибудь штуку!“ сказала Блондиня.

— Я не показываю никакихъ штукъ! — ошвѣчалъ Абубекеръ — но вошь что: въ лицѣ вашемъ, молодой человекъ, я нашель много привлекательнаго. Клянусь вамъ, что вы рождены подъ счастливою звѣздою. Скажите мнѣ прямо, чѣмъ могу я вамъ помочь. Вы сами увидите, буду ли я шарлатанишь. Напримѣръ: не затрудняешесь ли вы можеть бышь по своей торговлѣ? Не нужны ли вамъ деньги?

„Да“ сказалъ Блондинъ съ улыбкою недовѣрчивости — „спашься можеть.“

— Хорошо! — вскричалъ Халдеецъ. — Зачѣмъ же вы опъ меня скрывали и не говорили пошчасъ. Знайте, что вамъ опредѣлено вынуть кладъ при замкѣ *Валерія Дезанжъ*.

„Кладъ?“

— Да, и при помѣ очень значительный.

„Зачѣмъ же не вынесете вы его для себя, господинъ Абубекеръ?“

— За тѣмъ, что не мнѣ опредѣлено; да я въ немъ и не нуждаюсь.

„Когда жъ я долженъ его вынуть?“

— Когда вздумаете сдѣлать путешесствіе въ пошъ замокъ.

„Что жъ, развѣ нужны къ тому какія-нибудь пригошовленія или особыя общепельства?“

— Ни малѣйшихъ.

Видя, что Халдеецъ говоритъ съ какою-то увѣришельною важностію и хладнокровіемъ, Блондинъ не зналъ, что подумать, но все еще былъ болѣе въ тѣхъ мысляхъ, что надъ нимъ хошашъ позабавиться. „Хорошо, господинъ Абубекеръ“ сказалъ онъ помолчавъ, „но говоря вамъ по всей справедливости, я долженъ признаться, что завтра же рано доутру нужно мнѣ заплашить непременно по одному векселю пять тысячъ ливровъ. Если мнѣ присужденъ кладъ, то не сдѣлаете ли вы одолженія, на счетъ его, снабдить меня напередъ эшою суммою?“

Говоря это, Блондинъ смотрѣлъ наблюдательнымъ окомъ на Халдейца и думалъ насладиться замѣшательствомъ, какое ожидалъ видѣть на лицѣ его при сей просьбѣ. Но въ лицѣ Халдейца не показалось ни малѣйшаго

измѣненія. Онъ преспокойно отвѣчалъ: „Съ удовольствіемъ; охотно гошовъ служить вамъ.“ Тупъ разговоръ склонился опять къ Некроманціи и къ приключеніямъ незнакомаго.

Наконецъ Ле Блондъ поднялся, чтобы проспиться съ хозяиномъ. Щадя его, онъ не хотѣлъ напоминая о пяти тысячахъ ливрахъ и былъ безъ того доволенъ пріятнымъ развлеченіемъ, доставленнымъ въ этотъ вечеръ его сообществомъ. Нечего сказывать, что исторія о векселяхъ была имъ вымыслена съ тѣмъ, чтобы испытать на дѣлѣ хвастливаго Хаадейца. Но сей попросилъ его подождать на минушу, вышелъ въ боковую комнату и принесъ опшуда чепыре денежныхъ мѣшка, кошорые, одинъ за другимъ, сложилъ на столъ. Потомъ приказалъ одному изъ служителей проводить господина Ле Блонда съ фонаремъ до его квартиры, а другому опнести за нимъ деньги.

Эшо изумило Блондича. Онъ поблагодарилъ усердно щедраго своего пріятеля и проспился. Слуги проводили его до дому и, передавъ деньги служителю его съ рукъ на руки, скрылись.

Путешествіе въ Валерію Дезанжъ.

Столь необыкновенное въ своемъ родѣ приключеніе не выходило у Блондина изъ ума, и онъ не спалъ почти цѣлую ночь, начиная даже вѣришь невѣроятному.

Проснувшись на другой день довольно поздно, онъ опять невольно обратился къ мыслямъ своимъ о Халдейцѣ, тогда какъ прежде бывала первая мысль его—Жакелина. Руководимый теперь умомъ, неопуманеннымъ Халдейскими винами, какъ вчерашняго вечера, судилъ онъ, казалось, здравѣе. По всему видно, думалъ онъ, что приспа-двѣнадцатилѣтній господинъ Абубекеръ вздумалъ надо мной позабавиться, и, вмѣсто пяти тысячъ ливровъ, прислалъ мнѣ мѣшки съ черепками и оловянными кружечками. Чтобы не такъ скоро пристыдинь себя въ легковѣріи, боясь онъ раскрыть эти мѣшки, лежавшіе передъ его глазами, однако любопытство превозмогло. И какъ велико было его изумленіе, когда не черепки и не оловянные кружечки нашелъ онъ, а въ каждомъ мѣшкѣ по пятидесяти ливдоровъ, совершенно новыхъ, какъ бы теперь только изъ-подъ чекана!

„Фальшивая монета — не иначе!“ думалъ онъ и взялъ вѣски. Всѣ до одного нашлись полновѣсными. Пару послалъ онъ къ золо-

ныхъ дѣлъ масшеру: чистое золото настоящей пробы!

Теперь нашъ Блондинъ спалъ, какъ говорится, въ шупикъ. Послѣ такого задашка не совсѣмъ-по можно было сомнѣваться въ истинѣ по крайней мѣрѣ того, что Халдеецъ говорилъ о кладѣ. Что бы иначе могло его побудить къ такой распочишельной шупкѣ съ Ле Блондомъ? Тупъ что-нибудь кроется. Блондинъ рѣшился пошкровать поговорить съ Некромантомъ и открытъ ему свою крайность, любовь Жакелины и взаимное ихъ желаніе.

На слѣдующее утро отправился онъ къ Абубекеру. Пожилой мужчикъ, которому по живости движеній вѣрно бы ни кто не далъ прехъ сошь двѣнадцать лѣтъ, принялъ его дружески. „Что? заплашили ль вексель?“ спросилъ онъ. Блондинъ признался, что онъ исторію о векселѣ выдумалъ только для испытанія своего незнакомца-пріятели; попросилъ у него извиненія и обѣщаль ему дать шеперь ключъ къ сокровеннѣйшей шайнѣ своего сердца. Онъ не замедлилъ исполненіемъ; разсказалъ, до послѣднихъ мѣлочей, о яминной бесѣдкѣ, объ урокахъ, о заблужденіи по вывѣскѣ сестеръ Буонвинчини, о любви Жакелины, о надменности Генерала Де Фано

и о томъ, что нѣтъ у него никакой надежды получить когда нибудь руку своей любезной.

Халдеецъ слушалъ весьма внимательно. „Другъ мой“ — сказалъ онъ наконецъ по нѣкоторомъ размышленіи — „зачѣмъ опчаялись? Возьмите свой кладъ, купите себѣ имѣніе съ хорошимъ доходомъ, явитесь богатымъ владѣльцемъ къ Генералу и онъ навѣрное не задумается отдать вамъ дочь свою.“

— Но не напрасно ли обольщали вы меня надеждою на этотъ кладъ?

„Что мнѣ за прибыль васъ обманывать? Напрошивъ я не могу опъ васъ скрыть, что напрасно провели вы меня испоріею объ векселяхъ. Этимъ безъ сомнѣнія замедлите вы полученіе своего клада на нѣсколько дней, даже можете быть на нѣсколько лишнихъ недѣль, копорыя должно вамъ будетъ провеспи въ отсутствіи.“

Блондинъ не зналъ на что рѣшился: сомнѣнія и довѣренность боролись въ немъ.

„Въ чемъ же будетъ состоять мое дѣло, если мнѣ ѣхать съ вами?“ спросилъ онъ наконецъ послѣ небольшого раздумья.

— Вы поручите кому-нибудь свою торговлю и хозяйство; ни одному человеку ни слова о томъ, что мы предполагаемъ; а о путешествіи скажите, что ваши торговля дѣла его пресбуютъ. Еще же лучше, если

вы продадите все товары свои, до послѣдней нитки, потому что, съ кладомъ въ рукахъ, вы уже не подумаете заниматься мѣлочнымъ своимъ торгомъ.

„И Жакелинѣ ничего не сказывашь?“

— Объ ошъздѣ можно — пожалуй и ошпомъ, что вы скоро надѣшесь быть въ состоянїи просить ошкрыто руки ея; но ничего о замкѣ Валерїа Дезанжъ, ничего о кладѣ.

„Когда же вхашь?“

— Черезъ шри дня меня не будешь въ Намуръ.

Блондинѣ обшцалъ приготошиться къ ошъзду. „И не все ли равно?“ разсуждалъ онъ, когда ошяшъ былъ одинъ въ маленькой своей горенкѣ. „Безъ Жакелины мнѣ все посшыло въ свѣшъ. Такъ чего же робшшь? Да, я непременно пушусь за кладомъ.“

Не прошло прехъ дней, какъ онъ былъ уже совсѣмъ гошовъ; Жакелинѣ сказаль объ ошъздѣ, и съ кляшвами ошпавиль ее въ надеждѣ радосшнаго свиданїа, а лавку съ шоварами закрыль, прекрашивъ шорговлю.

Халдеець посадилъ его въ свою дорожную повозку, и они ошправились изъ Намура, но не днемъ, а въ полночь. Кучеръ удариль по лошадамъ въ шо самое время, какъ на Соборной колокольнѣ пробילו двѣнадцать часовъ.

Приступъ къ открытію клада.

Халдеецъ во всю дорогу былъ одинаковъ: также хваспливъ, также свободенъ въ обращеніи, также хладнокровенъ, какъ и въ Намурскомъ шракширѣ. Ъхали цѣлый день весьма скоро на перемѣнныхъ лошадяхъ и въ закрытой ^{Колеса} повозкѣ, потому что погода была сыра и дождлива. Не выходили даже ни объѣдать ни ужинать: у Халдейца былъ хорошей запасъ кушанья и напшковъ, почему и не имѣли нужды оспанавливаться. Наконецъ поздно вечеромъ пріѣхали въ шемношѣ къ одной уединенной хижинѣ, въ лѣсу: это былъ домикъ лѣсничаго или что-то подобное. На встрѣчу выщель человекъ, похожій на егеря, въ изношенномъ, негодномъ плащѣ; онъ принялъ пушешественниковъ и привелъ ихъ въ горницу, въ кошорой окна большею частію были выбиты и заклеены бумагой, а обои, нѣкогда драгоцѣнные, висѣли оборванными и полусогнившими лохмотьями. Между тѣмъ какъ Халдеецъ велѣлъ принести хорошаго вина и кушанья изъ своего запаса, егеръ зашпилъ камелекъ, а попомъ съ прислужникомъ своимъ внесъ два шюфляка и посплалъ ихъ на полу.

„Неужли мы здѣсь ночуемъ?“ спросилъ Блондинъ, посматривая вокругъ себя съ весь-

ма недовольнымъ видомъ, пошому что вшомъ
ночлегъ ему вовсе не нравился.

„Въ десяти шагахъ отсюда“ — ошвчалъ
Абубекеръ — „находяшя развалины замка
Валерія Дезанжъ. Въ полночь, ровно въ двѣ-
надцать часовъ, ни позже ни раньше, дол-
жны мы бышь шамъ. Между шѣмъ выпьемъ
шечерь здѣсь передъ камелькомъ и подкрѣ-
пимъ себя.“

Блондинъ поморщился; дрожь пробѣжала
у него по спинѣ и въ голову полезли всѣ,
когда-то слышанные, рассказы о духахъ и
привидѣнiяхъ, неизбѣжныхъ при открьтiи
подземнаго клада. Онъ не скрылъ шого ошъ
Халдейца и спросилъ: не должно ли и съ ни-
ми случишья что-нибудь подобное?

Халдеець покачалъ головою и сказалъ:
„Вздоръ! Неужели вы въ самомъ дѣлѣ бои-
тесь вшѣхъ ребячьихъ сказокъ?“

Съ шой и съ другой спороны спарались
сократишь вечеръ, сколько возможно, виномъ
и разговоромъ. Но Блондинъ, слишкомъ ушом-
ленный пупешествiемъ и безъ сна проведен-
ною ночью, едва могъ сидѣшь, не смопря на
шо, что самому хотѣлось бодрспивовать, и
что Халдѣецъ нарочно завлекалъ его внима-
нiе самыми необыкновенными рассказами.

Съ приближенiемъ полуночи спановился
и Халдеець угрюмѣ. Причиною шому была,

казалось, сондивость Ле Блонда. Онъ спросилъ его наконецъ: „Скажите, по правдѣ, не ушайли ль вы опъ меня еще чего нибудь? Я долженъ знать все подробно. Иначе и вамъ и мнѣ будетъ плохо въ развалинахъ.“

— Клянусь честію — опвѣчалъ Ле Блондъ — кромѣ того, что я выдумалъ объ векселяхъ. . .

„Ужь и это былъ не хорошо. Мнѣ очень подозрительно, что на васъ находишь сонъ въ минушу споль важную — рѣшительную для счаспія всей вашей жизни. Со мною былъ уже случай, что такой же молодой человекъ въ то самое время, какъ надобно было доставать кладъ, заснулъ и проспалъ цѣлый мѣсяць.“

— Вотъ тебѣ разъ! — вскричалъ Ле Блондъ — это ужъ жестоко!

„Не такъ впрочемъ, какъ должно бы себѣ вообразить. Онъ увѣрялъ, что въ своей безчувственности видѣлъ самые живые и прелесные сны, такъ, что даже ничего не желалъ бы лучшаго, какъ цѣлый вѣкъ проспалъ такимъ образомъ. Но для меня было очень не легко дожидаться, пока онъ освободится опъ своего обморока.“

— Однако вѣдь кладъ-то онъ доставалъ же? — спрашивалъ далѣе Ле Блондъ.

Халдеец посмотрѣлъ на часы, кивнулъ Блондину, чтобъ онъ молчалъ и слѣдовалъ за нимъ, зажегъ маленькой пошпенный фонарь и пошелъ внизъ по узкой и зыбкой лѣсницѣ. Блондинъ отправился за нимъ, но въ такой сонливости, что не понималъ самъ, что съ нимъ дѣлается. Они прошли недаленое разстоянiе до одной развалившейся стѣны; Халдеецъ подалъ безмолвный знакъ, что тушь лежишь кладъ и началъ, при свѣтѣ своего фонаря, чистить книгу, а Блондинъ прислонился очень покойно къ грудѣ наваливагоса мусора. Халдеецъ чистилъ еще, а Блондинъ заснулъ уже крѣпкимъ сномъ.

С о н ъ.

Такой сонъ пришелъ въ самомъ дѣлѣ вовсе не къшати; но преодолѣть его Ле Блонду было совершенно невозможно. Наконецъ онъ проснулся, или думалъ, что проснулся, и это почти среди бѣла дня. Онъ прошираетъ себѣ глаза, осмашривается, и что жъ? Онъ лежалъ въ богатѣйшей постелѣ, въ прiятномъ мерцанiи свѣта, заслоняемаго зелеными шелковыми занавѣсами. Ошдернувъ ихъ, увидѣлъ онъ себя въ прелестнѣйшей спальнѣ. Снолы и сшуля изъ

лучшаго краснаго дерева съ бронзою; стѣны украшены превосходными мифологическими картинами; на одномъ столикѣ драгоценная ваза со свѣжими розами.

Трудно было доброму нашему Блондину вообразить, что съ нимъ сдѣлалось. Только смущенныя понятія о камелькѣ въ хижинѣ лѣсничаго, о развалившейся стѣнѣ, о чтеніи Абубекера при свѣшѣ пошпеннаго фонаря, кружились въ головѣ его. Онъ поднялся и глазами искалъ Хаадейца.

По сдѣланному имъ шороху отворилась дверь; явился камердинеръ въ богато-обложенной золотомъ ливрѣ и далъ знакъ за собою еще двумъ служителямъ, копорые вошли на цыпочкахъ, а за ними какой-то пожилой господинъ, копорый молча взявъ Блондина за руку, пощупалъ пульсъ и попомъ налилъ и подалъ ему споловую ложку микстуры.

„Покорно благодарю: этого совсѣмъ не нужно!“ сказала Ле Блондъ: „Хоть голова у меня немного еще тяжела, но впрочемъ я чувствую себя совершенно здоровымъ.“

Врачъ[●] покачалъ головою и сказалъ: „Усерднѣйше прошу Вашу Свѣнлестъ принять только одну ложку. Вы сами изволише увидѣшь, какъ много это вамъ поможетъ.“

Ле Блондъ успремилъ на лѣкаря глаза свои и просилъ, чшобъ его избавили онъ миксшуры. Пошомъ спросилъ: гдѣ Абубекеръ?

Присутствующіе посмотрѣли съ недоумѣніемъ другъ на друга; по всему было видно, что они считаютъ его за сумасшедшаго. Наконецъ лѣкарь спросилъ:

— Кого разумѣете, Ваша Свѣшлость, подъ именемъ Абубекера?

„Ну, того, что вчера вечеромъ со мною сюда пріѣхалъ.“

— Ваша Свѣшлость здѣсь уже нѣсколько дней и пріѣхали вмѣстѣ съ Герцогинею, вашею супругою. —

„Я? съ супругой? съ Герцогинею? нѣсколько дней? Прошу васъ, избавьте меня онъ своихъ неумѣстныхъ шутокъ и нелѣпныхъ шпшуловъ. Дайте мнѣ вспахъ. Гдѣ мое плашье?“

Лѣкарь и слуги въ большомъ замѣшательствѣ смотрѣли одинъ на другаго. Наконецъ всѣ присупили къ Блондину со всепокорнѣйшею просьбою оспашься въ постель, пока не получашь онъ дальнѣйшихъ приказаній онъ его супруги. Тутъ одинъ изъ слугъ — почши всѣ они были спарики — вышелъ. Блондинъ считалъ, что или вши люди помѣнялись, или все эшо проказы Халдейца.

На вопросъ его, не въ замкъ ли онъ Вадерія Дезанжъ, отвѣчали: „Ваша Свѣшлость находитесь въ своемъ увеселительномъ замкъ *Шармъ* (Charmes) и пріѣхали сюда для поправленія вашего здоровья.“

Вскорѣ пришелъ посланный съ приказаніемъ, дашь Его Свѣшлости плащье.

„Какое изволите приказашь, В. С.? Упреннѣй халашъ, или мундиръ, или охошничье?“

— Мое, мое плащье! — вскричалъ съ досадою Блондинъ — да пожалуйста увольте меня отъ вашихъ шушовскихъ привѣшшвій и шишуловъ.

Принесли плащье, самаго тонкаго сукна; на синемъ сершукѣ пришиша была серебряная звѣзда.

Тутъ Блондинъ потерялъ все шерпѣніе. Онъ пребывалъ съ сердцемъ своего плащья. Всѣ испугались; только врачъ сохранилъ нѣсколько присушствія духа и осмѣлился униженно просить, чшобы Его Свѣшлость не изволилъ предаваться гнѣву, который можетъ опять причинить прежніе, шяжкіе припадки его болѣзни; припомъ доложилъ, что плащье подано по самое, которое онъ всегда носилъ. Ле Блондъ принужденъ былъ покориться своей участи и надѣялся, что по крайней мѣрѣ одѣтый скорѣе найдешъ

Абубекера. Слуги засуетились около него, помогая одѣваться; для умыванья принесли серебряный сосудъ съ благовонною водою; попомъ подали завтракъ въ превосходнѣйшемъ Кишайскомъ фарфорѣ, и спрашивали, что еще нужно къ его услугамъ.

Онъ ѣлъ и пилъ. Все казалось ему чудно. Такого великолѣпія въ уборахъ комнатъ и во всѣхъ вещахъ не видалъ Блондинъ съ роду. Подойдя къ окну, замѣнилъ онъ, что находится въ старомъ, на большомъ возвышеніи стоящемъ замкѣ, изъ кошораго видъ простирается на необозримый лѣсъ, пересѣкаемый крестообразными аллеями.

„Какъ далеко отсюда Намуръ!“ Этого никто не зналъ. Онъ еще спрашивалъ о Хаадейцѣ, описывалъ всѣ его примѣты; сказалъ, что ему шриспа двѣнадцать лѣтъ отъ роду и все, что еще зналъ о немъ. Слуги пожимали плечами, изъявляя тѣмъ совершенное свое невѣдѣніе. Лѣкаръ увѣрялъ, что такого молодца здѣсь и не видавали; а когда услышалъ о трехъ-сошь-двѣнадцати-лѣшнемъ возрастѣ, то схватилъ поспѣшь Блондина за руку и пощупалъ пульсъ.

„Господа!“ сказала Блондинъ съ огорченіемъ: „или я схожу съ ума или вы давно его лишились — что нибудь одно. Я чув-

сшвую, что хожу и говорю не во снѣ. Скажите жь, у кого я здѣсь?"

— Ваша Свѣшлость съ своею супругою находишесь въ принадлежащемъ вамъ замкѣ Шармъ — ошвѣчалъ лѣкарь..

„Что за супруга? Прошу васъ, не считайте меня дуракомъ или сумасшедшимъ. Я не былъ никогда женатъ. Гдѣ же эша, такъ называемая моя супруга?"

— Сію минушу объявлю Ея Свѣшлости желаніе ваше ее видѣшь! — вскричалъ одинъ изъ слугъ и вышелъ.

„Что за вздоръ!" пробормоталъ Ле Блондъ, и думалъ-было выдти вонъ изъ спальни; но замѣшилъ, что на немъ были еще туфли, и потребовалъ сапоговъ.

Между тѣмъ одинъ изъ слугъ распворилъ обѣ половинки дверей и сказалъ: „Ея Свѣшлость, Герцогиня!"

Г е р ц о г и н я.

Въ легкомъ ушреннемъ плашѣ, сподль же со вкусомъ сдѣланномъ, какъ и богашомъ, явилась молодая женщина, по первому знаку кошорой и лѣкарь и слуги почтительно удалились. „Я хочу съ супругомъ своимъ о-

статься на минушу одна“—сказала она. „Подождите за дверьми.“

Блондинъ, увидя передъ собою молодую, цвѣшущую, совершенно ему незнакомую красавицу, спалъ сомнѣваться самъ, въ полномъ ли онъ умѣ, или не во снѣ ли все это. Онъ почтительно поклонился и сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ извиниться, но не могъ произнести ни слова. Она съ умильной улыбкою положила руки свои на его плеча и, смотря на него, въ молчаніи, испытующимъ взоромъ, сказала: „Каково шеперь вамъ? Легче! не правда ли? Не будете думать больше о вашей лавкѣ съ кружевами, о вашихъ чародѣяхъ, о Жакелинѣ и о кладѣ, о которыхъ уже съ полгода всякой день мнѣ твердише. Какъ бы порадовало меня, если бъ я могла возвратиться съ вами въ Парижъ, ко двору Короля! Сегодня опять получила я письмо отъ Герцогини Немуръ, которая съ большою заботливостію спрашиваетъ о вашемъ здоровьѣ.“

— „Герцогиня Немуръ?“ — сказала Блондинъ, у котораго отъ вѣснаго, дружескаго прикосновенія прекрасной женщины, отъ ея умильныхъ взглядовъ и сладостнаго голоса, тысячу разъ пылало лице и трепетали всѣ члены. „Извините, милостивая государыня,

*

мнѣ совсѣмъ неизвѣстно, гдѣ я. Въ моемъ положеніи не мудрено начашъ вѣрить колдовству. Прошу васъ, выведите меня изъ заблужденія. Я расскажу вамъ всю свою исторію до нынѣшняго дня. Тогда разсудите сами!“ — Онъ разсказалъ.

„Боже мой!“ вскричала Графиня: „Это слышу я уже въ сотый разъ. Для того-то и принуждены мы были, по совѣту Королевскихъ врачей, оставить Парижъ, чѣмбы избѣгать полковъ, которые необходимо произошли бы отъ разсвоеннаго положенія вашей нервной системы. Прошу же васъ, не раздражайте себя болѣе такими мечтами, избѣгайте думать о нихъ, совсѣмъ забудьте, если возможно, и — приведя себя въ прежнее состояніе разсудка — не огорчайте меня своими спранными грѣзами. Не правда ли, вѣдь вы исполнили мою просьбу?“

— Все, что вамъ угодно, милоспивая государыня. Только или я дѣйствительно помѣшался, или долженъ вѣрить колдовству, которое ослѣпляетъ васъ и всѣхъ вашихъ людей. Клянусь вамъ, что я не Герцогъ; я Ле Блондъ, кружевной продавецъ изъ Намура; я жилъ —

„Ахъ, опять старая пѣсня!“ воскликнула Герцогиня съ недовольнымъ видомъ. „А вѣдь вы обѣщались мнѣ бытъ разсудитель-

нымъ! Такъ спало все напрасно. Вы совсѣмъ не узнаете меня?“

Блондинъ покачалъ головою; однако ему самому казалось, какъ будто въ приемахъ и даже въ голосѣ Герцогини еснѣ что-то знакомое. „Начинаю думать“ — сказала онъ — „будто бы когда-то имѣлъ я честь васъ видѣть и говорить съ вами, но —“

— Слава Богу! — вскричала Герцогиня — насилу-то разсудокъ вашъ начинаетъ проявляться. Еще въ первый разъ съ весьма давняго времени слышу я, что вы шакъ говорите. Пошерпимъ! Вы вѣрно скоро и все приведете себѣ на память. Только старайтесь быть покойны и употребите все усиліе, чтобы выкинуть изъ головы свои пустыя грѣзы. По крайней мѣрѣ никогда не говорите о нихъ; остерегайтесь хотя передъ слугами выказывать припадки своей болѣзни. Вы Герцогъ Мельфи, мой супругъ, и могли бы наслаждаться совершеннымъ счастьемъ, если бы...

„Я Герцогъ Мельфи? я — милоспивая государыня — вашъ супругъ? въ самомъ дѣлѣ я долженъ быть сумасшедшій, если позволю себѣ этому вѣришь.“

— Другъ мой, вы сумасшедшій потому именно, что не вѣрите этому; хотите броситься въ окно и бѣгать въ лѣсу, какъ бѣс-

вующійся. Для того-то принуждена я была вельшь задѣлать желѣзными рѣшешками окна, положишь большіе запоры на ворота зѣмка и приставишь часовыхъ; потому-то я должна была нѣсколько дней держашь себя въ ошдаленіи опъ васъ; потому-то заставляю людей сшоять за дверьми на спражѣ. Вы меня хопъли однажды убишь — шакъ мало меня любише.

„Какъ?“ вскричалъ Ле Блондъ: „я хопъль выпрыгнушь въ окно? — васъ убишь? — Я совершенно теряюсь. Скажише же, ради Бога, съ чего все это пришло мнѣ въ голову?“

— Такъ вы не будеше уже меня пугашь?

„Буду осперегашься, милосшивая государыня.“

— Не будеше никогда говоришь о прежнихъ своихъ фантазіяхъ, по крайней мѣрѣ чшобъ не казашься смѣшными передъ вашими слугами? Будеше Герцогъ, мой супругъ, господинъ въ домѣ, короче— все, что вы дѣйствительно естѣ.

„Милосшивая Государыня!“ сказала Блондинь, все еще не вѣря ушамъ своимъ: „хопъ я въ самомъ дѣлѣ не знаю, чшд я дѣйствительно, и эшимъ обязанъ проклятому Халдейцу, но я готовъ бышь всемъ, что вамъ угодно изъ меня сдѣлать.“

Тушь Герцогиня подала ему руку и пожала въ знакъ благодарности. Онъ напечаталъ на ней горячій поцѣлуй и пошелъ съ нею, рука объ руку, въ другія комнаты.

Г е р ц о г ъ .

Одна комната превосходила другую богатствомъ и великолѣпиемъ. Когда Блондинъ нашъ, дивясь дорогимъ убранствамъ, увѣрялъ, что въ жизнь свою не видалъ ничего подобнаго, Герцогиня улыбалась, но въ то же время грозившимъ пальцемъ напоминала ему данное обещаніе, и онъ умолкалъ, повинувшись охотно.

„Не понимаю, что за комедію со мною здѣсь играютъ!“ Такъ думалъ онъ, опустившись къ ночи на мягкой пуховикъ и оставшись на минуточку одинъ. „И того не понимаю, съ какимъ умысломъ. Или не схожу ли я съ ума; или Некроманшъ, прокляшый Халдеецъ — не онъ ли меня обворожилъ? Но подождемъ конца. Вѣдь не вѣкъ же этому быть. Или“ — Тушь онъ ошановился; вспомнилъ съ изумленіемъ рассказанное Халдейцемъ въ домикъ лѣсничаго передъ камелькомъ, какъ одинъ молодой человекъ, которому досаждалъ онъ кладъ, былъ наказанъ за не-

опшкровенность чепырехнедѣльными обморомъ и послѣ увѣрять, что во все время наслаждался пріятнѣйшими грѣзами. „Вотъ пресмѣшная штука“ — разсуждалъ онъ — „если я и въ самомъ дѣлѣ лежу въ забытій на жесткомъ шюфякѣ лѣсной хижины и жалкой Халдеецъ корпится у моей постели, тогда какъ я думаю бытъ Герцогомъ или долженъ бытъ имъ насильно. Все равно; подождемъ, чѣмъ все это кончится.“

Онъ игралъ свою роль Герцога очень исправно. Только Герцогиня приводила его всегда въ замѣшательство. Онъ не могъ привыкнуть называться ея мужемъ, и — въ своемъ подобострастіи — едва осмѣливался глядѣть на нее приспальни. Впрочемъ, ея къ нему нѣжность придавала ему иногда смѣлости.

Замокъ стоялъ весьма уединенно. Снаружи шаръ и залушѣлый, возвышался онъ посреди обширнѣйшаго лѣса, на скалѣ, окруженной рвомъ, черезъ который велъ одинъ только подъемный мостъ. Внутри было множество узкихъ, темныхъ переходовъ, и нѣкоторые даже днемъ освѣщались лампами; но, за то, въ жилыхъ комнахахъ, залахъ и гостинныхъ все напоминало великолѣпіе, вкусъ и роскошь тогдашняго Двора Французскаго. Служивцевъ было немного. Весь

придворный щипать соспоэль изъ прехъ лажеевъ, двухъ горничныхъ, лѣкаря и полуслѣпаго стараго кашеляна съ причномъ поваровъ, конюшихъ и прочихъ прислужниковъ.

Болѣе всего восхищался Блондинъ Герцогиню. Ея любезность такъ ему нравилась, что онъ — конечно шихомолкомъ — сожалѣлъ о заблужденіи, которое заставляешь ее распочать ласки свои и нѣжную любовь недоспойному. Впрочемъ, какъ уже сказано, онъ ни въ чемъ наконецъ не прошиворѣчилъ, чтобъ не огорчить ее. Ничто не развеселяло столько мнимой его супруги, какъ то, когда онъ принималъ на себя повелительный тонъ предъ слугами и предшавлялъ Герцога во всей формѣ. Любила она также изъ собсшвенныхъ рукъ пощивать его, чрезъ каждые при часа, прописаннымъ ошъ докшора лѣкарствомъ, которое, не взирая на всѣ его ошговорки и увѣренія въ совершенномъ здоровьи, должно было приниматьъ поневоля: поспупать иначе значило бы навлечь на себя гнѣвъ прелестной Герцогини, а о томъ спрашилъ онъ и подумалъ. Каждый день изьявляла она свою благодарность и распочала похвалы лѣкарю за чудесное дѣйствіе капель его. Но всего менѣе вѣрилъ ему нашъ Герцогъ Мельфи, потому что, какъ онъ ни

разсуждалъ, всегда подь конецъ убѣждался, что заблужденіе должно бытъ не на его сторонѣ, и только одно то казалось ему непонятымъ, какимъ образомъ попался онъ въ эшошь очарованный замокъ. Но не прошло пяти дней, какъ онъ привыкъ уже къ этому очарованію, будшо родился и въкъ свой прожилъ въ такой зашѣйливой праздности. Супруга его съ каждымъ днемъ спановилась милѣе; по крайней мѣрѣ ему казалось пакъ, попому что онъ прилѣпился къ ней всею душою, и сама Жакелина спала предснавляшья ему въ шѣни, за блескомъ всего, его окружающаго. Время летѣло скоро: то пѣніе, то игра въ шахматы и въ карты, то чтеніе лучшихъ Поэповъ, то наконецъ охота занимали его непримѣнымъ образомъ. Герцогиня превосходно ѣздила верхомъ; она гонялась за дичью и стрѣляла несравненно лучше, нежели неискusstный Герцогъ, который въ первые дни очень плохо принимался за дѣло. Но и въ эшомъ онъ скоро достигъ совершенства, къ неописанному удовольствію Герцогини, которая увѣряла торжественно, что при Дворѣ былъ онъ первый стрѣлокъ, и что самъ Король, бывъ свидѣтелемъ, какъ онъ въ паркѣ Герцога Орлеанскаго свалилъ уверщливаго оленя, ска-

заль при этомъ случаѣ, что никто не сравнишь съ нимъ въ искусствѣ охотничьемъ.

Когда изумленный Герцогъ Мельфи слышалъ подобные о себѣ рассказы, то на лицѣ его обыкновенно изображалась какая-то комическая мина. Поширая себѣ лобъ, онъ думалъ: „Никогда не знавалъ я этого за собою; но знаю по . что изъ меня дѣлають совершеннаго дурака, и я долженъ молчать.“

Впрочемъ ничего подобнаго не смѣлъ ужъ онъ говорить вслухъ, чтобъ не нагнашь облака печали на чело предестной своей супруги. Потому-то притворялся онъ, сколько было возможно, и наконецъ шакъ привыкъ важничать и бариться, что это сдѣлалось для него весьма обыкновеннымъ. Герцогиня чила ему изъ писемъ, получаемыхъ отъ разныхъ Князей и Графовъ, поздравленія, что здоровье его шакъ поправилось, а всего забавнѣе казалось ему то, что и Князей, и Графовъ, и даже самаго Короля Людовика XIV долженъ онъ былъ благодарить за пріемлемое участіе, какъ будто бы онъ знакомъ былъ съ ними съ малолѣтства. Супруга его помирала со смѣху, когда онъ прочитывалъ ей свои письма, въ кошорыхъ смѣсь шона купческаго съ вельможескимъ пестри-ла слогъ самымъ забавнымъ образомъ.

Т а й н а.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ безпрерывнаго удовольствія. Наступила весна. Окружный лѣсъ огласился пѣніемъ птицъ. Зазеленѣлись луга. Скашь горы началъ пестрѣться разнообразными цвѣтами.

Тутъ добрый Блондинъ спалъ чаще и чаще призадумывался, вспоминая о ясиновой бесѣдкѣ, о Жакелинѣ, объ Италіянскихъ своихъ урокахъ. Иногда находила на него такая грусть, какъ будто непреодолимая тоска по ошчизнѣ. И въ эшѣ минушы волшебный замокъ, въ кошоромъ онъ жилъ, казался ему не лучше темницы, при всемъ своемъ великолѣпіи.

Однако, если бъ онъ и могъ вырваться изъ эшого започенія, шо не сдѣлалъ бы шо-го, пошому что былъ окованъ цѣпями особаго рода. Замкѣ, запоры и подъемные мосты удерживали его менѣе, нежели его сердце. Онъ любилъ супругу свою искренно и отъ всей души, что она и заслуживала своимъ опимѣнно-любезнымъ характеромъ. Но еще болѣе почувствовалъ онъ свою къ ней привязанность, когда, однимъ ушромъ, съ выступившимъ на щекахъ нѣжнымъ румянцемъ, призналась она ему, что наконецъ исполняется ея первѣйшее желаніе, что она

скоро будешь машерью. Съ этого мгновенія въ ней полагалъ онъ все свое на земль счастье; и если мечпалась ему иногда Жакелина, какъ будто для того, чѣмъ доказать прошивное — онъ всѣми силами старался отгонять отъ себя такіе призраки, какъ бы смершнй грѣхъ.

И въ самой Герцогинѣ, съ минушы ея признанія, казалось, удвоилась прежняя къ нему нѣжностъ; но въ глазахъ ея чиналъ онъ нѣрѣдко неизъяснимую скорбь, копорая съ каждымъ днемъ спановилась примѣшнѣе. Часто успремляла она на него, въ молчаніи, свои взоры, какъ будто желая насыпшнть ихъ; и вдругъ пошомъ громкія рыданія вырывались изъ груди ея, слезы текли ручьями. Напрасно старался онъ ушѣшать ее, успокоивашъ или своими ласками вывѣдывашъ причину ея печали. Ничто не помогало, и шолько слабые предлоги изыскивала она въ извиненіе спранныхъ своихъ поступковъ. Озабоченный супругъ обращался съ вопросами къ лѣкарю, копорый обыкновенно въ шакомъ случаѣ улыбался, покачивалъ головою и говорилъ: „Не извольте беспокоишъся, Ваша Свѣшлостъ! Это весьма натурально: обстоятельствова супруги вашей шаковы, что не можете быть иначе.“

И Его Свѣшлость находила, что лѣкаръ разсуждаетъ весьма основательно. Только при ближайшемъ наблюденіи Герцогини, слезъ ея и ласкательствъ, казалось, какъ будто какая нибудь особая, непроницаемая шайна бременитъ ея душу. Однажды сказала она даже загадочныя слова: „То самое, что я буду матерью, что цѣль моихъ желаній совершится, то самое и дѣлаетъ меня счастливѣйшею и вмѣстѣ несчастнѣйшею женщиною.“

Однажды вечеромъ, когда уже ни на минуту не выпускала она его изъ глазъ своихъ; когда веселость и слезы, какъ свѣтъ солнца и дождь въ Апрельскую погоду, мѣнялись безпрерывно на лицѣ ея — приступилъ онъ къ ней снова, умоляя объяснить загадочное ея поведеніе. Просьбы его были шакъ неопшупны, что наконецъ сказала она: „Хорошо; завтра вы все узнаете.“ Напрасно заклиналъ онъ не отсрочивать; къ этому ничто уже не могло склонить ее. Она повела его къ ужину, и просила на эшотъ разъ пошопить свое любопытство въ сплканѣ вина.

.

Когда онъ проснулся, то первую мыслью его была шайна, которую Герцогиня обшчала открьть. Но какъ же удивился

онъ, когда увидѣлъ себя лежащимъ на шюфлякѣ, въ шой горницѣ съ ободранными на спѣнахъ обоями, гдѣ былъ нѣкогда съ Халдейцемъ. Въ каминѣ шеплилось еще нѣскольکو угольевъ. Старый егеръ въ изношенномъ плащѣ споялъ у окна, и едва только замѣшилъ его пробужденіе, какъ побѣжалъ шоропливо къ дверямъ и закричалъ: „Господинъ Абубекеръ, онъ проснулся!“

Халдеецъ вошелъ шопчасъ, и первымъ его вопросомъ было: „Что, какво шеперъ вамъ?“

— Изрядно; шолько голова немножко шяжела — ошвѣчалъ Ле Блондъ. — Но прежде всего объясните мнѣ: гдѣ я? и какія дьявольскія шутки вы со мной спроеите?

„Гдѣ жъ вамъ бышь, какъ не въ Валеріи Дезанжъ?“

— Гдѣ жъ мой замокъ, моя супруга, Герцогиня Мельфи? гдѣ мои слуги?“

Халдеецъ захохоталъ. „Вы, кажешся, все еще живеше въ своихъ мечшахъ. Но, шутки въ спорону, примите скорѣ впу микспуру: она подкрѣпитъ ваши силы. Въ самомъ дѣлѣ не шутка пролежашъ при мѣсяца безъ чувствъ. Вы много хлопощъ намъ надѣлали. Возьмите же, выпейте поскорѣ.“

Блондинъ спалъ-было ошговаривашься, но когда Халдеецъ объявилъ ему, что през-

де того не получишь никакого отъвета, онъ вынулъ. Чуть не захватило ему горла отъ крѣпости написка. „Ну, теперь говорите“ — началъ опять Блондинъ — „гдѣ Герцогиня, моя супруга? я непременно хочу къ ней!“

— Господиъ Ле Блондъ — отвѣчалъ Халдеецъ съ свойственною ему сухостию — опомнишесь, гдѣ вы и зачѣмъ сюда со мною прѣехали. Придите въ себя и подумайте, что вы дѣлаете себя смѣшнымъ, грѣзя, какъ помѣшанный. Откуда взяли вы свои замки, своихъ слугъ и Герцогиню? Скорѣе же я имѣю право дѣлать вамъ упреки въ шой поскѣ, которую вы навели мнѣ своимъ обморокомъ: это послѣдствіе вашего нечиспосердечія со мною. Не остерегалъ ли я васъ, не твердилъ ли вамъ, что будетъ худо? Зачѣмъ же не хотѣли меня слушать?

„Переспаньте шумить, господиъ Абубекеръ!“ — вскричалъ Блондинъ почти съ досадою. Скажите, гдѣ древній замокъ Шармъ? гдѣ Герцогиня Мельфи, моя супруга?“

Халдеецъ покачалъ угрюмо головою, и, помолчавъ, сказалъ: „Во Франціи нѣтъ вовсе никакой Герцогини Мельфи, никакого замка Шармъ. И съ чего мечтаете вамъ, кружевному продавцу, о Принцессахъ? Если вы размыслили о томъ хоть одну минушу хоро-

шенько, по конечно сами убѣдишесь въ своемъ заблужденіи.“

— Но у меня есть письма отъ Герцога Орлеанскаго, отъ Герцога Гимене, отъ Герцогини Немуръ, отъ — отъ — да, отъ самаго Короля! —

„Гдѣ жъ они у васъ?“

Блондинъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Онъ лежалъ на шюфлякѣ и въ шомъ же самомъ дорожномъ плащѣ, которое взялъ съ собою изъ Намура. Тупъ спалъ онъ проширивъ глаза, шерь себѣ лобъ и наконецъ вскочилъ. Въ эту минушу солнце садилось за горизонтъ.

„Что это?“ вскричалъ Ле Блондъ. „Что теперь: утро или вечеръ?“

— Вечеръ — отвѣчалъ Халдеецъ.

Блондинъ покачалъ головою; онъ не понималъ самаго себя. Задумчиво спалъ ходилъ по комнатамъ взадъ и впередъ; остановился опять; осмотрѣлся вокругъ, обвелъ себя глазами, ощупалъ свои карманы, и когда удостоверился, что ни кругомъ его, ни на немъ не было ничего похожаго на Герцогское, сказалъ: „Не понимаю, теперь ли я ослѣпленъ или былъ прежде. Вы конечно не разувѣрите меня, чтобъ я болѣе четверти года грѣшилъ, тогда какъ я всякой день ѣлъ, пилъ, спалъ и вставалъ?“

Нов. Библ. Ч. III.

9

— А вы, государь мой — возразилъ Халдеецъ съ примѣшною по голосу досадою — вы конечно не захопите, чтобы я спалъ бранишься съ вами за ваши пустыя мечты? Душайте о своемъ положеніи что хошите; только благодарить должны вы меня за то, что я избавилъ васъ отъ безчувствія.

„Васъ благодарить? Извините, господинъ Абубекеръ, вы ошибаетесь въ расчетѣ. Не очень успѣшительно изъ Герцога Мельфи сдѣлались кружевнымъ поргашемъ.“

— Хорошо, господинъ Ле Блондъ, не спяну вамъ прошиворѣчь. Но мнѣ время дорого. Коляска заложена; намъ надобно ѣхать назадъ въ Намуръ. Не мѣшайте же, если угодно мнѣ соупривовать.

„Ни за что! я не сойду съ мѣста, пока не узнаю, гдѣ я. Замокъ Шармъ и моя супруга должны быть отсюда недалеко.“

— Если вы такъ думаете, господинъ Ле Блондъ, то извольте оставаться здѣсь въ лѣсу; а я поѣду въ Намуръ одинъ.

Халдеецъ въ самомъ дѣлѣ пошелъ. Блондину показалось не такъ пріятно оставаться одному въ совершенно неизвѣстномъ ему мѣстѣ. Онъ закричалъ своему спутнику, отворившему уже дверь: „Эй, господинъ Абубекеръ, одно слово. Что же сдѣлалось съ кладомъ, за копорымъ пріѣхали мы?“

— Обь эшомъ можемъ поговорить въ коляскѣ, когда ваши мысли придуть въ лучший порядокъ.

Блондинъ съ огорченіемъ покачалъ головою и послѣдовалъ за Халдейцемъ. Коляска сшодла въ самый дѣлъ передъ крыльцомъ домика; нѣсколько слугъ сѣдло впереди и сзади. Сѣли и господа. Лошади помчали черезъ дѣсъ легкимъ и быспрымъ бѣгомъ.

Р а з л у к а .

Блондинъ невольнo вздыхалъ, сѣдя подлѣ своего чародѣя, кошорый совсѣмъ, казалось, не былъ расположенъ прервать молчаніе, а скорѣе, ошъ быспроши възды, склоненъ былъ ко сну. Между шѣмъ Ле Блондъ, размышляя обь эшой быспрошѣ, сѣдлалъ два сущесствено-важныя замѣчанія. Первое то, что конечно кладъ не саншкомъ увѣсисшъ, если оиъ былъ дѣйсшвительно найденъ и положенъ въ коляску. Другое — что господинъ Абубекеръ, при всемъ своемъ колдовствѣ, долженъ былъ распорядишся заранѣе добрымъ порядкомъ, пошому что въ продолженіе ночи мѣняли нѣсколько разъ лошадей, кошорыя всегда находимся въ гошовности и сѣда на

одну минушу задерживали скорое ихъ пушеснвіе.

„Поговоримъ же шеперь о кладѣ“ — сказалъ Блондинъ — „нашли мы его, чшо-ли?“

— Конечно! — отвѣчала Халдеецъ сонливомъ — Вашъ обморокъ причиною, что онъ не такъ значиселенъ, какъ я ожидалъ; однако досшапочень для шого, чшобъ обезпечитъ цѣлую вашу жизнь.

„А какъ великъ?“

— Не знаю.

„Тупъ же лежитъ, въ нашей коляскѣ?“

— Да тупъ! — сказала, зѣвая, Халдеецъ. — Однако, съ позволенія вашего, мнѣ очень хочешся спашь, и я покорнѣйше прошу дасть мнѣ покой; а вы между шѣмъ подумайте, какъ употребить ваши денежки.

Такая сонливосшь напала на Халдейца совсѣмъ невовремя, по разсужденію добраго Блондина. Онъ спарался своими замѣчаніями и вопросами какъ нибудь его разсѣять. „Тупъ нечего думашь“ — сказалъ онъ — „ужь это рѣшено: какъ скоро получу кладъ, шо пушусь разѣзжать по всей Франціи, пока не ошѣищу замка Шармъ и моей супруги.“

— Конечно; самое лучшее средство дасть уплышь безъ пользы своимъ деньгамъ. Но для шого ли наградила васъ добрый вашъ Ге-

ній, что бы вы промолчали ихъ для мечины? Напрасно же я себя для васъ безпокою; и теперь ужъ вы упрочиваете немалую долю своими безразсудными планами. Придумайте поумнѣе способъ употребить то, что вамъ достанется.

Эпо привело Ле Блонда нѣсколько въ смущеніе: „Что вы разумѣете: употребить поумнѣе?“ спросилъ онъ.

— Въдь вы любите дочь Генерала— какъ бишь его зовуть?

„Боже мой!“ закричала Блондинь. „Можно ли объ этомъ думать! Я ужъ жена. Скоро надвюсь быть опцемъ.“

— Ахъ, замолчите пожалуйста!— вскричала съ негодованіемъ Халдеецъ — иначе вы меня взбѣсите своими вздорными грѣзами. И я вамъ сказываю, что эпимия словами пошеряли вы снова знашную часть своего клада. Если не будете разсудительнѣе, то— говорю вамъ напередъ — пошеряете все и даже самаго меня.

Блондинь умолкъ. Эпопъ человекъ всегда ему казался загадкою; теперь же спадъ подозрительнѣе. „Положимъ“ — думалъ онъ — „что Халдеецъ совсѣмъ и въ мысляхъ не имѣлъ доставать мнѣ клада, а хотѣлъ только сыграть со мною шушку; но что за охота ему шутить съ такими большими

выдержками? И хотя бы пребывание мое въ замкѣ Шармъ было не что иное, какъ сонъ, съ чего вздумалось ему терять для меня столько времени? Нѣтъ, если это и шушка, то не безъ умысла.“ Въ такихъ размышленіяхъ очень хотѣлось ему начать снова прерванный на минушу разговоръ; но Халдеецъ захрапѣлъ, а это значило, что всѣ вопросы его были бы уже тщетны.

Спустя съ полчаса времени — спало уже разсвѣшашь — коляска остановилась у небольшого домика подлѣ моста для перемѣны лошадей; шумъ Халдеецъ помянулся и сильно зѣвнулъ, но, казалось, опять хотѣлъ погрузиться въ крѣпкій сонъ. Блондинъ не могъ долѣе выдержать, толкнулъ своего соседа и сказалъ: „Позвольте чистосердечно спросить васъ, господинъ Абубекеръ: хотѣли ли вы сыграть со мною шушку или и до сихъ поръ ее продолжаете? Я обо всемъ размыслилъ, какъ должно. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ считали меня до того глупымъ, чтобы я повѣрилъ, будто цѣлые три мѣсяца могъ я лежать безъ чувства и грѣзить...“

Халдеецъ началъ насвистывать себѣ подъ носъ, чтобы не слушать. Но Блондинъ продолжалъ весьма покойно: „Вы въ жизнь свою меня не разувѣрите. Теперь я въ состояніи доказать вамъ самымъ неоспоримымъ

образомъ, что я двѣшвищельно былъ въ замкѣ Шармъ несонный, что я супругъ Герцогини . . .“

Абубекеръ, не давъ ему договорить, загремѣлъ всею силою своей горшани, но на шакомъ языкѣ, какого Блондинъ ошъ роду не слыхивалъ.

„Прошу васъ, господинъ Абубекеръ, говоришь шакъ, чшобъ я васъ разумѣлъ“ — сказалъ онъ ему.

— Вы правы, господинъ Ле Блондъ, я забылся! — ошвѣчалъ Халдеецъ, подвинулся ближе къ нему и продолжалъ сердитымъ, но нѣсколько смягченнымъ голосомъ, сжавъ ему крѣпко руку: „Всѣ мои предостереженія были для васъ напрасны. Вы уже лишили себя немалой доли своего счастья. Берегитесь, говорю вамъ, если не хотите пошерять всего. Я вынужденъ поступить съ вами иначе. Выслушайте меня внимательнo. Забудьте свой сонъ; чшобъ въ цѣлую жизнь вашу обо вѣхъ вздорахъ, какія вамъ представлялись въ немъ, уста ваши не произнесли ни одного слова, ни передо мною съ вшой минушы, ни передъ кѣмъ другимъ въ свѣтѣ; чшобъ рука ваша не осмѣлилась написать о номъ ни одной спрочки, даже нарисовать чего нибудь, вамъ изъ того памяшнаго. Словомъ, предайте совершенному заб-

женію ваши мечпы. Съ симъ условіемъ увидше вы меня опяшь когда - нибудь; иначе никогда.“

При сихъ словахъ отворились дверцы коляски; Хадеець вышелъ и въ то же мгновеніе влѣзь въ нее широкоплечій, крѣпкій мужчина и сѣлъ, безъ всякаго привѣта и церемоніи, рядомъ съ Блондиномъ, а между шѣмъ коляска двинулась и помчалась черезъ мостъ.

На это неожиданное явленіе смотрѣлъ Блондинъ удивленными, неподвижными глазами; но изумленіе его увеличилось еще болѣе, когда новый сосѣдъ вынулъ изъ кармана пистолеть и сказалъ: „Тутъ засажена славная пуля!“ — попомъ вышпацилъ огромный ножъ и примолвилъ: „нашочень мастерски; не угодно ли вамъ попробовашъ острее пальцемъ?“

— Совсѣмъ не иштю охопы — возразилъ ошоропѣвшій Ле Блондъ — довольно шого, что опъ васъ слышу. Но къ чему все это?

„Къ шому“ — отвѣчалъ сосѣдъ — „чшобы при первомъ вашемъ крикѣ, при первомъ подозрительномъ движеніи, какое вы сдѣлаете, имѣшь честь всадишь вамъ вшопъ ножъ между ребрами или размозжишь вамъ голову вшимъ пистолетомъ. Мнѣ очень жаль, что намъ обоимъ пришлось жить въ шакихъ шѣсныхъ общошельстввахъ. Для вашей же

безопасности долженъ я васъ просить позво-
лишь мнѣ завязать вамъ глаза, пока мнѣ бу-
дешь приказано опять вамъ открыть ихъ.“

— Но для чего же это? — спросилъ испуганный Блондинъ.

„Для того, что мнѣ предоставлена пол-
ная надъ вами власть.“ Такъ отвѣчалъ ужас-
ный сосѣдъ, и вытащилъ плашокъ. „Позволь-
те же“ продолжалъ онъ и наставилъ острее
ножа на грудь Ле Блонда.

Противъ шакихъ убѣжденій конечно не-
чего было говорить много. Блондинъ прекло-
нилъ робко свою голову и глаза его спянушы
были въ мигъ крѣпко-на-крѣпко, такъ, что
плашокъ не пропускалъ и мерцанія свѣта.

Теперь ничего уже не оставалось дѣлать
Блондину, какъ размышлять, потому что
упрямый сосѣдъ какъ будто онѣмѣлъ — по
крайней мѣрѣ не отвѣчалъ онъ ни на одинъ
вопросъ; изрѣдка шолько предлагалъ вина
или холоднаго кушанья. Разныя мысли сму-
щали бѣднаго Ле Блонда: то раскаявался
онъ, что вдался въ приключенія съ Халдей-
цемъ; то сожалѣлъ, что навлекъ на себя
гнѣвъ его, а чрезъ то лишился и клада.
Наконецъ, помня послѣднія слова Абубекера,
принялъ онъ швердое намѣреніе послѣдовать
его приказанію. Въ этомъ случаѣ по край-
ней мѣрѣ могъ онъ питаться надеждою когда-

нибудь онашь увидѣшь эшого чудака, копорый — какъ ни разсуждай — былъ конечно человекъ непростой.

Не знаю, долго ли, коронко ли они ѡхали. И самъ Блондинъ, немогшій различать дня отъ ночи, не зналъ эшого. Онъ засыпалъ, грѣзилъ, просыпался опять и разсуждалъ, что путешествованіе очень длиннѣе, пошому что ему было очень скучно. Всего болѣе мучило его неперенѣніе узнать, что съ нимъ будетъ и куда везуть его. Но сосѣдъ не отвѣчалъ ему ни слова.

Все по старому.

„Выходите, прошу васъ“ — сказалъ сосѣдъ. Ле Блондъ повиновался. Сосѣдъ помогъ ему, какъ дѣлалъ то и прежде. Спавши на твердую землю, но не зная гдѣ, Блондинъ ожидалъ, что будетъ далѣе. Тутъ коляска застучала и проѣхала мимо. Однако онъ все еще споялъ въ недоумвннн. Прошло нѣсколько минушь, а сосѣдъ не отвѣчался. Блондинъ кликнулъ его — отвѣта не было. Подѣвхалъ другой экипажъ; и шопъ прокашлялся мимо. Наконецъ осмыслился онъ прнподнять немного свою повязку. Ножъ сосѣда не сверкнулъ передъ глазами и не отозвался между ребрами.

Тупъ сорвалъ онъ плашокъ, но видѣлъ онъ того не лучше: туманъ и шьяма передъ глазами. Добрый Блондинъ испугался, думая, не ослѣпли ли уже въ самомъ дѣлѣ, но, повернувшись скоро въ другую сторону, увидѣлъ освѣщенные окна длиннаго ряда домовъ. Онъ началъ всматриваться и радостно изумился, узнавъ очень знакомую главную улицу Намура; онъ споялъ даже передъ домою Президентъ, передъ своей лавкой съ шелковыми и кружевными поварамъ, копорая однако была заперта, потому что вѣрно было не ранѣе полуночи. Дорожная коляска Халдейца и опасное въ ней сосѣдство давно уже оправились своимъ пушемъ.

Долго спучался Блондинъ у дверей; наконецъ сонный служитель его отперъ и съ полчаса проширалъ себѣ глаза, невѣря, что видитъ своего господина. Однако это его разшевелило и обрадовало. Онъ взялъ дорожный сундукъ, споявшій у дверей на улицѣ, и проведя своего барина въ маленькую его горенку, пустился въ рассказы обо всѣхъ новостяхъ по городу и по шорговлѣ, о копорыхъ Блондинъ совсѣмъ не любопытствовалъ знать въ это время.

На слѣдующее утро — можно бы сказать въ слѣдующій полдень, потому что господинъ Ле Блондъ, испомленный своимъ

приключеніями и путешествіемъ, проспалъ сномъ богатырскимъ — все было по старому: маленькая горенка, видъ на яминную бѣсѣдку, каждый спомъ, каждый спуль, каждый шкапъ. Блондинъ прошеръ себѣ глаза — все было по прежнему. Прошедшее подобилось сну; все въ немъ непостижимо; всего болѣе Герцогство Шармъ. Блондину казалось, какъ будто онъ былъ залушанъ въ какія-нибудь дьявольскія похождения и мнимый Халдеецъ долженъ бытъ или самъ бѣсъ или какой-нибудь чернокнижникъ, употреблявшій его на свои кощунскія пробы. Съ немалымъ любопытствомъ отворилъ онъ свой сундукъ; при шаринныя, шерпыя золотыя монеты лежали сверху плашня. Онъ спалъ рысья далѣе, счиная ихъ предвѣспницами лежащаго внизу сокровища. Не шупъ-шо было. Все впрочемъ лежало въ шомъ самомъ порядкѣ, какъ онъ собственноручно укладывалъ наканунѣ спѣзда своего съ Халдейцемъ въ Валерію Дезанжъ.

Не все по старому.

Онъ глубоко вздохнулъ. Опъ всѣхъ страннхъ его приключеній не осталось ему ничего существеннаго, кромъ шрехъ неполно-

вѣсныхъ золотыхъ монетъ и пяти тысячъ ливровъ, которыя Халдеецъ далъ ему передъ отъѣздомъ. Что жъ было дѣлать? Засѣсть опяшь въ свою кружевную лавку и поджидать молодыхъ покупательницъ, которыя во время его отсутствія совсѣмъ, казалось, исчезли. Хотя не любо, но должно было покориться такой участи.

Вопшъ онъ сидишь въ лавкѣ; но торгъ невеликъ, дѣла немного, и чѣмъ его меньше, тѣмъ чаще выходишь онъ въ маленькую заднюю горенку, садися у окна и смопришь, не проглянешь ли гдѣ Жакелина. Но она нигдѣ не проглядываешъ. По крайней мѣрѣ двадцать разъ въ день выбѣгаешъ онъ въ садъ и въ ясминную бесѣдку въ томъ предположеніи, что его наконецъ увидяшь. Все напрасно. Жакелина не показываешся. Но чѣмъ чаще приходиль онъ въ бесѣдку, тѣмъ болѣе исчезала въ его памяти Герцогиня Мельфи; тѣмъ живѣе представлялась воображенію пльнишельная Жакелина, пріятность уроковъ съ нею, увѣренія въ любви, слезы и объщанія въ неизмѣняемой вѣрности. На счетъ послѣдняго воспоминаніе конечно не доставляло ему много удовольствія, потому что онъ съ своей стороны чувствовалъ упреки совѣсти, и боялся, не такимъ ли же образомъ и Жакелина сохранила къ нему вѣрность.

Обыкновенно въ такомъ случаѣ старался онъ убѣдить себя, что прежнее Герцогство его было не что иное, какъ сонъ; однако неугомонная совѣсть и шѣмъ не довольствовалась: невѣрность и во снѣ — все невѣрность.

По крайней мѣрѣ двадцать разъ вечеромъ прохаживался онъ взадъ и впередъ по улицѣ Св. Фіакра, всматривался въ каждое окно дома, гдѣ жили сестры Буонвинчини изъ Милана; но и эшѣ наблюдательныя прогулки были напрасны. Предельной, съ каждою минутою горячѣе любимой имъ Жакелины не видалъ нигдѣ.

На другой день еще хуже: на робкіе вопросы его ошвѣчали — чуть-было не упалъ онъ безъ чувствъ отъ роковаго извѣстія — что Генераль де Фано за нѣсколько недѣль увхалъ изъ Намура, со всѣмъ своимъ семействомъ, вѣроятно въ Испалію.

Онъ побѣжалъ въ маленькую свою горенку, бросился на постель и плакалъ, какъ ребенокъ. Теперь только, теперь, когда потерялъ безъ надежды Жакелину, почувствовалъ онъ, какъ много любилъ ее. Сердце его было расперзано. Онъ проклиналъ свою несчастную долю, а еще больше колдуна Халдейца, кошорый довелъ его до невѣрности,

разстроилъ его торговлю, лишилъ его Герцогства, лишилъ Жакелины.

Нельзя же однако все плакать и проклинашь. Бѣдный Блондинъ принялся опять за свой кружевной шоръ, а горе свое и безнадежную любовь скрывалъ въ опчаянной душѣ. Безъ друзей, безъ утѣшенія, влачилъ онъ унылую жизнь, какъ человекъ безоправданный. О своемъ приключеніи съ Халдейцемъ не рассказывалъ онъ никому, хотя вѣроятно многіе изъ знакомыхъ любопытствовали знать, гдѣ былъ онъ столько времени. Къ тому же онъ самъ не зналъ, что думать объ этомъ приключеніи. Къ кому только адресовался изъ неученыхъ и ученыхъ, со всѣхъ сторонъ слышалъ, что ни Герцогини Мельфи, ни замка Шармъ, ни даже Валеріи Дезанжъ, вовсе не существуютъ въ мірѣ. По этому онъ заключилъ, что Халдеецъ долженъ быть хвастунъ, который въ своемъ чародѣйномъ свѣщѣ избралъ свою собственную Географію.

Прошло шесть недѣль и Блондинъ зажилъ совершенно по прежнему, выгнавъ изъ своей головы почти все, кромѣ Жакелины. Вдругъ случилось съ нимъ опять нѣчто Халдейское.

Н п ч т о Х а л д е й с к о е .

Однажды поупру, въ числѣ нѣсколькихъ писемъ по торговымъ его сношеніямъ, получилъ онъ одно съ надписью: *A Monsieur, Monsieur de Blond de Laure.* Городъ, улица и домъ были означены весьма вѣрно, такъ, что нельзя было сомнѣваться, чтобы письмо слѣдовало не ему. Измѣненіе частицы *le* на дворянское *de* не слишкомъ его удивляло, попому что это могла бытъ ошибка. Но присовокупленное къ его фамиліи *de Laure* привело его въ большое изумленіе. Онъ распечаталъ пакетъ. Письмо было писано изъ помѣстья Де Лоръ при Гальякъ, въ Лангедокской провинціи; подписался Маршень Кристинъ, всенижайшій слуга и управитель милосивѣйшаго своего господина; содержаніе было почти слѣдующее: „Поелику прекрасное помѣстье Де Лоръ, со всеми принадлежащими къ нему деревнями и угодьями, куплено господиномъ Сень Валерія Дезанжъ, для господина Де Блонда, по бывшій доподъ управитель онаго почтительнѣйше рекомендуетъ себя новому барину и всемилосивѣйше проситъ—не лишать его высокой своей довѣренности. Всѣ ему подвластные люди ничего споль горячо не желаютъ, какъ шолько, чтобы высокоименный господинъ осчастл-

двинулъ ихъ своимъ присуществіемъ, Пришомъ всенижайшій слуга Маршень Криспинъ спрашиваешь, прикажешь ли милоспивый баринъ въ шакомъ случаѣ, буде не пожелаетъ онъ вскорѣ прибышь въ свое помѣстье, доспавляшь къ нему доходъ по четвершамъ года надежными векселями.

Де Блондъ прочищаль письмо по крайней мѣрѣ разъ десятишь. Наконецъ бросиль его въ спорону и сказалъ: „Этошь Маршень Криспинъ сущій гаупецъ!“ — Однако имя Валерія Дезанжъ приводило его въ большое раздумье. „Ужь не Халдеець ли опяшь зашъ-ваешь сыграшь со мной шшуку на свой образецъ? Да нѣшь, господинъ Абубекеръ! Этошь разъ не шакъ-шо легко удасишь шебѣ заманишь меня въ швои дьявольскія сѣшн.“ — Тушь положиль онъ письмо къ шремъ спарымъ золошымъ монешамъ.

Спусши съ недѣлю времени, пришель другой пакешъ, довольно увѣсиспный. Въ немъ заключалась по всей формѣ написанная купчая крѣдосшь на помѣстье Де Лоръ, въ которой покупщикъ и насшоящій владѣлецъ Г. де Блондъ былъ наименованъ; къ шому приложены были квитанціи ошъ прежняго владѣльца въ исправной уплатѣ денегъ. Между бумагами нашлась и слѣдующая запшсочка.

„Государь мой!

Вошь вамъ кладъ, обратившійся въ одно изъ пріятнѣйшихъ и прибыточнѣйшихъ помѣстій. Наслаждайтесь въ молчани.

Абубекеръ.“

Блондинъ не имѣлъ ни малѣйшей причины сомнѣваться въ подлинности письма, но все не ввѣрилъ Хаадейцу. Одинъ ежегодный доходъ ошъ помѣстья въ Лангедокъ навѣрное превышалъ все имущество, какое заключалось въ наличномъ капиталѣ и въ поваряхъ нашего кружевнаго продавца. Откуда же взялъ Хаадейцу такое богатство и соринь имъ? Какая могла быть при томъ его цѣль?... Какъ бы ни были опыты Ле Блонда, однако онъ никакъ не хотѣлъ согласиться съ шѣмъ, чшобъ шощій, желтолицый пріятель его Абубекеръ, со сверкающими своими глазами, пріѣхалъ въ самое дѣль изъ Хаадеи, былъ въ самомъ дѣль пріиспа двѣнадцати лѣтъ ошъ роду и шашался по бѣлу свѣшу за шѣмъ, чшобъ для какихъ нибудь бѣдняковъ отпрывать клады. Это было бы ремесло совершенно новаго рода.

Съ большою оспорожностію разспрашивалъ Блондинъ шамъ и сямъ о провинціи Лангедокъ, о городѣ Гальякъ и о помѣстьѣ Де Лоръ. И когда все удостовѣрило его въ

дѣйствительномъ существованіи сего имѣнія, вздумалъ онъ удостовѣриться и на счетъ купчей. Для того пошелъ однажды прямо къ Президенту, въ домъ котораго жилъ, разсказалъ ему, что получилъ значительное наследство отъ одного родственника изъ Ост-Индіи или что то подобное; что на присланныя деньги купилъ себѣ помѣстье Де Лоръ, и ш. д. Президентъ, который Блондина до сихъ поръ едва удостоивалъ вниманія, какъ своего жильца, началъ пристально вслушиваться, когда узналъ о такомъ богатствѣ молодаго человѣка. Дошло дѣло до того, чтобы увѣриться, нѣтъ ли чего нибудь поддѣльнаго въ купчей. Онъ взялъ ее, сталъ разглядывать печать, подписи, и вскорѣ ласково поклонился Блондину; назвалъ его прежде: *другъ мой*, потомъ, еще посмотрѣвши на бумагу: *мой добрый господинъ Ле Блондъ*; далѣе, прочитавши, на какую сумму сдѣлана покупка: *господинъ де Блондъ*; а наконецъ, когда пробѣжалъ глазами рядъ значительныхъ деревень, принадлежащихъ къ помѣстью, возвеличилъ его уже *господиномъ Де Лоръ*.

Уже изъ сихъ поспешенно возрастающихъ привѣтствій Блондинъ заключилъ, что не обмануть Халдейцемъ. Президентъ просилъ его садиться; изъявилъ желаніе и на-

*

жду не въ послѣдній разъ видѣшь его у себя, удивлялся между прочимъ, какъ онъ все еще не покинулъ своего ничтожнаго кружевнаго шорга, и заключилъ предложеніемъ занять цѣлый пусшой этажъ его дома съ погребамн, конюшнями и всеми принадлежностями.

Вскорѣ по всему городу разнеслось о богатомъ наследствѣ Блондина; лавка съ кружевами и шелковыми шоварами была вся распродана; ошвсюду епекались поздравленія; изъ всѣхъ лучшихъ домовъ, особливо шѣхъ, гдѣ жила какая нибудь изъ прежнихъ покущицъ, присылали приглашенія; половина города причлась въ родню.

Однако все это не дѣлало Блондина счастливымъ. Хотя до сихъ поръ главнымъ его занятіемъ было копншь деньги, но теперь, когда мановеніемъ волшебнаго жезла приведенъ былъ онъ въ блиспапельное положеніе, это нимало его не прельщало. Только Жакелина была въ умѣ его. Охошно бы промѣнилъ онъ все на шо, чншобъ, съ Грамашикой въ рукахъ, бышь по прежнему ея учишелемъ. Въ Намуръ не хошѣлъ онъ оставашься; рѣшился искашь Генерала Де Фано по всему свѣту, хошн бы это и ошншь повергло его въ бѣдность.

Поездка въ Де Лоръ.

Чтобы путешествовать по всему світу, надобно имѣть деньги. Блондинъ осматривалъ Намуръ съ пѣмъ, чтобы прежде всего прибравъ къ рукамъ запасъ своего всенужайшаго Маршена Криспина.

Дорогой не случилось съ нимъ ничего примѣчательнаго, хотя онъ довольно часто поглядывалъ по сторонамъ, не увидишь ли гдѣ замка Шармъ. Уже достигъ онъ Лангедока и вечеромъ выѣзжалъ изъ пріятнаго города Альби, лежащаго на высохъ, какъ вдругъ случилось съ нимъ приключеніе, самое неожиданное изъ всѣхъ, какія можно себя вообразишь.

У подошвы одной горы выпелъ онъ изъ экипажа, чтобы взобраться на нее пѣнкомъ, а коляска ѣхала между пѣмъ пошихоньку за нимъ. Вдругъ на встрѣчу ему мчится кареша чешверкою, сопровождаемая нѣсколькими верховыми. Блондинъ едва успѣлъ своропиться въ сторону — такъ быспро они скакали. Бросивъ бѣглый взглядъ въ окна карешы, узналъ онъ, или по крайней мѣрѣ такъ ему показалось, пѣхъ, кого бы въ жизнь свою не могъ предсавить себѣ вмѣстѣ. Тошій, желтолицый Халдеецъ сидѣлъ въ ней и велъ прежаркой разговоръ съ пѣнишельною Жа-

келиною. Блондинъ приросъ къ мѣсту отъ изумленія; онъ спалъ проширать глаза свои, въ кошорыхъ какъ будто пошемябло; взглянулъ опять, но уже ничего не видалъ болѣе: карета, Жакелина, Хаддеецъ, верховые — все исчезло, какъ призракъ. Но какъ эптошъ призракъ шумѣлъ еще вдалекѣ, спуча по каменистой дорогѣ, то Блондинъ топчасъ поворошилъ назадъ, побѣжалъ къ каретѣ своей и закричавъ кучеру, ччтобы онъ обернулъ опять по дорогѣ къ Альбн, бѣжалъ самъ безъ памяти впередъ. Нельзя было на скакѣ горы шакъ скоро поворошить коляску, какъ ему хотѣлось, и потому, пока дѣлали нужныя пригошювленія, онъ уже успѣлъ добѣжать снова къ подошвѣ горы. Однако путешественниковъ было уже не видно, и эпто придало ему еще болѣе прыши — онъ бѣжалъ, бѣжалъ, пока не упалъ почши безъ чувствъ у одного дерева.

Въ это время проскакало мимо его еще нѣсколько верховыхъ; увидѣвъ его, они воропились и спрашивали не встрѣтилась ли ему карета, въ кошорой сидѣлъ господинъ съ молодою дамой.

„Встрѣтилась, встрѣтилась!“ вскричалъ Ле Блондъ, кошорый съ своей стороны хотѣлъ также спрашивать. Но они не дали ему вымолвить слова. Ихъ лица горѣли отъ

гнѣва и нешерцѣнія. „Не кричала ли дама?“ спросили они.

— Ни мало.

„Не былъ ли у нея завязанъ ротъ?“

— Кажется, нѣтъ.

„Не пробовала ли она освободиться отъ своего похищителя?“

— Похищителя? — прошепсала Блондинъ, и у него опять потемнѣло въ глазахъ.

„Куда они поѣхали?“

Безмолвно показалъ онъ имъ рукою, и верховые помчались опять.

„Такъ похищена Халдейцемъ!“ разсуждалъ Блондинъ, испуская вздохи и проклятія, какія ревность его могла только внушить противъ похищителя. Приходило, правда, на умъ, что приспа двѣнадцати-лѣтній любовникъ не можешь быть опаснымъ соперникомъ; но какъ поручиться за чародѣя?...

Какъ скоро подоспѣла коляска, бросился онъ въ нее и погналъ опрощью въ Альби. Уже довольно стемнѣло, когда прѣехали въ городъ. Можно ли пускаешься далѣе ночью? „Въ пракширъ!“ закричалъ Блондинъ, который между тѣмъ собрался съ духомъ и сдѣлался разсудительнѣе. Развѣзжаты въ чужой, незнакомой сторонѣ и ночью, казалось уже ему совершенною глупостью. Между тѣмъ въ Альби надѣялся онъ развѣдать что-ни-

будь о Жакелинь, или объ ея ошцѣ, или о колдунь-Халдейцѣ.

Однако онъ ничего не узналъ, хотя въ пошъ же вечеръ нарочно пошелъ въ концершъ, гдѣ спрашивалъ всѣхъ, споявшихъ вокругъ него, рассказывая имъ о похищеніи.

Послѣднее появленіе Халдейца.

Съ глубокою печалью въ душѣ, легъ онъ въ постель; однако уснулъ скоро, ушомаясь пушешествіемъ. Но едва начало разсвѣшашъ, какъ довольно жесткіе шолчки подъ бокъ разбудили его. Онъ опкрылъ глаза и увидѣлъ, посреди обонхъ своихъ слугъ, полусонныхъ, держащихъ въ рукахъ зажженныхъ восковыхъ свѣчъ — Халдейца. По мановенію глазъ чародья, свѣчъ посшавлены на споль и слуги скрылись.

„Я обшцалъ вамъ — еще разъ увидѣшьсѣ съ вами, господинъ ЛеБлондъ —“ сказалъ Халдеецъ.

— Весьма радъ — опшвѣчалъ Блондинъ, который смолрѣлъ на него, какъ на привидѣніе — но, господинъ Абубекеръ — —

„Извините! Во Франціи имѣю я Французское названіе. Теперь зовущъ меня Сень-Вадеріа Дезанъ.“

— Очень хорошо, господинъ Сень-Валерія Дезанжъ, но — —

„Для васъ я уже все сдѣлалъ, господинъ Де Блондъ. Теперь ѣду въ Исландію, чтобы на огнѣ Гекалы распопнись и обратишь въ порошокъ философскій камень.“

— Весьма радъ, Г. Сень-Валерія Дезанжъ; но дозвольте мнѣ одинъ вопросъ: развѣ дѣвица Де Фано вамъ будетъ нужна при этой работѣ?

„Какой вздоръ!“

— Однако вы увезли мою любезную. Возьмите назадъ всѣ ваши сокровища, и отдайте мнѣ Жакелину.

„Я увезъ ее? кто вамъ это сказалъ?“

— Мои собственныя глаза. Вчера промчаюсь вы съ нею мимо меня.

„Пустая ревность! Я везъ ее къ вамъ. Я женатъ на одной изъ Фей горъ Кавказскихъ. За ваше подозрѣніе должно бы васъ наказанъ, если бъ я былъ сердитъ. — Но мнѣ дорого время. Счастіе ваше успроено. Наслаждайтесь имъ, какъ мудрецъ. Не говорите никогда о вашемъ снѣ, никогда о шомъ, какимъ образомъ доспалось вамъ помѣсье Де Лоръ. Болтливость навлекла бы вамъ смерть. Понимаете? — Въ то мгновеніе, когда вздумаете вы преступишь этошь завѣщъ, одинъ изъ подвластныхъ мнѣ духовъ

схватились васъ, помчались по воздуху и бро-
сили въ пылающее жерло Геклы.“

— Не хочу его беспокоить. — Но Жа-
келина?

„Она знаешь шеверь, что вы здесь въ
городъ.“

— Откуда же вы это узнали?

„Если бы не сказала мнѣ искусство мое,
то могъ бы узнать и пошому, что видѣлъ
васъ вчера въ концертѣ.“

— Гдѣ жъ Жакелина?

„Потерпите. Примите приглашеніе,
какое вамъ сегодня дѣлаютъ. Прощайте.
Будьте счастливы *молчаніемъ*.“

Халдеецъ ушелъ.

Ле Блондъ былъ вѣдъ себя. Онъ вскочилъ
съ кровати, накинулъ на себя плащъ,
кликнулъ людей, послалъ въ слѣдъ за Хал-
дейцемъ, чтобы узнать, не ѣдетъ ли онъ ку-
да и куда именно, и не съ женщиною ли. —
Все это внушала Блондину ревность: хотя
онъ и начиналъ вѣрить словамъ этого нео-
быкновеннаго челоуѣка, но, при всемъ томъ,
думалъ, что Жакелина получше, нежели ка-
кая нибудь спольшняя Фея горъ Кавказ-
скихъ. Онъ самъ пустился бродить по горо-
ду, думая гдѣ-нибудь увидѣшь Халдейца, но
и онъ и слуги его пробѣгали попустому.
Весь Альби еще спалъ.

Оспавалось покориться волѣ и приказаніямъ Абубекера. „Если онъ и теперь не обманешь меня“—думалъ Блондинъ—„по въ самомъ дѣлѣ онъ честный малой; тогда повѣрю я его прѣмъ сшамъ двѣнадцати лѣтамъ, его Кавказу, его философскому камню, и даже шому, что я о Герцогинѣ Мельфи и о замкѣ Шармъ только грѣзилъ.“ Ему сдѣлалось скучно. Цѣлое утро смотрѣлъ онъ въ окно и ошдалъ, не будетъ ли посланнаго ошъ Жакелины или чего нибудь подобнаго.

Около полудня услышалъ онъ, что о немъ спрашивающъ. Сильно забилося у него сердце. Но какъ же онъ удивился, когда господинъ, весьма хорошо одѣшый, вошелъ и просилъ его ошъ имени Епископа Албійскаго къ обѣденному столу. Хошъ онъ и согласился на приглашеніе, но оно казалось ему сильно подозрительнымъ: съ чего Епископу дѣлать ему такую честь? Опять не Халдейская ли штука? Можетъ быть Абубекеръ хочеть выиграть время, что бы покойно прибрать къ рукамъ Жакелину.

Съ тѣхъ поръ, какъ Блондинъ побывалъ Герцогомъ, хошя и во снѣ, для него не было ничего легче, какъ играть роль знашнаго человека. И шакъ бывший кружевной продавецъ нимало не затруднялся ѣхать къ обѣду Епископа, ошъ кошораго вскорѣ прѣйха-

да за нимъ и карета. Господинъ Де Лоръ нарядился въ прекрасное платье, однако все еще по дорожному, и сѣлъ въ карету, копорая черезъ нѣсколько минушь остановилась у большаго Епископскаго сада, въ предмѣстїи Шашовьѣ.

Конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Онъ вышелъ. Епископъ и множество гостей прогуливались въ саду. День былъ прекрасный. Первые привѣтствїя и учтивости миновались скоро. Казалось, Блондинъ былъ уже всемъ знакомъ: все говорили ему о превосходнѣйшемъ помѣстьѣ Де Лоръ; все жалѣли, что другъ его Сенъ Валерїа Дезанжъ шакъ внезапно долженъ былъ уѣхать.

„И мнѣ надобно покороче съ вами познакомиться“ — сказалъ одинъ старичокъ съ деревянной ногой. „По вашему новому помѣстью, мы ближайшіе сосѣди. Я Генераль Де Фано. Дочь моя говоритъ, что знала васъ еще въ Намуръ.“

Блондинъ измѣнился въ лицѣ. Старый Генераль замѣнилъ это и лукаво усмѣхнулся. „Дайше мнѣ опереться на вашу руку и пойдемше къ Жакелинѣ. Она въ бестѣжѣ и знаешь уже, что вы здѣсь.“

Блондинъ пренепалъ, какъ въ лихорадкѣ. Онъ не опрекся, что былъ знакомъ въ Намуръ съ Жакелиною; не опрекся и онъ многого другаго, онъ чего нельзя было опречься. Пошомъ взялъ даже смѣлость при-совокупишь: „Я желалъ бы, чѣшобъ другъ мой, Сень Валерія Дезанжъ, сказалъ вамъ все чѣшб онъ зналъ и чѣшб конечно бы долженъ былъ сказать — шо, что я и сердцу вашему хочу сдѣлаться ближайшимъ сосѣдомъ.“

—И вѣшо говорилъ онъ!—опвѣчалъ Генералъ — а вѣрояшно и вамъ пересказалъ, что я за честь себѣ поставляю привѣшшествовать васъ, какъ своего сына.

Блондинъ, въ изумленіи и восторгѣ, гошовъ былъ изъ благодарности упасшь передъ Генераломъ на колѣна, если бъ въ шо же время не появилась прелестная дочь его, передъ кошорою еще болѣе кшаша было бы вѣшо колѣнопреклоненіе.

Чшо жъ еще разсказывашъ? Все было пригошовлено, все ушроено Халдейцемъ. Онъ него узнала Жакелина о счастливой перекъшъ благососшолія Блондина, о его скоромъ прибышій — обо всемъ. Отець его, сошедшій на своей деревянной ногѣ съ военнаго поприща и удалившійся въ маленькую деревеньку, единшвенное свое доспояніе, былъ весьма радъ имъшь богатаго зяня. Безъ

сомнѣнія Халдеецъ для того именно и купилъ Блондину большое помѣстье Де Лоръ, чтобъ поселить его какъ можно ближе къ любезной и къ Генералу.

Къ чему рассказывать, что Г. Де Лоръ, еще за споломъ же Епископа объявленъ былъ женихомъ Жакелины; что онъ въ сообществѣ ея отца и друзей его отправился въ свой замокъ; что свадьба была отменно блистательна; что для Блондина однако ни-что не было столь блистательно, какъ слезы восхищенія и любви на глазахъ Жакелины, когда она, въ своемъ драгоценномъ подвѣчномъ уборѣ, упала къ нему на шею и, обнявъ его, сказала исполненнымъ души голосомъ: „Jo amo!“ — Tu amo! воскликнулъ онъ и съ лучезарнымъ лицомъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

„Egli amo!“ продолжала она въ восторгѣ. „Noi amato!“ шептали оба, сколько взаимные поцѣлуи допускали шепташъ.

Къ чему, говорю я, обо всемъ этомъ рассказывать? Все пошло своимъ чередомъ. Учительница и ученикъ продолжали спрашивать — доказательство, что не забыли уроковъ, которые съ такимъ трудомъ выучивали въ ясминной бесѣдкѣ, въ Намурѣ. Мой Авторъ, изъ котораго заимствована эта повѣсть, распространяется, правда, весьма подробно

въ описаніи свадебныхъ пиршествъ ; но по мнѣ довольно сказать, что Блондинъ и Жакелина сдѣлались, чего никогда не могли надѣяться, мужемъ и женой. Силь исторія и кончена, кромѣ одного обстоятельствова. Если бы она была простой романъ, то ничего бы не было легче при самомъ концѣ сдѣлать ее опмѣнно романическою, потому что многое оспашаеся еще необьясненнымъ.

П о к р ы в а л о .

Прошло пять лѣтъ (какъ говоришь Французскій оригиналь) — пять лѣтъ Жакелина все еще швердила мужу своему не далѣе, какъ настоящее время глагола *Jo amo*. Между шѣмъ скончался Генераль Де Фано, скончалась и супруга его; Блондинъ и Жакелина продали помѣстья свои и опправились на жишье въ Намуръ. Здѣсь купили они домъ также умершаго Президентша — вѣроятно въ честь ясиинной бесѣдки — и молодая парочка вела счастливые дни въ кругу друзей и подругъ искреннихъ.

Когда здѣсь крещень былъ первый сынъ Блондина, онъ получилъ на зубокъ ребенку примѣчательный подарокъ: не онъ правда, а

предестная супруга его, и не въ день крестинъ, а недѣли двѣ спустя.

Принесли съ почтны ящикъ ; въ немъ найдено драгоценное жемчужное ожерелье и покрывало ; при томъ записка, повидимому женскою рукою писанная, слѣдующаго содержания :

„Счастливая! Примите это отъ счастливой, которая уже вамъ не завидуетъ, на зубокъ ребенку и на память. Кто я, пусть откроешь вамъ супругъ вашъ, если смѣешь.“

Натурально, что Блондину пришлось признаваться. Когда онъ увидѣлъ записку, то поблѣднѣлъ, какъ смерть. „Боже мой!“ вскричалъ онъ : „это рука Герцогини Мельфи!“ Едва произнесъ онъ эти слова, какъ весь зашрепешалъ отъ испуга: онъ нарушилъ симъ данное обещаніе молчанья и вспомнилъ предостереженіе Халдейца. Но какъ ни одинъ, подвластный чародѣю духъ не явился схватить его и бросить въ жерло Геклы, то онъ ободрился и спалъ разсматривая подарки.

Когда же Жакелина развернула покрывало, украшенное прекраснымъ золотымъ шитьемъ, онъ вскричалъ: „Ага! это покрывало Графини Сенъ Сильванъ, которая хотѣла сдѣлать меня своимъ Секретаремъ за то

что я поднялъ ее, когда она упала на асфальтъ, ведущей къ нагорному замку.“

Такия вещи, какія здѣсь услышала Жакелина, не легко забываются молодыя жены. Она замѣнила, мимоходомъ, что подарокъ долженъ быть ошъ прежней ея соперницы и до нѣкъ поръ мучила Блондина распросами, пока онъ не признался ей во всемъ честно-сердечно, сколько самому ему было извѣстно. — Такая нешорія была конечно самымъ шемна, и золотшвейное покрывало шакже не очень объяснило ее; припомъ сколько ихъ спрашивали о Графинѣ Сень-Сильванъ и о Герцогинѣ Мельеж — во всей Франціи не было шаккихъ лицъ и фамилій. Но за всемъ нѣмъ подозрительная Жакелина выве-ла изъ этой испоріи шакое заключеніе, какого честный Блондинъ никакъ не предполагалъ сначала. Онъ рассказывалъ лучшимъ друзьямъ своимъ о сихъ приключеніяхъ часто и охотно. Однако доспащочнаго ихъ объясненія не получалъ, кажется, самъ до конца своей жизни.

Вл.

А Н Е К Д О Т Ы.

I.

Лордъ К*, довольно остроумный человекъ, въ особенности любилъ выказывать смѣшныя споры другихъ людей. За однимъ обѣдомъ, гдѣ игралъ онъ первую роль, находился также извѣстный Шотландскій адвокатъ А*, человекъ весьма веселый, въ общеніи кошораго замѣтила однако же была неловкость и принужденность.

Послѣ обѣда, когда принесли вина, Лордъ предложилъ Адвокашу спѣшь застольную пѣсню, съ намѣреніемъ посмѣяться на его счетъ, или по крайней мѣрѣ привести его въ замѣшательство. А* рѣшительно отказался отъ того, хотя и все общество присоединило свои убѣжденія къ просьбамъ Лорда.

„О, вы отъ меня не ускользнете!“ сказалъ наконецъ К* : „вы непременно должны или спѣшь пѣсню, или выпить эшопъ большой покаяль, или рассказать намъ какую нибудь исторію.“

Церемонный Адвокатъ, никогда не любившій много пить, съ примѣшною досадою избралъ послѣднее.

„Однажды“ — началъ онъ съ обыкновенною своею важностію — „искусный въ ре-

мелкъ своемъ воръ примѣшилъ, что церковная дверь была опворена; вошелъ въ нее, снялъ покровъ съ алтара и только что хотѣлъ съ своею добычею опправиться назадъ, какъ къ немалой досадѣ нашель церковную дверь уже запершою. Не теряя духа рѣшился онъ спуститься внизъ по веревкѣ, привязанной къ колокольному языку. Уже онъ былъ близко къ землѣ, какъ — увы! — языкъ, приведенный въ движеніе качающеюся веревкою, началъ звонить; народъ сбѣжался и схватилъ вора въ самую ту минуту, какъ онъ опустился на землю. Когда повели его оптуда прямо въ шюрму, обратился онъ еще разъ къ колоколу — такъ какъ я теперь къ вамъ, Милордъ — и сказалъ съ досадою: только швой длинный языкъ и швоя пусшая голова причиною, что мнѣ не удалось ускользнуть.“

Всѣ засмѣялись — но уже не на счетъ Адвоката.

2.

Одинъ Англійскій Лордъ, путешествуя инкогнито по Европѣ, строго запрешилъ слугѣ открывать имя своего господина.

По прїѣздѣ въ Парижъ послалъ онъ его на почшу узнать, нѣтъ ли къ нему писемъ.

„Есть ли письма къ моему господину?“
спросила слуга у почтового чиновника.

— А какъ его зовушь?

„Да — этого мнѣ не вѣлю сказывать.“ —

3.

Нѣкто далъ одному Профессору рукопись, назначенную для печати, съ просьбою просмотрѣть ее и замѣнить ошибки, какія онъ въ ней найдетъ.

Въ заглавіи предисловія стояло: *Къ читателямъ.*

„Я бы написалъ лучше: *Къ читателю*“ — сказала Профессоръ — „потому что весьма сомнительно, будете ли вы имѣть болѣе одного.“

4.

„Очень жаль“ — сказала нѣкто — „что Докторъ * * * умеръ шакъ молодъ; слишкомъ рано для свѣта.“

— По крайней мѣрѣ — возразилъ другой — слишкомъ рано для смерти.

ПРИМѢРЫ ВОСПИТАНІЯ:

(Изъ новаго сочиненія Г жи Кампанъ: De l'Education. Paris. 1824.)

Г жа Кампанъ ввела въ домъ d'Escoep особый родъ ошличія для шѣхъ воспитанницъ, которыя превосходили другихъ крошосцію нрава, ласковымъ и привѣтливымъ обхожденіемъ съ своими подругами, почтительностію къ своимъ наставницамъ, снисходительностію и доброшою къ служителямъ. Въ опредѣленный день, по выбору главной надзирательницы, одна изъ дѣвицъ получала въ награду дозволеніе посадить въ саду деревцо, въ присуствіи всѣхъ дамъ и воспитанницъ заведенія. Ничего не можешь быть проще сей награды; но она оставляла по себѣ неизгладимое воспоминаніе. Такое деревцо служило какъ бы обязанностію, принимаемою навсегда воспитанницею, которая одна имѣла право ходить за нимъ. Между шѣмъ какъ оно поднималось и разширяло свои вѣтви, росла и молодая дѣвица — пріобрѣтала шаланты и любезность. Въ числѣ воспитанницъ Экуана была одна молоденькая дѣвушка, которая передъ всѣми ошличалась своею доброшою, крошосцію и милымъ об-

ращеніемъ. Она не была прекрасна, но выраженіе лица ея имѣло въ себѣ много привлекательнаго; что-то грустное, прогательное замѣтно было въ ея взорахъ; всѣ любили и ласкали ее. Она получила награду, заслуживъ ее болѣе всѣхъ. Ей дали посадить акацію, и съ тѣхъ поръ каждый день съ особенною радостію ходила она и смошрѣла за нею. Пришло время оставить Экуанъ. Едва минулъ годъ по ея возвращеніи къ родителемъ, какъ она занемогла опасною болѣзнію. Не смотря на всѣ попеченія семейства, которому была она первою опрадою, болѣзнь усиливалась. Наконецъ молодая дѣвица сама почувствовала свое предопредѣленіе и съ этой минуты въ чертахъ лица ея стали замѣчать какое-то желаніе, котораго не смѣла она открытъ. Начали ее спрашивать, и она недолго шайлась. „Теперь Іюль мѣсяць, сказала она, моя акація должна бытъ въ цвѣту; я бы хотѣла имѣть одну вѣточку. „Хотѣ Экуанъ былъ не близко, но успѣшили удовлетворить ея желанію, и хорошо сдѣлали: черезъ нѣсколько часовъ послѣ шого она скончалась, довольная тѣмъ, что въ рукахъ своихъ держала вѣшвъ любимаго деревца своего.

Марія Эджевудъ (Edgewoath) въ книгѣ о воспитаніи дѣлаешь весьма справедливое замѣчаніе. „Обыкновенно думаютъ — говоришь она — что для удовольствія дѣшей и для внушенія имъ охоты къ трудамъ, нужно разнообразіе. Сіе правило справедливо только въ надлежащемъ ограниченіи; ибо предметы, на которые направляется вниманіе дѣшей, не должны безпрестанно измѣняться. Ничто такъ не упомляетъ ума, какъ новость и переменна въ совокупности.“

Примѣръ оправдаетъ сіе замѣчаніе. Майоръ Картврейтъ (Cartwright) привезъ въ Лондонъ нѣсколькихъ Эскимосовъ и заранѣе радовался, въ какое изумленіе и восхищеніе приведены они будущъ площадями, садами и монументами сего обширнаго города. По приказанію Майора, водили Эскимосовъ по улицамъ Лондона; когда возвратились они, спалъ онъ ихъ съ большимъ любопытствомъ разспрашивашъ. Долго въ робости хранили они молчаніе; наконецъ ошвѣчалъ одинъ, покачивая головою: „Много дыму, много шуму, много домовъ, много людей!“

Ревность въ любви взрослыхъ была бы еще ужаснѣе, если бы смѣшно въ сей спрасши не смягчало ея порывовъ. Но ревность въ

*

малолѣтнихъ несравненно сильнѣе, пошому что единственнѣмъ предметомъ ея бываетъ любовь и попеченіе, какія матерями ихъ оказываются послѣрожденнымъ дѣшамъ. Блаженный Августинъ рассказываетъ слѣдующее: „Я видѣлъ одного ревниваго ребенка; онъ не могъ еще говорить, но бѣднѣлъ уже и сердился на дѣшу, кошорое раздѣляло съ нимъ грудь матери.“ Госпожа Кампанъ распространяется о семъ предметѣ воспитанія и вызываетъ матерей замѣчать внимательнѣо признаки такой спрасши. Уже много дѣшей, по словамъ ея, умерло отъ ревности, а у другихъ была она основаніемъ къ распрѣйсуу ума. Она совѣшуетъ матерямъ, въ шакомъ случаѣ, когда нѣтъ другой возможности отвратить ревность спаршихъ дѣшей къ младшимъ, совѣмъ не показывать шѣмъ послѣднихъ. Въ доказательство пользы, даже необходимости сего правила, приводитъ она слѣдующій примѣръ. Одинъ знаменитый врачъ въ Парижѣ призванъ былъ на совѣшъ отцемъ семейства, кошорого прехлѣтняя дочь изнемогала и сохла, хотя никакъ не могли открыть настоящей шому причины. Больную привели къ доктору; она вошла въ комнату своей матери и бросилась на лежащаго у груди ея четырехмѣсячнаго младенца дикій и мрачный взоръ. „Отведите ее назадъ“— ска-

заль докторъ, замѣшившій это — „я знаю теперь причину ея болѣзни; она будетъ вылечена.“ Онъ предписаль тогда мамери, помѣстить ея груднаго дитяшку въ особую, отдаленную комнашу и шамъ кормить его грудью, совсѣмъ не показывая больной, на кощорую обратишь все свое вниманіе и ласки. Въ печеніи двухъ лѣтъ это предписаніе было исполняемо въ точности; послѣ старшей сестрѣ сказали, что къ ней приведушь прекрасную маленькую дѣвочку, которой должна она быть подругою, заснавши ея ждашь и желашъ того. Это двѣ сестры, кощорыхъ я знала, любили нѣжно другъ друга, и родители обязаны были проницательносши искуснаго наблюдашеля не только исцѣленіемъ своей дочери, но и счастиемъ всей ея жизни.

Безпрерывно при воспитаніи дѣшей употребляющся штрафы, кощорые производашъ болѣе зла, нежели добра. Такъ напримѣръ, обычай запирашь дѣшей, въ наказаніе имъ, весьма опасень. Если запираюшь въ темное мѣсто, то дѣлаюшь ихъ боязливыми; но даже и то впечатлѣніе, какое производашъ на нихъ уединеніе въ запершой горницѣ,

очень для нихъ вредно *). Ихъ воображеніе воспламеняется, и нельзя знать, къ чему оно поведетъ ихъ — можешь быть, къ пороку, — можешь быть, къ какому нибудь опчаянному поступку. Одна дама рассказывала мнѣ, что когда она была ребенкомъ, нянька заперла ее въ такой горницѣ, откуда видѣла она сесперъ своихъ, играющихъ и бѣгающихъ въ саду; это возбудило въ ней опчаяніе: случайно опперли ей комнапу въ то самое мгновеніе, какъ она хотѣла броситься въ окно, съ вышины на 20 фузовъ. — Я расскажу два горестные примѣра слишкомъ большой спрососи въ наказаніяхъ. Одна дѣвочка, лѣтъ около десяти, пришла съ своими родспвенниками, на праздникъ Рождества Христова, въ одну мызу близъ Париза и шупъ приведена была въ искушеніе прибрашъ къ рукамъ часы одной изъ подругъ своихъ, что и сдѣлала. Спали искать пропавшихъ часовъ, опкрыли маленькую похпшпельницу, и раздраженные родспелн осу-

*) Само собою разумѣется, что сіе говоришь Сочинпшельница не о всѣхъ дѣлахъ вообще: разность пола, лѣтъ, сложенія и соспояніа дѣтей, разность ихъ умствепныхъ способностей, неодинаковая во всѣхъ степепь чувствпшельности, заспавляющъ предполагагашъ неодинаковыа дѣспвіа и наказаній.

диди ее идши за праздничной процессіей, съ вывскою на груди, на которой написано было: *воровка*. Виновная подвергается въ оубвннн чувствъ ужасному наказанію; возвращается пошомъ домой, не сказавъ ни одного слова, не выронивъ ни одной слезы. Погода нѣсколько, ошправляется она на задній дворъ и, встрѣпивъ на немъ служанку, кричила ей: „Прощай, Маріанна, я обезчещена!“ бвжншъ наконецъ за кусны, гдѣ былъ прудъ, и въ него бросается. — За нѣсколько лѣтъ передъ симъ одинъ Парижскій купецъ грозилъ своему десятилѣтнему сыну, что если онъ еще черезъ недѣлю придетъ изъ пансіона съ дурнымъ свидѣтельствомъ о своемъ ученѣ, то будетъ строго наказанъ. Суббота наступила и въ запискѣ учншея былъ еще худшій ошзвъ, нежели прежде. Диди идешъ въ Grand-Caillau, раздѣвается и сложивъ свои вещи въ сершукъ, прикрѣпляетъ къ нему несчастный билетъ Профессора съ припискою: „Я не смѣлъ показашъ этого дурнаго ошзва башюшкѣ; хочу лучше умереть.“

Молодая дѣвушка, которой воспитаніе будетъ во всѣхъ частяхъ хорошо обдуманно и исполнено, / можешъ легко соединяшъ въ

себѣ пріятныя таланты съ удовольствованіемъ въполнѣ обязанностямъ хозяйства. Даже предъ глазами самыхъ строгихъ судей таланты имѣютъ неоспоримую цѣну, когда ими обладаетъ молодая особа безъ гордости, нежертвующая имъ своею должностію и считающая ихъ только украшеніемъ существенныхъ своихъ качествъ и средствомъ придавать особую прелесть домашней жизни. Многими принято мнѣніе, что таланты и семейственныя обязанности не могутъ быть соединены въ женщинѣ; но это не справедливо, когда дѣло идетъ о женщинѣ хорошо воспитанной. Не смѣю явно говорить о воспитаніи одной мащери, которая довела его до той высокой степени совершенства; но скажу, что знаю одну осьмнадцатилѣтнюю дѣвицу, образованную во всѣхъ родахъ. Она говоритъ по-Англійски и по-Нѣмецки такъ свободно, какъ на своемъ отечественномъ языкѣ; все знаешь, что только можно пріобрѣсти въ наукахъ подробнымъ и основательнымъ ученіемъ; съ величайшимъ совершенствомъ играетъ на фортепьяно, особливо же обладаетъ истинно музыкальнымъ талантомъ играть прямо съ развернутыхъ нотъ; наконецъ рисуетъ съ натуре головы и виды масляными красками, такъ, что сіе полезное искусство можешь послужить ей сред-

ствомъ къ собственному содержанию, въ случаѣ переменны счастья. Съ сими дарованіями соединишь она величайшую способность ко всемъ женскимъ работамъ отъ простаго шитья до дѣланія искусственныхъ цвѣтцовъ; и при всемъ томъ соединеніе столь много-различныхъ талантовъ не мѣняетъ ея скромнымъ хозяйственнымъ занятіямъ, такъ что она дѣломъ въ деревнѣ сама пригопавливаетъ сыръ и нѣкоторыя кушанья. Она имѣетъ подъ своимъ надзоромъ пшичій и скотный дворъ; учится всему, что относится къ хозяйству сельскому; посѣщаетъ бѣдныхъ въ деревнѣ, помогаетъ имъ и присматриваетъ за больными. Вечеромъ занимается она обществ. чтеніемъ, къ которому имѣетъ особенный, удивительный даръ; пѣнетъ романсовъ съ большимъ вкусомъ; игрою на фортепьяно, подъ которую танцуютъ ея молодыя подруги. Непришворная дѣшская любовь и предельная скромность составляютъ твердое основаніе столь многихъ достоинствъ, которыми она обязана добродѣтельнойшей изъ машерей. Эта любвидостойная дочь ушѣщается своими способностями, какъ дарили отъ машери, и она никогда не позволила бы приписать ихъ чему либо другому, кромѣ попечительности ея родительницы. Та, кошорой имя не должно бытъ

осуждено на жалкую честь быть известным, скажешь, прочитавъ эстъ широко, что я составила образецъ идеальный, но все ея знакомые будущъ поражены вѣрнымъ сходствомъ и не захотѣвъ поставивъ его на ряду съ тѣми образцами совершенства, которые въ сочиненіяхъ о воспитаніи выставляются въ примѣръ для соревнованія юности. Какъ? скажешь мнѣ — возможно ли, не вредя здоровью молодой воспитанницы, наставивъ ея въ правилахъ религіи, образованіи ея разумъ, и, при основательномъ воспитаніи, въ тоже время возбудишь въ ней способности къ многоразличнымъ пріятнымъ талантамъ? — Возможно — посредствомъ благоразумнаго распредѣленія учебныхъ часовъ, когда будущъ при томъ умѣешь пользоваться временемъ. Правильное произношеніе и особенности иностранныхъ языковъ познаются только изъ успѣ иностранныхъ. Молодая особа, которую описывала я, съ четырехъ лѣтъ имѣла нянькою Англичанку. По нѣкоторымъ семейственнымъ отношеніямъ желали, чтобъ она знала и по-Нѣмецки, и черезъ шесть лѣтъ выписали ей Берлинку, которая стала учить ее этому языку. Какъ шопъ, шакъ и другой, выученные сначала только чрезъ навыкъ, были потомъ преподаны ей по правиламъ и посред-

своём чтеніи лучшихъ писателей; употребленіе въ пользу времени сдѣлало оспальное. Для образованія молодой дѣвицы, которая ложится въ десять часовъ и встаетъ въ шесть, оспаешся ежедневно шестнадцать часовъ. Отчисля изъ того пять для одѣванья, обѣда и ошдыха, можно еще одиннадцать употребить на различное ученіе. При такомъ правильномъ воспитаніи должно непременно воскресенье и четвергъ оставлять днями успокоенія.

Наказанія дѣшей въ старинныхъ Французскихъ монастыряхъ были шакъ мало обдуманы, что и одинъ примѣръ можешь послужить достаточнымъ шому доказательствомъ. Я желала бы слѣдующій анекдотъ разсказать съ шакою же благородною и простою пріятностію, какую супруга Маршала Бово, отъ которой я его слышала, умѣешь придавать всему, что она разсказываетъ. Гжа Бово, дочь Герцога Роганъ-Шабо, была воспитана въ Порть-ройаль, гдѣ она, ребенкомъ шести лѣтъ, находилась въ сообществѣ дочерей первѣйшихъ Французскихъ фамилій. Одна изъ нихъ, не болѣе какъ пяти лѣтъ, имѣла несчастіе унести у кого-шо серебряную монету. Монастыр-

скія дамы, одушевленные похвальнымъ желаніемъ исцѣлить преступницу отъ столь низкаго порока, при самомъ его зарожденіи, составили общій совѣтъ и присудили молодую пансіонерку — *повѣсить*. Прикрѣпили къ потолку блокъ, повѣсили на веревкѣ корзину и, посадивъ въ нее маленькую дѣвочку, подняли ее до самаго потолка. Тутъ монахини и воспитанницы шли попарно подъ корзиною и пѣли: *De profundis*. Когда Г-жа Бово также проходила въ свою очередь, подняла она вверхъ голову и закричала своей подругѣ: „Ты умерла ужь?“ — „Нѣтъ еще!“ отвѣчала малюшка, смотря сквозь плащень корзины. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ сего происшествія Г-жа Бово при Дворѣ Версальскомъ часто встрѣчала повѣшенную, которая между тѣмъ сдѣлалась Герцогинею, и всякой разъ непременно спрашивала: „Ты ужь умерла?“ чтобы имѣть удовольствіе услышать отъ нея просподушный отвѣтъ: „Нѣтъ еще!“

Съ Нѣмец.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

„Вотъ куда мы попали!“ закричалъ Людвигъ, перелезя черезъ меня въ канаву, гдѣ и я вслѣдъ за нимъ очутился. Неискусный кучеръ опрокинулъ нашу, къ счастью открытую коляску, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вокругъ не было другаго жилья, кромѣ мѣльницы, а до деревни оставалось еще на полчаса ѣзды. Мы оба, пріятель мой и я, не ушиблись; только кучеръ разшибъ себя носъ до крови. И лошади выпушались безъ вреда изъ упряжи; но несчастная коляска наша такъ пострадала, что невозможно было двинуть ее съ мѣста. Въ большой заботливости сползи мы передъ нею и разсуждали, что дѣлать: какъ вдругъ изъ за куста вышла молодой человекъ въ охотничьемъ плащѣ, поклонился намъ вѣжливо и предложилъ свои услуги, сказавъ, что видѣлъ съ горы, какъ мы упали. Онъ попросилъ насъ идти съ нимъ къ мѣльницѣ его отца, въ недалекомъ разстояніи находящейся, гдѣ обѣщавъ дать покойный ночлегъ для насъ и для лошадей, и совѣтъ, какъ поступить съ нашею изломанною коляскою. Это было уже въ Сентябрѣ; спановилось холодно, и потому еще съ большимъ удовольствіемъ

приняли мы учтивое приглашеніе. Ласковый егеръ повелъ насъ, а кучеру приказалъ оспавашься въ покоѣ, пока онъ не вышлетъ на помощь людей. Скоро пришли мы къ мѣльницѣ. Хозяинъ и его жена, почтенные, веселые старички, приняли насъ съ пріятнымъ добродушіемъ зажиточныхъ поселянъ; мать егеря тотчасъ побѣжала на кухню; а онъ самъ съ шелегой и съ людьми отправился за нашей коляской, кошорую вскорѣ и привезли. Между шѣмъ занималъ насъ мѣльникъ описаніемъ окрестностей страны, въ кошорой мы находились; но вдругъ услышали мы надъ собою искусную игру на форшопьяно, кошорую пошомъ спалъ сопровождать голосъ — самый мелодическій, самый прелестный. Людвигъ посмотрѣлъ на меня въ изумленіи, а старикъ усмѣхнулся. „Вы удивляешесь, государи мои“ — сказалъ онъ наконецъ съ блестящею въ глазахъ радоспію — „не ожидали услышать этого въ моей уединенной мѣльницѣ: такъ я разгадаю вамъ загадку; шеперь, слава Богу, это ужъ не тайна. Наверху поеть дочь моя. Ей шеперь осьмнадцать лѣтъ, но такую пригожую дѣвку врядъ ли гдѣ увидите въ деревнѣ — хоть правда мнѣ и не должно бы ее хвалить. Лѣтъ за десять приняли мы къ себѣ одного Капюлическаго пашера съ молодымъ чедовѣкомъ, не

болѣе, какъ по пятнадцатому году. Эти бѣдные люди бродили по бѣлу свѣту почти безъ куска хлѣба. Ко мнѣ прислалъ ихъ изъ города мой пріятель, кошорому было ошъ меня дано порученіе сыскашь учителя для нашихъ дѣтей; пошому что жена моя и я самъ, любя ихъ, не рѣшались оппустить ошъ себя на учеье. Священникъ никакъ не хотѣлъ разсташься съ бывшимъ при немъ молодцомъ, пошому что въ счастливое время былъ его наславникомъ и убѣжалъ съ нимъ въ Нѣмецкую землю для его же спасенія. Какъ имъ надобно было чѣмъ нибудъ жить, шо священникъ и хотѣлъ пристроить себя въ учителя; но въ нашемъ краю ихъ двоихъ никто къ себѣ не бралъ, а одинъ ошъ ни къ кому не шель. Мнѣ понравилась въ немъ шакая неизмѣнная любовь къ воспитаннику; и какъ Богъ меня благословилъ хорошимъ досташкомъ, шо я и не задумался взять ихъ къ себѣ. Хотя Священникъ не нашего вѣромсповѣданія, однако ошъ шакъ скромно себя велъ, что у насъ никогда не выходило споровъ; даже мы рѣдко и говорили о томъ. Эшошъ добрый человекъ училъ нашихъ дѣтей шакъ прилежно и съ шакими усердіемъ, что мы не могли нарадовашься. Музыка, рисованію и многимъ другимъ наукамъ ошъ ихъ выучилъ; да и мы спармаи

поже кое-чему занялись опъ него, такъ что съ той поры спали совсѣмъ другіе люди — гораздо лучше. Однако чуть было не вышло у насъ худаго; Катя и молодой человекъ слишкомъ заглядывались другъ на друга и начали любить одинъ другаго больше чѣмъ слѣдуешь. Патерь Иснаръ и я это замѣшили, но не знали, какъ шутъ пособишь, пошому что молодые люди поже того не знали, а мы не хотѣли ихъ къ тому и надумливать. Вдругъ пришла въ газетахъ вѣсть, что эмигрантамъ позволено возвращаться домой. Патерь съ радостію приготовился къ опъѣзду; но молодой Дювиро былъ на это не такъ-то посищенъ. Онъ плакалъ и не хотѣлъ оставлять нашей мирной долины, а говорилъ, что лучше будешь учишься моему мѣльничному искусству, чтобы женясь послѣ на Катѣ, продолжати его, пошому что сынъ мой, Даніиль, готовилъ себя въ егеря. Однако Патерь Иснаръ наговорилъ ему такъ много о богатствѣ, кошораго онъ можешь надѣяться на своей родинѣ и кошорое пошомъ раздѣлитъ съ своею Катеею—(мы думали: надо ихъ только разлучить, а шамъ дѣло обойдешся само по себѣ) — такъ много наговорилъ ему, что наконецъ онъ согласился и, поплакавъ еще, опправился. Тушь мы думали, что все кон-

чилось и въ самомъ дѣлѣ сначала пошло все хорошо; но какъ минуль годъ, а писемъ ни ошь Папера, ни ошь Дювиго не было, спало у насъ не весело на душѣ и на лицѣ, а наконецъ Катя такъ было занемогла, что мы перепугались. Вдругъ неожиданно, за нѣскольго недѣль передъ симъ, явился къ намъ Дювиго. — Съ тѣхъ поръ она поправляется видимо и душа веселился, какъ поглядишь на ихъ радость. Онъ привезъ съ собой значительный капиталъ, а потому-то и не писалъ, боясь возбудить подозрѣнiе. Теперь хочешь онь изъ благодарности за малое, чѣмъ могли мы ему пособить, остаться здѣсь съ Катей. Машъ и я, при такихъ обстоятельствахъ, ошь этого не прочь, потому что иначе дѣвка умреть навѣрное. Паперъ Иснаръ теперь въ резиденци, и вчера прислалъ за Дювиго эшафету; ему тамъ надобно быть непременно, потому что онъ купилъ всю нашу землю и съ моей мельницей. Сыну моему поручаютъ смотрѣть за лѣсомъ, а я съ женой поведу въ господскiй домъ; мельницу же оставляю своему старшему помощнику, который мнѣ вѣрно служилъ. Такъ надѣюсь я, коли Богъ пошлетъ, прожить съ женою остатокъ дней своихъ въ покоѣ и счастiи, у нашихъ дѣшей.“

Едва кончила старикъ разсказъ свой, какъ вошла Катя съ приличіемъ хорошо образованной городской дѣвушки, и ласково намъ поклонилась. Тоска, о кошорой разсказывала намъ опець ея, оставила на ея прелеснномъ лицѣ блѣдность, и это еще болѣе придавало ему привлекательности. Людвигъ проговорился, что я докторъ, и родители приступили ко мнѣ съ просьбами, чтобы я взялся ускорить ея выздоровленіе. Я не нашелъ однако того нужнымъ, увѣренный, что чувствъ радости будешь для нея самымъ лучшимъ врачеваніемъ. Между шѣмъ коляска наша была отправлена егеремъ въ деревню, гдѣ черезъ ночь обѣщали починить ее. Мы почти рады были необходимости переночевать у этого любезнаго семейства и находимъ несравненное удовольствіе въ его обществѣ. Съ насъ взяли слово захватъ на обратномъ пути въ Вейденштепень, — такъ называется господская усадьба, — и мы расстались не безъ горести, не смотря на то, что столь короткое время были знакомы.

Слово наше мы сдержали, хотя уже и очень поздно, потому что успѣли напередъ объехать почти полсѣта. И конечно бы возвратились мы на свою родину другимъ путемъ, еслибъ не пришелъ намъ на мысль

Вейденштепенъ. Мы прївхали шуда въ такое время, когда ужь старикъ мѣльникъ, Даниль и Капя едва ли не позабыли о первомъ нашемъ посѣщенїи.

Паперъ Иснаръ (какъ мы послѣ узнали) сидѣлъ на скамьѣ у ворошь, когда мы подъѣхали, и весьма удивился, слыша, что мы спрашиваемъ Данила и Капю. Наконецъ онъ припомнилъ себѣ, что слыхалъ о насъ, улыбнулся и позвалъ насъ въ садъ. Здѣсь сидѣла Капя подлѣ Дювиго, котораго мы пошчасъ узнали; она, увидѣвъ насъ, вскочила и бросилась съ опверстыми объятїями. „Ахъ“—вскричала она — „какъ вы насъ радуете своимъ нечаяннымъ посѣщенїемъ!“ И дѣйствительно, живѣйшая радость блискала въ глазахъ ея. Дювиго принялъ насъ очень привѣтливо, и съ искреннимъ добродушіемъ смотрѣлъ на восхищенїе супруги своей: Капя была уже его. Между тѣмъ Паперъ привелъ мѣльника и жену его, а потомъ явился и Даниль, такъ что мы перелетали изъ объятїй въ объятїя. „Благодаренїе Господу!“ — говорили старики — „мы люди счастливейшіе въ мірѣ: васъ полько не доспавало, чтобы бытъ свидѣтелями нашего благоденствїя. Какъ же теперь мы рады, что можемъ говорить о немъ съ вами!“ — Они обняли дѣшей своихъ и проливали радостныя слезы.

*

Мы провели нѣсколько недѣль съ этими добрыми людьми, и съ шрудомъ могли ошъ нихъ вырваться; съ шѣхъ поръ однако вели съ ними непрерывную переписку. Капя подарилъ своего супруга сыномъ и дочерью; Даниль женился на образованной дѣвушкѣ въ городъ; всѣ живутъ еще и наслаждаются добрымъ здоровьемъ, какъ наградой за свои умѣренные желанія и добродѣтели.

Съ Нѣмец.

БЛАГОРОДНОЕ МЩЕНІЕ.

Въ то время, когда въ Генуэзской Республикѣ Дворянство и Народъ, въ раздорѣ между собою, старались удержашъ въ рукахъ своихъ бразды правленія, главою послѣдняго былъ нѣкто Убершо — человекъ низкаго происхожденія, но возвышеннаго духа, съ отличными дарованіями, успѣвшій торговыми своими предпріяніями приобрѣсть большое богатство. Долгое время умѣлъ онъ удержашъ перевѣсъ на сторонѣ демократическаго правленія; наконецъ соединеннымъ силамъ Дворянства удалось произвести переворотъ, и снова завладѣшь верховною властью.

Спрогя ивры былъ предприняты; Убершо посаженъ въ шюрму, и Правительство, осудя его на лишеніе всего имущества и на изгнаніе изъ отечества, считало, что оно поступило съ нимъ еще очень милосивно. Адорно, занимавшій тогда первое мѣсто въ Правительствѣ, человекъ надменный, горящійся своимъ древнимъ происхожденіемъ, но не совсѣмъ чуждый благородныхъ чувствъ, объявилъ Убершо приговоръ его въ слѣдующихъ словахъ: „Ты, сынъ подлаго ремесленника, осмѣлившійся попирашь благородное Генуэзское дворянство, по его особенной кротости и снисхожденію, осужденъ только снова обратиться въ то ничтожество, изъ котораго вышелъ.“

Убершо выслушалъ сей приговоръ съ почтительною покорностію. Но глубоко огорченный тономъ, съ какимъ онъ былъ произнесенъ, не могъ удержаться, чѣмъ бы не сказалъ Адорно: „Можетъ быть наступитъ время, когда ты раскаяешься въ томъ, что такъ низко обошелся съ человекомъ, способнымъ столько же какъ и ты, къ благороднымъ чувствованіямъ.“ Потомъ, прощаясь со своими друзьями, сѣлъ на корабль, оставилъ отечество, не выронивъ ни одной слезы, и отправился въ Неаполь.

Собравъ здѣсь нѣкоторыя изъ своихъ долговъ, Уберто поселился на одномъ изъ острововъ Архипелага, принадлежавшемъ Венеціанцамъ. Своимъ прилежаніемъ и искусствомъ въ торговыхъ дѣлахъ приобрѣлъ онъ въ нѣсколько лѣтъ еще большее состояніе, нежели какое имѣлъ прежде въ Генуѣ, а слава о его честности и благородствѣ разнеслась повсюду еще болѣе, нежели вѣсть о его богатствѣ.

Между многими мѣстами, копорыя онъ по торговымъ дѣламъ своимъ посѣщаль, не рѣдко бываль онъ и въ Тунисъ, бывшемъ тогда въ согласіи съ Венеціею, но въ неприязни со многими другими государствами Италіи, и особенно съ Генуей. Однажды Уберто, навѣстивъ одного изъ знаннѣйшихъ тамъ вельможей въ загородномъ его домѣ, увидѣлъ у него молодого Христіанскаго невольника, копорый будучи принужденъ трудиться въ оковахъ, казалось, былъ испощенъ тяжкою работою, непривычною для вѣзнаго его шѣла: часто отдыхаль онъ, упираясь на заступъ, и изъ груди его вырывались глубокіе вздохи, и слезы кашились по щекамъ его. Уберто не могъ безъ состраданія сморгнуть на него и началъ говорить съ нимъ по-Италіянски. Молодой человекъ съ жадностію ловилъ звуки роднаго языка своего,

опивчалъ на вопросы незнакомца и сказалъ, что онъ Генуэзецъ. „А швое имя?“ спросилъ Уберно. — Ахъ! — продолжалъ молодой человекъ — я боюсь, что мои пираны и безъ того имѣють на меня большія подозрѣнія и будущъ пребывашъ значительнаго выкупа. Правда, отецъ мой одинъ изъ знашнѣйшихъ мужей въ Генувъ. Имя его Адорно; я единственнйй его сынъ. — „Адорно!“ воскликнулъ Уберно; попомъ оспановился и сказалъ самому себѣ: „Благодареміе Небу! Теперь могу я опмстить благороднымъ образомъ!“

Онъ простился съ молодымъ человекомъ, опсправился сейчасъ къ корсару, которому Адорно достался въ плѣнь; спросилъ, какъ великъ требуемый за него выкупъ, и узналъ, что его считають весьма важною добычею, и никакъ не возмутъ менѣе двухъ тысячъ кронъ. Уберно заплашилъ деньги, велѣлъ своему слугѣ взять съ собою лошадь и полную пару хорошаго платья; возвратился къ молодому Адорно, котораго засталъ еще за работою, и объявилъ ему, что онъ свободенъ. Собственными руками снялъ онъ съ него оковы, помогъ ему переодѣться и сѣсть на лошадь. Молодому человеку казалось, что все это видишь онъ во снѣ; сильное волненіе души лишило его даже способности бла-

годарить своего благодѣтеля. Скоро однако же удостоверился онъ въ дѣйствительности своего счастья. Уберто ввелъ его въ домъ свой и угостилъ за своимъ столомъ.

Еще нѣсколько дней осматривался Уберто въ Тунисть, чѣобы привести къ окончанію дѣла свои, и потомъ возвратился домой, сопровождаемый молодымъ Адорно, который пріятнымъ своимъ обхожденіемъ успѣлъ уже пріобрѣсть его привязанность. Уберто удержалъ его у себя еще нѣсколько времени и обращался съ нимъ со всѣмъ уваженіемъ и любовью, какія бы только могъ онъ оказать сыну искренняго своего друга. Наконецъ открылся удобный случай отправить его въ Геную. Онъ далъ ему одного изъ вѣрнѣйшихъ слугъ своихъ, снабдилъ всѣмъ нужнымъ въ дорогѣ, и при прощаніи, отдавая ему кошелекъ съ золотомъ и письмо, сказалъ: „Мнѣ было бы очень пріятно угостить тебя, любезный молодой человекъ, еще долѣе въ дурномъ моемъ жилищѣ; но я чувствую свое нетерпѣніе увидѣться съ родными и друзьями, и знаю, что жестоко было бы съ моей стороны лишать тебя долѣе той радости, какую ты будешь имѣть при свиданіи съ ними. Возьми же еще деньги, и вручи отцу моему это письмо. Вѣроятно вспомнишь онъ еще обо мнѣ; ты же очень молодъ и не

можешь знать меня. Прощай! Я вѣрно не забуду тебя, и надѣюсь, что и ты меня не забудешь.“ — Молодой Адорно не могъ довольно выразить своей благодарности, и со слезами разстались они другъ съ другомъ.

Адорно счастливо возвратился домой, и кто можешь описать восторгъ, съ какимъ встрѣтили его родители и родственники, опечаленные долговременнымъ его отсутствіемъ? Они полагали, что корабль, на которомъ онъ находился, былъ разбишь бурей, и теперь только узнали, что онъ былъ въ павну въ Гунисъ. „Кому же?“ — воскликнулъ старый Адорно: „кому обязанъ я неопытнымъ счастіемъ снова прижать тебя къ своему сердцу?“ — Это письмо — онъ вѣчалъ сынъ — откроетъ вамъ имя моего благодѣтеля. — Отецъ распечаталъ письмо и прочелъ слѣдующее:

„Сынъ подлаго ремесленника, который нѣкогда имѣлъ смѣлосшь сказать, что ты расквешься въ дуриномъ своемъ съ нимъ обращеніи, имѣетъ теперь удовольствіе видѣть предсказаніе свое исполненнымъ. Знай, гордый дворянинъ, что освободитель единственнаго твоего сына изъ неволи есть
изгнанникъ *Уберто*.“

Письмо выпало изъ рукъ стараго Адорно: онъ закрылъ ладонью лице свое. Между

шѣмъ сынъ его съ жаромъ описывалъ добродѣтели Уберто и искреннюю ошеческую привязанность, ему оказанную.

Старый Адорно, не будучи въ состояніи совершенно заплапшъ своего долга, старался по крайней мѣрѣ сдѣлать все, что только могъ. Онъ обратился къ Дворянству съ столь убѣдительными просьбами, что произнесенный прошивъ Уберто приговоръ, осудившій его на изгнаніе, былъ уничтоженъ, и ему дозволено снова возвратиться въ Геную. Адорно, увѣдомляя его о томъ, изъявлялъ чувствительную свою благодарность за великое его одолженіе, отдавалъ должную справедливость истинному благородству души его и просилъ о его дружбѣ. Уберто возвратился въ ошечество и окончилъ тамъ жизнь свою спокойно, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ своихъ согражданъ.

Съ Нѣмец.

П Р Е Д С К А З А Н І Е.

А н е к д о т ъ.

Австрійскій офицеръ, Баронъ W^{***}, служившій, во время послѣдней войны съ Турками, въ гусарахъ Чеклера, жилъ нѣсколько

льшь назадъ въ Б***. Онъ любилъ говорить о необыкновенныхъ приключеніяхъ, случившихся съ нимъ во время походовъ. Выбираемъ изъ нихъ слѣдующій анекдотъ и помѣщаемъ его такъ, какъ Баронъ самъ рассказывалъ.

Весною 1788 выѣхалъ я изъ Миклошь-Вара, въ Трансильваніи, провожая рекрутъ въ полкъ свой, споявшій погда въ окрестностяхъ Орсовы. Въ ближней отъ арміи деревнѣ жила цыганка, бывшая при войскѣ маркипаншшею. Новые мои солдаты, люди чрезвычайно суевѣрные, спрашивали ее о судьбѣ своей; я надъ ними смѣялся и, шутя, подавъ гадальницѣ руку. *Двадцатое Августа*, сказала она мнѣ весьма значительнымъ тономъ и не прибавя ни слова. Я хотѣлъ, чтобы она изъяснилась, но она повторила тѣ же слова, и когда я уходилъ, закричала мнѣ тѣмъ же тономъ: *двадцатое Августа!* Разумѣется, что я это число запомнилъ.

Мы ярибыли къ арміи и дѣлили съ нею труды и опасности. Извѣстно, что въ эту войну Турки въ пльнѣ не брали. Начальники ихъ войска назначили по червонцу за каждую непріятельскую голову, въ спань прилесенную. Это обѣщаніе было особенно пагубно для нашихъ передовыхъ постовъ. Вся-

кую ночь Турки въ превосходномъ числѣ приходили искашь головъ; нападенія ихъ производились столь скрытно и проворно, что рѣдко не удавались, и часно на разсвѣтѣ часъ лагеря охранялась одними обезглавленными трупамн. Принцъ Кобургскій вздумалъ посылать всякую ночь сильныя отряды кавалеріи за передовую цѣпь, чтобы защищать ее. Пикеты сіи состояли обыкновенно изъ сна и до двухъ сотъ человекъ; но Турецкіе военачальники, досадуя на то, что людямъ ихъ мѣшающъ занимать ихъ мѣлочнымъ шортомъ, начали посылать, противъ нашихъ пикетовъ, отряды сильнѣйшіе, что доставило имъ еще большую прибыль. Такимъ образомъ караулы сдѣлались столь опасны, что назначаемые на аванпосты должны были напередъ писать духовную.

Дѣла наши были въ такомъ положеніи до Августа мѣсяца. Нѣсколько сраженій ничего не перемѣнили. За недѣлю до 20 числа явилась ко мнѣ цыганка, у которой покупалъ я съѣстные припасы. Она вошла въ мою палатку и просила отказать ей что нибудь въ наследство, если умру въ назначенный ею день; въ противномъ же случаѣ обѣщала доставить мнѣ даромъ корзину Токайскаго вина. Эшаго вина въ арміи почти не было; я думалъ, что цыганка сошла

съ ума; въ тогдашней моеиъ положеніи скорая смерть была конечно не невѣроятна; но я не имѣлъ причины ожидать ее именно 20 числа. Я согласился на закладъ и держалъ прошивъ спарухина Токая двухъ лошадей и пятьдесятъ червонцевъ. Полковой Аудиторъ, смѣясь, написалъ намъ условіе.

20 Августа наступило. Ничто не показывало, чѣмбы въ эпошъ день началось сраженіе. Правда, чѣмъ нашему полку надобно было вступить въ караулъ, но двумъ моимъ шоварищамъ доспавалось идти прежде меня. Вечеромъ, когда гусары готовились уже къ ошъвзду, явился полковой лѣкарь; онъ пришелъ объявить полковому командиру, чѣмъ офицеръ, назначенный въ пикетъ, сдѣлался опасно боленъ. Слѣдовавшій за нимъ получилъ повелѣніе заступить его мѣсто; онъ поспѣшно одѣвается и хочеть догнать людей; но лошадь его, прежде смирная и послушная, начала бѣситься, скакать на дыбы, а наконецъ сшибла сѣдока, который, падая, переломилъ себѣ ногу. Пришла моя очередь. Буду; но, признаюсь, былъ тогда не въ обыкновенномъ разположеніи духа.

Я командовалъ осмьюдесятью человекани и долженъ былъ соединиться со 120 человекани изъ другаго полка, чѣмъ вмѣстѣ составляло 200 чел. Нашъ постъ былъ на шы-

сячу шаговъ впереди линіи праваго крыла, и мы примыкали къ болоту, покрытому высокими просвникомъ; передъ нами часовыхъ не было и никто не спѣшивался; вѣрно было до разсвѣта держать карабины заряженными, а сабли на-голо. Все было спокойно до трехъ четвершей втораго часа: тогда услышали мы сильный шумъ, громкіе крики *алла*, и въ минушу первый рядъ лошадей былъ опрокинутъ огнемъ и напискомъ семи или осьми сотъ Турокъ. Съ ихъ спорочны пало не меньше ошъ стремительносши ихъ нападєніа и огня нашихъ карабиновъ. Они знали мѣсно, и пошому мы были окружены и разбиты. Всѣ рубили, кололи и спрѣляли часно безъ разбора; я получилъ восемь ударовъ саблями, сколько ошъ непріятелей, сполько и ошъ своихъ; лошадь моя была ранена смертельно, упала на правую мою ногу и пакимъ образомъ придавила меня къ окровавленному песку. Писполешные выспрѣлы освѣщали убійство.

Я поднялъ глаза и увидѣлъ, что наши защищались съ мужєствомъ опчаянїа, но пьяные ошъ опіума Турки ужасно ихъ рубили. Скоро не было уже ни одного Австрійца на ногахъ. Побѣдители хвапали лошадей, конгорыа могли еще служить; ограбили сначала мершвыхъ и ранєныхъ, и потомъ нача-

ли рубишь головы и класшь ихъ въ нарочно-приготовленные для того мѣшки. Положеніе мое было не завидно. Въ корпусѣ Чеклера мы ночши всѣ знали Турецкій языкъ. Я слышала, что они ободряли другъ друга кончить работу, пока не приспѣла помощь, чтобы не потерять ни одного червонца, прибавляя, что ихъ должно быть двѣсти. Видно, что они хорошо знали. Между тѣмъ какъ по мнѣ взадъ и впередъ ходили, между тѣмъ какъ руки, ноги и пули летали надъ моей головой, лошадь моя получила еще рану, что произвело въ ней судорожное движеніе. Нога моя освободилась, и мнѣ потчасъ пришла мысль уйти, если можно, въ болошо. Я видѣла, что многіе изъ нашихъ пыщались эшо сдѣлать и были пойманы; но огонь сдѣлался рѣже и шемнопа подавала мнѣ надежду. Мнѣ надобно было сдѣлать только шаговъ двадцать. Можно было потпонушь; однако я пуспился прыгать черезъ людей и лошадей, опрокинулъ не одного Турка; меня ловили, рубили; но счастье и проворство помогли мнѣ достигнуть до болоша. Сначала погрузился я только до колѣнь; но сдѣлавъ въ просѣнникѣ еще шаговъ двадцать, отъ усталости не могъ идти далѣе. Я слышала, что Турки кричали: *одинъ невѣрный спасся; ищите*

его! Другіе отвѣчали: не можетъ быть, чтобы онъ ушелъ въ болото. Не знаю продолжали ли они говорить; я уже ничего не слыхалъ. Потеря крови лишила меня чувствъ на нѣсколько часовъ; когда я пришелъ въ себя, солнце было уже очень высоко.

Я до половины ушелъ въ болото; волосы у меня встали дыбомъ, когда я вспомнилъ карпины прошедшей ночи, и 20 Августа потчасъ пришло мнѣ въ голову. Я насчиталъ у себя восемь ранъ, но всѣ онѣ были не опасны, потому что получены были отъ саблей на рукахъ, груди и спинѣ. Лѣтнія ночи въ этой странѣ бывающъ довольно холодны, для чего носилъ я всегда подспуую шубу, которая обезсиливала удары. Однако жъ я былъ очень слабъ; прислушивался: Турки давно уже уѣхали. Часто въ поля сраженія доходили до меня стоны умирающихъ лошадей; но людей Турки угонили.

Стараясь освободиться изъ болота, я черезъ часъ вылезъ, спусая по проложенному мною слѣду. Хотя война противъ Турокъ прищупываетъ всякую чувствительность, но, выбравшись изъ шпростника, и взглянувъ вокругъ себя, я невольно содрогнулся. Иду впередъ, озираю поле сраженія; но какъ описать весь мой ужасъ, когда вдругъ кто-то схватилъ меня за руку!

Оборачиваюсь и вижу Арнауша, ужаснаго роспомъ, кошорый, вѣрояшно, возвратился посмѣтрѣшь нельзя-ли еще чего взять. Чѣмъ надежда была когда-либо сшоль жестоко обмануша? Говорю ему по Турецки: „возьми мои часы, деньги, мундиръ, но не убивай меня!“ — Все это принадлежитъ мнѣ—отвѣчалъ онъ — на придачу и голова швоя!“ — Тѣмъ-часъ началъ онъ разстегивать засшежку моей гусарской шапки и попомъ шейный плашокъ. Я былъ безъ оружія и не могъ защищаться; при малѣйшемъ движеніи онъ прокололъ бы меня своимъ широкимъ ножомъ. Между шѣмъ какъ онъ обнажалъ мою шею, я обнялъ его, непрерывно упрашивая. „Сжался надо мною! говорилъ я: „семейство мое богато; возьми меня въ пѣвнѣ; тебѣ дадутъ дорогой выкупъ. — Эшаго ждешь долго — отвѣчалъ онъ — стой только смирно, чшобы мнѣ можно было рѣзать; — онъ уже вынималъ булавку изъ моей рубашки. Между шѣмъ я все держалъ его обнявши; онъ не мѣшалъ мнѣ, надѣясь, вѣрояшно, на свою силу и оружіе и можешь бышь изъ жалости, кошорая, впрочемъ, не могла превозмочь въ немъ желанія получить червонецъ. Въ то время, какъ онъ вынималъ мою булавку, я ощущалъ у его пояса чшд-шо швердое; это былъ желѣзный молотокъ. Онъ мнѣ повшорилъ опять: „стой

смирно!" и это, без сомнѣнія, были бы послѣдніе слова, которые я слышалъ, если бы ужасъ подобной смерти не внушилъ мнѣ мысли выдернуть у него молодокъ. Онъ не обращилъ на это вниманія; держалъ уже одной рукой мою голову, а другою заносилъ саблю какъ я вдругъ вырвался и, не теряя ни минуты, ударилъ его изо всѣхъ силъ по лицу. Молодъкъ былъ шпатель; ударъ пришелся ловко: Арнаушъ зашатался; я повторилъ ударъ, и онъ упалъ, выпустивъ свой ножъ. Разумъ великъ, что я тотчасъ схватилъ его и разсѣкъ имъ на части шло врага своего. Тутъ побѣжалъ я къ нашимъ аванпостамъ, копорыхъ оружіе блистало на солнцѣ, и достигъ до лагерь. Ошъ меня бѣжали, какъ ошъ привидѣнія. Въ шопъ же день я почувствовала горячку и меня отнесли въ госпиталь.

Недѣль черезъ шесть я вылѣчился ошъ ранъ и горячки и возвратился въ лагерь. Тотчасъ по моемъ прибытіи Цыганка принесла мнѣ Токайское вино, и я узналъ ошъ другихъ, что во время моего отсутствія она сдѣлала нѣсколько почныхъ предвѣщаній, которыя сбылись и доставили ей великую славу, а вмѣстѣ и много опказовъ по завѣщаніямъ. Это казалось весьма удивительнымъ.

Между шѣми пришлѣ къ намъ два перемешчика, Сербскіе Христіане, кошорые находились при обозѣ Турецкой арміи и убѣждали, что бы избавишься отъ заслуженнаго ими наказанія. Увидѣвъ нашу предвѣщательницу, они пошчасъ ее узнали и сказали, что она часшо ходила по ночамъ въ Турецкій станъ увѣдомляшь о нашихъ движеніяхъ. Это насъ чрезвычайно удивило, пошому что эша женщина часшо оказывала намъ услуги и мы даже удивлялись, съ какимъ искусствомъ исполняла она самыя опасныя порученія. Но перемешчики швердо шнояли въ своешъ показаніи; они прибавили, что сами слышали, какъ эша женщина описывала Туркамъ наши позиціи, открывала имъ наши намѣренія и уговаривала дѣлать нападенія, кошорые всегда, по совѣшущу ея, предпринимались. Турецкій шифръ служилъ ей вмѣсто паспорта. Эшошъ неоспоримый свидѣтель былъ найденъ у нея и ее осудили на смерть. Предъ исполненіемъ казни я снова разспрашивалъ ее о сдѣланномъ мнѣ предсказаніи. Она призналась, что посредствомъ двойнаго своего шпіонства, приносившаго ей и двойную пользу, она часшо узнавала о предпріятіяхъ шой и другой шпороны; что шѣ, кошорые приходили спрашивашъ о судьбѣ своей, многое ей

открывали сами, а нередко была она об-
 зана и случаю. Чтѣ же касается собственно
 до меня, то ей угодно было показатъ
 надо много убѣдительнѣйшей примѣръ ея
 предвѣденія. Для того-то назначила она за-
 долго впередъ день моей смерти. При на-
 ступленіи срока, она уговорила непріятеля
 сдѣлать въ ночь 20 числа нападеніе на посѣль,
 занимаемый нашимъ полкомъ. Чрезъ связи съ
 Офицерами узнала она, что двоимъ доспаеш-
 ся идши прежде меня; она продала одному
 изъ нихъ подмѣшаннаго вина, отъ котораго
 пощъ сдѣлался болѣвъ; когда же хотѣлъ ѣхать
 другой, то она подошла къ нему, какъ бы
 для того, что бы что-то продать, а меж-
 ду тѣмъ успѣла, непримѣшнымъ образомъ,
 всунуть далеко въ ноздрю его лошади ку-
 сокъ горящаго пруту.

Съ Фран. А — ий.

ДЕНЬ НА БЕРЕГАХЪ ОРЕНОКО *).

. . . Quid trepides in usum
 Poscentis aevi pauca? —
 Hor., Od. 8, Lib. 2.

Человѣкъ рожденъ для общества — это неоспоримо; но гдѣ именно долженъ искасть онъ благополучія? Не скрывается ли оно между двухъ крайностей: состоянія, столь несправедливо называемаго природнымъ, и того, гдѣ видна самая утонченная образованность? — Мыслишь такимъ образомъ весьма позволишельно тому, кто, подобно мнѣ, одну половину жизни провелъ съ Караибами, а другую съ Парижанами. Давно уже говорятъ, что настоящую цѣну здоровья почувствуешь только тогда, когда сдѣлаешься больнъ. И я теперь вижу, что прежде не узнаешь полной цѣны тишины и уединенія, пока не поживешь въ непрерывномъ шуму и суматохѣ большого города.

Было бы смѣшно опять возобновлять прежніе споры въ защиту и противъ Европейской образованности. Объ этомъ сказано уже все, а доказано — развѣ только крас-

*) Изъ L'Hermitte de la Guiane.

норвиче и некоторых из пѣхъ людей, которые занимались этими философическими парадоксами.

Прежде всего надобно замѣнить, что самые ревностные защитники природнаго состоянія людей писали какъ имъ было угодно, и обыкновенно живучи посреди народа образованнаго, который они очень хорошо знали, рассуждали о дикихъ, о которыхъ сами не имѣли никакого понятія. Начальникъ этой аяшиобщественной школы, Руссо, судилъ объ удовольствіи, какое Гошпеншопы и Ирокойцы должны имѣть въ своихъ лѣсахъ, по тому наслажденію, какое вкушалъ онъ самъ въ рощахъ Монморанси и Эрменонвиля; въ пышномъ замкѣ Герцогини Люксанбургской онъ жестоко оуждалъ роскошь и видя, что въ большомъ свѣтѣ, въ кошоромъ онъ жилъ, все идетъ довольно дурно, заключалъ, что въ состояніи, совершенно прошедшемъ тому, все должно идти хорошо. Впрочемъ, сколько ни старался онъ убѣдить въ томъ другихъ, самъ однако же не рѣшился испытать этого на дѣлѣ.

Но я, я все это испытывалъ самъ. Удалясь отъ свѣта, въ кошоромъ жилъ до того времени, я отказался отъ прежнихъ привычекъ; искоренилъ изъ ума своего всѣ предразсудки, сдѣлавшіеся уже для меня неоспоримыми пра-

вилами, и около сорока лѣтъ разсматривая жизнь нашу, наконецъ убѣдился, что въ состояніи образованномъ болѣе удовольствій, въ состояніи дикомъ менѣе зла; что въ первомъ болѣе нужды, а пошому болѣе и преступленій; въ последнемъ менѣе взаимныхъ сношеній, менѣе обязанностей, а пошому менѣе и добродѣтели; что, однимъ словомъ, шому, кто поставляетъ благополучіе въ спокойствіи, невинности и независимости, лучше родиться на берегахъ Ореоко, нежели на берегахъ Сены. — Что ни говори, а Руссо былъ бы несчастнѣйшій человекъ, если бы судьба заставила его испытать на самомъ себѣ собственныя его теоріи. Сколько разъ, лежа на своей рогожѣ, я внутренно смѣялся, воображая, какую бы странную фигуру предсказывалъ онъ на моемъ мѣстѣ, въ обширныхъ пустыняхъ Гвіаны. Здѣсь принуждемъ бы онъ былъ одинъ одиноконекъ восхищаться красотами природы: шущь не нашелъ бы онъ ни Духовенства, на которое могъ бы возсѣдѣвать; ни Женевскаго Сената, который бы могъ его изгнать; ни театра, который бы согласился или отказался разигрывать его пьесы; однимъ словомъ—никого, кто бы могъ ему удивляться или даже его преслѣдовать. Руссо въ такомъ положеніи оспался бы неизвѣстна, какъ Шевалье

Пажвиль, и, безъ сомнѣнiя, съ дарованiями, какiя онъ имѣлъ, съ его жаждою къ славѣ, былъ бы гораздо болѣе достойнъ сожалѣнiя.

Страна Зангаисъ *) , въ которой я жилъ на берегахъ Орекоко, есть одно изъ нѣсколькихъ мѣстъ, гдѣ природа на нѣсколькихъ миляхъ, кажется, хотѣла собрать все богатства и все чудеса свои. При всемъ отвращенiи, поселенномъ во мнѣ нѣкоторыми сочинителями къ описательному роду, чувствую, что мнѣ трудно будетъ удержаться, чтобы не познакомиться своихъ читателей съ прелестною долиною, напоминающею мнѣ такъ много прiятнаго и такъ много горестнаго.

Толпа Караибовъ, встрѣпившая меня у озера Амiо, гдѣ сперва хотѣлъ-было я поселиться, привела меня въ сiю долину. Едва только узнали они мое желанiе — жить вмѣстѣ съ ними, какъ пошъ же часъ общими силами помогли мнѣ построить хижину и снабдили меня всемъ нужнымъ. Нѣсколько дней доставляли они мнѣ пищу, состоявшую въ дичинѣ, вареной въ меду, и каршофель, промѣнивая мнѣ это на стеклянныя ожерелья и другiя бездѣлки, которыми я запасся прежде и которыми сначала имѣли въ глазахъ

*) Испанцы называютъ ее: Майпура.

ихъ большую цѣну. Но дикіе скоро теряють страхъ къ вещамъ, льстящимъ одному только тщеславію; а естественныя потребности возобновляются у нихъ также часто, какъ и вездѣ. Скоро увидѣлъ я, что они не такъ уже заботятся о моемъ содержаніи, и что мнѣ надобно спарашься о томъ самому. Однимъ упрямъ, спусти съ недѣлю по прибытіи моемъ къ Зангаисамъ, которыхъ языкъ начиналъ я уже понимать, вошелъ въ мою комнашу начальникъ сего народа, престарѣлый Апалего, вручилъ мнѣ лукъ, палицу и сѣпи, и указавъ на вошедшую съ нимъ молодую дѣвушку, по имени Аміоію, сказалъ: „Павель! до сихъ поръ считали мы тебя чужеземцомъ и охотно оказывали тебѣ гостепріимство; теперъ дѣлаешься ты нашимъ собратомъ: прими, въ знакъ вслуяденія своего въ наше сообщество, жену, которая будетъ тебѣ служить и любить тебя; этъ сѣпи для снисканія себѣ пищи; это оружіе для защиты нашей.“ — Сказавъ сіе, сынъ Великой Рѣки поцѣловалъ меня по своему обычаю, сѣлъ на мою рогожу и мы закурили изъ одного калюмета.

Я былъ тогда въ лучшемъ возрастѣ жизни, проворенъ и силенъ. Сверхъ сихъ качествъ, столь полезныхъ въ новомъ моемъ состояніи дикаго, имѣлъ я нѣкошорыя свѣде-

вія и способности, копорыя могъ употребить съ выгодною какъ для себя, такъ и для небольшого общесва, принявшаго меня въ свои члены. Скоро опличился я искусствомъ строити байдары и управляти ими; также легко научился дѣйствовать лукомъ, какъ прежде дѣйствовалъ ружьемъ. Храбрость, оказанная мною въ одномъ изъ воинскихъ нашихъ походовъ, доставила особую мнѣ честь: хижину мою украсили скальпами, содранными съ череповъ непріятелей нашихъ, Ошомановъ. Народъ началъ оказывать мнѣ большое уваженіе, копорое въ послѣдствіи еще увеличилось.

Поселившись въ сей странѣ, я первымъ для себя долгомъ поставилъ узнать ея законы. Они у Зангаисовъ столь же просты, сколь просты и нравы ихъ. Весь Кодексъ страны сей не длиннѣе одного нашего бюллетеня. Въ важнѣйшія дѣла рѣшающа собраніемъ начальниковъ, подъ предсѣдательствомъ Старѣйшаго въ поколѣніи: онъ, по представленію ихъ, заключаетъ миръ и объявляетъ войну. Сначала, какъ скоро война объявлена, все Зангаисы, способные владѣти оружіемъ, собираются на берегу большаго озера; здѣсь избираютъ они вождя, идутъ противъ непріятеля, сражаются съ нимъ; предписываютъ ему законы, если оспаются побѣдители.

лями, и покоряюся его велѣніямъ, если бываюшь побѣждены. Но когда послѣднія слишкомъ для нихъ шягосны, они предаюшся опчаянію, сожигаютъ свои жилища, уводящъ женъ, дѣшей, опустошаютъ поля свои и въ добычу непріятеля оставляюшь одни развалины. Во время своего изгнанія они опращиваютъ себя волосы, какъ женщины, ломаютъ стрѣламъ предъ своимъ Фелцишемъ, кошораго закидываютъ землею, и умерщвляютъ своего вождя.

Занятія ихъ раздѣлены между обоими полами, сообразно съ природными свойствами и способностями каждаго: мужчины спродѣ хитины, ходятъ на войну, на охоту, рыбную ловлю; женщины плещутъ рогожи, выдалбливаютъ шывы, приготавливаютъ кокосовой сокъ и емошрящъ за дѣтьми.

Праздники посвящаются общесшвеннымъ играмъ, гдѣ всякій являетсѣ показатъ свою силу или проворство. Побѣдштель, если онъ не женатъ, имѣетъ право выбратьъ себѣ въ жену любую изъ дѣвушекъ цѣлаго поколѣнія.

Слѣдующій ошрывокъ изъ моего журнала можетъ дать лучшее понятіе о семъ народѣ и доставитъ случай сравнить суровость его нравовъ съ утонченностью нашихъ.

22 Генваря 1788.

Нынѣшнюю ночь вышерпѣли мы ужасный ураганъ: ручей, текущій съ горы, разлился съ такимъ стремленіемъ, что мы едва успѣли спастись въ зимнія наши жилища *).

Вчера, по ту сторону горы примѣтили одного Жагара. **) Едва начинало разсвѣтать, какъ мы отправились къ его засадѣ. Амюія, съ груднымъ своимъ ребенкомъ, непременно хотѣла быть со мною; я требовалъ, чтобы она осталась дома, и она пролила слезы на мои стрѣлы ***).

Мы гонялись за жагаромъ нѣсколько часовъ. Замео ранилъ его, и разсвирѣпѣвшее животное бросило с на моего друга. Я пустил стрѣлу прямо въ голову шигра, и онъ палъ мертвъ.

Возвратясь съ охоты всѣ мы по обыкновенію собрались въ *карбетъ* Апалего. Старѣйшина поколѣнія, къ стопамъ котораго повергли мы свою добычу, громогласно произнесъ молишву Великому Зиѣю. Повшоря

*) Дикіе сей часши Гвіаны въ дождливое время живутъ на деревьяхъ.

**) Jaguar, родъ шигра.

***) Караобы увѣрены, что оружіе, омоченное слезами женщины, наноситъ смертельную рану.

ее вмѣстѣ съ прочими, я обращался къ Существу Высочайшему.

Послѣ сего почтенный Апалего возсѣлъ подѣ густою пальмою, дабы воздѣть судѣ народу.

Одинѣ изъ Зангаисовѣ бѣжалѣ съ послѣдняго сраженія: Апалего приказалѣ опниять у него жену, дѣшей и все оружіе, и не возвращать дошолѣ, пока не омоешь онѣ снѣда своего въ крови непріятельской.

Одинѣ спарець принесѣ жалобу на сына своего Ашибое, который изгналѣ его изъ своей хижины и опказалѣ ему во всякомѣ пособіи. „Такѣ я буду пещись о тебѣ“ — сказалѣ Апалего — „пошому что я опецѣ всѣхъ Зангаисовѣ; но Ашибое доспигнешѣ спарости, дѣши его узнаюшь, какѣ посшупилѣ онѣ съ опцемѣ своимѣ, и воздадутѣ ему шюю же неблагодарностию.“ — Ашибое поднялѣ на руки преснарѣлаго опца своего и опнесѣ его къ себѣ въ хижину.

Пошомѣ предспали два молодыхъ Зангаиса: оба оспаривали принадлежность себѣ одного Опмакского плѣнника; каждый ушверждалѣ, что онѣ захватилѣ его. Апалего велѣлѣ позвать плѣнника и сказалѣ: „Если бы мы не уничтожили обычая предковѣ нашихъ съдѣать военноплѣнныхъ, я раздѣлилѣ бы опшого и опдалѣ бы каждому изъ васѣ по

половинѣ; теперь, когда мы не следуемъ болѣе сему обыкновенію, каждый изъ васъ считаешь себя въ правѣ обладать невольникомъ, который можетъ принадлежать только одному. Возвращаю ему свободу, чтобы оставшись посреди насъ, не могъ онъ быть причиною всегдашней между вами распри.“

Родственникъ спарѣйшины купилъ у одного Зангаиса байдару, пальмы и рогожи: онъ требовалъ также его оружія и хижины, какъ имущества, равнымъ образомъ ему проданнаго. Спарѣйшина уничтожилъ продажу послѣднихъ, сказавъ, что всякій имѣетъ право располагать излишнимъ, но не можетъ, даже и по собственнѣйшей волѣ, лишать себя необходимаго.

Солнце позлащало уже вершины кокосовыхъ деревьевъ, когда я вошелъ въ свою хижину. Любезная моя Аміоія дождалась меня въ загороженной рожицѣ, окружающей наше жилище. Здѣсь пригостила она завтракъ и качала дочь нашу въ люлькѣ, висѣвшей между двумя дикими лимонными деревьями.

Я уже испыталъ, что удовольствіе скорѣе забывается, нежели горесни. И для того-то, чтобы нѣкогда привести себя на память пріятнѣйшія минушны моей жизни, хочу сохранить здѣсь сладостныя ощущенія, которыми наслаждался я въ своей

койкъ, окруженный всѣмъ для меня милымъ, засыпая безъ непріятнаго воспоминанія о вчерашнемъ, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ.

Крикъ пималота *), который бываетъ слышимъ уже по прошествіи сильнаго жара, возвѣщивъ мнѣ время отправленія на рыбную ловлю. Мы сѣли въ мою большую байдару, къ которой въ первый разъ попробовалъ я прикрѣпить парусъ, составленный изъ остатковъ Европейской моей одежды. Теченіе воды быстро влекло насъ внизъ по рѣкѣ; къ пособію нашего паруса прибѣгли мы только на возвращномъ пуши.

Ловля наша была очень удачна, и мы возвращались домой, какъ вдругъ въ лѣсу, мимо котораго мы проѣзжали, раздася пронзительный вопль. Въ нѣсколько минутъ были мы у берега: я выскочилъ; Замео за мною. Здѣсь увидѣли мы, что дикіе сосѣдняго племени влекли въ чашу лѣса женщину. Наше быстрое, внезапное нападеніе обратило въ бѣгство похищенныхъ.

Женщина, которой спрхъ придавъ крылья, бросилась къ рѣкѣ и прямо въ нашу байдару, гдѣ добрая Амюіа приняла ее и спа-

*) Пшица полуденной Америки.

ралась успокоить. Мы последовали за нею, и парусъ, в душой въспромъ, спремительно понесъ нашу байдару.

Женщина сія называлась Опшали: она была молодая Мулапка, родомъ изъ Кайенны, и куплена Испанцомъ, владѣльцомъ одной дальней плантаціи. Нѣсколько дикихъ изъ тѣхъ поколѣній, которыя пожираютъ еще себя подобныхъ, захватили ее, и безъ сомнѣнія она сдѣлалась бы ихъ добычею, если бы Небо не послало насъ для ея избавленія.

Возвратное плаваніе наше подъ парусомъ было шоржествомъ: двадцать байдаръ выѣхали къ намъ навстрѣчу, и ловля наша была такъ изобильна, что мы могли раздать большую часть.

Аналего, которому мы представили Опшали, пришелъ къ нашему ужину, и за столомъ Амюіа и Замео пѣли Зангайскія пѣсни, подъ звуки балалайки моего изобрѣшенія.

Разведя огни вокругъ хижины, чтобы отогнать шучи комаровъ, размножившихся отъ чрезмѣрнаго жара, мы закурили калюмень и за чашами кокосоваго сока уснули на своихъ рогожахъ, въ ожиданіи появленія солнца, которое снова воззоветъ насъ къ пѣмъ же удовольствіямъ. —

Этой картиной *Дня на берегахъ Ореноко* я хочу противопоставить изображение *Дня на берегахъ Сены*. —

ДЕНЬ НА БЕРЕГАХЪ СЕНЫ.

Si vacat, et placidi rationem
admittitis edam.

Juvenal, Sat. 1.

Исполняю свое обѣщаніе, пѣмъ болѣе, что не хочу упустить представившагося мнѣ случая сдержать свое слово на счетъ одного свѣтскаго чловѣка, кошорый сейчасъ только опъ меня вышелъ и въ разговорѣ кошораго нашель я всѣ свѣдѣнія, нужныя для описанія *Дня на берегахъ Сены*.

Въ этомъ случаѣ я не могъ бы избрать дѣйствующимъ лицомъ самаго себя. Люди моихъ дѣлъ еще считающъ дни; но какъ измѣряющъ ихъ? Въ нихъ нѣтъ болѣе ни зари утренней, ни полудня; это сумракъ, раздѣляющій двѣ ночи; одни только часы означаютъ его промежутки.

Жизнь чловѣческую составляютъ мысли и движенія: въ старости эпа послѣдняя способность походить только на мърные

размахи маешника, побуждаемого необходимостями.

Возьмемъ въ примѣръ челоуѣка, вполне пользующагося жизнью.

„Не понимаю, куда дѣвается время въ Парижъ“ — сказала мнѣ посѣщившій меня сегодня по утру молодой Графъ Де Гланель, вступъ г-жи Лорисъ. — „Цѣлыя двѣ недѣли собираюсь навѣспитъ васъ; мы живемъ въ одномъ домѣ; сповишь только перейди галерею и я у васъ — и что жъ? Я право думаю, что умру прежде, нежели удасться мнѣ съ вами видѣться.“

— Со мной это скорѣе можете случиться, Графъ. Заспавляя долго дожидаетесь удовольствія, немудрено лишитъ меня его и вовсе. Но скажите мнѣ, ради Бога, какимъ образомъ вы, челоуѣкъ свободный, не имѣя никакихъ занятій, кромѣ тѣхъ, которыя сами для себя выдумаете, располагая вашими поступками и временемъ совершенно по собственной волѣ, какимъ образомъ вы не можете распределить часы ваши сообразно съ вашимъ желаніемъ?

„Извините; я распределяю ихъ какъ нельзя лучше; только, къ несчастію, мнѣ никакъ не удасться исполнитъ всего того, что собираюсь сдѣлать поутру. Напримѣръ,

хотите ли знать, какъ располагалъ я про-
весни вчерашній день?

„Ваша моя записная книжка; читайте :

„Въ десять часовъ, къ г. Пустыннику . . .
видите, это написано. — Ровно въ один-
надцатъ, къ г-жѣ Бервиль, которая черезъ
два дня уѣзжаетъ изъ Парижа, и которую я
непрѣменно долженъ видѣть. — Въ часъ, во
Французскую Коллегію, на лекціи гг. Андрѣ
и Вильмена — Въ три часа, къ моему по-
шариусу, по одному весьма важному семей-
ственному дѣлу. — Въ четыре, домой: ко-
мнѣ, будете учиться восточныхъ языковъ...
я все еще продолжаю имъ учиться. — Въ
шесть часовъ, обѣдаю въ Марсѣ, у г-жи
Реймзей, вмѣстѣ съ нѣсколькими Ученными и
Литераторами, извѣснѣйшими въ Парижѣ.
— Въ вечеру во Французскій театръ, гдѣ
буду играть Федру. — Послѣ спектакля,
къ г-жѣ Лорисъ: тамъ увижу я... Ошъ игры
я совершенно отказался; а потому какъ ско-
ро паршіи начнутся, отправляюсь домой, ку-
да прѣйду еще до полуночи; стану читать
и работаю до трехъ часовъ утра.

„Ваша намереніе; хотите ли теперь
знать исполненіе?

„Третьяго дня легъ я спать очень поз-
до; уже въ половинѣ одиннадцатаго камер-
динеръ пришелъ разбудить меня: и такъ въ

эпопъ день я по неволѣ долженъ былъ отказаться отъ удовольствія васъ видѣть. Впрочемъ я твердо рѣшился не опуступать болѣе отъ своего плана. Мнѣ надобно было ровно въ одиннадцать часовъ быть въ предмѣстїи Сень-Жермень: ужь было около двѣнадцати, какъ я прїѣхалъ къ г-жѣ Бервиль. Точноспъ есть одно изъ ея достоинствъ. вмѣсто добраго часа, который могъ бы я провести съ нею, если бы поспѣлъ къ завтраку, мнѣ едва удалось нѣсколько минутъ видѣть и слышать эту превосходную женщину, которой просвѣщенный умъ и здравый разумъ изгнали всѣ глупости и дурчества, съ нѣкотораго времени появившіяся въ нашихъ обществахъ.

„Какъ бы въ наказаніе за мою несправность, по выходѣ отъ умывшей, прїятнѣйшей, любезнѣйшей дамы во всей Франціи, встрѣтилъ я несноснѣйшаго изъ мушинъ. Г. Д'О* * — сдѣлавшійся военнымъ по заключеніи мира и считающій себя великимъ историкомъ и политикомъ, потому что выучилъ наизусть *Учрежденіе Карла Великаго и Ленный трактатъ* — схватилъ меня за руку и принудилъ непремѣнно идти къ нему завтракать

„Кшо охотникъ видѣть и слышать бѣснующуюся глупость и изсущающее щесла-

віе, тому совѣшую завпракашь съ г-мъ и г-жею ДО** — Я ужь давно привыкъ слышать глупыя разсужденія о полицикѣ и мѣрахъ Правительсва; сморѣлъ равнодушно на это помѣшательство, обуявшее нынѣ столько превратныхъ головъ, и считалъ, что знаю уже всѣ сумазбродства, всѣ крайности, всѣ нелѣпости, какія только могутъ въ нихъ вмѣшпиться; но г-нъ и г-жа ДО** доказали мнѣ, что глупость не имѣеть предѣловъ. Последняя вздумала увѣрять меня, что духъ паршіи въ соспоянїи заглушитъ всѣ прочія чувствованія въ сердцѣ женщины, неподверженной болѣе другимъ спростямъ. — Я бы могъ выслушать до конца полицическія бредни, коцорыми мужъ истощалъ мое терпѣніе; но не въ силахъ былъ хладнокровно слушать насавленія жены, которая преподавала ихъ хрипло-помнымъ голоскомъ и заключала обыкновенно словами: *жаль; но это непременно должно тѣмъ кончиться.* — Это кончилось по крайней мѣрѣ тѣмъ, что я забылъ правила учтивости, вскочилъ и ушелъ отъ безумныхъ, давъ себѣ честнѣйшее слово никогда болѣе съ ними не сходиться.

„Отшуда отсправился я во Французскую Коллегію, въ надеждѣ, что лекціи двухъ знаменитыхъ Профессоровъ разсвятъ мрачныя

мысли, которыми бѣснующаяся чеша наполнила мою душу; но къ несчастію, подоспѣлъ къ тому самому времени, когда слушатели уже расходились. Чшобы хотя немного развлечь себя, я вошелъ въ жедепомъ, гдѣ не нашель никого, кромѣ двухъ или трехъ спариковъ въ всключенныхъ парикахъ, и долженъ былъ сыграть партію съ маркеромъ. Еще во-время вспомнилъ я о свиданіи у ношариуса: здѣсь ожидали уже меня мои родспивеники, каждый съ своимъ спрянчимъ, и кажешя изыскивали всевозможныя средства возродить пять или шесть нескончаемыхъ процессовъ изъ такого дѣла, которое при небольшой праводушин и здравомъ обсужденіи могло бы кончиться въ чешверть часа.

„Непріятности разнаго рода, которыми долженъ я былъ вытерпѣть въ продолженіи ушра, взволновали кровь мою, и я забылъ объ учителѣ воспочныхъ языковъ. вмѣсто того отсправился въ купальни. Тутъ спросилъ я себя книгу, и мнѣ подали: *Письма Миледи Монтегю*, гдѣ прочель я описаніе воспочныхъ купалень, и увидѣлъ, что наши нейдушъ съ ними ни въ какое сравненіе.

„Отсюда воропился я домой, чтошбы переодѣшся къ вечеру. Машушка хотѣла было удержать меня объдашь; но я далъ слово г-жѣ Реймзей и ни за что въ свѣтъ не со-

гласился бы измѣнишь ему, потому что тамъ долженъ былъ увидѣться со многими литераторами и учеными, иностранными и нашими, съ копорыми мнѣ очень хошѣлось познакомиться.

„По несчастію надобно было проѣзжать мимо Café Riche, у подъѣзда копораго увидѣлъ я нѣсколько молодыхъ людей, моихъ пріятелей, смотрѣвшихъ продажную лошадь. Одинъ изъ нихъ узналъ меня и попросилъ сказать мое мнѣніе на счетъ этой лошади: онъ уже готовъ былъ купить ее за дорогую цѣну. Какъ я ни спѣшилъ, но между пріятелями бывають одолженія, отъ копорыхъ никакъ нельзя отказать, въ особености, когда сдѣланное предложеніе льститъ нѣсколько нашему щеславію.

„Надобно сказать, что я большой знатокъ въ лошадяхъ, и вчера доказалъ это въ совершенствѣ: на одной ногѣ этой лошади нашелъ я *рацель* во все копыто, весьма искусно залѣпленный какою-то жирною мазью.

„Это открытіе подало поводъ къ большимъ спорамъ между барышникомъ и мною. Увидя, что мнѣ уже не успѣшь къ г-жѣ Реймзей къ началу обѣда, я рѣшился отобѣдать съ своими пріятелями въ ресторанаціи.

*

„Обѣдъ былъ шумень и скучень. Разсуждали съ важностію о самыхъ малозначущихъ вещахъ, и какъ полишика ведетъ часпо къ ссорамъ, нашли средство спорить о кандидатахъ Академіи, о лошади *егентѣ*, о паровыхъ судахъ и о г-жѣ Спрингъ-Сакки. Я тихонько убрался послѣ первой бушылки Шампанскаго.

„Въ театръ пріѣхалъ я уже въ претъ-емъ дѣйствіи *Федры*, и такимъ образомъ лишился удовольствія слышать превосходнѣйшую сцену объясненія, гдѣ г-жа Дюшенуа играетъ съ неподражаемымъ искусствомъ: я никакъ не думаю, чтобы г-жи Клеронъ и Дюмениль могли сравняться съ нею въ этой роли. Зала была набита людьми и я кое-какъ нашель себѣ мѣсто на балконѣ. Не имѣя охоты слышать другой пьесы, какой-то *Мариводажи* *), отправился я въ Оперу: тамъ давали водевилъ; пустился въ Водевиль: здѣсь играли фарсъ съ театра *Variétés*. На послѣдокъ въ *Variétés* заспалъ конецъ преглаупнѣйшей пьесы, которую стыдно было бы играть и въ послѣднемъ балаганѣ на ярмаркѣ какого нибудь узднаго городка.

*) *Marivaudage* — это названіе выдумали Французы собственно для пьесъ Мариво, по ихъ однообразію и изысканности. — Пр. Перев.

Въ половинѣ одиннадцатаго явился я у г-жи Лорисъ въ надеждѣ хоть шунуть отдохнушь нѣсколько ошь скуки и мученій, преслѣдовавшихъ меня въ продолженіи цѣлаго, несноснаго и ушомишельнаго дня. Наканунѣ замѣнила я изъ словъ г-жи Де Сезань, что она намѣревалась провести эшотъ вечеръ у своей шешки. Я долженъ вамъ сказать, что считаю однимъ изъ величайшихъ удовольствій бытъ съ г-жею Сезань....; а какъ она не пропускаеть ни одного представленія Bouffes, шо я твердо былъ увѣренъ, что буду прежде нее... Ни шунуть то было! Я опять попалъ въ просакъ. Г-жа Сезань, выслушавъ только первое дѣйствіе игранный пьесы, пріѣхала къ г-жѣ Лорисъ цѣлымъ часомъ раньше меня, и разсердись на мою медлительность, сълаграшь въ реверси. шакъ, что мнѣ невозможно было къ ней пробратъся. Видя, что эшо одинъ только капризь, я вздумалъ ошомспитъ ей — и попалъ въ совершенные дураки. Сѣвши на другомъ концѣ залы подлѣ одной молодой дамы, началъ я съ видомъ шайны нацѣвать ей всевозможныя ласкательства. „Что бы вы ни говорили“ — сказала она мнѣ съ лукавою усмѣшкой; бросивъ взглядъ на г-жу Сезань — „мы обѣ не вѣримъ вамъ ни въ чемъ.“ — Эшошъ неожиданный отвѣтъ шакъ смущилъ меня, что я поскорѣ кончалъ разговоръ

Мнѣ хотѣлось до выхода получить хоть одинъ ласковый взглядъ; но жестокая не удостоила и просто взглянуть на меня.

„Я сходилъ съ лѣбницы въ одно время съ Шевалье Глаіозомъ: „Вы что-то рано уезжаете?“ сказала онъ мнѣ. — Да, мнѣ надобно къ утру приготошить нѣсколько писемъ. — „И, полно, Графъ; обманывайте другихъ, Развѣ я не вижу, что вы разкапризничались, какъ дитя? Цересманьте: не что завтра надъ вами же спануть смѣяшься. Поѣдемте лучше со мной: я возьму васъ въ половину; мы выиграемъ каждый по пятидесяти луидоровъ и докажемъ выпѣмъ дамамъ, что не очень смошримъ на ихъ капризы.“ Частію съ досады, частію по настоянію Шевалье, я имѣлъ глупость согласиться на его предложеніе: поѣхалъ съ нимъ, проигралъ, какъ дуракъ, шриста луидоровъ, и воротился домой, безъ ужина, въ досадѣ на себя и другихъ, съ горестію, помышляя, что вся жизнь моя состоить, большею частію изъ дней, подобныхъ вчерашнему.“

Съ Фр. А. Ан — р — овъ.

КАРТИНА ЛОНДОНСКИХЪ ПРАВОВЪ.

О т р ы в о к ъ.

На поворотѣ Сен-Джемской улицы догналъ меня Сиръ Моршимеръ М., который ѣхалъ въ красивомъ фаэтонѣ, съ двумя скачущими впередъ форрейперами. Съ нимъ вмѣстѣ сидѣлъ вѣроятно лошадиный барышникъ или опкущикъ, съ такимъ сердитымъ, недовольнымъ, можно сказать злымъ лицомъ, какого я отъ роду не видывалъ. „Какъ ваше здоровье, М***?“ закричалъ я ему. Онъ поблагодарилъ и остановился, что бы поговорить со мною, но во все время не упомянулъ ни слова о своемъ товарищѣ. Я замѣнилъ ему, что вмѣсто бывшей у него прежде чепверки сѣрыхъ лошадей, вижу теперь чепверку вороныхъ, и спросилъ, не промѣнилъ ли онъ прежнихъ. — „Да“ — ошвѣчалъ онъ съ улыбкою — „у меня всякому цѣшу своя очередь; вскорѣ вы увидите у меня чепверку бурыхъ. Но приходите сегодня ко мнѣ обѣдать — въ 7 часовъ, или получасомъ позже, какъ вамъ угодно.“ При сихъ словахъ онъ поскакалъ далѣе.

Я пришелъ къ нему въ при чепверши восьмого. Всѣ госпи были уже шамъ; но Сиръ

Моршимеръ еще не являлся. Еще прошло при четверти часа; а Баронетъ все не показывался. В... , острякъ и ученый, позвонилъ въ колокольчикъ и спросилъ: „Что это значишь? Играюшь съ нами комедию, или наконецъ въ самомъ дѣлѣ дадушь намъ обѣдашь?“ — Господинъ сію минушу прѣхалъ домой — ошвѣчалъ слуга — и кушанье уже подано. — Въ самомъ дѣлѣ Баронетъ сейчасъ вошелъ въ комнашу съ веселымъ видомъ и принялъ насъ всѣхъ какъ нельзя ласковѣе. — Общество состояло изъ Лорда Л... , Дюка В... , Жака Б... , одного духовнаго, одного неизвѣснаго Авдоката — ибо мы не слышали, чѣмъ его называли по имени — и оружейнаго мастера Г. Тригглера. Присутствіе послѣдняго насъ всѣхъ не мало удивляло.

Между первую и вторую перемѣною блюдъ былъ долгой промежутокъ, и когда спросили еще вина, слуга ошвѣчалъ: „Иосифъ заперялъ ключъ отъ погреба, и если его не найдушь въ пять минушь, по разломаюшь двери.“ Тушь Лордъ Л... въ первый разъ ошворилъ ротъ и предложилъ играть покуда въ кости. На это согласились. Баронетъ проигралъ Лорду 20 гиней; продолжали бросать кости, и въ нѣсколько минушь я и Б. заплащали 50 гиней. Оружейный мастеръ

еще хуже опдѣлался; онъ проигралъ болѣе, нежели вдвое прошиву нашего. Тушъ явилось множесство Шампанскихъ бушелокъ во льду, и вшорая переменна кушанья прервала игру въ кости. „Ты проиграешь носъ и уши!“ — сказала В.* и попрепала Тригглера очень фамиліарно по плечу. Сей послѣдній хотѣлъ смѣяться; но замѣтно было, что это стоишь ему большаго труда. При шрешней перемѣнѣ блюдо Баронетъ былъ вызванъ; онъ ворошился, помирая со смѣху, и кричалъ, чтообъ наливали спаканы. За десертомъ предложили играть въ чешъ и нечешъ, но на это не согласились. Я замѣшилъ, что ни В* *, ни Авдокашъ въ первую игру не мѣшались. Тушъ вызвали опять Баронета и Тригглера вмѣстѣ; чрезъ нѣсколько минушъ они ворошились: оружейный масшеръ съ весьма важнымъ видомъ, Баронетъ съ торжествующею улыбкой, какъ будто бы ему удалось кого-нибудь обмануть.

Послѣ десерта пили еще около двухъ часовъ. Въ это время Баронетъ показалъ шабакерку съ музыкою. Тригглеру она чрезвычайна понравилась, и онъ предложилъ разыграть ее въ кости. Это приняли. Тригглеръ бросилъ самое большее число прошивъ другихъ, 31; но Баронетъ схватилъ рогъ и бросилъ 34. „Это ты гаупо сдѣлалъ, старая

винповка“ — вскричалъ В. . . , попомъ примод-
виль мнѣ на ухо: „какъ эштоъ человекъ
слѣпъ и самъ лѣзеть въ сѣпи! Я думалъ,
что опьянность сдѣлала его немного по-
умнѣе.“ — Тушь господа довольно были уже
пьяны, и Тригглера вывели изъ комнашы безъ
языка.

Послѣ обѣда Баронетъ предложилъ висптъ,
но В. . . . опклонилъ эпо и намекнулъ мнѣ,
чтобъ я шакже не садился. Такимъ образомъ
мы ушли и оставили Баронета, Пера и пья-
наго Авдоката за *vingt-un*. Жакъ В. . . по-
шелъ въ Оперу, а В. . . просилъ меня дать
ему мѣсто въ моей каретѣ. При выходѣ
мы замѣтили, что много людей выносило
изъ комнашы разныя связки и посуду, какъ бы
хотѣли совсѣмъ очистишь домъ.

На возвратномъ пути я изъясилъ В.*
мое удивленіе о всемъ видѣнномъ. Онъ далъ
мнѣ слѣдующее объясненіе: „Сиръ Моршимеръ
и я были школьные шоварищи. Въ послед-
ствіи времени мы потеряли другъ друга со-
вершенно изъ виду, пока случай не свелъ
насъ нечаянно въ Башѣ, на водахъ. Я узналъ,
что онъ, по выходѣ изъ Коллеги, надыалъ
множество долговъ и въ нѣсколько лѣтъ
прожилъ все свое имѣніе. Заимодавцы аре-
стовали его въ Брейтонѣ, въ то самое
время, какъ онъ хотѣлъ жениться на бога-

шой дѣвушкѣ, наследницѣ большаго имѣнія. Чрезъ этошъ неожиданный случай дурное положеніе его сдѣлалось всѣмъ извѣстно. Также несчастливъ былъ онъ и при Парламентскихъ выборахъ: сколько друзья ни старались подкупать за него; но пропивники его подкупали лучше, и онъ остался безъ ничего. Наконецъ все его имѣніе было продано, и онъ живетъ, подобно многимъ блестящимъ молодымъ людямъ нашей столицы, совершенно какъ случится. Карета и лошади у него наняшыя; квартира въ *hôtel garni*, людямъ своимъ платитъ подневно, а когда даешь обѣды, все берешь изъ практира. Лордъ Л. . . не иное что, какъ фальшивый игрокъ; они выигрываютъ вмѣстѣ; а когда одинъ другому проигрываетъ, то это только для виду.

„Вчера поутру“ — въ то время, какъ онъ мнѣ говорилъ, давно уже началось сегодня — „вчера поутру Баронетъ былъ арестованъ, и вы встрѣтили его въ фазтонѣ съ полицейскимъ служивелемъ, который вѣхалъ съ нимъ домой и не опходилъ опъ него ни на минушу, пока оружейный мастеръ не подписалъ поручительство. Когда послѣдній, по кратковременной опмучкѣ, опять вошелъ съ Баронетомъ въ комнашу, старый Тригглеръ смошрѣлъ совсѣмъ не весело, пошому

что нашелъ сумму долга гораздо большею, нежели какъ думалъ; что также былъ обманъ Баронета, согласившагося съ полицейскимъ служивелемъ. Послѣ первой перемены блюдо недоставало вина, потому что не было его вовсе въ домъ; но промежуткомъ далъ средство достать нужное, а розыгрышъ табакерки принесъ гораздо больше, нежели сколько spoiled весь нашъ блистательный обѣдъ.

, Что Б. . . пошелъ въ Оперу, была большая помѣха въ ихъ планъ; а что вы не съели играть въ вистъ, еще большая. Про меня Баронетъ знаетъ, что я не играю; но онъ приглашаетъ меня, чтобы послѣ сказать, что я оживляю его общество и что онъ не можешь быть безъ меня. Собственный планъ его былъ: завлечь васъ и Б. . . послѣ стола въ большую игру, разгорячивъ васъ въ вистъ небольшимъ выигрышемъ. Какъ вы видѣли, Триггеръ долженъ былъ расплатиться за все добрымъ порядкомъ, а опуманелаго Авдокаша Баронетъ и благородный Лордъ оберуть за vingt-un такъ, что послѣ при дѣлѣ добычи будутъ помирать со смѣху. Люди, которые при нашемъ отъѣздѣ очищали домъ, относили наняшую серебряную посуду, стаканы, столовое бѣлье и прочее шому подобное, вмѣстѣ съ легиономъ опорожненныхъ бушелокъ. . .“

Тушь карета остановилась. Пришедши въ свою комнашу, я легъ въ постелю, но не могъ спать. Ужась и омерзѣніе къ тому, что я видѣлъ и испыталъ, поразили меня, и я рѣшился рассказать о томъ всемъ моимъ знакомымъ. Переменная, которая столь часто происходитъ съ поварищами нашей юности, по выходѣ изъ училищъ, такъ велика, что встрѣчая ихъ опять въ свѣтѣ, надобно быть крайне оспорожну, чтобы открытіемъ истинныхъ своихъ чувствованій не попалъ въ отношенія и связи, могущія вредить собственно намъ, не спасая ихъ отъ гибели.

А Л М А З Ъ.

Восточное сказаніе.

Солнце склонялось уже къ западу. Наступилъ вечеръ тихій и ясный. Легкій вѣтерокъ, подушій съ сѣвера, началъ прохладять палящій зной полуденный и вся природа, казалось, оживала при его дуновеніи.

Гаммедъ и Рашидъ вышли прогуляться по берегу обширнаго озера въ окрестностяхъ многолюдной столицы Великаго Могола.

Первый был почтенный старец, клонящийся къ западу своей жизни, мудрый и опытный; второй — юный внукъ его, въ тринадцатой веснѣ, едва готовящийся вступитъ на шернистое поприще жизни. Всякій день открывалъ ему Гаммедъ шайнства Природы и сердца человеческого, юношѣ невѣдомыя; просвѣщаль его умъ, образовалъ сердце и насаждалъ въ душѣ его семена пламенной любви къ отечеству. Каждая уединенная прогулка ихъ была новымъ урокомъ для внимательнаго ошрока.

Идучи вдоль берега, вдругъ замѣнилъ Рашидъ вдали что-то блестящее. Быстрѣе молніи устремился онъ туда и закричалъ Гаммеду :

„Посмотри, отецъ мой, посмотри, какую превосходную вещь нашелъ я.“

Гаммедъ приблизился и увидѣлъ спальную цѣпочку, искусной работы.

— Эта вещь безъ сомнѣнія поперяна какимъ-нибудь Европейцемъ, осмапривавшимъ великолѣпныя окрестности нашего города — сказалъ Гаммедъ.

„Но какъ она прекрасна, какая работа, какой блескъ! Я сохраню ее на память и ни за что ни кому не отдамъ!“ — воскликнулъ съ восхищеніемъ Рашидъ.

— А я, напрошивъ того, десяти такихъ бездѣлицъ не взялъ бы за одинъ эпошъ камень — ошвѣчалъ Гаммедъ, и поднялъ съ земли небольшой камень, весьма некрасивый снаружи.

„Возможно ли эпо?“ возразилъ Рашидъ: „за одинъ эпошъ ничего незначущій камень?“

— Да, сынъ мой, за одинъ эпошъ камень, ничего незначущій *повидимому*, но *въ самомъ дѣлѣ* достойный украшать чалму Великаго Могола.

— Учись, любезный Рашидъ — продолжалъ онъ — никогда не судишь о вещахъ *по наружности*, но старайся узнавать *дѣйствительную* цѣну каждой. Твоя цѣпочка служишь только маловажнымъ украшеніемъ; время и сырость могутъ испребишь красошу оя, и тогда пошеряешь она всю свою цѣну; но эпошъ камень имѣешь внутреннее достоинство, и сохранишь его навсегда; ибо эпо алмазь, драгоценнѣйшій изъ камней, хотя онъ еще не обдѣланъ и не получилъ того вида, въ кошоромъ узнають его истинную цѣну.

— Многіе, сынъ мой, судяшь подобно тебѣ какъ о вещахъ, такъ и о людяхъ. Они дѣлають заключенія о видимомъ ими не потому, что оно *есть*, но потому — чѣмъ *кажется*, признають золотою золопомъ не прежде, какъ тогда, когда оно выдепъ уже изъ горнила, въ полномъ своемъ блескѣ, — хотя оно всегда золото. Взгляни на великолѣпное свѣшило, ярко блистающее *надъ небосклономъ*: всѣ видяпъ и знають его, подобно тебѣ; но всѣ ли знають, что оно свѣшишь также

и *подъ горизонтомъ*? Большая часть даже не забоишься и знаешь о томъ. Точно также спущаются и съ людьми: ихъ *не ищутъ*, не спараются *находить*, а хопяшь, чпобъ они сами себя *выказывали*. Тяжкое услвие, которое исполнять многіе неспособны, и въ числѣ сихъ многихъ, къ несчастію, большая часть людѣй съ отличными дарованіями; ибо дарованія и скромность неразлучны.

— Ахъ! Какъ часто участь рѣдкихъ, необыкновенныхъ людей бываетъ подобна участи сего алмаза! Тысячи проходятъ мимо его, и устремясь за какою-нибудь *блестящею* бездѣлкою, смотряшь на него съ презрѣніемъ или и совсѣмъ *не замѣчаютъ*, потому только, что *наружность* его *не замѣтна*. Долго, долго остаешь онъ въ забвеніи, пока наконецъ не попадешь на глаза знашоку. Но и это *не всегда* и *не совсѣмъ* случается. Гораздо чаще такіе алмазы лежатъ въ пыли, въ грязи; проходящіе спавляютъ ихъ безъ вниманія, спущаются на нихъ, зашапываютъ глубже и глубже и наконецъ совсѣмъ заиопчуютъ. Тогда камень, могущій обогатить владыку обширнаго Государства, пропадаетъ навсегда, и человекъ, долженствовавшій обратиться на себя глаза цѣлаго свѣта не спавляетъ по себѣ и малѣйшаго воспоминанія. —

Спарецъ умолкъ, положилъ руку свою на погруженнаго въ задумчивость юношу и бросилъ умиленный взоръ на небо. Лице его прояснилось; онъ прижалъ опрѣка къ груди своей и пошелъ съ нимъ далѣе.

З Ю Л Е М А.

(Сог. Г-жи Пихлеръ.)

Есть повѣсти, которыя, какъ и удачно написанные портреты, имѣють физиономію и характеръ: онѣ носятъ на себѣ такіе несомнѣнные признаки подлинности, что при первомъ взглядѣ бываешь пораженъ и увѣряешься, что видишь передъ собою нѣчто истинное, дѣйствительное, хотя самъ никогда не видалъ оригинала портрета или не имѣешь историческихъ доказательствъ въ справедливости рассказываемаго происшествія — къ повѣстямъ такого рода принадлежитъ слѣдующій небольшой анекдотъ; онъ не отличается ни необычайностію происшествій или характеровъ, ни же какимъ-либо чуднымъ съблещеніемъ обстоятельствъ: это просто исторія двухъ сродныхъ душами существъ, которыя нечаянно встрѣтились, привязались другъ къ другу и — Однако напередъ рассказывать послѣдствія, значило бы отнять у читателя пріятность ожиданія. Кто прочтеть эту повѣсть, вѣроятно найдетъ, что на подобномъ шастрѣ можно было бы взгромоздить много чудеснаго, но вѣрно согласишься, что было бы трудно придум-

знать что-нибудь болѣе прогнательное своею искренностію, болѣе привлекательное своею просвѣтлою.

Впрочемъ эта повѣсть не только носить на себѣ признаки подлинности, она имѣетъ еще и поруку въ своей справедливости. Я слышала ее отъ Французскаго Ученаго, Г. Денона, который во время послѣдняго своего пребыванія въ Вѣнѣ разсказалъ ее случайно въ одномъ обществѣ. Содержаніе ея пронудило меня чрезвычайно, и не одну меня, а все небольшое собраніе, которое съ искреннимъ участіемъ слушало разсказъ о судьбѣ двухъ сердець, нѣжно другъ друга любившихъ. Находя, что такая исповѣсть можетъ доставить удовольствіе многимъ, я тогда же выпросила у Г. Денона позволеніе сообщить ее читающей публикѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ сослаться и на то, что я слышала ее отъ него: онъ охотно согласился, и я передаю ее теперь читателямъ — не прибавя и не убавя ни слова, точно такъ, какъ разсказывалъ ее Г. Денонъ. Желала бы только имѣть даръ изложить ее на отечественномъ своемъ языкѣ, съ такою же пріятностію и легкостію, съ какою передаю ее намъ знаменитымъ Египетскимъ путешественникъ.

Въ бытность Французскихъ войскъ въ Египтъ, въ сраженіи при пирамидахъ, палъ одинъ изъ знашнѣйшихъ Мамелюкскихъ Беевъ. По тамошнимъ законамъ, послѣ его смерти, все принадлежавшее ему имущество дѣлалось собствѣнностію правительстѣва и поступало въ казну. Супруга покойнаго имѣла однако же и свое значительное состояніе: ей нужно было предъложить права свои на ту часть общаго ихъ имущества, которая принадлежала собствѣнно ей. Для сего сочла она необходимымъ просить покровительстѣва Французскаго Генерала, и со всѣми нужными свидѣтельстѣвами и бумагами явилась во Французскую главную квартиру. Посѣщеніе знашней Египтянки, въ сопровожденіи шолцы рабовъ обоюго пола, во всеиъ блескѣ, который на Востоку всегда окружаетъ женщину высокой породы, когда она показывается въ публикѣ, безъ сомнѣнія должно было обратить на себя вниманіе бывшихъ тушъ офицеровъ; но вѣроятно какое-нибудь важное дѣло занимало ихъ въ это время; шолько Египтянка проспояла нѣсколько минушъ, и никто не подошелъ къ ней, никто не спросилъ о причинѣ ея прихода. Наконецъ, замѣшилъ ее одинъ молодой офицеръ, случайно проходившій черезъ залу, — назовемъ его Персивалемъ; Г. Денонъ не сказалъ его имени. — Персиваль

догадывается, что незнакомка подъ покрываломъ пришла съ какою-нибудь просьбою, и въжливо подходитъ къ ней, чтобы чрезъ бывшаго съ нею переводчика узнать, что ей нужно. Услужливость и привлекательная наружность юноши произвели выгодное впечатлѣніе въ Египтянку, которая уже оскорблялась оказаннымъ ей невниманіемъ. Она ошвѣчаетъ съ благородствомъ и скромностію; объясняетъ свое дѣло; — Персиваль выслушиваетъ ее, общается за нее: ходатайствовалъ, беретъ къ себѣ всѣ докуменшы и проситъ сказать ему, гдѣ можешь найти ее чрезъ нѣсколько дней, чтобы принесли ошвѣтъ, которыи, какъ онъ надѣется, будешь благопріятенъ. Египтянка остается нѣсколько минутъ въ нерѣшимости — попомъ говоришь ему, что обычай земли не дозволяетъ ей принять его посѣщеніе; но что она придетъ сама узнать о своемъ дѣлѣ. Офицеръ опкланивается — дама уходитъ; но образъ юноши; участіе, принятое имъ въ женщинѣ, совершенно ему незнакомой, которой даже не могъ онъ видѣть и лица; душевное благородство, выразившееся въ чертахъ его, ни на минуту не оставляли ее. Бывъ предъ нимъ, по обычаямъ страны, соединена съ человѣкомъ, ей прежде вовсе неизвѣстнымъ; не имѣвъ никакого обхожденія

съ другими мужчинами, она при видѣ любовно-достойнаго Франка, вступила какъ бы въ новый міръ; съ неизгладимымъ воспоминаніемъ въ сердцѣ, задумчива и вмѣстѣ счастлива, какъ еще никогда не бывала, возвратилась она въ гаремъ свой.

Зюлема — называю такъ Египтянку, потому что настоящее имя ея не было объявлено — съ неперенѣимъ ожидала дня, въ который должно было ей явиться за опвѣтомъ. Теперь призывало ее уже не желаніе сохранить свое богатство, а надежда — увидѣть того, кто показался ей существомъ изъ другаго міра. Наконецъ, день наступилъ. Съ пою же пышностію, какъ и прежде, сопровождаемая рабами и невольницами, отправилась она въ путь и вошла въ залу. Молодой человекъ, казалось, уже ожидалъ ее. Съ радостнымъ лицомъ подошелъ онъ къ ней, вручилъ бумаги и съ оплочною въжливостію сказалъ, что желаніе ея исполнено, что ей нельзя болѣе опасаться никакихъ приязнаній къ принадлежащей ей собственности. Звукъ его голоса проникъ во глубину души Зюлемы: хотя она и не понимала, что онъ говорилъ. Слова переводчика только слабо касались ея слуха, между тѣмъ какъ глаза ея, подъ защитною покрывала, не могли довольно наглядѣться на благородную осанку, нѣжныя черты

лица, выразительные глаза Персиваля. Переводчикъ давно уже пересталъ говорить; а Зюлема еще и не думала объ отвѣтѣ. Наконецъ, пришла она въ себя и въ ошборныхъ выраженіяхъ изъяснила искреннюю свою признательность, увѣряя, что никогда не забудетъ оказанной ей услуги. Молодой Франкъ ошвѣчалъ съ такою же вѣжливостію. Хотя онъ и не могъ видѣть лица незнакомки; но ея очаровательный голосъ, прелестный станъ и образъ выраженія, обнаруживавшій душу нѣжную и чувствительную, все невольно влекло его къ Египтянкѣ. Разговоръ ихъ продолжался нѣсколько времени, и каждый отвѣтъ болѣе и болѣе утверждалъ по благопріятное впечатлѣніе, которое произвели они другъ надъ другомъ съ перваго раза. Зюлема казалась Персивалю часъ ошъ часу милѣе; рѣчи молодого человека вполнѣ оправдывали то, что обѣщала привлекательная его наружность.

Снова и еще убѣдительнѣе прежняго началъ Персиваль просить позволенія посѣпить ее. Зюлема долго не рѣшалась; — напоследокъ сказала, что почтетъ за особую для себя честь и удовольствіе принять его въ своемъ домѣ; только должна предупредить, что они могутъ разговаривать, но не могутъ видѣть другъ друга. Это удивило Персиваля;

однако и одинъ разговоръ съ нею имѣлъ уже для него такъ много привлекательнаго, что онъ съ большою радостію согласился даже и на такое условіе: день былъ назначенъ.

Зюлема удалилась — взоръ юноши слѣдовалъ за нею; пока не скрылась она изъ виду. Осанка, поступь, станъ, все показывало въ ней необыкновенную женщину; остальное довершало его воображеніе.

Дня два спустя великолѣпно одѣтые невольники принесли ему драгоценный подарокъ отъ Зюлемы. Сначала онъ не рѣшался принять его; считалъ это даже провиннымъ Европейскимъ понятіемъ о чести. Но ему изъяснили, что онъ можетъ, что онъ даже долженъ принять подарокъ, если не хочетъ обидѣть даму самымъ чувствительнымъ образомъ, потому что на Воспокъ обыкновеніе давать подарки во всеобщемъ употребленіи, и почти каждое торжественное посвященіе ими сопровождается. У насъ подобное обыкновеніе служило или низкимъ средствомъ привлечь на свою сторону сильнаго, или утонченнымъ способомъ помочь бѣдному въ его нуждѣ; на Воспокъ оно бываетъ искреннимъ знакомъ дружелюбія, признательности, уваженія, любви, и дѣлаетъ столько же чести дарящему, какъ и пріемлющему подарокъ. Такъ въ Одиссее и Иліадѣ герои, при вза-

инныхъ посвещеніяхъ, дарилъ другъ друга оружіемъ, кубками или драгоценными одеждами — и неизмѣнный Восшокъ и понинъ, спустя слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ, сохранялъ еще обычай того времени.

Наступилъ и день, назначенный для свиданія. Такого посвещенія нельзя однако же никакъ сравнивать съ нашими Европейскими визишами. — Тамъ въ одномъ изъ покоевъ дома, нарочно для того устроеномъ, сдѣлано окно съ чассто-переплетенною решешкою, позади кошорой сидитъ дама, принимающая посвещеніе, но такъ, что сходящій по другую сторону мужчина не можешь ее видѣть. Если даже будешь онъ и такъ нескроменъ, что захочешь перемѣнить назначенное для него мѣсто и заглянушь въ окно, и тогда не увидишь ничего, кромѣ человѣческой фигуры, сидящей на подушкахъ и съ головы до ногъ покрытой длиннымъ покрываломъ.

Съ величайшими ожиданіями отправился Персиваль къ дому Зюлемы. Обычай страны были ему отчасти извѣсны; но онъ все никакъ не предполагалъ, чтобы его приняли такъ церемонно, такъ неудовлетворительно для его желаній. Можно представить себѣ, какъ непріятно было для него, когда ввели его въ пріемную, когда изъ-подъ покрывала и сквозь рещешчатое окно услышалъ онъ

сладкій голосъ невидимой, и самое значеніе словъ ея долженъ былъ толковать ему шрепій, несносный свидѣтель! Впрочемъ разговоры черезъ переводчика на Востоку не такъ скучны и утомительны, какъ они могутъ казаться намъ Европейцамъ, привыкшимъ къ быстрымъ разговорамъ и къ скорому сообщенію мыслей. Житель Востока, спокойный и важный во всѣхъ своихъ поступкахъ, говоритъ медленно, и часто останавливается въ продолженіи своей рѣчи; отъ того толмачъ имѣетъ довольно времени переводить слова его, не прерывая разговоръ примѣшнымъ образомъ. — довольно времени для равнодушнаго иностранца, любопытнаго путешественника или расчешаиваго купца; но какъ неудовлетворительно для любящей женщины, для пылаго юноши, который невидимую красавицу облакалъ всѣми прелестями, какіи могло только рисовать его воображеніе, и тогда, какъ ея полныя ума разговоры, пріятнѣйшій звукъ голоса, каждое выраженіе, показывающее нѣжность ея чувствованій, давали болѣе и болѣе лица его фантази.

Эюлема не могла долѣе перенѣть такого принужденія. При второмъ свиданіи, бывшемъ вскоре послѣ перваго, сдѣлала она Персивалю предложеніе: не рѣшился ли онъ учиться по-Арабски, чтобы можно имъ было объясняться

другъ съ другомъ непосредственно, безъ шатостныхъ свидѣтелей, и въ случаѣ нужды переписывались.

Желаніе невидимой дамы было повелѣніемъ для Персивала. Со всею живостію, свойственною его націи и дѣшамъ, опыкала онъ для себя учителя Арабскаго языка, Словарь и Грамматику, учился и переводилъ безъ отдыха, и въ короткое время успѣлъ столько, что могъ написать своей любезной довольно складное Арабское письмо. Съ сердечною радостію приняла Зюлема это доказательство его преданности, ласкливо навболѣе пошому, что она была обязана ей не шѣлеснымъ своимъ прелестямъ, вовсе отъ насъ независимымъ, а единственно очаровательности своего обхожденія.

Съ сего времени, свиданія любящихся сдѣлались свободнѣе и только строгія правила приличія, которыхъ требовали обычай земли, спѣсняли ихъ нѣсколько. Персиваль не могъ посвѣщать свою любезную такъ часто, какъ того желалъ; но письма, исполненные любви и нѣжности, услаждали часы ихъ разлуки. Зюлема съ своей стороны всѣ свои минуты посвящала ему: собственными руками вышивала для него шейные платки, украшенія его мундира; въ ея гаремъ приготавлиемы были всѣ женскія работы, въ кошорыхъ

нолько мѳгъ онъ имѣшь нужду, и все въ ~~с~~-
 личайшей степени совершенства, съ возмож-
 нѣйшимъ вкусомъ и пышноспію. Самымъ
 пріятнѣйшимъ ея занятіемъ было заботиться
 о своемъ любимцѣ, предупреждать его желанія
 и, если она не могла съ нимъ говорить, по
 крайней мѣрѣ ему посвящать все часы свои.

Это продолжалось довольно времени. Со-
 отечественники Персивала знали объ его
 связи: одни завидовали ему, другіе сожалѣли,
 полагая, что можешь быть, при развязкѣ
 приключенія, увидишь онъ въ своей любезной
 какую-нибудь отпращивательную или давно
 уже опщвѣвшую женщину. — Персиваль не
 хотѣлъ однако жъ этого и думать; онъ не
 могъ представить себѣ, чтобы черты лица
 его невидимки не соотвѣтствовали ея спа-
 ну, ея пошункамъ, ея голосу. Что она еще
 молода, о томъ успѣлъ уже онъ спороною
 развѣдать; не смотря однако же на внутрен-
 нее свое убѣжденіе, не разъ содрогался онъ,
 воображая себѣ ту минушу, когда она оп-
 кинетъ свое покрывало, и онъ увидитъ ее —
 безобразною. Всячески стараясь отдалить
 отъ себя такую мысль, онъ тѣмъ болѣе при-
 дѣлался къ прелестному идеалу, кошорый
 рисовало ему воображеніе.

Между тѣмъ, какъ любящіеся беззаботно
 наслаждались спраннымъ своимъ счастіемъ,

природные жители замыслили тайный заговоръ, намѣреваясь въ одну ужасную минуту освободить себя отъ ненавистныхъ пришельцовъ. Знавшія особы Каира были въ числѣ сообщниковъ, а потому слухъ о заговорѣ дошелъ и до пашаго, уединеннаго жилища Зюлемы. Съ ужасомъ услышала она эту вѣсть; спала развѣдывать подробности, и успѣла проникнуть тайну. — Прежде всего предполагали напасть на главную квартиру Французской арміи, окружить и овладѣть ею; слѣдующій за тѣмъ день назначенъ былъ на истребленіе Франковъ. Сердце Зюлемы колебалось въ борьбѣ между ея соотечественниками и любезнымъ: какъ спасти Персивала, не измѣнивъ и не погубивъ своихъ единоземцевъ? Одна мысль пришла ей въ голову, и она спѣшила привести ее въ исполненіе. Сейчас написала она къ Персивалу самое убѣдительное письмо, въ которомъ умоляла его придти къ ней на другой день въ извѣстный часъ (когда онъ обыкновенно отправлялся въ главную квартиру). Персиваль изумился. Никогда еще Зюлема этого не дѣлала; никогда не требовала отъ него ничего такого, чтобы хотя малѣйше не согласовалось съ его обязанностями; а порядокъ его занятій она очень хорошо знала. Въ отвѣтъ своемъ извинялся онъ передъ нею въ самыхъ

нѣжныхъ выраженіяхъ. Зюлема не удовольствовывалась шѣмъ: она послала къ нему въ другой разъ и закликала его всею, что для него дорого и любезно, пожертвовать для нее только однимъ полчаса передъ шѣмъ временемъ, какъ пойдешь въ главную квартиру. И это было невозможно. Поступокъ Зюлемы казался Персивалю чрезвычайно страннымъ и онъ снова ошвѣчалъ, что немедленно пойдешь къ ней, какъ только окончишь необходимыхъ своихъ занятій.

Рѣшительный день насталъ. Съ свирѣпою радостію смотрѣли заговорщики на зарю, которая вела его за собою. Спокойно, ничего не подозрѣвая, принимались Франки за свои дѣла. Въ обыкновенный часъ отпра-вился и Персиваль въ главную квартиру: изъ его мыслей не выходило странное претребованіе Зюлемы. Ему оспавалось пройти еще нѣсколько улицъ, какъ вдругъ изъ-за одного угла бросились на него чешыре воору-женныхъ человека, накинули ему на голову большое плоское покрывало, опрокинули на землю, прежде, нежели онъ могъ выдернуть шагу, и не взирая на его усилія, не ошвѣчая на его вопросы, повлекли его, какъ ему казалось, чрезъ множество улицъ, до воротъ какого-то дома, у котораго напоследокъ остановились. — Одинъ изъ нихъ ударилъ шри

раза въ вѣрошѣ и прѣмѣ же ударами опѣвѣ-
 чали ему изнушри. Персиваль опчаялся уже
 въ своей жизни, или по крайней мѣрѣ счи-
 талъ себя навсегда лишеннымъ свободы, и
 сожалѣлъ, что не исполнилъ просьбы Зюле-
 мы, для кошорой вѣсть о поспигшемъ его
 несчастіи будешь безъ сомнѣнія жестокимъ
 ударомъ. Со скрипомъ распворились вѣрошѣ;
 Персиваль слышалъ, какъ отдавались шаги
 его носидьщиковъ по каменной мостовой
 узкаго двора. Подошли къ другимъ дверямъ,
 снова при удара снаружи и при изнушри.
 Дверь опшерлась; Персивала поставили на
 ноги, раскутали его, освободили, и онъ уви-
 дѣлъ себя въ красиво устроеной галлерей
 какого-шо знашнаго дома. — Съ изумленіемъ
 осмашривалъ онъ все вокругъ себя: двери
 были запершы, какъ тѣ, въ кошорыхъ его
 внесли, такъ и прошивуположныя имъ въ
 другомъ концѣ галлерей, ведущія вѣрошны
 во внутренне поком. Онъ не могъ поспиг-
 нуть, что хотѣли съ нимъ сдѣлать и ожи-
 далъ съ любопытствомъ и боязнію, чѣмъ
 все это кончится. Впрочемъ, его успокои-
 вало нѣсколькѣ шо, что при немъ оставили
 шпагу, и вообще изъ обхожденія съ нимъ за-
 мѣчалъ онъ, что его щадящъ. — Прошло до-
 вольно времени. Наконецъ распворилась вну-
 шренняя дверь: изъ-подъ занавѣса, кошорый

закрывала ее до самого полу, вышли два предельные мальчика и поднесли ему рѣдкіе плоды и цвѣты въ серебряныхъ корзинахъ. Онъ приласкала малюшокъ, сдѣлалъ имъ нѣсколько вопросовъ; но они или не совсѣмъ понимали его, или не смѣли отвѣчать. Между тѣмъ, самое появленіе ихъ служило уже для него признакомъ, что ему не предстоитъ ничего непріятнаго — иначе не послали бы къ нему такихъ милыхъ предвѣстниковъ.

Во второй разъ зашумѣла занавѣсъ. Двѣ молодыя, прекрасныя дѣвушки вышли въ галерею, привѣтствовали его почтительно и опять имени госпожи своей приглашали его къ ней. — Персиваль изумился. „Кшо же ваша госпожа?“ спросилъ онъ. — Дѣвушки улыбались и молчали. Безпокойство Персивала увеличилось. Любовныя приключенія такого рода весьма не рѣдки на Воспокъ, но они всегда бывающъ довольно опасны и пребудушъ крайней осторожности. Тамъ мужчина, который имѣлъ счастье или несчастье привлечь на себя вниманіе женщины, — обрашнаго случая на Воспокъ и бышъ почти не можешъ, попому что женщины никогда не показывающся безъ покрывала — находишся между двумя равно опасными положеніями: онъ долженъ спрашишся, или ревности мужа, если сердце его будешъ ошвѣщсшвовашъ склонно-

сли дамы, или мщеніи презрѣнной любви; если прелести ея на него не подвѣствуютъ — въ обоихъ случаяхъ спануть преслѣдовавъ его со всею жаромъ, со всею пылостію страсти, свойственной жителямъ Востока. Персивала ужасало послѣднее. Онъ очень хорошо зналъ, что ему невозможно будетъ опивчаться любви незнакомой, хотя бы она была и прелестнѣйшая изъ своего пола. Въ недоумѣніи колебался онъ еще, что должно ему предпринять, какъ занавѣсъ снова раскрылся и цѣлый хоръ прекрасныхъ Нимфъ вышелъ къ нему на встрѣчу: на богато-вышитыхъ подушкахъ поднесли онъ ему великолѣпную Турецкую одежду. Чалма, кафшанъ, сабля, все опличалось необыкновеннымъ богатствомъ и вкусомъ. — Но его сердце было поражено пріятнымъ шрепетомъ, когда на шипѣхъ кѣшпорыхъ украшеній увидѣлъ онъ знакомые рисунки — такіе получалъ уже онъ изъ рукъ Зюлемы. — Неужели онъ въ ея домъ? Неужели наконецъ можетъ ее видѣть? Съ нетерпѣніемъ спрашивалъ онъ о помѣдѣвухѣ; но онъ молча смотрѣли по на него, по другъ на друга. Когда же онъ прежде всего схватилъ богатыю перевязь, украшенную весьма знакомою ему цвѣточною гирляндюю, и глаза его, казалось, не могли довольно ею любоваться, тогда одна изъ нихъ

высшущая впередъ и сказала: „Благородный Франкъ! Пора разрѣшишь загадку, которая безъ сомнѣнія тревожитъ тебя; сердце швое не обманывается: ты въ домъ Зюлемы — для чего ввела она тебя сюда такимъ страннымъ образомъ, узнаешь ты ошъ нея самой; намъ вельно только вручить тебѣ эту одежду и просить, чтобы ты не отказался собразоваться съ нашими обычаями, которые никому изъ чужеземцевъ, или по крайней мѣрѣ, никому, по-Европейски одѣтому, не дозволяютъ входа во внутренность гарема. Въ одеждѣ Музульманина мы имѣемъ приказаніе ввести тебя къ нашей госпожѣ: она соглашается наконецъ удовлетворить швое желаніе, рѣшается показаться тебѣ безъ покрывала.“ — Сказавъ сіе, молодая невольница поклонилась Персивалю; прочія послѣдовали ея примѣру и всѣ ушли во внутреннюю дверь, оставя юношу одного, въ изумленіи, въ восторгѣ, съ великолѣпнымъ Султанскимъ одѣяніемъ. Едва только онъ скрылся и Персиваль началъ размышлять о томъ, что шакъ неожиданно поразило его, отворилась наружная дверь, и два невольника явились для услугъ его. Сперва повели они Персивала въ великолѣпную баню, и когда онъ вымылся шамъ со всеми употребительными на Востокъ прихощами и упоенно-

спящими, спали его одѣвать, и въ нѣсколько мгновений преобразился онъ въ прекраснѣйшаго Турка. Длинная пышная одежда, украшенія изъ драгоценныхъ камней, богато унизанная чалма — придавали еще болѣе величія благородной его наружности, дѣлали его еще прелестнѣе. Невольники повели его оплать черезъ множество покоевъ и переходовъ къ двери, при входѣ въ кошорую спояли два Арапа. Они оба поклонились почтительно и отдернули занавѣсъ. Персываль вошелъ. Прелестныя дѣвушки вспрѣшили его, чтобы ввести къ госпожѣ своей. — Наконецъ наступила давно ожидаемая минуша; судьба его должна была рѣшиться; онъ долженъ былъ узрѣть ту, кошорую любилъ, никогда не видавъ, кошорую воображеніе рисовало ему образцомъ совершенства и въ кошорой, можеть бытъ, найдетъ онъ — совсѣмъ противное. — Но она такъ благородна, такъ любезна; душа ея должна быть прекрасна, если даже лице и не шаково; ты такъ много ей обязанъ. Вотъ что говорилъ ему разсудокъ, хотя сердце и не переставало болѣться. Во время этой внутренней борьбы взоръ его невольно упалъ на окружавшихъ его Одалискъ. Всѣ онѣ были чрезвычайно милы, всѣ въ первомъ цвѣтѣ юности. — Нѣтъ, повелишельница такихъ красавицъ не

можешь бышь дурна! она не спала бы терпѣшь около себя прислужницъ, копорья могли бы помрачить ее своими прелеснями. Такъ прошепсала тихій голосъ въ сердце Персиваля, и онъ смѣле и скорѣ пошелъ сквозь ряды Нимфъ, и не одинъ спраспный взоръ слѣдовалъ за высокимъ спройнымъ юношею, завидовалъ жребію савшкомъ счасшливой госпожи!

Зашумѣлъ и послѣдній занавѣсъ; благовоіе розъ и амбры повѣало ему на встрѣчу. Съ богатыхъ подушекъ встала величественная женщина, одѣтая просто, безъ всякихъ блестящихъ украшений. — Юноша осполбенѣлъ ошъ изумленія — ноги его какъ бы приросли къ полу; вся душа переселилась въ глаза; казалось, онъ видишь что-то неземное. — Прелесная раскрыла розовыя уста свои — голосъ Зюлемы проникъ въ его сердце, — шакъ, эпо она! — Персиваль упалъ къ ногамъ красавицы.

Не буду описывать счаспія любящихся. Считаю эпо излишнимъ и даже невозможнымъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ безпрерывныхъ наслажденіяхъ дружбы; Персиваль видался съ своею любезною безпрепятспвенно, шакъ часто, какъ шолько дозволяли его обязанности; потому что Зюлема дорожила славою своего любимца и никогда не шре-

*

бовала ошъ него ничего, чшобы не согласовалось съ спрогимъ соблюденіемъ его службы.

Въ это время Французскимъ войскамъ былъ объявленъ походъ въ Сирію. Зюлема поблдиѣла, когда Персиваль принесъ ей первое о томъ извѣстіе; но умѣла преодолѣть себя, и ни одинъ вздохъ не обнаружилъ ея другу глубокой скорби, поразившей ея сердце. Только въ тишинѣ уединенія лились ея слезы; мрачное предчувствіе спѣсняло грудь ея; съ трепетомъ помышляла она о той минутѣ, когда Персиваль не будетъ болѣе съ нею. Но она не хотѣла показать ему своихъ страданій; не хотѣла увеличить шѣмъ собственную его печаль; видѣла, какъ силится онъ скрыть горестъ, его снѣдавшую, и чѣмъ болѣе увѣрялась въ любви его къ себѣ, чѣмъ болѣе чувствовала сама весь ужасъ предстоящей разлуки, шѣмъ тверже, шѣмъ спокойнѣе казалась, желая хотя нѣсколько облегчить бремя, подавлявшее сердце ея друга. Съ вынужденнымъ наружнымъ спокойствіемъ, съ неупомимою дѣятельностію, подъ кошорою скрывала она мученія, перзавшія ея душу, занималась Зюлема всѣми пригошвленіями къ его ошѣзду. Сама вышивала украшенія его мундира; подъ ея непосредственнымъ надзоромъ изгошвлялось все прочее, необходимое для дороги; причемъ

искусство, щегольство, польза, ничто не было упущено изъ виду. Она забошилась приискать все, даже оружіе и Арабскихъ лошадей; покупала для него самыхъ дорогихъ, какихъ только можно было найти, и такимъ образомъ, подобно вшорой Паншеъ, оппустила своего Абрадаша съ твердосшію духа и покорностію судьбъ своей.

Исторія Сирійскаго похода извѣстна всѣмъ. Для многихъ Франковъ страна сія служила могилою; многіе возвратились израненные. Персиваль, одушевляемый мыслию о своей Эюлемъ, удивлялъ всѣхъ своею храбростію; но не могъ избѣгнутьъ назначеннаго рокомъ. Въ самомъ пылу сраженія, когда, съ свойственнымъ ему благородіемъ и мужествомъ, предводительствовалъ онъ однимъ отрядомъ, непріятельская пуля поразила его въ грудь. Онъ упалъ — поварищи вынесли его съ поля битвы. Позвали врача, который осмошрѣвъ рану, хотя нашель ее и не смертельною, однако крайне опасною. Къ счастью его, оспашокъ арміи, вскорѣ послѣ сего сраженія, отправился опять въ Египешъ. Рана Персиваля не позволяла ему идти пѣшкомъ, тѣмъ менѣе могъ онъ переносить верховую ѣзду; но онъ былъ такъ много любимъ своими поварищами и подчиненными, что каждый изъ нихъ охотно при-

нималъ на себя какую-нибудь пятгость или безпокойство, чтобы только облегчить путь любезнаго всѣмъ соупнику. Поперемѣнно, съ видимымъ удовольствіемъ, несли его на себѣ солдаты, а офицеры прилагали всевозможное стараніе о его спокойствіи. Такимъ образомъ продолжали они путь свой. Уже войска приближались къ границѣ Египта, уже молва о возвращеніи арміи имъ предшествовала, и жители Каира готовились принять ихъ съ самыми противоположными чувствованіями. Пламенные желанія Зюлемы были исполнены; она снова надѣялась увидѣть своего любезнаго. Персиваль нашелъ средство уведомить ее о себѣ; писалъ къ ней и о томъ, что получилъ рану; но опасаясь слишкомъ ее опечалить, скрылъ опасность своего положенія, такъ, что Зюлема совсѣмъ не воображала того, что ее ожидало. Гордясь своею любовію и его славой, она не хотѣла болѣе скрывать предъ свѣтомъ своихъ чувствованій, и отправилась на встрѣчу арміи съ блестящею свитою, окруженная шолпами своихъ рабовъ и невольницъ.

Нельзя описать этого прекраснаго, восхищительнаго зрѣлища — говорилъ г-нь Денонъ. Уже войско подходило къ городу, уже высокіе минареты, куполы мечетей возвѣщали ему близкое окончаніе ушомощель-

наго похода, какъ увидѣло оно множество богато-одѣтыхъ невольниковъ обоюго пола на лошадяхъ и верблюдахъ, и посреди ихъ величественную, великолѣпно убранную женщину, которая признавая торжественно предъ всѣми любовь свою, шла на встрѣчу своего друга. Всѣ воины привѣтствовали ее почтительно, и нѣкоторые офицеры по тѣ же часъ проводили ее — они уже знали куда влекло ее сердце. Какое свиданіе! Опираясь на двухъ друзей своихъ, блѣдный, истощенный отъ раны и безпокойствъ пуши, упалъ Персиваль въ ея объятія. Предчувствованія Зюлемы свершились. Въ благоговѣйномъ безмолвіи, съ искреннимъ участіемъ смотрѣли на нихъ промученные воины. Зюлема первая пришла въ себя. Еще блѣднѣе Персиваля, но съ спокойнымъ величіемъ освободилась она изъ его объятій, дала нужныя приказанія, и обратилась къ его начальникамъ, съ просьбою, позволишь ея служителямъ отнести раменаго въ ея жилище. Охотно согласились на то. Медленно, въ молчаніи возвращалась она съ своею свитой назадъ въ Каиръ, изъ стѣнъ копорого выходила незадолго предъ тѣмъ совсѣмъ съ другими надеждами. Персиваль вспустилъ снова въ домъ своей любезной; снова окружилъ его предметы, драгоценныя его воспоминанію, и сердце Зюлемы приль-

нилось къ нему еще съ искреннѣйшею, пла-
 меннѣйшею любовію. Она совершенно по-
 свящала себя сладоспному попеченію о сво-
 емъ любимцѣ, жила только въ немъ и для
 него. Воспоргъ, который ощущалъ Перси-
 валь, видя любовь къ себѣ такого достойнаго
 сердца, радость свиданія, можешь быть также
 переѣна воздуха и нѣжное о немъ попеченіе,
 казалось, имѣли сначала на его здоровье бла-
 годѣтельное дѣйствіе. Онъ начиналъ уже
 чувствовашъ облегченіе, могъ вставашъ, и
 опять, какъ и въ прежніе счастливые дни,
 проводилъ вмѣстѣ съ Зюдемою пріятнѣйшіе
 часы въ роскошномъ саду ея, на берегу Нила.
 Но это счастье было недолговременно: рана
 въ груди была слишкомъ глубока; никакое
 искусство, никакое попеченіе не въ состояніи
 были изцѣлить ее. Мало по-малу здоровье его
 стало опять ослабѣвашъ; онъ увядалъ въ гла-
 захъ Зюдемы, и въ полномъ цвѣтѣ юности
 медленно приближался къ гробу. Съ ощу-
 чавіемъ въ сердцѣ видѣла она, какъ съ каж-
 дымъ днемъ жизненныя силы его истощались;
 но ни одинъ вздохъ, ни одна жалоба не вы-
 рывались изъ груди ея въ его присушествованіи.
 Когда взоръ его устремлялся на нее (а онъ
 почти безпрерывно покоился на любимомъ
 предметѣ), старалась она казаться веселою,
 чтобы ошдалить ошъ него горестную мысль,

утѣшавшую его болѣе, нежели потерю жизни въ ранней молодости, болѣе, нежели intellectualныя его спаданія, — мысль, что съ нимъ исчезнетъ для нее все земное счастье. Такъ утасъ онъ на рукахъ ея, нѣсколько недѣль спустя послѣ возвращенія своего изъ Сирійскаго похода. — —

Г. Денонъ не могъ сказать намъ, что сдѣлалось съ Эюлемою послѣ смерти Персивалля: онъ ничего не зналъ о судьбѣ ея; но небольшое общество, слушавшее рассказъ его съ сердечнымъ участіемъ, не могло пожелать Эюлемъ лучшей участи, какъ вскорѣ послѣдовать за ея другомъ и оставить жизнь, кошрраа безъ него не имѣла для нее никакой цѣны, никакого назначенія.

Н. Ав — въ.

А Н Е К Д О Т Ы.

Г.

Князь Талейранъ не былъ уже Епископомъ, но и не сдѣлался еще Княземъ, когда, по политическимъ видамъ, пригласилъ онъ къ себѣ на обѣдъ извѣстнаго путешественника, Денона. Ему очень нужно было при-

няшь Денона какъ можно съ большею по-
 чеспью. Назначивъ ему за столомъ мѣсто
 подлѣ своей супруги, поручилъ онъ ей уго-
 щать его. „Занимайшесь только имъ однимъ“
 — сказалъ онъ ей. — „Пуще всего говорише
 съ нимъ объ его путешествіяхъ. Если вы
 не читали еще его книги, то можете найтти
 ее въ библіотекѣ, въ шкафѣ путешествій,
 на третней полкѣ. До четверга вы еще
 успѣете просмотрѣть ее.“ — Четвергъ на-
 ступаетъ и Г. Денонъ является. Садятся
 за столъ. Г-жа Талейранъ говоритъ съ сво-
 имъ сосѣдомъ о томъ и другомъ и наконецъ,
 какъ ей было вѣрно, заводитъ рѣчь объ его
 путешествіяхъ. „Вы не можете себѣ пред-
 ставишь“ — сказала она — „какъ много за-
 нимало меня ваше сочиненіе. Я не могла
 выпустишь вашей книги изъ рукъ. Какія
 приключенія! какія несчастія претерѣли
 вы! шупка ли бышь выброшену одному на
 необитаемый островъ! и не имѣшь при
 себѣ ни одной живой души, кромѣ собаки и
 кошки! Еще большее счастье, что вы нашли
 добраго и вѣрнаго *Пятницу*!“ — Г-жа Та-
 лейранъ, видѣвша Путешествія Денона, схва-
 щила и прочла Робинзона Крузе.

Весьма любопытно сдѣланное недавно въ Парижѣ открытіе въ разсужденіи довольно страннаго обстоятельствова: ошъ чего Вольшеръ въ своей Генриадѣ совсѣмъ не упомянулъ о Сюлли и эту отечественную Поэму посвящилъ — Англійской Королевѣ. Вотъ загадка. Однажды, когда молодой Арувшъ окончилъ уже свое стихотвореніе и даже сдѣлалъ и посвященіе въ то время еще малолѣтнему Людовику XV, обѣдалъ онъ у внука великаго Сюлли и говорилъ за столомъ съ свойственнымъ ему и лѣшамъ его жаромъ. Одинъ изъ знашнихъ господъ, бывшихъ шущъ, спросилъ съ высокоумріемъ: „кто шакой эшошъ молодой человекъ, кошорый говоритъ такъ громко?“ — Вольшеръ отвѣчалъ ему на эшо весьма колко; однакожъ вельможа скрылъ своей гнѣвъ. Нѣсколько дней спустя, когда Вольшеръ опять обѣдалъ у Сюлли, вызвалъ его слуга изъ-за стола, сказавъ, что кто-то имѣетъ необходимую нужду съ нимъ говорить. Вольшеръ сошелъ въ низъ до самой главной двери дома; здѣсь спояла кареша съ отворенною дверцею: онъ всунулъ въ нее голову; но въ ту самую минушу два человекъ схватили его, а двое другихъ начали бить палками, пока сидѣвшій въ карешѣ господинъ не

оказалъ: довольно! Въ себя опъ гнѣва, оскорбленный Повѣтъ пребоавъ онъ Сюлли удовлетворенія за нанесенную ему въ его домъ обиду — но напрасно; онъ послалъ къ своему непріятелю вызовъ на поединокъ, но указъ о заключеніи его въ Бастилію былъ единственнымъ отвѣтомъ мощнаго противника. Получивъ свободу, Вольперъ уѣхалъ въ Англію, перемѣнилъ тамъ посвященіе своей Генриады, поднесъ ее Королеви, которая приняла ее весьма благооклонно, и въ ошмщеніе придворному, отказавшему ему въ защитѣ, вмѣсто Сюлли поставилъ въ Повѣтъ своей имя Морнея.

3.

Во время несчастныхъ раздоровъ между Дворомъ и Духовенствомъ во Франціи, Людовикъ XIV принялъ весьма снрогія мѣры противъ четырехъ Епископовъ, такъ, что даже лишилъ ихъ свѣтскихъ доходовъ. Добродѣтельный Коле (Caulet), Епископъ Памьерскій, доведенъ былъ чрезъ то до такого бѣдственнаго состоянія, что одинъ ошшельникъ, жившій въ Аббатствѣ St. Сугар, прислалъ къ Парижскому Банкиру вексель въ 2000 палеровъ для выдачи сихъ денегъ Епископу. Но

бексель былъ перехваченъ, отправленъ къ отцу Лашезу и дѣло представлено было въ Государственный Совѣтъ, гдѣ одинъ изъ членовъ подалъ мнѣніе: ошельника посадить въ Бастилію за то, что онъ осмѣлился покровительствовать бунтовщику. Людовикъ XIV возражалъ: „Повелѣнія мои были даны только противъ Епископа Памьерскаго, а не противъ тѣхъ, кои хотѣли помочь ему въ несчастіи. Не хочу, что бы могли сказать: „въ царствованіе Людовика XIV былъ наказанъ человекъ за то, что хотѣлъ сдѣлать доброе дѣло.“

4.

Когда нынѣшніе Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты принадлежали еще Англіи, всѣ преступники изъ сей послѣдней были посылаемы туда, какъ теперь въ Порть-Жаксонъ и Ньююдвалесъ. Американскія колоніи неоднократно жаловались на сихъ незваныхъ гостей, которые приносили къ нимъ съ собою всѣ Европейскіе пороки; но жалобамъ ихъ не внимали и отсылка къ нимъ преступниковъ продолжалась.

Славный Франклинъ вздумалъ описывать за своихъ собратій, и съ однимъ возвращаю-

щимся въ Европу кораблемъ, привезшимъ къ нимъ шакой транспорть, послалъ къ Англійскому Министру Вальполю цѣлый ящикъ гремучихъ змѣй, при весьма учтивомъ письмѣ, въ которомъ просилъ Министра принять сихъ ядовитыхъ живошныхъ въ подарокъ за присланныхъ къ нимъ мошенниковъ, воровъ и разбойниковъ, и развесити эсихъ милыхъ швореній, кошорыя для Америки почто то же, что воры и убійцы для Англии, въ Королевскихъ садахъ, что бы и Англичане могли получить ошъ нихъ шакую же пользу, какую приносятъ Американцамъ посылаемые къ нимъ преступники.

5.

Наварцы въ 1173 году лишились послѣдняго своего Короля. Они рѣшились отпра-вить депушашовъ къ сеспрѣ его, кошорая передъ шѣмъ родила двухъ мальчиковъ, съ просьбою, отдашь имъ одного. Мать предоставила выборъ имъ самимъ. Они нашли обомъ мальчиковъ спящими вмѣспѣ въ колыбели: одного съ сжашыми, другаго съ опверспыми руками. Сего послѣдняго избрали они, пошому что шакое положеніе сочли признакомъ благороднаго, щедраго характера.

Дитя царствовало пошомъ подь именемъ Гаспона Добраго.

6.

Извѣстный Лордъ Болингброкъ во время своихъ путешествій не хотѣлъ, чтобы его узнавали. Для сего велѣлъ онъ своему слугѣ, арапу, кошорый полько одинъ сопровождалъ его, сказывать всѣмъ, что онъ Французъ. Исполняя повелѣніе своего господина, арапъ на всѣ распросы отвѣчалъ: „господинъ мой Французъ, и я тоже.“

7.

Карль Ванлоо въ 1762-мъ году былъ наименованъ первымъ Королевскимъ живописцомъ. Когда при семъ случаѣ Маркизь Мариньи представлялъ его Королю, Дофинъ спросилъ: „для чего эшо?“ — „Что бы поблагодарить Его Величество за наименованіе его первымъ живописцемъ.“ — И, да онъ былъ имъ уже давно — возразилъ Дофинъ.

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

✓ 1. Урика (<i>Повѣсть</i>)	3
2. Супруга	58
3. Записка покойника	60
4. Анекдотъ	64
✓ 5. Намурскій Блондинъ (<i>Повѣсть</i>)	65
6. Анекдоты	162
7. Примѣры воспитанія	165
8. Благодарность	177
9. Благодарное мщеніе	184
10. Предсказаніе	190
11. День на берегахъ Ореноко	201
12. День на берегахъ Сены	213
13. Картина Лондонскихъ нравовъ	223
14. Алмазь	229
15. Зюлема (<i>Повѣсть</i>)	233
16. Анекдоты	257

INDEX

Н О В А Я

Б И Б Л И О Т Е К А

Д Л Я

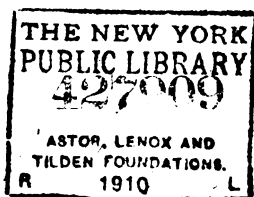
Ч Т Е Н І Я.

L'art d'adoucir sa destinée
Est l'art d'occuper son loisir.

Ч А С Т Ь І V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1 8 2 4.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛНО

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
фіи, представлены были семь экземпляровъ въ С. Пешер-
бургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда
слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпешербургъ,
Октября 1 для 1824 года.

*Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

ПРОРѢХА НА РУКАВѢ.

(Повесть, перев. съ Нѣмецкаго.)

Марбель.

Разсказываютъ еще и нынѣ въ древнемъ городѣ В* много страннаго и смѣшнаго о жившемъ тамъ нѣкогда — насюющимъ именемъ назвашь его не смѣю, а безъ имени бысть ему нельзя: такъ назовемъ его Марбелемъ; — разсказываютъ еще и нынѣ много чудныхъ вещей объ этомъ господинѣ Марбелѣ. Я также разскажу про него кое-что, не всеиъ извѣстное, но весьма любопытное и сдѣлавшее много добра своимъ послѣдствіями.

Онъ былъ человекъ прямой, съ разумомъ здравымъ, не любилъ выспавлять себя и оплнчаться передъ другими, поступалъ всегда умно и справедливо, но за всеиъ шѣмъ слылъ чудакомъ. Люди считали его за глупца, въ кошоромъ нѣшъ вовсе шолку, и онъ за шо не сердился. „Они правы — говорилъ онъ — я живу по *собственнымъ* своимъ правиламъ, и это бросается въ глаза; люди же не иначе живутъ, какъ по правиламъ *другихъ* людей; стремленіе рѣки уноситъ ихъ за собою, и это въ глаза не бросается.

Не только одѣваются они по новѣйшей модѣ, но и ѣдятъ: по тому-то и устрицы такъ для нихъ вкусны. Ихъ воспитаніе, ученіе, сужденіе, хвала, хвала, всѣ поступки, все по новѣйшей модѣ, а не по собственному ихъ убѣжденію, не по собственнымъ чувствамъ. По тому-то характеры людей какъ будто всѣ вылины по одному образцу, такъ что, кажешся, совсѣмъ не стало характеровъ.“

Господинъ Марбель былъ человекъ очень богатый. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ начать мѣлочами; мальчикомъ служилъ конторѣ одного знатнаго торговаго дома; мало по-малу былъ употребляемъ на важнѣйшія дѣла; раза два посылалъ его въ Ост-Индію; потомъ началъ онъ и свои, какъ говорится, дѣлашки; изъ маленькихъ вышли большія, и наконецъ всѣ считали его милліонщикомъ.

Нуждаясь въ управителѣ своего имѣнія, на котораго бы можно было положиться во время ошлучекъ, женился онъ на доброй сиротѣ, всѣмъ свѣтомъ покинутой. Дѣвушка сидѣла на заборѣ и плакала, когда проѣзжалъ онъ одну деревеньку. Онъ спросилъ: о чемъ? — Мать моя умерла, и меня согнали со двора. — „Сступай за мною; я тебѣ помогу.“ — Дѣвушка проѣзжала за нимъ до ближняго

города. Опшуда черезъ почту послалъ онъ ее къ себѣ домой. Съ полгода времени занималась она хозяйствомъ; попомъ онъ женился на ней.

„Какая глупость!“ говорили ему друзья: „Ты бы могъ сосланишь отличнѣйшую паршю въ городѣ; сдишишь шебѣ захопѣшь и самая прелесшная, самая богатая будешь швоею женою. Но взяшь дѣвку съ забора и женишься на ней!“ — Пусть такъ! — опвѣчалъ Марбель — но я выбралъ себѣ лучшую, то есть добрѣйшую дѣвушку.

Когда онъ сдѣлался уже довольно богатъ, вдругъ прекратилъ торговлю, опдалъ свои деньги въ вѣрныя руки, хотя и за весьма небольшіе проценшы, и спалъ жить покойно. — „Какая глупость!“ говорили ему друзья: „едва ли сорокъ лѣтъ лѣшь и уже на покой! Теперь настоящее время дѣлать большіе обороты: шы пріобрѣлъ опытнось, имѣешь средства!“ — Пусть такъ! — опвѣчалъ Марбель — но я хочу ѣсть свой выработанный хлѣбъ, пока не пошерялъ зубовъ.

Онъ былъ, какъ сказано, очень богатъ; и при всемъ шомъ жилъ въ небольшомъ, весьма незавидномъ домикѣ; одѣвался просто; не держалъ карешъ и лошадей; не давалъ обѣдовъ — каждый ремесленникъ въ резиденціи издер-

живалъ болѣе, нежели онъ. Напрошивъ того, когда приходило ему на мысль — а на мысль приходило ему это не рѣдко — дѣлалъ онъ просиымъ людямъ большіе подарки; женилъ на свой счетъ молодыхъ людей и снабжалъ всѣмъ нужнымъ; нанималъ адвокатовъ на защиту правъ и привилегій такихъ людей, которые были вовсе для него чужды. Такъ мѣшался онъ вездѣ въ чужія дѣла и много шрашился. Но если ктонибудь изъ людей знатныхъ приходилъ къ нему просить въ займы, онъ пожималъ плечами и говорилъ, что нѣтъ денегъ. „Какая глупость!“ говорили ему друзья. „Ты не знаешь, куда дѣвашь свое богатство? Такъ живи по-барски. Тебѣ стоишь только мигнуть и первѣйшія фамилии въ городѣ, знатнѣйшіе люди при Дворѣ будутъ тебѣ прислужниками. Къ чему тебѣ деньги? Неужли все для этого чернаго народа, съ которымъ ты такъ любишь водиться?“ — Пусть такъ! — отвѣчалъ Марбель. — Но я бѣднѣе, нежели какъ вы думаете. Не могу испрошить даромъ ни одного крейцера; мнѣ и онъ нуженъ.

„Возможно ли? Ты вѣрно получаешь по крайней мѣрѣ тридцать тысячъ ежегоднаго дохода.“

— Правда — отвѣчалъ Марбель — но изъ этого издерживаю двѣ тысячи гульденовъ для

себя, а остальное принадлежит тѣмъ, которые не довольно имѣють; Богъ сдѣлалъ меня ходатаемъ за добрыхъ людей.

Марбель потерялъ въ одномъ году, ошъ одной болѣзни, жену свою и двоихъ милыхъ дѣшей. Онъ ошался опять въ одиночествѣ. Его хотѣли утѣшать, развеселять. „Остальные!“ — сказалъ онъ: „я нимаго не печалюсь; запрошивъ чувствую внутри себя какое-то блаженство, котораго не знавалъ. Я живу теперь въ шомъ и въ другомъ свѣшъ. Жена и дѣши принадлежатъ мнѣ вездѣ, какъ и я имъ. Только шомъ можеть въ такомъ случаѣ имѣть нужду въ утѣшеніи, кто не чувствуеть высокаго назначенія жизни. Пожалуйста не дѣлайте мена предметомъ своей забавы; не утѣжайте меня, прошу васъ.“

В и х р ъ.

Между тѣмъ все таки, съ потерей супруги и дѣшей, свѣшъ сдѣлался для него какъ будто пустымъ. Вездѣ онъ былъ одинъ и не могъ не скучать. Часно для развлеченія предпринималъ путешествія; это помогало шолько на короткое время. Часно выходя изъ маленькаго своего кабинета съ заплаканными глазами, чашалъ онъ искреннее со-

спраданіе къ себѣ на лицахъ слушателей, которые всѣ любили его какъ отца. — „Благодаренъ, дѣши мои“ — говорилъ онъ имъ — жалѣйте обо мнѣ; я это заслуживаю. Но не упѣшайте меня. Въ соспраданіи нуждаюсь; но не въ упѣшеніи: его душа моя даетъ мнѣ лучше, нежели вы. Время поможетъ мнѣ сносить одиночество, тоску въ разлукѣ съ милыми; — теперь, правда, еще нисколько не помогло.“

Онъ искалъ развлеченія, чувствуя, какъ это для него нужно. Всѣ окрестности города В*, всѣ публичныя гульбища и мѣста, гдѣ собирается общество для удовольствія, посѣщаль онъ ежедневно. — Однажды былъ въ загородномъ саду.

Тамъ толпилось множество народа, какъ обыкновенно бываетъ по воскреснымъ днямъ лѣтомъ. Шумная веселость толпы забавляла Марбеля. — Вдругъ поднялся вихрь, предвѣспникъ жестокой грозы. Высокія деревья со скрипомъ занатались, какъ гибкіе колосья; лавочники начали укладывать свои мѣлочные товары и запирали лавки; музыка въ куспахъ замолкла; танцовавшіе разбѣжались.

Марбель въ шуму грозы и людей оставался покоенъ. Это зрѣлище забавляло его. Вскорѣ широкія дороги сдѣлались пусты; шолько пылъ столбами поднималась на нихъ

ошь въпра. Между шѣмъ по шропинкѣ, ве-
дущей изъ боковой рошцы, спѣшила запо-
здавшая молодая Принцесса. Подлѣ нее двое
разряженныхъ Камергеровъ, за нею два офи-
цера, копорымъ стоило много шруда защи-
щать ошь въпра высокiя перья шляпъ сво-
ихъ. Гроза усилилась; вихрь вскружился, и,
сорвавъ покрывало Принцессы, унесъ его вы-
соко на воздухъ. Испуганная просшерла къ
нему свои руки, но оно облѣзло окодо
верхушки одной ели, какъ паушина.

„Ахъ, мое покрывало!“ — закричала
Принцесса — „доспаньше мнѣ мое покрыва-
ло. Безъ него я не сойду, съ мѣста. Оно —
подарокъ моей матери и для меня безцѣнно.“

Господа офицеры держались крѣико ру-
ками за огромные шляпы свои съ перьями, и
пожимали плечами.

„Доспаньше мнѣ его! Я скорѣ погибну
здѣсь, нежели его осшавлю!“ говорила въ сле-
захъ Принцесса.

Господа поглядывали въ жестокомъ за-
мѣшательствѣ на верхушку ели. Одинъ
вздыхалъ, другой почесывалъ за ушами, тре-
шій въ недоумѣнiи нюхалъ шабакъ, четвер-
шый дѣлалъ безмолвно поклоны, какъ бы же-
лая шѣмъ изъяснить невозможность испол-
ненiя Княжеской воли.

„Не вы ли клялись, что гешовы жертвовали для меня жизнью? Почему же не ходите взлѣзть на дерево? Это очень возможно, даже очень удобно! Господинъ Маіоръ! Вы всѣхъ моложе, прошу васъ, доставьте мнѣ покрывало.“ Такъ говорила расплаканная Принцесса.

Господинъ Маіоръ въ испугъ и въ замѣшательствѣ посматривалъ шо на свои бѣлые казимировые панталоны, шо на высокую, гибкую ель: — вышина ея была конечно не меньше семидесяти футовъ. Наконецъ онъ какъ будто собрался съ духомъ, сдвину лѣвую ногу, что хочешь взлѣзть и — не могъ двинуться съ мѣста.

Кромѣ Марбеля, свидѣтелемъ этого разговора былъ не вдалекѣ стоявшій мальчикъ, лѣтъ двенадцати, въ рубищѣ, показывавшемъ, что онъ питается мѣрскимъ подавнѣемъ. — „Если прикажете, я доставлю плашокъ“ — сказалъ мальчикъ, и глазами, исполненными огня, мѣрилъ ель отъ верха до низу.

„Ступай, ступай!“ закричали всѣ пятеро громкимъ голосомъ.

Мальчикъ думалъ не долго. Цѣпляясь по сучьямъ и раздвигая вѣтви, взлѣзалъ онъ проворно, и долго былъ невидимъ, пока наконецъ очутился на самой вершинѣ. Между тѣмъ бу-

ри свирѣвшивовала съ новою силой и съ шрескомъ качались деревья. Мальчикъ цѣпко держался за верхушку и съ нею дѣлалъ большіе круги по воздуху. Смотря на это, Марбель шрепешала, а офицеры смѣялись. Принцесса вспрыгнула отъ радости, когда увидѣла покрывало въ рукахъ смѣльчака. „Боюсь только, чтобы онъ его не изорвалъ!“ сказала она опять въ безпокойствѣ.

Однако мальчикъ принесъ его счастливо. Принцесса, въ величайшемъ восхищеніи, схватила его и пустила отъ бури. Провожатые поспѣшили за ней. Мальчикъ, протягивая руку за подаяніемъ, бѣжалъ назадъ. Одинъ изъ Камергеровъ бросилъ ему нѣсколько денегъ. Мальчикъ жадно схватилъ ихъ съ земан и началъ считать.

Марбель, хотя и нелюбозысливый отъ природы, зато шель однако на это шъ разъ знашь, какъ вознаграждень шрудъ мальчика, котораго, открытое лице, привѣшливоспъ и отшважностъ ему очень понравилась. Онъ держалъ уже руку въ карманъ, чтобы дать ему и отъ себя за это смѣлое предпріятіе.

„Сколько они тебѣ дали?“ спросилъ онъ. — Мальчикъ показалъ ему деньги, разогнувъ ладонь, замаранную смолою и окровавленную ключими сучьями. „Шесть крейцеровъ, сударь!“

„Шесть крейцеровъ — бѣдный мальчикъ!“ — сказала со вздохомъ Марбель, и взявъ горсть илькой монеты, насыпала ему въ обѣ руки. Мальчикъ въ изумленіи ошъ шакого богатства, смотрѣлъ шо на деньги, шо на своего благодѣтеля, и наконецъ спросилъ: „Эшо все мнѣ?“

— Все шебѣ! Чшо жѣ ты будешь съ эшимъ дѣлашъ?

„Самъ не знаю. Куплю новое плашье. Телерь я могу жить баринномъ.“

— Развѣ у шебя нѣшъ ошца?

„Нѣшъ! Ужъ два года, какъ его не спало. Онъ былъ солдашъ и убишъ на войнѣ; машь моя также умерла и послѣ шого меня не захошѣли держашъ въ деревнѣ.“

— Опдай мнѣ назадъ деньги, мальчикъ.

„Всѣ?“

— Всѣ.

Бѣднякъ печально опдалъ назадъ деньги, и двѣ слезы навернулись на большихъ, черныхъ глазахъ его.

— И ты шесть крейцеровъ опдай мнѣ.

„Нѣтъ, ты мой.“

— Тебѣ не нужны будущъ деньги. Онъ для шебя не годятся. Я возьму шебя къ себѣ въ домъ. Ты будешь моимъ сыномъ, если станешь вести себя хорошо. Хочешь ли ты эшого?

„Если вы не шутите.“

— Можешь бышь у тебя есть еще деньги?

Мальчикъ досталъ изъ кармана еще нѣсколько мѣдкихъ мѣдныхъ монешъ и большой кусокъ хлѣба. Марбель взялъ у него все это и велѣлъ иди за собою.

В о с п и т а н и е.

Маленькаго Конрада Эка переодѣли, но весьма просто, въ грубое сукно. Онъ привыкъ ночевать въ сараяхъ или подъ открытымъ небомъ. Богатый Марбель велѣлъ ему сдѣлать постель изъ соломы и кормить самою простою пищею. — Мальчикъ былъ въ себя ошъ радости. Вскорѣ увидѣли, что онъ крошокъ, услужливъ, всегда ласковъ, неупрямъ, имѣетъ много природнаго разсудка, но не свѣдуць ни въ чемъ, что выходило изъ круга навыка и познаній нищаго. Черезъ полгода эшошъ дикарь былъ уже шакъ образованъ, что можно было показашъ его свѣшу и употребляшъ для посылокъ. Хотя съ большимъ трудомъ, но его приучили къ порядку и опрятности. Доброе сердце привлекло къ нему любовь цѣлаго дома. Марбель называлъ его своимъ сыномъ и рѣшился сдѣ-

лать изъ него что нибудь хорошее. Конрадъ опдали въ городскую школу. Онъ былъ прилеженъ и хоша сначала довольно тупъ, но послѣ дѣло обошлось. Радость благодѣтеля при его успѣхахъ служила ему величайшею наградою; холодношь Марбеля величайшимъ наказаніемъ.

Однако я не хочу здѣсь описывать подробно воспишаніе маленькаго пріемыша. Развѣ скажу еще по, изъ чего можно видѣть особый образъ мыслей Марбеля. Когда Конрадъ пожилъ у него нѣсколько лѣтъ, его спали уже сажать за господскій столъ, и онъ имѣлъ право ѣсть всякое лакомое кушанье; но Марбель одобрялъ его, если онъ оставался доволенъ кускомъ хлѣба, мяса, картофелями и вообще грубою пищею. Ему позволили спать на мягкихъ пуховкахъ, но Марбель радовался, что онъ остался неизмѣнно при своей соломя. Конрадъ получалъ каждую недѣлю полшалера на карманные расходы, но съ шѣмъ, чтобы употреблять эти деньги для другихъ, а не для себя. Впрочемъ позволено ему было откладывать изъ того часть для себя и сберегать на то время, когда уже не будешь получать ничего отъ Марбеля. — „Для себя ты долженъ мало имѣть и мало употреблять: ты долженъ все имѣть и все быть для другихъ.“ Такъ

говорилъ ему благодѣтель его при всякомъ случаѣ. Когда Конраду исполнилось шестнадцатъ лѣтъ, далъ ему Марбель чешыреста шалеровъ въ день его рожденія. „Теперь, любезный Конрадъ“ — сказала онъ ему — „мы раздѣлимъ свое хозяйство. Вотъ шесть денегъ. На нихъ содержи себя и одѣвай; нанимай учителей и дѣлай что хочешь. Ты можешь оспаваться въ моемъ домѣ, но будешь платить мнѣ за кварширу, мебель и свѣчи чешыре шалера въ каждую чешверть года.“

Конрадъ удивился; но его очень порадовало, что онъ могъ распоряжаться такою суммою денегъ. Онъ устроилъ свое хозяйство. Каждый нѣмецъ долженъ былъ отдавать отчетъ въ расходахъ своихъ. Марбель строго за нимъ присматривалъ и заставлялъ наблюдать другихъ. Какъ ожидалъ онъ, такъ и исполнилось. Конрадъ для себя жалѣлъ всего, какъ скупой; но гдѣ могъ пособить другимъ, тамъ не щадилъ своего капитала. За всѣмъ тѣмъ къ концу года оспалось у него сто двадцать шалеровъ. Ихъ велѣно ему было отдать въ ростъ, а онъ получилъ снова чешыреста шалеровъ.

Такъ жилъ Конрадъ до двадцати лѣтъ. Тогда послалъ его Марбель въ Университетъ, давъ ему еще нѣсколько денегъ на дорогу.

„Тьло свое не приучай ни къ чему, свѣтъ мой“
 — говорилъ онъ — „однако не отказывай
 ему въ необходимомъ и въ томъ, чего пре-
 буетъ приличіе. Хорошій артистъ долженъ
 имѣть и хорошій инструментъ, безъ кошо-
 раго не можешь онъ быть искуснымъ. Тьло
 есть инструментъ; артистъ — безмер-
 ная душа. Ее усовершенствуй! Жизнь ко-
 ротка; она для насъ школа. Образуй душу
 и разумъ. На три года, которые ты про-
 будешь въ Университетѣ, я дѣлаю тебя
 распорядителемъ значительной суммы денегъ.
 Употребляй ее по своей воли. Ты долженъ
 посѣщать лучшія общества; посѣщай иногда
 и дурныя, но только для того, чтобы узнать
 людей всякаго рода. Не совсемъ удаляйся
 отъ дурныхъ; знаешь ихъ очень нужно. Если
 ты будешь самъ дуренъ и слабъ — ты по-
 гибнешь; если же будешь твердъ, можешь
 превознестись надъ всѣми. Помни, что по
 проишествіи прехъ лишь, ты долженъ самъ
 выработывать хлѣбъ свой. Отъ меня ни-
 чего уже не получишь.“

Прорѣха на рукавъ.

„Я богатырь, какъ называюшь бышь
 богатыремъ“ — продолжалъ Марбель въ рѣчи

своей. — „Но богатство само по себѣ меня не радуешь, потому что для себя нужна мнѣ малость. И того, что идетъ на слугъ моихъ, для меня было бы много. Къ чему жъ мнѣ деньги? То меня радуешь только, что все приобретаю я *собственными* силами и самымъ *непорочнымъ* образомъ. Тупъ не прилипла ничья кровь, ничья слеза — одинъ мой потъ. Высочайшія радости духа: *длительность* въ маломъ и большомъ, *непорочность*. Остальное, больше или меньше, сумасбродство или бездушіе, напримѣръ: честолюбіе, сладострастіе, любостыжаніе изъ жадности, властолюбіе, гордость, зависть, ненависть и прочее. Замышь себѣ, Коярадъ: сильно дѣйствовать въ большомъ и въ маломъ, но безпорочно; а что чищеѣе, вѣчное наслажденіе духа. Богъ ничего не создалъ ничтожнаго. И быдника Его и червь — все важно и велико.

„Я далъ тебѣ хорошее восмишаніе. Ты былъ заглушенное, но небезнадежное расштіе. Теперь тебѣ двадцать лѣтъ, возрасишь, въ кощеромъ боредся въ человекъ Ангель со звѣремъ. (°) Хорошо, еслибъ всегда побѣждалъ

(*) Листы: добро со зломъ, духъ съ тѣломъ и спрашными; но крайней мѣрѣ кажется, что такая мысль заключалась въ сихъ уподобительныхъ названіяхъ противоположающихся силъ, духовной и животной природы человека.

Ангель! — Человѣкъ сначала воспитывается какъ растѣніе, потомъ какъ звѣрь, потомъ какъ Ангель, (какъ существо болѣе духовное). Многие идутъ не дальше хорошо вышколенного звѣря.

„Но не надобно пренебрегать и звѣремъ. Изъ нечислой пыли вырастаетъ и разцвѣтаетъ бѣлая лилія. Мнѣ дала истинное направление сущая малость. Я выучился шить и чрезъ то сдѣлался богатымъ человѣкомъ.

„Ты не повѣришь, но это точно правда. Я былъ четырнадцать лѣтъ, умѣлъ читать, писать и считать. Мой отецъ, бѣдный ремесленникъ, не зналъ, что изъ меня сдѣлаешь, потому что на все нужны деньги, а у него ихъ не было.

„Товарищемъ моимъ въ играхъ былъ мальчикъ однихъ со мною лѣтъ, по имени Лебрехтъ. Мы вмѣстѣ бѣгали, рѣзвились, были вездѣ и нигдѣ, какъ обыкновенно дѣти безъ присмотра. Наше платье никогда не было ново — всегда испачкано, изорвано. Дома бранили насъ за это, иногда и колошили, но на свободѣ, и брань и побои были забыты — все шло по прежнему.

„Разъ сидѣли мы въ одномъ публичномъ саду на скамьѣ и рассказывали другъ другу, чѣмъ кшо изъ насъ хочешь быть. Я хотѣлъ быть Адмираломъ, а Лебрехтъ Генераломъ.

„Изъ васъ обоихъ никогда ничего не будетъ!“
сказалъ споявшій позади нашей скамьи спарикъ, одѣтый въ шонкое плашье и съ наудреннымъ на головѣ парикомъ. Онъ слышалъ наши ребяческіе разговоры.

„Мы вздрогнули. Лебрехтъ спросилъ:
„почемужь такъ?“

„А потому“ — сказалъ спарикъ — „что вы, судя по плашью, дѣши хорошихъ людей; но рождены бытъ нищими; иначе спали ли бы шерпѣшь такія на рукавахъ прорѣхи?“
Тутъ зацѣпился онъ пальцами за дырѣя на локтяхъ каждаго изъ насъ и спаль буравить. — Мнѣ сдѣлалось стыдно; Лебрехту тоже.
„Если вамъ“ — продолжалъ спарый господинъ — „ничшо не починиваетъ дома, за чѣмъ не выучитесь сами? Сначала зашили бы вы свои локти двумя спешками иглы, а теперь ужъ поздно: вопшь, вы ж ходите, какъ нищіе. Когда хошите бышь Адмираломъ и Генераломъ, то начините съ малаго. Прежде зачините на рукавахъ прорѣхи, а потомъ ужъ о другомъ думайте.“

„Мы оба горѣли опъ стыда. Повѣся носы, пошли прочъ; но не имѣли духу сказашъ что-нибудь злое о зломъ спарикъ. Между тѣмъ я повернулъ рукавъ такъ, что локоть пришелся къ серпуку — что бы нищшо не увидѣлъ дыры. Дома началъ я учить-

ся у манеры своей шить — въ шупку, по-
тому что не сказывалъ, зачѣмъ учусь. И
шить, когда только на моемъ платьѣ появ-
лялась прорѣшка или пятно, пошчасъ все
было мною исправлено. Я сдѣлался очень
внимательнъ и не могъ шептѣть на своемъ
платьѣ ни малѣйшей небрежности. Сдѣлав-
шись опрятнѣе и гораздо о себѣ рачитель-
нѣе, я самъ радовался и думалъ: старичекъ
въ пудреномъ парикѣ говорилъ точно прав-
ду. Двумя сшежками иглы въ свое время сбе-
регашь цѣлый кафтанъ; горстью глины —
домъ; стаканомъ воды можно пошупишь на-
чинающійся пещаръ; изъ мягкой монеты со-
составляющешя шадеры; изъ маленькаго смѣт-
ка вырасташетъ дерево — и Богъ знаетъ
какъ высоко!

„На Лебрехта не такъ подѣйствовало
совѣтъ старика, и онъ много черезъ то по-
терялъ. Мы были оба предсавлены одному
лавочнику, который искалъ для себя маль-
чика для письма и счетоводства. Лавочникъ
сдѣлавъ намъ экзаменъ, предпочелъ меня. Мое
старое платье было цѣло и опрятно; у Леб-
рехта праздничный кафтанъ былъ въ пят-
нахъ. Это сказалъ мнѣ послѣ мой хозяинъ.
„Я вижу“ — говорилъ онъ — „что ты
умѣешь беречь свое; а изъ него никогда не
выдешь хорошаго дунца.“ Тушъ вспомнилъ

я опишу пудренного господина и прорѣху на рукавъ.

„Я спалъ замѣчать, что и въ другихъ вещахъ — въ ученѣхъ, поешунякахъ, въ екалоносныхъ моняхъ — было у меня довольно прорѣхъ. Два снѣжка игламъ во время исправляющъ все, безъ пруда, безъ искусства. Только не заускай прорѣхи; а не то для плашья нужень будешь поршней, для здоровья дѣхарь, для нравственныхъ прорѣхъ наказующее начальство. — Нѣтъ ничего неважнаго или незаслуживающаго вниманія ни въ добромъ, ни въ худомъ. Кто думаетъ иначе, шопъ не знаешь себя, не умѣешь жить. Хозяинъ мой нѣтъ также промерзкую на рукавъ прорѣху, что естъ онъ былъ самолюбивъ, бранчивъ, властолюбивъ и упрямъ; — это меня ужасно огорчало. Я прошиворѣчилъ; выходила брань. „А!“ подумала я — „Эдакъ не мудроно случитъ прорѣхи; не мудроно и мнѣ едвѣлаться бранчивымъ, желчнымъ и несноснымъ, какъ мой хозяинъ. „Съ этого часа я спалъ ему уснупашъ; на словахъ онъ былъ во всемъ правъ; я старался бытъ правъ на дѣлѣ, довольствовался шамъ, и съ своей стороны соблюдалъ миръ и спокойствіе.

„Когда я понаучился у своего хозяина, то принялъ на себя другія обязанности. При-

выкши съ немногими нуждами бытъ веселымъ (у кого ихъ много, пошь никогда не бываетъ совершенно весель), я многое сберегалъ для себя. Привыкши недопускать у себя никакой на рукавъ прорѣхи и не судить строга другихъ, у кого замѣчалъ ее, я видѣлъ, что цѣлый свѣшь доволенъ мною, какъ и я доволенъ цѣлымъ свѣшомъ. Такимъ образомъ никогда не имѣлъ я недоспашка въ друзьяхъ, въ пособіи, въ довѣренности, въ заняшіи. Богъ благословилъ меня. Благословеніе заключаешся въ правотѣ мыслей и дѣлъ, какъ въ орѣховомъ зернѣ плодовишее, въ пивисное дерево.

„Такъ выросло мое имѣніе. Къ чему жъ оно? спросилъ я самаго себя — тебѣ не нужно и двадцатой части. — Блистать передъ людьми? — Глупость. Мнѣ ли на спарыхъ лѣсахъ выставить еще на рукавъ прорѣху? — Помогай другимъ, какъ тебѣ Богъ помогъ черезъ другихъ. Высочайшее благо, доставляемое намъ богатствомъ, есть независимость отъ людскихъ прихотей и обширнѣйшій кругъ дѣйствія. — Теперь Конрадъ, спупай въ Университетъ; учишь, чему должно; помни господина въ пудреномъ парикѣ; берегись первой маленькой на рукавъ прорѣхи; не сдѣлай шакъ, какъ мой Конрадъ

Дебрехтъ. Онъ пошелъ наконецъ въ солдаты и убишь въ Америкѣ.“

М а с т е р о в о й.

Конрадъ отправился въ Гешпингенъ, учился Правамъ и былъ прилеженъ, не лишая себя однако житейскихъ удовольствій и общества друзей. Но въ умъ его вертѣлся большой планъ, для котораго копилъ онъ деньги. Онъ записывалъ путешествіе по всей Европѣ. Марбель одобрилъ эту мысль, но не хотѣлъ дать на то ни одного крейцера; а что Марбель сказалъ разъ, при томъ ужъ онъ и навсегда оставался. Какъ же быть безъ денегъ въ путешествіи? Конрадъ рѣшился скоро. Едва только дошелъ онъ до степени Доктора *Juris utriusque* (обоихъ Правъ), то отдалъ себя еще въ науку къ одному искусному сподяру. На это ремесло былъ онъ поняшливъ: скоблить, спругать, пестать, пилить, буравить, клеить, выправлять дерево, лакировать и ш. д.; всему научился онъ скоро. Прежнее упражненіе въ рисованьи, вкусъ его, химическія свѣденія — все ему пособляло. Механизмъ ремесла узналъ онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ и сравнялся въ искусствѣ съ мастеромъ и подмастерьями. Двадцать

дундоровъ сократили время ученья. Онъ такъ былъ сдѣланъ подмастерьемъ.

Однажды вечеромъ пришелъ Марбель съ прогулки домой и, сидя у окна, курилъ трубку. Вдругъ подошелъ какой-то мастеровой, съ ношей за плечами, поклонился и держалъ шляпу въ рукѣ, не говорилъ ни слова. Марбель бросилъ въ шляпу монету. Мастеровой поблагодарилъ, спряталъ подавнiе въ карманъ и попросилъ позволенiя поговорить съ Марбелемъ наединѣ.

Мастеровой принесъ поклонъ отъ Конрада. Марбель радовался, какъ ребенокъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ не слышалъ онъ ничего о своемъ прѣмшшѣ, котораго любилъ больше, нежели думалъ самъ. Всмотрѣвшись пристально въ мастераваго, ощутилъ онъ въ изумленiи назадъ. „Что? Никакъ это самъ ты Конрадъ? Не играешь ли ты сомной комедiе? — Это ли нарядъ Доктора?

Конрадъ улыбнулся и сказалъ: „Докторъ спрятанъ въ узлѣ; путешествуетъ стюларный подмастерье. Онъ съ своимъ ремесломъ навѣрное вездѣ найдетъ себѣ хлѣбъ и можетъ дешеваѣ жить. Вотъ мой дипломъ на докторство; вотъ мой аттешсатъ. Теперь начну я путешествiе по чужимъ краямъ. Черезъ В* пошелъ я, только чтобы увидѣшься съ вами, любезный батюшка, по-

благодарить васъ еще разъ и попросить благословенія на дорогу.“

Тутъ Марбель глубоко былъ пропунъ; глаза его наплались слезами; онъ не могъ говорить; бросился обнимать Конрада, прижалъ его крѣпко къ груди своей и рыдалъ: „Да, ты мой сынъ, я буду ошцемъ твоимъ.“

Марбель продержалъ его у себя съ нѣслицъ. Потомъ далъ ему благословеніе на дорогу. „Да естли у тебя деньги?“ спросилъ онъ при распаваньи. „Есть — двадцать пять шилеровъ“ — отвѣчалъ Конрадъ. „Только всего у меня осталось.“

„Довольно для маэпероваго!“ закричалъ Марбель, сивлутись: „возиъ тебѣ еще шилеръ на дорогу; такъ будешь двадцать шесть! Богъ съ тобой! Иди ко мнѣ черезъ каждые три мѣсца, какъ ты поживаешь, что видишь и чему учишься. Берегись прорѣхи на рукавъ, — такъ навѣрное будешь жить хорошо.“

Путешествіе по Европѣ.

Съ двадцатью шестью шилерами въ карманѣ пустился Конрадъ путешествовать по Европѣ; сначала черезъ Германію и во Дал-

пamь, въ Римъ и Неаполь. Тамъ хопгьль онъ видѣть разрушающіеся оснапки знаменитой древности. Пошомъ водою во Францію. Онъ работалъ въ Ліонѣ и въ Парижѣ, что бы усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ; перѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ жилъ почти цѣлый годъ; на возвращеніи пуши посѣщаль нѣкопорые Голландскіе города, пошомъ былъ въ Даніи, а опшуда черезъ Стокгольмъ проѣхалъ въ Петербургъ и наконецъ назадъ, въ свое отечество.

Приходя въ городъ, гдѣ было что нибудь примѣчательное и спило труда поспомрѣшь, онъ оставался и опредѣлялся въ работу къ какому нибудь сподяру. Иногда дѣлалъ это и проспо для приобрѣщенія на дорогу денегъ. По воскресеньямъ сподяръ превращался въ Ученаго. Пара Классиковъ сопровождала его всегда во время его странствованій. Выработавъ достаточну денегъ, опсправлялся онъ далѣе, хотя всякой изъ хозяевъ усиленно старался его удерживать, пошому что шакого прилежнаго работника находить имъ было не легко. Ученость же его приводила всѣхъ ихъ въ изумленіе. Нерѣдко случалось, что и хорошенькая хозяйская дочка желала бы удержать подолѣе страннаго пришлеца, даже сдѣлать его маешеромъ; пошому что Конрадъ былъ весьма

любезный малой. Его черные глаза блискали умомъ; его благородная осанка и шоккое обхожденіе показывали въ немъ челоуѣка, какъ бы рожденнаго для высшаго состоянія. И при всемъ томъ, онъ былъ обходительнень, ласковъ и скромнень съ другими. Всякой любилъ чудака.

Случалось и то, что хорошенкїя дѣвушки — разъ въ Ліонѣ, разъ въ Лондонѣ — сильно щекопили его сердце. Онъ превозмогалъ себя; не позволялъ возрождашь спраши; называлъ это всегда новою на рукавѣ прорѣхою. Домой, въ свое опечесиво хопѣлъ онъ, и вблизи своего вшораго опца, Марбеля, провести жизнь споляромъ или адвокатомъ.

Послѣ чепырехлѣпнаго странствованія, возвратился онъ опяшь въ В*. Уже было полшора года, какъ онъ не получалъ писемъ опъ своего благодѣтеля, а самъ напрошивъ писалъ къ нему непременно черезъ каждыя при мѣсяца. Теперь спрашивалось, живъ ли еще эшошь добрый и почтенный челоуѣкъ?

Смертная блѣдность покрыла лице Конрада, когда онъ, пришедши въ знакомый ему съ дѣшества домъ, былъ привѣшпованъ чужими людьми, и узналъ, что домъ, уже годъ тому назадъ, Марбелемъ проданъ и что тогда же спарикъ увхалъ изъ В°. — Конрадъ по-

шелъ въ горести бродить по улицамъ. „Не ужели“ — думалъ онъ — „нельзя было, по любви ко мнѣ, уведомить по крайней мѣрѣ объ этой переживѣ? Увхалъ — и даже не знаютъ куда.“

Переночевать зашелъ онъ, съ ношею за плечами, въ шпактиръ, гдѣ присѣдаютъ все ремесленники; а на другой день, одѣвшись по праздничному, отправился къ банкиру Шмишу, бывшему прежде искреннимъ другомъ Марбела, чинить осведомиться у него о своемъ благодѣшателѣ.

Старикъ банкиръ тотчасъ узналъ его и принялъ съ душевною радостію. „Слава Богу, господишь Докторъ!“ — вскричалъ онъ — „слава Богу, что я васъ вижу. Старый другъ нашъ увхалъ въ Остѣ-Индію, какъ вамъ извѣстно. У меня оставилъ онъ двѣсти лундуровъ для вашего обзаведенія, когда вы, возвращаясь, гдѣ-нибудь себя приспросите и начнете жить домошъ.“

— Такъ онъ въ Остѣ-Индіи? — воскликнулъ Конрадъ, и слезы покапались по щекамъ его.

„Развѣ не знаете вы этого? — Здѣсь въ городѣ живалъ онъ много огорченія: Князь хотѣлъ дать ему дворянскій дипломъ, но онъ отказался отъ этой чести, сказавъ, что доволенъ и шмѣ, когда собственннне поступ-

ки дѣлають его благороднымъ. Это начали толковать въ худую сторону; стали подозревать, подсматривать, а потомъ почти преслѣдовать Марбея. Добрый человекъ перенесъ то, другое, наконецъ ему надоело. Вы знаете, каковъ онъ былъ — слишкомъ добръ, самшкомъ легковѣренъ. У него пропалъ за ничто большія суммы. Огорчаясь, рѣшилъ, что долженъ себя ограничить, онъ пустился опять въ большія кунеческія спекуляціи. И тѣ неудались. Вотъ, однажды, пришелъ онъ ко мнѣ и сказалъ, что имѣя въ Оспѣ-Индіи значительныя капиталы, хочешь туда — хочешь самъ получишь ихъ. Мои услуги не пособили. Онъ распродалъ и раздарилъ все, что имѣлъ; отдалъ мнѣ на сбереженіе сумму для насъ и уѣхалъ. Теперь этому уже года полтора."

Конрадъ слушалъ въ ошмѣнѣн, какъ немужикъ. Еслибъ онъ зналъ, гдѣ въ Оспѣ-Индіи найти своего благодѣтеля, онъ бы немедленно туда отправился.

Шмидтъ не ошнуспилъ онъ себя Конрада; онъ долженъ былъ ошпасть у него жить, пока не сдѣлаешь себя особаго плана жизни. Конрадъ думалъ уже начать промышлять себя хлѣбъ школярнымъ ремесломъ; но банкиръ ошклонилъ его, говоря, что въ

качествѣ адвоката онъ можеть быть полезныя людямъ.

Повѣренный.

Спустя нѣсколько недѣль, вошелъ однажды Шмигль къ Конраду, съ лицомъ, блистающимъ радостью и въ рукѣ съ листочкомъ газетъ. „Ну, мой любезный“ — вскричалъ онъ — „прошу теперь же за мной къ господину Валленрошу. Онъ ищетъ повѣреннаго въ свою деревню. — Ему нуженъ точно такой человекъ, какъ вы, г. Экъ. Онъ мой корешкомъ пріятель. Вышъ посмотрите газетъ, гдѣ онъ приглашаетъ кандидатовъ. Семьсотъ гульденовъ жалованья, кваршира, дрова, свѣчи, а вѣроятно при томъ и поспороніе доходцы. Чего вамъ больше? Спойте захотѣшь.“

Конрадъ пожалъ плечами.

„Ни слова, господинъ Докшоръ!“ — продолжалъ банкиръ — „прошу не мѣшкай за мною! Позвольте мнѣ заступитъ мѣсто друга Марбея. Этого случая вамъ упускашь нельзя!“

Конрадъ сѣлъ съ нимъ въ карету. Они поѣхали къ Валленрошу.

Сей, человекъ очень пожилой, но весьма добросердечный и привлекашительный въ обращеніи, сказалъ Конраду: „Если пріятель мой, Шмицъ, рекомендуешъ васъ, г. Экъ, этого доспащочно. Хотя я не имѣю чести васъ знать; но никто, кромѣ васъ, не получитъ у меня мѣста. Однакожъ я обязанъ кое въ чемъ васъ предупредить. Я ѣду въ Парижъ по порученіямъ Двора; буду вѣроятно нѣсколько лѣтъ въ отсутствіи. Вамъ отдаю свое имѣніе Альпекъ въ полное управленіе — судить и рядить не только въ видѣ повѣреннаго, но какъ бы я самъ лично шо дѣлалъ. Управитель будетъ слѣдовать вашимъ приказаніямъ. Вы должны устроить запущенное теперь хозяйство, но что всего болѣе лежитъ у меня на сердцѣ, вы должны образовашь крестьянъ моихъ и сдѣлать ихъ людьми. До сихъ поръ жили Альпека насущащія звѣри — грубы, бѣдны, ни въ чемъ не свѣдуши. Я владѣю этимъ имѣніемъ не болѣе года и мало о немъ забошлся. Тамъ ничего не устроено. Вамъ предоставляю опредѣлять и ошсавлять кого захошше; короче всѣ мои права. Деньги и счеши посылайте ежегодно къ г-ну Шмицу, для передачи мнѣ.“

Конрадъ хотѣлъ представить въ извиненіе, что мало разумѣетъ въ сельскомъ хо-

злѣшнѣ. Скрюпность не пособила. Оба старика настаивали съ весьма лестными для него ошзвѣями. Валленрошъ, полагая, что Ковраду, по такимъ обширнымъ занятіямъ, содержаніе кажется мало, надбавлялъ самъ цѣну и наконецъ удвоилъ жалованье. — Все это изумляло и вмѣстѣ радовало Коврада. „Но ошъ чего“ — спросилъ онъ — „такая чрезмѣрная ко мнѣ довѣренность?“ — Валленрошъ сослался на банкира. „Что виошъ человекъ, что я — все равно!“ сказалъ онъ.

Дѣло было кончено — письменно, какъ надлежало. После шого Валленрошъ вернулъ еще крючокъ, по видимому очень для него важный. — „Всѣ въ моей деревнѣ“ — сказалъ онъ — „къ услугамъ вашимъ, кроитъ одной особы, которая мнѣ очень дорога. Это насторская вдова, по имени Вальшеръ. Она едва меня знаетъ, но покойному ея мужу, человеку превосходному, одолженъ я весьма много, и какъ она не имѣетъ состоянія, а живетъ небольшимъ пенсіономъ, шо на всю ея жизнь дана ей ошъ меня квартира, содержаіе и услуга въ собственномъ моемъ домѣ въ Альшекѣ. И шакъ вы будете жить съ нею подъ одною кровлею. Это предпочтеняѣйшая женщина. Я желаю и надѣюсь, что вы съ нею будете жить мирно.“

Конрадъ ничего не могъ сказать проливъ
вшаго и даже былъ доволенъ, что найдена
женщину, которая избавишь его отъ мѣлоч-
ныхъ заботъ домашняго хозяйства.

Еще на той же недѣль опправился Вал-
ленрошъ съ Конрадомъ въ Альшекъ; ввелъ
его по всей формѣ въ управленіе, но не про-
былъ тамъ болѣе одного дня и оставилъ его
съ г-жею Вальшеръ.

О б щ е с т в о .

Мѣстоположеніе дакъ называемой усадь-
бы было весьма пріятно. Господскій домъ,
окруженный садами, стоялъ на возвышеніи,
особо отъ лежащей ниже деревни. При домъ
находился четырёхугольный дворъ, обшроен-
ный службами. Во всемъ большой порядокъ;
въ комнашахъ опличная чистота и опрян-
ность; прекраснѣйшія изъ нихъ, просто, но
со вкусомъ убранныя, были назначены для
господина Повѣреннаго. Тутъ ни въ чемъ
не было недоспашка: даже маленькая библіо-
тека, даже форшопьяно, стояли къ услугамъ
Конрада. Нигдѣ ни пылинки; полъ, какъ но-
вый. Г-жа Вальшеръ умѣла всему дать ша-
кой видъ.

Въ г-жѣ Вальперъ, живой, однако не веселой женщины, лѣтъ сорока, замѣтно было много образованности и умѣнья. Блѣдность лица ея, важность во взорѣ, смѣняемая только во время разговора привѣтливою веселостью, обнаруживали въ ней много житейской образованности. Передъ нею никто не былъ чужимъ. Въ самый первый день Конрадъ ознакомился съ нею, какъ бы жилъ вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ. Она водила его по горницамъ, по двору, по саду; рассказывала о служителяхъ — короче, вводила его во все, что принадлежало къ кругу ея дѣйствій.

Спустя нѣсколько дней, Конрадъ, который все еще не могъ быть покоенъ, помня, съ какимъ важнымъ видомъ Валленротъ говорилъ ему о вдовѣ пастора, думалъ уже однако: „Съ этой женщиной шаки жить можно!“

Спустя нѣсколько недѣль, когда хорошенько пообжился въ Альшекъ, невольно говорилъ уже онъ про себя: „Да, съ этой женщиной въ самомъ дѣлѣ жить можно!“ потому что почувствовалъ къ ней истинное уваженіе; она сдѣлалась ему почти необходима. Очень радовался онъ, когда, послѣ занятій своихъ, въ полдень или вечеромъ, приходилъ къ столу; — въ другое время видались они рѣдко. Въ бесѣдѣ съ нею и Управителемъ,

человѣкомъ добрымъ и славнымъ хозяиномъ, но нѣсколько церемоннымъ въ обращеніи, время проходило непримѣтно. Каждый разсказывалъ свое: Управитель о хозяйствѣ, Конрадъ иногда о своихъ путешествіяхъ, а г-жа Вальшеръ умѣла придавать всему какую-то живость и занимательность.

Конрадъ былъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ, такъ что написалъ къ банкиру Шмишу письмо, исполненное искренней благодарности. „Не желаю“ — писалъ онъ — „лучшей себѣ участи. Я счастливъ, потому что въ состояніи дѣлать много добра, и буду его дѣлать, когда здѣсь осмотрюсь и ознакомлюсь болѣе. Жители Альпека дики, подобно ихъ необдѣланнымъ полямъ. Много придется мнѣ обрабатывать, но я надѣюсь, что г. Валленропъ будетъ мною доволенъ.“

Однако вскорѣ все приняло другой видъ и ненадолго оставалась радость въ груди Конрада. Хотя онъ и зналъ, что г-жа Вальшеръ ежедневно ожидаетъ къ себѣ дочь, которая гостила въ близлежащемъ городѣ, у родственниковъ; хотя онъ и думалъ про себя: если дочь не далеко отспала отъ матери, то она не помѣшаетъ моему счастью; однако, какъ сказано, все приняло другой видъ.

Однажды, вечеромъ, Конрадъ, послѣ утомительнаго измѣренія полей, возвращался домой; ему встрѣшилась коляска съ двумя женщинами, ѣхавшими изъ Альпека, по видимому въ городъ. Войдя въ споловую, нашель онъ вмѣстѣ съ г-жею Вальшеръ и Управителемъ дѣвушку лѣтъ семнадцати, прекрасную лицомъ, прекрасную станомъ; ея темные волосы, ея нѣжныя черты, ея взоръ — Конрадъ, какъ очарованный, поклонился съ полнымъ благоговѣнїемъ. Прелестная незнакомка, нѣсколько покраснѣвши, отвѣчала ему также поклономъ. Г-жа Вальшеръ сказала: „Эта дочь моя, Юзефина.“

Конрадъ забылъ аспролябію, забылъ измѣреніе, хотя намѣревался многое поговорить о томъ съ Управителемъ; забылъ даже сдѣлать какое-нибудь привѣтствіе прїѣзжей, хотя она пролепетала передъ нимъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ со всею женскою ловкостію и любезностію. — Бывъ прежде всегда охотникъ говорить и слушать за сподомъ, шумъ сдѣлался онъ односложень, задумчивъ и сухъ. Точно будио какой-нибудь злой духъ сидѣлъ въ дѣвушкѣ, будио онъ его испугался и обомлѣлъ.

Удивляясь въ самомъ себѣ такой застѣнчивости передъ прїѣзжею, Конрадъ хотѣлъ преодолѣть себя, собравъ съ духомъ

и вслушившись съ нею въ непринужденный разговоръ, какъ и съ другими. Но при самомъ началѣ, какъ только Юзефина обращала на него свои бурные, прелестные глаза или ошвѣчала своимъ нѣжнымъ, сладкимъ голосомъ — онъ сгаралъ на своемъ стулѣ, перялъ языкъ и память.

Въ эту ночь вечеръ просидѣли всѣ необыкновенно долго, хотя бесѣда была совсѣмъ не веселая. Когда Конрадъ возвратился въ свою комнату, ему на всѣхъ спѣнкахъ чудился образъ прелестной Юзефины. Онъ качалъ головою и думалъ: „Съ этой дѣвушкой жить нельзя! Зачѣмъ Валленрошъ не предупредилъ меня?“ — И когда онъ бросился въ постель и закрылъ глаза — пѣвнишельный призракъ еще яснѣе мелькалъ передъ нимъ повсюду.

На другой день все прошедшее счелъ онъ за сонъ; однако все-таки прежде вспомнилъ объ Юзефинѣ, чѣмъ объ оставленной въ полѣ астролябѣи. Да и нельзя было иначе, потому что онъ услышалъ звуки арфы, сопровождаемые Юзефининымъ голосомъ. У него начало биться сердце. Онъ покачалъ головой и думалъ: „Съ этой дѣвушкой въ самомъ дѣлѣ жить нельзя!“ Поэтому пошелъ въ поле, не завтракавши.

Пасторъ и прихожане.

Вѣдь и къ дурному привыкають, почему жъ не привыкнушь къ прекрасному? — Конрадъ не могъ однако привыкнутьъ къ Юзефинѣ, потому что она — хоть это и довольно странно — каждый день была не то, что наканунѣ; каждый день казалась прелестнѣе. Со всѣми въ домъ обращался онъ дружески, какъ и всѣ съ нимъ; но съ Юзефиной не могъ. Не смотря на ея живость, на ея почти непрерывную веселость, она всегда была для него какъ бы чужая, какъ бы въ первый вечеръ свиданія. Онъ охотно съ нею разговаривалъ, любя въ ней умъ, остроуму и простодушіе безъ всякаго жеманства. Однако въ разговорахъ съ нею все казалось ему, что между ними лежитъ большое непроходимое пространство. Со всякимъ находила она занятіе; со всякимъ обращалась одинаковымъ, дружескимъ образомъ, и всѣми была любима эта свѣжая роза — но Конрадъ былъ для нее исключеніемъ изъ правила: она не убѣждала его, но и не показывала охоты съ нимъ сблизиться.

„Такая жизнь наскучить хоть кому“ — думалъ Конрадъ: „Я желалъ бы лучше никогда не прѣзжать сюда!“ Но того, чтобы Юзефина не прѣзжала въ Альшекъ, онъ не

желалъ, и не взялъ бы милліона за то, чтобы она оная уѣхала.

Хотя онъ и боялся скуки, но не имѣлъ ее никогда. Онъ перемѣрилъ всѣ поля, узналъ хорошко все веденное дополь хозяйство со всѣми его недоспапками; учредилъ новое училище и выписалъ чедовѣкъ двухъ учителией. Въ улучшеніи нравственности крестьянъ сначала много надѣялся онъ на пастора, но увидѣлъ, что прежде надлежало бы его самого преобразовать, если бы это было возможно. Сей служитель церкви занимался своею должностію, какъ ремесломъ. Крестьяне были довольны, когда онъ по воскреснымъ днямъ гремѣлъ и кричалъ на кафедрѣ, пока потъ не покапшился съ него градомъ. И это онъ дѣйствительно исполнялъ очень усердно. Впрочемъ о душахъ прихожанъ своихъ заботился онъ гораздо менѣе, нежели объ ихъ мукахъ, крупѣ, яцахъ, малой и большой, десятины *). Когда господинъ Повѣренный говорилъ съ нимъ объ улучшеніи школьнаго ученія дѣшей, о грубости и невѣжествѣ крестьянъ, то онъ съ улыбкою одобрялъ его мысли, подкрѣплялъ ихъ примѣрами, узанными изъ опыта, и даже самъ изъявлялъ желаніе перемѣнить это къ лучшему. Но въ слѣдующее

*) Подать, получаемая въ нѣкоторыхъ Католическихъ земляхъ пасторами отъ прихожанъ. Пр. Пер.

же воскресенъе, взоидя на кафедру, гремѣль съ нее именно прошивъ людей, копорые хотящъ вводилъ новизны — говоря, что они стараются только низпровергнушь религію своими вздорными улучшениями. Такую участь имѣла всякая новизна, вводимая Конрадомъ.

Крестіане въ Альпекѣ ненавидѣли просвѣщеніе, ечмшая себя безъ исключенія людьми разумными, а всѣхъ другихъ, кто думалъ иначе, вздорными вольнодумцами, глупцами. Ихъ религія, къ сожалѣнію, состояла болѣе въ страхѣ передъ дьяволомъ, нежели въ любви къ Богу; они уже искони привыкли къ господамъ спрोगимъ, и кто обращался съ ними поласковѣе, надъ шѣмъ смѣялись, а уваженія къ нему не имѣли. Въ сельскомъ и домашнемъ хозяйствѣ поступали они по старинѣ, говоря, что ихъ старики-опцы не на головѣ же ходили. Во всѣхъ домахъ была совершенная нищеня; только тѣ набогачались, копорые содержали дома призравнія особаго рода, то есть, гдѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ проповѣди, можно было угостить себя пивомъ и виномъ. Въ черныхъ, закопшѣлыхъ избахъ своихъ жили они вмѣстѣ съ щочими коровами и оборванными дѣшми; питались каршофедемъ и ключевымъ надипкомъ. Грубосшь и

коварство передъ чужими, униженность передъ Паспоромъ, раболовство передъ всѣми, кто жилъ въ господскомъ домѣ; между собою непрерывныя распри по зависти, ненависти и ябедамъ — вотъ въ чемъ состояла ихъ житейская философія!

Прорѣха на рукавъ.

Конрадъ вскорѣ понялъ, какъ ладилъ съ вѣшимъ народомъ. Послѣ того, какъ цѣлая дюжина, одинъ за другимъ, посадила въ заперши, а другая была проучена башожемъ, они спали его считаясь человекомъ самымъ разумнымъ. И когда онъ увидѣлъ, что заслужилъ такимъ образомъ ихъ довѣренность, то ему не трудно уже было дѣлать изъ нихъ, что угодно, разумѣется въ ихъ же пользу. Гнушаясь рубищемъ, которое носили они, какъ нищіе, единственно ошъ неопрятности, вздумалъ онъ пріучить ихъ къ чистотѣ и невольно вспомнилъ при томъ о воспитаніи, какое самъ получилъ ошъ благошворителя своего, Марбея; при чемъ возобновился въ его памяти и шарикъ въ напудренномъ парикѣ, и на рукавѣ прорѣха.

Во всей деревнѣ была только одна швея: изъ крещьянокъ ни одна не умѣла шить порядочно; а чего не разумѣли машери, дочери не смыслили и подавно. Первая маленькая прорѣха на новомъ плащѣ спановилась скоро большою; потому что ославлялась безъ починки. И новый кафтанъ прежде времени старѣлся, потому что былъ изорванъ; начинали шаскать его ежедневно, марать и пачкать безъ бережи, единственно за тѣмъ, что онъ старый; а къ воскресенью нуженъ уже былъ другой кафтанъ: шакъ, при всей бѣдности, рождались излишнія издержки — роскошь. Что могло бы прослужить нѣсколько лѣтъ, едва переживало годъ. — Привыши къ разорванному плащю и не щадя его, никто не заботился и о томъ, что живешь въ грязи. Незачиненная прорѣха на рукавѣ была причиною нечистоты въ домашней жизни; нечистота имѣла обыкновенныя слѣдствія — всякаго рода болѣзни. — Кто всегда ходитъ запачканный и оборванный, тотъ менѣе уважаетъ собою, нежели опрятный. Это равнодушіе къ самому себѣ есть первое основаніе нравственной порчи. Въдохнуть легко прощающъ себя всякаго рода неприличіе, безпутное поведеніе, грубый порокъ. Прорѣха на рукавѣ ведетъ за собою тысячу слабостей, тысячу грубыхъ, возму-

жишельныхъ рѣчей и дѣлъ — порождаетъ пороки, коихъ уже ничѣмъ не выгонишь изъ деревни. Кипо желаетъ видѣшь у себя въ деревнѣ чистоту, здоровье, склонность къ благороднѣйшимъ увеселеніямъ, добрые нравы, однимъ словомъ — благосостояніе, шопъ долженъ прежде всего выучишь жену, мать и дочь хорошо управлять иглою. Какъ въ высшемъ состояніи суровость нрава мужчинъ смягчается нѣжностію женскаго пола, шакъ шочно должно бышь и въ деревняхъ. Къ шому же и собственная выгода деревенскихъ жишельницъ шого ипребуешь: чѣмъ болѣе крошости въ нравѣ мужика, шѣмъ менѣе ударовъ ошь руки мужа.

Такъ размышлялъ Конрадъ. Его первая мысль была учредишь для взрослыхъ дѣвокъ швейную школу. Но швеи, боясь потерять хлѣбъ, отказывались сообщать искусство свое другимъ. Паспорская жена жаловалась на совершенный недосугъ, не смотря на то, что Паспоръ разсыпался въ похвалахъ благодѣтельной выдумки Повѣреннаго. Въ слѣдующее воскресенье услышали крестыяне опять превосходную проповѣдь въ осужденіе Апемшовъ, Анабапшисшовъ, Аріанъ, Социанъ и подобныхъ шому людей, которые заводяшь швейныя школы.

Швейная школа.

Когда Конрадъ въ своемъ дружескомъ кругу за споломъ что нибудь говорилъ, никто не слушалъ его внимательнѣе Юзефины. И теперь, когда открылъ онъ заботу свою о распространеніи швейнаго искусства, она первая одобрила мысль его и вызвалась сама бытьъ учительницею крестьянокъ. Г-жа Вальперъ ожидала отъ нея всего.

„Да и шитье выучить недовольно!“ сказала она. — „Наши крестьянки не умѣютъ ни разводить хорошенько огородовъ своихъ, ни стряпать себѣ кушанья. Многія распѣнія имъ совсѣмъ неизвѣстны. Онѣ пекутъ для себя предурной, нездоровый хлѣбъ. Ихъ кушанье не вкусно и не сытно, сколько имъ кладутъ онѣ въ него соли и сала. Мы хорошо сдѣлаемъ, если опспавимъ нашихъ кухарокъ, которыя гонявшъ для дворовыхъ людей, и будемъ приучать къ тому попеременно деревенскихъ дѣвокъ. Я охотно буду учить ихъ и стряпать и садить. Искусство немудреное. Нѣсколько недѣль достаточны для каждой дѣвки. Небольшія награды: ленты, соломенная шляпка, передникъ и прочее будушъ въ нихъ возбуждать соревнованіе, возродяшъ вкусъ къ нарядамъ и немного щеславія. Того намъ и надобно: безъ щеславія

женщины мужчина погрязь бы совершенно въ нечистотѣ. Любовь къ прекрасному естъ первый благородный зародышъ, который раз-вершывается въ дикомъ и вселяешь въ него болѣе челоуѣчества. Бережливость хороша, но еще не все. Надобно, чшобъ пронупо было сердце, а сердце мужчины ничѣмъ такъ не приводится въ движеніе, ни ошъ чего такъ не преобразуется, какъ ошъ женской красоты.“

Г-жа Вальшеръ говорила еще много о помѣ и о другомъ. Конрадъ посмаприваль искоса на Иозефину. Если бѣ она взглянула на него, шо смекнула бы, чшо мать говоришь правду. Однако напрошивъ, милая въ-шреница казалось совсѣмъ не слушала, она щалила поданными раками, дразня Управителя. Съ Конрадомъ никогда она такъ не шушила. Во всемъ, казалось, предпочитала Управителя. На прогулкѣ подавала ему руку, а Конраду всегда доставалось вести г-жу Вальшеръ.

Разныя школы — швейная, садовая, поварская — были успроены. Съ большимъ прилежаніемъ занялись учительницы своимъ дѣломъ, а деревенскія дѣвки, когда услышали чшо будущъ имъ раздавать леншы, шляпки и передники, спарались ошличиться одна передъ другою. — Вскорѣ Конрадъ могъ уже

приказашъ, чѣшобъ никто въ разорванномъ плашѣ не смѣлъ являшся къ нему въ коншору; попомъ, чѣшобъ никто, даже и послѣдній бобыль, не осмѣливался на господскомъ дворѣ работашъ въ изодранномъ кашанѣ; наконецъ, чѣшобъ дѣти, мальчики и дѣвочки, одѣвались чисто, ходя въ школу. Такимъ образомъ дѣвки шили, мальчики учились — и все шло порядкомъ.

Только у Конрада не все было въ порядкѣ. Между шѣмъ, какъ всѣ крестьяне починивали свои на рукавахъ прорѣхи, у него самага была пребольшая, которой не могъ онъ починишъ никакимъ образомъ. Всего бы лучше, кажется, идши ему къ Йозефинѣ въ ея швейную школу и шамъ учиться шому, чего онъ не понималъ.

Конрадъ чувствовалъ всю тягость своего положенія и зналъ, что присутствіе Йозефины шому причиною. Часто разсуждалъ онъ, какъ пособишъ бѣдѣ. Слабость его предъ швердосшію эшой дѣвушки казалась ему непростышительною. Его ужасно огорчало, что она со всякимъ была весела и рѣзва, но не хотѣла быть такою съ нимъ. Когда онъ былъ расположенъ шушмшъ, она принимала на себя угрюмый видъ, становилась шиха и смошрѣла на него съ нѣкопорымъ удивленіемъ. Если же онъ не выходилъ изъ обыкно-

венной своей важности, она рѣзвилась и прыгала, часто до истощенія силъ. Иногда удавалось ему въ прогулкахъ быть ея проводникомъ, но и тогда она была съ нимъ весьма односложна въ разговорѣ; а со всеми другими болтлива. Часто прѣзжали въ деревню сосѣди, часто ѣзжали и къ нимъ. Время проводили не скучно, зашѣвали разные игры, и очень не рѣдко фаншъ. Разумѣется, что по старому обычаю шупъ не обходилось безъ поцѣлуевъ. Конрадъ во всемъ окошкѣ слылъ прекраснымъ молодымъ человекомъ и когда надобно было выкупить фаншъ поцѣлуемъ, то его охотно къ шому избирали. Но Юзефина никогда. И если онъ вызывалъ ее, чего конечно не упустилъ случая дѣлать, то дрожащія уста его едва касались только ея щеки. На поцѣлуй же она и въ шупкахъ не соглашалась. Даже неповоротливый Управитель былъ счастливейше. — „Для чего же всякому другому, а не мнѣ?“ спросилъ однажды Конрадъ. — Она смѣючись опровернулась и сказала: „Вамъ я не могу и не хочу дать поцѣлуй.“

Н е с о г л а с і я .

Такъ и въ мѣлочахъ и въ важныхъ вещахъ видна была холодность Юзефины, или

отвращеніе. Любовь Конрада все усиливалась; а съ любовью вмѣстѣ и борьба противъ безнадежной спрасши. Онъ тѣмъ болѣе спарался казаться хладнокровнымъ, чѣмъ менѣе былъ такимъ въ самомъ дѣлѣ. Наконецъ вѣдь и сдѣлаешься шѣмъ, чѣмъ кажешься — думалъ онъ. Удаляясь отъ Іозефины, сколько позволяло приличіе, онъ рѣже посѣщалъ и общества; спалъ болѣе занимаешься книгами; усугубилъ свои спаранія объ улучшеніи господскаго помѣстья; завелъ нѣсколько птяжебъ въ пользу Валленропа, что часто заставляло его оплучаться изъ Альшека — короче, дѣлалъ все, чтобъ поставилъ себя въ прежнее равновѣсіе; но ему шолько въ половину удавалось это.

Іозефина, казалось, едва замѣчала его оплучки. Она всегда держала себя передъ нимъ, такъ сказать, въ дружескомъ опдаленіи. Весною, которая уже наступала, собиралась и она съ машерью вѣхать въ одинъ опдаленный городъ. Іозефина говорила съ восхищеніемъ объ этой повздкѣ; Конрадъ не прошиворѣчилъ. Пришло къ Г-жѣ Вальшеръ письмо; съ вечера были уложены чемоданы; на другой же день надобно было вывѣхать.

„Неужли вамъ такъ легко, милая Іозефина, опсавить нашъ мирный Альшекъ?“ спросилъ Конрадъ.

— Для меня—опшвчала она, смбючись—
вездь Альшекъ.

„Вбрю. Вы, думаю, счишаете насъ едва
достойными воспоминаня.“

— Не извольте шушить. Моихъ цвѣ-
шовъ, моей школы мнѣ конечно жаль; но
что жь значить какой-нибудь мѣсяць вре-
мени? Я общала шбвиъ изъ учениць своихъ,
кошорыя будушь безъ меня прилежнѣ дру-
тихъ, привезтъ разныхъ прекрасныхъ вещей.

„А мнѣ что привезете?“ спросилъ онъ
— грусть снвдала его — онъ взялъ ее за
руку и смопрѣлъ ей пристально въ глаза.

Она улыбнулась: „Вамъ? ну, хорошо!
если вы будете смопрѣшь за моиши цвѣша-
ми, шакъ я привезу вамъ новую лейку!“
Сказавъ это, она прыгнула прочь. — Кон-
радъ стоялъ, какъ оглушенный. Все равно,
если бь услышалъ онъ прямо, что его не
любятъ. Съ г-жею Ваальшеръ онъ простился,
а съ Иозефиною нѣтъ; ушелъ въ поле и не
видалъ, какъ онъ уѣхали.

И скрылась ошъ него пѣвнишельная пре-
дестъ природы въ ея весеннемъ облачени;
все предшавлялось ему безжизненнымъ, не-
значительнымъ, грубымъ. Деревья казались
мшистыми пнями; соловей свиспящю пши-
цей; унизанное шѣвнистыми ивами озеро у
подошвы горы—большю аужю. Ему горько

было смотрѣть на свѣтъ, который поперялъ для него всю свѣжесць свою, всю привлекашельность. И стихотворцы не были въ соснопяніи воспламенишь его воображеніе, хотя онъ часно желалъ того: въ пѣвцахъ природы находилъ онъ много мечпашельнаго, въ пѣвцахъ любви много нелѣпаго.

„Ахъ, не самъ ли ты всему виновашъ?“ говорилъ онъ иногда со вздохомъ въ самомъ себѣ. „Конрадъ! Конрадъ! у тебя завелась величайшая въ свѣтъ на рукавъ прорѣха!“ Онъ понималъ себя.

Четыре недѣли прошли какъ четыре года. Иозефина съ матерью возвратилась. Его намѣреніе было приняшь ее съ большимъ равнодушіемъ, и въ самомъ дѣлѣ нѣкотораго рода спокойствіе возвратилось въ его сердце. Но — спранныя дѣвушка! — она была прекраснѣе, пѣнишельнѣе, нежели когда-либо. Возвращеніе въ Альсекъ возбуждало въ ней неприпворную радоснь. Она бросила на Конрада взоръ, въ которомъ изображалось все восхищеніе души ея; подала ему бѣгло руку; попомъ — въ эту самую минушу вышелъ на вспрѣчу къ прівзжимъ Управитель — бросилась къ этому спарику съ распроспершыми объашіями на шею и заплакала.

Конрадъ боялся взглянуть. Въ-сердцѣ его закипѣлъ ядъ ревности. „Такъ его лю-

бишь она!" думалъ онъ и, какъ скоро дозволило приличіе, пошелъ въ поле, насвистывая пѣсню.

Тутъ рухнулъ домашній миръ примѣпнымъ образомъ. Форшепьяно и арфа умолкли. Съ Іозефиной говорилъ онъ рѣдко; въ опивѣхъ своихъ сдѣлался еще односложнѣе, нежели какъ она была прежде. Когда онъ приходилъ, веселость ея исчезала; уходилъ—она грустно и робко смотрѣла ему въ слѣдъ.

Извѣстіе о Марбель.

Однажды поушру, когда всѣ сидѣли за завтракомъ, вошелъ пріѣхавшій изъ резиденціи нарочный, присланный отъ банкира Шмиша. Онъ привезъ письма. Конрадъ спалъ чиншась ихъ и измѣнился въ лицѣ. Всѣ прочіе молчали изъ скромности, но отъ нихъ не скрылась его блѣдность. Онъ опустилъ нарочнаго, пошелъ въ свою комнату и заперся. Къ обѣду не выходилъ. Г-жа Вальперъ сама носила къ нему кушанье, потому что онъ не хотѣлъ прервать ни на минушу своихъ занятій. Она вошла къ нему молча, не позволивъ себѣ ни одного нескромнаго вопроса; но на лицѣ ея замѣтно было невольное состраданіе.

*

Онъ понялъ эшошь нѣмой языкъ. Схвативъ руку почтенной женщины, сказалъ онъ ей торопливо: „Завтра на разсвѣтъ я ѣду. Вы получите другаго Повѣреннаго. Благодарю васъ за дружбу вашу. Сегодня вечеромъ услышите, можете быть, отъ меня болѣе.“

— Какъ? — вскричала г-жа Вальтеръ въ ужасъ: — вы насъ оставалете? неужели навсегда? —

„Очень вѣроятно!“

— Боже мой! — для чего же? — Развѣ г. Валленрошъ. . . .

„Сегодня вечеромъ узнаете все.“

Безмолвно, и въ слезахъ оставила его г-жа Вальтеръ. Конрадъ продолжалъ работать. — Онъ твердо уже рѣшился. Одного хорошо учившагося молодого человека, котораго зналъ въ городѣ, назначалъ онъ себѣ въ преемники — на время, если бѣ Валленрошъ не захотѣлъ его утвердить. Для него и для Управителя изготавилъ подробную инструкцію, какъ для двѣхъ спекулировщиковъ, такъ и предполагававшихся. Пошомъ началъ укладывать вещи, только самыя необходимѣйшия, потому что предпринималъ ни больше, ни меньше, какъ прокататься въ Остъ-Индію.

Причиною тому было присланное отъ Шмита письмо благотворителя его Марбеля изъ Калькушны. Въ немъ Марбель уведо-

лялъ, что его обманомъ лишили всего приобретеннаго имъ имѣнія; что онъ въ большой крайности и не имѣеть даже и столько, чтобъ нанять для своей защиты адвоката. Далѣе писалъ онъ, что на возвращенный путь въ Европу нѣтъ у него денегъ и подавно; работать же тамъ на мѣспѣ не можешь, потому что старъ, слабъ и не силенъ въ знаніи Англійскаго языка. Для этого просилъ онъ Шмита осведомиться объ его воспитанникѣ, объявить ему постигшее его несчастіе и то, что на него одного полагаютъ всю надежду въ горестной своей участи. Старикъ желалъ, чтобы Конрадъ пріѣхалъ къ нему, взялся вести процессъ его, и трудами рукъ и головы своей доставить ему немного, что нужно для небольшого остатка дней его. Въ случаѣ рѣшимости на то Конрада, просилъ онъ Шмита, пособить ему деньгами, если онъ истратилъ уже все, данное ему на обзаведеніе, двѣсти луидоровъ. Письмо заключалось такъ :

„Если Конрадъ не можешь ко мнѣ пріѣхать для моего прокормленія, или если вы не узнаете о его мѣстопробываніи, или наконецъ, если уже нѣтъ его въ живыхъ, то прошу васъ, скажитесь надо мною и пришлите, по старой дружбѣ, нѣсколько денегъ.

Мнѣ остается жить не долго, слѣдовательно не много и надобно.“

При этомъ письмѣ Щмитъ прислалъ другое опъ себя, слѣдующаго содержания :

„Не крушипесь, мой любезнѣйшій, объ участи нашего добраго Марбеля : я дѣйствительно по старой дружбѣ чпо-нибудь для него сдѣлаю. Само собою разумвешся , что вамъ невозможно бросить Альшекъ и лешъ въ Оспъ-Индію, чшобъ для этого спарика — Богъ знаетъ еще, нашелся ли бы онъ въ живыхъ — запутать себя въ какую-нибудь безконечную плябу, или прокармливать его вашимъ сполярнымъ ремесломъ. Не знаю право, какъ пришла такая мысль въ голову этому доброму чловѣку? Ему, правда, слишкомъ за шестидесятъ; не мудроно, что неудачи лишили его разсудка прежде времени. Къ тому же неловко вамъ нарушить и контрактъ съ г-мъ Валленрошомъ. Безъ его вѣдома вамъ вхаться нельзя, а онъ изъ Регенсбурга, гдѣ теперь находишься, въ концѣ этого же мѣсяца, и именно 29 числа, отпраляется въ Парижъ. — Если жъ вамъ угодно послашь вашему воспитателю денегъ, шо я готовъ перевести ихъ въ Калькушшу вѣрными векселями. Въ этомъ случаѣ прошу васъ скорѣе увѣдомить меня : сколько, пошому что времени терять нельзя. Я на-

лишу при томъ къ Марбелю, что объ вашемъ жительствѣ развѣдать никакъ не могъ, и тогда вы останетесь въ споронѣ, какъ будшо и не знали объ его горѣ.“

„Господинъ Шмишь!“ вскричалъ Конрадъ, когда прочиталъ письмо съ дрожащими ушами, съ крупными слезами на глазахъ. — „Вижу, господинъ Шмишь, что вы порядочный подлець нынѣшняго тона; такой же скаредъ, какъ и многіе другіе въ нынѣшнемъ свѣтѣ, по приличію добродѣтельные люди. — Я сынъ Марбеля, его первый должникъ, потому что онъ сдѣлалъ изъ меня челоуѣка. Въ Оспъ-Индію, Конрадъ! Спупай въ Оспъ-Индію! твоя помощь нужна твоему опцу!“

Онъ успѣлъ все пригошовить къ опъѣзду.

Б о р ь б ы.

Чтобы внезапнымъ опъѣздомъ своимъ не причинить разстройства въ хозяйствѣ, Конрадъ разсказалъ Управителю все, что намѣренъ былъ дѣлать; сказалъ ему и то, что самъ поѣдетъ чрезъ Регенсбургъ, взявъ тамъ оппускъ опъ Валленроша и проситъ его объ утверженіи новаго, опъ него предлагаемаго Повѣреннаго.

При входѣ его въ залу собранія, г-жа Вальшеръ проливала горькія слезы; Іозефина сидѣла въ углу, мрачная и безмолвная, и вязала чулокъ.

— „Такъ это правда?“ спросила г-жа Вальшеръ.

— Совершенная правда. Я ѣду и можете быть навсегда. Осправляюсь въ Остѣ - Индію.

„Въ Остѣ-Индію!“ вскричала г-жа Вальшеръ. И въ то же мгновеніе Іозефина поблѣднѣла, какъ смерть. Руки ея опустились, работа упала на полъ.

Конрадъ, слишкомъ озабоченный несчастьемъ благошворителя своего Марбеля, думалъ только о немъ, не сморгнулъ въ это время на дѣвушку, не видалъ, какъ она, подобно поблекшей лиліи, лежала въ креслахъ безъ силъ, безъ языка, безъ слезъ — только устрема на него смущенные полуотверстыя глаза свои. Онъ разсказалъ объ отношеніяхъ своихъ къ Марбелю, потомъ объ его несчастьяхъ, потомъ о письмѣ Шмиша, потомъ — какъ намѣренъ онъ поступить, сообразно своему долгу.

„Мнѣ бы должно быть злодѣемъ“ — продолжалъ онъ — „если бы я захотѣлъ осна-
вашься въ Альпекъ, даже и тогда, когда бы

здѣсь была для меня обишель счастья, а тамъ грозила неизбѣжная смерть. Не такъ ли? —

— Однако — замѣшля Управитель — такъ вдругъ рѣшишься на такое важное дѣло...

„Рѣшимость благородная,“ — воскликнула г-жа Вальшеръ — „но можете быть слишкомъ поспѣшная. Если бѣ вы хотя на нѣсколько дней опсрочили свой отвѣздъ; — и черезъ ночь многое къ лучшему передумать можно. Ахъ это ужасно!“ Она взглянула на свою поблѣднѣвшую дочь.

Иозефина принудила себя подняться, обратила прекрасное, полумертвое лице свое къ машери и сказала громко, съ напряженіемъ, какъ видно было, послѣднихъ своихъ силъ: „Не умножай шоски его, машушка. Онъ долженъ, долженъ вѣхашъ! Ему нельзя осшаваться.“ — Тушь упала она безъ чувствъ и дыханія.

Г-жа Вальшеръ громко вскрикнула; Конрадъ, не помня самъ себя, бросился къ бездыханной; Управитель побѣжалъ за людьми, чшобы подать помощь. Иозефину ошнесли въ ея комнату, опрыскивали ключевою водою, ошширали спиршами — не прежде, какъ черезъ чешверть часа, стала она приходиться въ чувство. Но когда глаза ея открылись, сказала она тихо: „Чшо вы сдѣлали? Нанра-

сно! мнѣ было шакъ хорошо. Я знаю шеперь какъ сладко умираю.“

Когда Іозефинѣ сдѣлалось дурно, г-жа Вальшеръ просила Конрада выдти. Теперь съ радости, что дочь ея ожива, она побѣжала искашь его. Онъ споялъ въ саду, блѣденъ, испомаленъ, одною рукою опершись на дерево, пошому что дрожащія ноги отказывались держашъ его. „Пойдемъ-ше!“ закричала ему г-жа Вальшеръ — „она опомнилась. Она зовешъ васъ.“

Конрадъ вошелъ къ Іозефинѣ. Она сидѣла въ креслахъ, подлѣ кошорыхъ сѣлъ и онъ, не сказавъ ни слова, шолько наблюдая и малѣйшія движенія шомного лица ея, кошорое, при входѣ, ошшѣмлось вновь легкимъ румянцемъ.

„Мнѣ жаль, я испугала васъ“ — сказала она, улыбаясь. „Что жъ дѣлать? Я не могла превозмочь себя. Однако мнѣ было хорошо.“

— А шеперь? — спросилъ Конрадъ съ шрепешомъ.

„Очень хорошо. Мнѣ хочешся видѣшь васъ, пока еще можно. Въдь вы позволише — не шакъ ли? — Машушка! дай мнѣ рюмку спараго вина, и г-ну Эку шоже. Онъ кажешся, несовсѣмъ здоровъ; много спрадалъ сегодня; ему надобно подкрѣпиться. Духъ его сильнѣе, нежели шѣло.“

Мать ушла.

Конрадъ сидѣлъ, неподвижно смотря на Иозефину. Ему все это казалось сномъ. Такого нѣжнаго участія никогда не ожидалъ онъ отъ этой дѣвушки; никогда не полагалъ въ ней столько глубокихъ чувствъ. Онъ былъ готовъ броситься къ ногамъ ея, но какое-то благоговѣнне его удерживало: онъ не смѣлъ коснуться и руки ея.

„Неужели вы жалѣете, любезная Иозефина, что я оставляю Альшекъ?“ спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ! — отвѣчала она. Хорошо, что вы уѣзжаете. Иначе вамъ нельзя, иначе не должно быть. Богъ не оставитъ васъ; вы будете счастливы, потому что исполняете священную обязанность. —

„Но признаюсь вамъ, Иозефина, я не охотно оставляю это прекрасное мѣсто.“

— Вы отъ него отвыкнете также, какъ и привыкли къ нему. Не печальтесь о томъ. Теперь мысль о вашемъ отцѣ должна быть для васъ все, она и есть все для васъ.

„Будете ли вы вспоминать обо мнѣ въ моемъ отсутствіи?“

— Конечно, и всегда съ душевною благодарностію!

„Съ благодарностію, Иозефина?“

— Я знаю, за что вамъ ею обязана, но увольте меня отъ признанія. . . . Или ишь, я скажу вамъ. Вы своимъ примѣромъ сдѣлали меня лучше, благороднѣе, нежели какова я была. Теперь должно, чтобы вы это знали. Я счишаю васъ и себя умирающими. На землѣ врядъ ли уже мы увидимся. Такъ зачѣмъ же при послѣднемъ свиданіи не быть искренной? —

„Вы приводите меня въ смущеніе, Іозефина. Такъ благосклонно вы никогда не говорили прежде. Если бъ вы знали, какъ я васъ любилъ! Если бъ вы знали, чего лишюсь я, слѣдуя шеперь своему жребію!“

Пока Конрадъ говорилъ, она не поднимала глазъ своихъ. Въ это мгновеніе вошла г-жа Вальшеръ съ виномъ и рюмками. Іозефина сдѣлалась опять веселѣе; она выпила рюмку, Конрада заспавила выпить двѣ. Потомъ сказала: „Машушка! Я знаю — ны на меня не разсердишься, когда я попрошу тебя. Дай г-ну Эку за меня поцѣлуй, чтобы я это видѣла.“

Г-жа Вальшеръ покраснѣла: „Вотъ странное порученіе!“ сказала она.

Конрадъ обнялъ и поцѣдовалъ ее. „Вы сами по себѣ довольно мнѣ дороги!“ говорилъ онъ; потомъ, обращаясь къ Іозефинѣ, сказалъ: „Неужели Іозефина не будетъ ко мнѣ

шеперь въ послѣднюю минуту такъ спешко-
дительно, какъ была къ другимъ часамъ въ
шуткахъ?'

Онъ подошелъ къ ней. Пламенный румя-
нецъ покрылъ ея щеки. Она закрыла лице
руками и вскричала: „Нѣтъ, никогда!“ По-
томъ сказала махерн: „Мнѣ дурно! мнѣ
нуженъ покой. Ахъ, если бь я могла спать,
цѣлые годы спать. Мнѣ очень дурно, ма-
пушка!“ — Потомъ обратилась она къ
Конраду: „Дай Богъ вамъ счастья, любез-
ный, благородный г. Экъ. Прощайте! Пиши-
те къ мапушкѣ изъ дальнихъ странъ —
хоть одно письмо прежде, чѣмъ оставите
Европу. Завтра когда вы увидите, мнѣ бу-
детъ хорошо. Положитесь на мои слова.
Мнѣ недостаетъ только покоя. Мнѣ будетъ
очень хорошо. Прощайте!“

Она подала ему руку. Конрадъ схватилъ
ее, осыпалъ пламенными поцѣлуями; сердце
его было расперзано. Г-жа Вальперъ громко
рыдала. Иозефина легонько вырвала свою ру-
ку, закрыла лице и вскричала: „Оставьте
меня; заклинаю васъ!“

Онъ ушелъ.

О т ъ в ѣ з д ѣ .

Пришедши въ свою комнату, Конрадъ
заперся и бросился на постель. Цѣлую ночь

мешался онъ, какъ въ горячкѣ. Съ разсвѣтомъ дня подѣхала къ крыльцу коляска, и всѣ жители деревни сбѣжались и обступили крыльцо, чтобъ еще разъ видѣть своего благодѣтеля, проститься съ нимъ и благословишь его на дальній путь. Въ теченіи года, проживаго въ Альпекѣ, Конрадъ умѣлъ пріобрѣсти всеобщую любовь; каждый изъ крестьянъ считалъ его своимъ другомъ, своимъ благошворителемъ; для каждаго сдѣлалъ онъ что-нибудь — большею частію въ шайнѣ; но теперь все открылось. Со слезами рассказывали, какъ здѣсь пособилъ онъ больному врачеваніемъ, шамъ нагому одеждою, или голодному пищую; гдѣ снялъ на себя долги, гдѣ далъ въ нихъ свое поручишельство. Всякой отецъ семейства думалъ, что для него Конрадъ сдѣлалъ всего болѣе, что его и его домашнихъ любилъ онъ всѣхъ болѣе въ цѣлой деревнѣ. Ошъ каждаго пребывалъ онъ шайны; однако теперь, при его отъѣздѣ, общее сокрушеніе нарушило данное слово.

Въ залѣ собранія, куда пришелъ Конрадъ къ послѣдному завтраку, нашель онъ г-жу Вальшеръ и Управителя въ слезахъ; онъ старался ихъ развеселишь, но тщетно. Когда кончился завтракъ и все было готово къ отъѣзду, онъ первый всмалъ, прижалъ

безмолвно обонхъ къ груди своей и пошелъ. Во все время не доспавало у него духу спросить объ Иозефинѣ, но шупъ остановилса онъ, взявъ руку г-жи Вальшеръ и сказалъ прерывающимся опъ горести голосомъ: „Поклонитесь опъ меня вашей дочери; скажите ей, что я любилъ ее неизъяснимо, — буду любить ее и за морями!“

Когда онъ вышелъ на крыльцо, весь народъ, какъ будто однимъ чувствомъ величайшей горести пораженный, взрыдалъ громко; всѣ бросились къ нему, цѣловали его руки, полы его плащя. Конрадъ, и безъ того слишкомъ распроганный, хотѣлъ вспрыгнуть скорѣе въ коляску и уѣхать; но вдругъ услышалъ сзади себя голосъ, кошорый приковалъ его къ мѣсту. Онъ обернулся и увидѣлъ Иозефину, въ легкомъ ушреннемъ плащѣ, блѣдную, съ красными, заплаканными глазами и спраждающимъ опъ горести лицомъ. Сначала испугалась она, увидя вокругъ коляски сборище народа — плачущаго, преклоняющаго колѣна; но еще мгновение — и она видѣла одного Конрада, ничто другое не существовало для нее въ мѣрѣ. Она подошла къ нему, съ шрепешомъ и умилениемъ взглянула на него и взяла его за руку. „Прощайте!“ — сказала она томнымъ голосомъ: „Прощайте навсегда! Ахъ, я уже довольно

жила на свѣтѣ!“ Туть оставила она Конрада и поспѣшно удалилась.

Конрадъ, едва помня себя, сѣлъ въ коляску; кучерь повѣхалъ пихо между толпою сокрушающихся. Еще Конрадъ простиралъ къ нимъ съ поскою и любовію свои руки какъ будто всѣхъ хотѣлъ прижать къ груди своей, — но вдругъ коляска быстро покачалась и оставила деревню за собою.

Свиданіе съ банкиромъ.

„Что все это?“ разсуждалъ добрый Конрадъ; однако не прежде какъ черезъ часъ получилъ онъ вновь способность разсуждать. „Что все это? Призраки! — Цѣлая жизнь состоитъ изъ нихъ. Мои нѣжнѣйшія и сокровеннѣйшія чувства взволновались — это можешь спойти мнѣ жизни. Много ли это значить? Все приракъ. Иозефина меня любишь. *Она любитъ!* Она можешь быть жершвою своей горести; я шоже. Но много ли все это значить? Мы поздно поняли другъ друга; однако ранѣе, было бы слишкомъ рано. Иди же въ свою могилу, моя милая, тамъ будешь тебѣ хорошо. Если бь я не имѣлъ священныхъ обязанностей сына, я лучше бы ждалъ умереть, неделаи бышь лю-

бимымъ. Подъ небомъ нѣтъ покоя, нѣтъ счастья! Блаженство и опчаяніе здѣсь на землѣ родственныя чувства. Но для чего же такъ? Всевышній непоспизимъ. Еще сонъ мой не пришелъ къ концу; чего жъ хочу я допытываться! — Теперь я исполняю долгъ свой. Я жертвую свѣтомъ, дружбой, любовью, Іозефиной, самимъ собою — моимъ обязанностямъ. Это угодно Богу. Пусть онъ повелѣваетъ — я повинуюсь безмолвно.

Такъ опчаявался и упѣшался Конрадъ и наконецъ рѣшился: не унывая, слѣдовалъ своему предопредѣленію. „Ты самъ виноватъ въ своей горести“ — говорилъ онъ себѣ: „Ты весело повѣхалъ бы теперь въ Остъ-Индію, если бѣ не любилъ Іозефины; а эта любовь — страсть, кошорой ты далъ волю, кошорая увлекла тебя; это одна шолько изнѣженность твоихъ чувствъ. У тебя на рукавѣ прорѣха! сказалъ бы отецъ мой Марбель. — Ахъ, если бѣ шолько не спрадала такъ Іозефина!“

Вечеромъ пріѣхалъ онъ въ В* и не замедлилъ явиться къ Шмишу. „Я самъ привезъ вамъ отвѣтъ на ваше письмо“ — сказалъ Конрадъ.

Банкиръ былъ изумленъ, но вмѣстѣ и радъ его видѣть. — На что же вы рѣшились? — спросилъ онъ.

Нов. Библ. Ч. IV.

„Въѣхашъ въ Остъ Индію. Я слишкомъ много объясняю отцу своему. Былъ бы чудовище, если бы предоставилъ бѣднаго больного шарика его жалостной участи; не перенесъ бы самъ своего отчаянія, если бы узналъ, что почтенный, добродѣтельныйшій старецъ вошше проспираль ко мнѣ руки свои.“

— Все такъ, все прекрасно, все безподобно, мой любезный г-нъ Экъ! Но зачѣмъ такъ поспѣшно, не обдумавъ хорошенько? Съѣздить въ Остъ Индію не то, что сходить прогуляться. Кто порукой вамъ, что вы туда точно доведете, и въ пору? Гдѣ сыщете скоро корабль? Можете захватить на дорогѣ; прешерпяшь кораблекрушеніе, погибнуть.

„Очень возможно. Но тогда я исполню свой долгъ, а прочее все въ рукахъ Провидѣнія.“

— Хорошо. Но скажите мнѣ, если Марбель — вѣдь онъ таки ужь очень старъ — если онъ умретъ прежде, чѣмъ вы прivedете въ Калькутту? Къ чему тогда ваше плаваніе кругомъ свѣта? Къ чему все разспроисство вашего шеперешняго счастья, вашего имѣнія?

„Что значить все это противъ обязанности сына! И если бы я возвратился

нищимъ; развѣ и не умѣю прокормить себя? Я еще молодъ. — Оставимъ это. Прошу васъ только дать мнѣ за всѣ мои деньги вексель на Лондонъ. Если вы хотите еще что-нибудь сами прибавить, тѣмъ лучше. Обѣщаюсь быть вашимъ плашельщикомъ — возвращу вамъ все, и капиталъ и ростъ, какой захотите. Если бы даже пришлось мнѣ и закабалить себя, я не оставлю васъ безъ пашы.“

— Нельзя мыслить и поступать благороднѣе. Однако будемъ говорить объ этомъ дѣлѣ хладнокровно. Для Марбеля конечно не столько важенъ прїездъ его любезнаго воспитанника, какъ полученіе отъ него денегъ, — чтобы было на что вести процессъ или прїѣхать назадъ въ Европу. Съ деньгами онъ можетъ все сдѣлать, будетъ совершенно покоенъ и обойдется, какъ нельзя лучше, безъ васъ. Такъ вы скажите мнѣ, сколько хотите ему дать; я приложу еще отъ себя, и пошлемъ. Векселя пересылающся нынче въ Англію гораздо легче, нежели люди. Тупъ пребольшія затрудненія. Послѣдуйте моему совѣту.

„Нѣтъ, г. Шмитъ, вы ошибаетесь. Я буду полезнѣе для отца моего, нежели ваши и мои деньги. Онъ старъ и слабъ; ему нуженъ сынъ, который бы покоилъ и охра-

влялъ его. Ахъ, въ такомъ положеніи другъ дороже бочекъ золота; одно утѣшительное слово дороже всѣхъ услугъ ошъ богашо-содержимыхъ наемниковъ. Переспанемъ говорить о томъ. Завтра же ѣду я въ Регенсбургъ. Тамъ отдамъ г-ну Валленрошу опчетъ, засвидѣтельствую мою благодарность и буду просить объ увольненіи. Онъ чловѣкъ благородный: не захочетъ остановить меня. Если вы хотите быть другомъ моимъ и г-на Марбея, то прошу васъ дать мнѣ письмо, изъ котораго бы г. Валленрошъ могъ видѣть мое положеніе. Я знаю уже, какъ ваше слово много у него значить.“

Шмицъ долго смотрѣлъ на него въ молчаніи. Конрадъ стоялъ передъ нимъ въ швердой рѣшимости, какъ вдохновенный; все, что говорилъ онъ, шло изъ глубины души. Казалось даже, что самъ банкиръ былъ пропущъ такимъ изступленіемъ сыновней любви и благодарности — однако не переставалъ еще представлять причины свои, чтобы удержатъ его ошъ этого смѣлаго предпріятія.

„Все напрасно!“ — вскричалъ Конрадъ: „Есть другія важнѣйшія причины, которыя могли бы побудить меня къ поспыдному выбору. Я любилъ одну милую дѣвушку — вамъ извѣстна Юзефина Вальшеръ — въ самую

минушу разлуки узналъ я только, что и она меня любитъ. Но все напрасно. Она сама понуждала меня ѣхать въ Оснъ Индію Драгъ выше счастья. И такъ, г. Шмитъ, прошу васъ объ вексель.“

Шмитъ не могъ удержать слезъ, когда Конрадъ говорилъ это. — „Дайте обнять себя!“ воскликнулъ старикъ, и поцѣловалъ его. „Вы благородный человекъ. Завидую Марбелю, что онъ имѣетъ такого сына, такого друга! Какъ мало опцевъ, споль счастливыхъ! Вы получите вексель, а чтобъ вамъ не найши затрудненій у Валленроша, я самъ провожу васъ въ Регенсбургъ.“

Конрадъ былъ изумленъ такою внезапною переменною и умиленіемъ Шмита. „Во всякомъ человекъ“ — думалъ онъ про себя — „во всякомъ, хотя бы онъ за счешнымъ сподомъ провелъ всю жалкую жизнь свою, пришунилъ умъ и чувства, сдѣлался камнемъ — все живешь еще божественная искра. Да, она никогда не меркнветъ. Дѣло въ томъ, чтобъ нашлось чѣмъ воспламенить ее. Коренное въ человекъ беретъ наконецъ въ немъ верхъ, хотя бы оно и еще болѣе подавлено было купеческими расчетами, или омрачено педагогическими системами. А это коренное есть Божеское. Какъ прекрасно бытъ человекъ!“

Конрадъ забылъ о разсудительномъ письмѣ Шмита, забылъ его разсудительные совѣты, кошорые только что передъ тѣмъ отъ него слышалъ, простилъ ему все его умничанье, кошорое вопіяло измѣной прошивъ достоинства человека — хопя въ обыкновенной жизни оно и весьма обыкновенно — простилъ ему все и обнялъ его еще разъ за то, что въ немъ возбудились благородныя чувства. Эти чувства называющся у насъ въ общежитіи романтическими, потому что возвышенность души, кошорой удивляемся мы въ великихъ людяхъ прежнихъ вѣковъ, прогнана теперь нами изъ дѣйствительной жизни въ область вымысла или Поэзіи.

Пользка въ Регенсбургѣ.

Не смотря на то, что Конрадъ несперпѣливо шоропилъ къ опѣзду, Шмитъ замедлялъ его изо дня въ день, такъ что прошла цѣлая недѣля. „Я не полагаю, — говорилъ онъ — ,ѣхать съ вами, а мои дѣла не могутъ быть вдругъ оставлены; отдавая ихъ въ чужія руки, хопя и не надолго, надобно это хорошенько устроить. Да и вы ничего отъ шого не шеряете. Увѣрю васъ.

Къ Валленроту я писалъ. Онъ знаетъ, что мы прїведемъ и будешь насъ ждашь.“

— Но каждый день, каждый часъ, который мы проводимъ здѣсь беззаботно — опивчалъ Конрадъ — умножаетъ шамъ, за океаномъ, нужду и поску почтеннаго, покинушаго шарца. —

Наконецъ наступилъ день опъзда. Взятны были почповыя лошади; но банкиръ, привыкшій всегда жить въ довольствѣ и покое, не хотѣлъ вхатъ по ночамъ. Надобно было оспанавливаться опдыхать. Конрадъ перялъ все перпѣнїе. Единственнее развлечение его было ночью, когда Шмишь спалъ, писать свой журналъ или собственно исторїю чувствъ своихъ къ Юзефинѣ, свои съ нею умственныя разговоры — что все хотѣлъ онъ послать къ ней прежде, нежели оставишь Европу.

Прїехали въ Регенсбургъ. — Въ первый день Валленротъ почему-то не могъ принять къ себѣ Конрада. Это не предвѣщало ему хорошаго, шѣмъ болѣе, что банкиру безъ сомнѣнїя не было опказано, а они вдвоемъ Богъ знаетъ что могли придумать еще, чтобы удержатъ его. Хотя Шмишь возвратился домой вечеромъ очень весель, но сама эша веселость была весьма подозрительна.

Наконецъ на другой день получено было отъ Валленрота приглашеніе къ обѣду. Конрадъ шоропилъ итти ранѣе. Онъ твердо рѣшился, въ случаѣ, если бы владѣтель Альшека синалъ настаивать на исполненіе заключеннаго съ нимъ контракта, увѣхать въ ту же ночь, не забоясь долге объ увольненіи.

Валленротъ принялъ ихъ весьма ласково. Послѣ первыхъ привѣтствій, Конрадъ съ необыкновенною живостію началъ рассказывать ему о причинахъ прибытія и о необходимости своего предпріятія. Онъ подалъ свои счефы и описалъ все, что сдѣлано имъ для Альшека.

„Вы исполняли свою должность“ — сказалъ на это Валленротъ — „не только съ точностію, но съ особеннымъ, вамъ однимъ свойственнымъ благоразуміемъ. Въ одномъ только были вы не совсѣмъ исправны. Вспомните мое условіе о г-жѣ Вальперъ. Эта добрая женщина отъ васъ сдѣлалась несчастною.“

Конрадъ вспыхнулъ. „Отъ меня?“ пролепеталъ онъ.

„Вчера получилъ я отъ ней письмо. Она описываетъ мнѣ, какъ любили васъ во всей деревнѣ и какъ всѣ жалѣютъ объ вашемъ отъѣздѣ. Между прочимъ и то, что шамъ

есть молодая, любезная дѣвушка, по имени Иозефина, дочь г-жи Вальшеръ, которая съ минуты вашего отъѣзда таеешь какъ воскъ.“

— Она это пишеть?

„Да. Мать и дочь судять благородно. Онѣ одобряють предпріятіе ваше ѣхать въ Остъ-Индію. Это сдѣлало васъ еще дороже въ глазахъ ихъ. Но мать спроситса за жизнь своей дочери, которая шеперь въ опасности.“

Конрадъ поблѣднѣлъ.

Валленропъ вышелъ и принесъ письмо. Конрадъ сталъ читать. Оно было отъ г-жи Вальшеръ, которая рассказывала въ немъ о внезапномъ отъѣздѣ Повѣреннаго; потомъ, какъ съ нѣкотораго времени не безъ опасенія замѣчала она, что Конрадъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе на дочь ея; что съ его отъѣзда она спала совсѣмъ не та, примѣнно увядаешь; доктора пожимають плечами, совѣшующъ болѣе развлеченія, какое-нибудь путешествіе; но Иозефина не хочеть ни за что расстаться съ Альшекомъ, да и здоровье ея такъ уже слабо, что она, кажется, не перенесеть дороги. Все письмо дышало горестію безутѣшной матери.

Конрадъ бросился на спуль, закрылъ лице плашкою и не могъ удержашъ своихъ

рыданій. Валленропъ подошелъ къ нему. Конрадъ оправился.

„Я чинаю въ душѣ вашей!“ сказала Валленропъ: „и слезы ваши оправдываютъ мой посипупокъ. Я знаю Юзефину. Она и мнѣ дорога. Это одно изъ предеспнѣйшихъ созданій своего пола. — Вѣдь вы ее любите?“

— Люблю ли я! — вскричалъ Конрадъ.

„Такъ успокойтесь. Заботясь о здоровьи Юзефины и о спокойствіи ея матери, послалъ я потъ же часъ, какъ получилъ письмо, нарочнаго въ Альпекъ, съ увѣдомленіемъ, что г. Экъ не ѣдетъ въ Остъ-Индію; что обстоятельство перемѣнились и онъ возвратился въ Альпекъ. Письмо безъ сомнѣнія шеперь уже въ рукахъ г-жи Вальтеръ и предупредитъ большое несчасіе. Скажите, хорошо ли я сдѣлалъ?“

— „Вы хорошо сдѣлали“ — отвѣчала Конрадъ.

„И вы не ѣдете въ Остъ-Индію?“

— Вы хорошо сдѣлали, говорю я, и въ самомъ дѣлѣ хорошо, если и одну слезу удастся опереть въ жизни, хотя бы и ничѣмъ другимъ, какъ легкимъ призракомъ надежды. Благодарю васъ, г. Валленропъ. Выигрышь времени значить много. Время сильнѣе дѣйствуетъ на чловѣка, нежели его правила. Юзефина будешь вшою прснншель-

ною хитростию спасена. Но я поведу въ
Остъ-Индію.

„Какъ, г. Экъ, развѣ хотите вы сдѣлать
меня лжецомъ?“

Конрадъ пожалъ плечами. „Развѣ хоти-
те вы сдѣлать меня чудовищемъ въ отно-
шеніи къ доброму отцу моему, которому
обязанъ я тѣмъ, что я есть... —

„Нѣтъ!“ вскричалъ Валленропъ: „чув-
ствую, какой жестокой выборъ вамъ пред-
оставленъ: тамъ отецъ, или благодѣтель,
имѣющій конечно большія права — здѣсь
любезная...“

— И права отца моего священнѣе, не-
жели права любезной. И она бы перестала
меня любить, если бъ я способенъ былъ къ
посыдному дѣлу. Иозефина спала бы гну-
шась мною.

„Возьмемъ это дѣло“ — продолжалъ
Валленропъ — „съ другой точки зрѣнія. Вы
спѣшите на помощь къ старику, которому
можешь быть скорѣе и лучше можно посо-
бить достаточною суммою денегъ, и остав-
ляете гибнуть благородную, поскою изну-
ренную дѣвушку, которой все золото въ
свѣтъ не замѣнитъ потеряннаго друга. Вы
ѣдете въ Остъ-Индію, чтобъ усладить ко-
ропскій остатокъ жизни, можете быть по-
свѣдніе мѣсяцы преклоннаго старца, и тѣмъ

губите едва разцвѣвшую жизнь со всѣми ея надеждами.“

— У меня правило — опивчалъ Конрадъ — при томъ, что совѣсь называется долгомъ и справедливостію, не брать въ разсужденіе ничего другаго, что зависить отъ случая. Жизнь моего отца и жизнь Іозефины во власти Бога; но справедливое дѣло въ моей власти. Я дѣлаю, что велитъ мнѣ мой долгъ; впрочемъ всѣмъ управляешь Ты, Кипо умѣешь все устроить къ лучшему Это ужь не мое дѣло. Могу ли я быть увѣренъ, что слабость моя — нѣтъ, этого мало — мой низкій, гнусный поступокъ, продлитъ жизнь Іозефины?

„Вы не дали мнѣ договорить, г. Экъ“ — возразилъ Валленропъ. — „Я написалъ къ г-жѣ Вальшеръ, что вы не поѣдете въ Остъ-Индію. Что жь? Это въ самомъ дѣлѣ правда. — Бьюсь объ закладъ, что вы не поѣдете въ Остъ-Индію.“

— Какъ? Ужь не умеръ ли мой благодѣтель? — воскликнулъ Конрадъ: — или вы хотите меня только въ томъ увѣрить? или можете быть нѣтъ ли у васъ свѣдѣній, что онъ возвращается назадъ въ Европу? Прошу васъ, не держите меня на кожахъ. Я безъ того довольно спрадаю.

„Ни то, ни другое“ — ошвѣчалъ Валленрошъ, смѣючись: „но — вы конечно не мало удивишесь — шеперь не я, а вы владѣтель Альшека. Мнѣ принадлежало это помѣстье на короткое время. Марбель купилъ его посредствомъ меня, но для васъ было оно назначено. Не прежде, какъ черезъ годъ по прибытіи вашемъ изъ путешествія, надлежало вамъ узнать о томъ. Г. Шмишъ былъ исполнителемъ воли Марбеля, который хотѣлъ васъ испытать. Помѣстье должно было достаться въ ваши руки въ такомъ случаѣ, если поступки ваши будутъ соотвѣтствовать желанію вашего благодѣтеля. Вы дѣйствовали совершенно согласно его видамъ. Альшекъ принадлежитъ вамъ. Сегодня же передамъ я вамъ подарочную записку.“

Конрадъ былъ изумленъ: Онъ не зналъ, что говорить. Наконецъ, поднявъ омоченные слезами глаза къ небу, сказалъ дрожащимъ голосомъ: „Добрый Марбель! ты думалъ только о другихъ, а не о себѣ; шеперь ты не бѣднѣ! — И такъ, если это правда — а я надѣюсь, г. Валленрошъ, что въ такую рѣшительную минушу не будете вы со мною шушиться — то я прошу васъ, или г. Шмиша, заключить весьма выгодную со мною сдѣлку. Помѣстье Альшекъ, по приносимому имъ доходу, стоить шеперь семьдесятъ

тысяч гульденовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ
будешь оно стоить и сна двадцати тысячъ.
Я отдаю вамъ его подъ залогъ сорока или
придцати тысячъ. Вы обяжете меня, если
дадите векселей на эту сумму.“

— Прежде нежели мы приступимъ къ
этому дѣлу — сказала Валленрошъ въ при-
ятномъ движеніи духа — вы должны имѣть
въ рукахъ свою подарочную записку. — Онъ
пошелъ за нею.

Между тѣмъ, какъ онъ ходилъ, банкиръ
Шмигль смотрѣлъ безмолвно на Конрада;
слезы навернулись у него на глазахъ; нахо-
нецъ онъ бросился къ нему на шею, прижалъ
его крѣпко къ груди своей и вышелъ изъ
комнаты. — Валленрошъ, возвратившійся
съ запискою въ рукахъ, былъ расстроганъ не
меньше. Подавая бумагу, онъ обнялъ Конрада
и потомъ пошелъ въ слѣдъ за банкиромъ,
чтобы скрыть свои слезы, которыхъ не могъ
долге удерживать.

З а п и с ь .

Конрадъ не понималъ спранныхъ по-
ступковъ обоихъ стариковъ. Долго смотрѣлъ
онъ имъ въ слѣдъ. „Что съ ними сдѣлалось?“
думалъ онъ: „оба кажутся расстроганными.“

Моя рѣшимость ѣхать въ Остѣ-Индію имъ видимо нравишся; зачѣмъ же шакъ усиленно спараются они оспановить меня? И какая имъ нужда: ѣду я или нѣтъ? Чшо они шеряющъ отъ эшого? Вѣдь люди, заглохшіе въ обычаяхъ свѣша, во всякомъ случаѣ смотряшъ сперва на то, гдѣ потеря и гдѣ выигрышъ, чшобъ согласно съ шѣмъ дѣйствовать “

Онъ сѣлъ къ окну и развернулъ пергаментную запись. Увидя имя Марбеля, написанное собственною его рукою, поцѣловаль онъ то мѣсто, по которому водила нѣкогда шполь драгоценная ему рука. Тутъ спалъ онъ чшаша. Почтенный старикъ дѣйствительно успуналъ помѣшье г-ну Эку, котораго называлъ любезнымъ своимъ воспитанникомъ, со всеми правами и привилегіями. Но когда Конрадъ дочшася опять до подписи, онъ вдругъ невольню ужаснулся. Казалось, чшо вся запись поддѣльная. Она совершена была въ Регенсбургѣ и, судя по числу, не болѣе какъ за два дня передъ шѣмъ. Впрочемъ подпись была поддѣлана мастерски.

Онъ вскочиль со спула, чшобы сыскашь хозяина, но сей въ ту же минушу вошелъ поспѣшно въ комнату.

„Чшо? Не правъ ли я, любезный г-нъ Экъ?“ вскричалъ онъ съ веселымъ, блисшающимъ

радосію лицемъ. „Ну выкиньте изъ головы Оспъ-Индію и оспавайтесь съ нами!“

— Ни за что. Запись ваша фальшива.

„Нѣтъ — увѣрю васъ, она подлинная.“

— Но — взгляните на число — трепьягодня.

„Правда.“

— Кто жь писалъ вмѣсто отца моего?

„Кто могъ писать! Онъ самъ. Развѣ вы не довольно знаете его руку?“

— Потому-то и говорю, что знаю. Когда же онъ писалъ?

„Боже мой! Вѣдь вы видите, чистаешие сами!“

— Трепьягодня. Вы приводите меня въ бѣшенство своими шулками. Что это значить? Какъ могъ онъ писать? Развѣ онъ пріѣхалъ? Развѣ онъ возвратился изъ Оспъ-Индіи?

„Нѣтъ, г. Экъ.“

— Не возвратился. Вы сами себя пропивайте!

„Тутъ нѣтъ противорѣчія! Онъ совсѣмъ не былъ въ Оспъ-Индіи!“ вскричалъ радостный голосъ изъ другой комнаты. Отворилась дверь и съ банкиромъ вошелъ старый Марбель. Онъ простеръ свои объятія къ Конраду и воскликнувъ: „Сынъ мой!“ бросился къ нему на шею. Молодой человекъ

споялъ, какъ истуканъ и не понималъ, что
 вокругъ него происходишь.

О б ъ я с н е н і е.

Радость добраго, спараго Марбеля была
 также неограниченна, какъ и восхищеніе
 изумленнаго Конрада, который долго не могъ
 найши словъ, чтобы выразишь состояніе ду-
 ши своей. Нашлось шакъ много говоришь, и
 шакъ много было говорено съ обвихъ спо-
 ронъ, что и спуспя нѣскольکو часовъ все
 еще не понимали другъ друга и не знали,
 какъ все это случилось.

„Ну, сынъ мой!“ началъ шупъ Марбель
 — „я разскажу тебѣ все по порядку. Са-
 дись! — Я въ самомъ дѣлѣ имѣлъ огорченіе
 въ В*. Не знаю, съ чего вздумалось Князю
 сдѣлать меня дворяниномъ. Я очень уважаю
 дворянство: различіе сослояній необходимо;
 хотя достоинство и добродѣтель гораздо
 лучше оплачивають людей, нежели имя. Кшо
 хочешъ сосшавишь свое шакъ называемое
 счастье государственною службою, спояшь
 близко особы Князя, или имѣшь въ предметъ
 обширнѣйшій кругъ дѣйствія для добрыхъ дѣлъ:
 шопъ пусть шщешъ дворянства. Онъ хоро-
 шо дѣлаетъ. Это хороший примѣръ и по-
 лезное наслѣдство для дѣшей. Но нашъ брашъ,
 который не имѣетъ дѣшей, не имѣешь вѣсу

въ обществѣ, не ищешь мѣсть, доволенъ штьмъ, что пріобрѣтается въ самомъ себѣ, а не отъ другихъ, шо есть чистотою сердца, дѣлающаго сколько добра, сколько возможно — нашъ братъ, говорю я, отъ дворянскаго диплома приходишь только въ замѣшательство и въ несвойственныя ему отношенія. Но, можешь быть, это неважное дѣло принялъ я слишкомъ серьезно; знаю только то, что мой опказъ раздражилъ добраго нашего Князя, или скорѣе господъ, стоящихъ у него справа и слѣва. Объ этомъ до сихъ поръ я жалю. Тутъ начали мнѣ дѣлать разныя небольшія досады и наконецъ взбѣсили меня. Я уложилъ въ повозку свой небольшой скарбъ и оставилъ резиденцію. Это было въ то время, когда я писалъ къ тебѣ, чтобы ты не скучалъ, если не будешь получать отъ меня опвѣстовъ на свои письма, потому что мнѣ водить перомъ спановится уже шрудно; и чтобы ты письма свои адресовалъ къ старому и честному моему другу, Шмитцу.

„Я опправился въ одну маленькую деревеньку и жилъ тамъ мирно и весело. Вдругъ послалъ мнѣ Богъ знаменіе, чтобы я не думалъ, будто здѣсь на землѣ можешь быть небо; и меня посѣтила болѣзнь, гнилая горячка, или какъ иначе называють ее

гг. Доктора. Въ это время спали меня спрашивать о моей духовной, пошому чшо, какъ увѣряли, умереть не долго. Мнѣ говорили правду. Кшо не гошовъ каждый день умереть и предспасть предъ Всемогущаго Ошца и Судію, у шого всегда на рукавъ прорѣха. Ты понимаешь меня, Конрадъ.

„Но дѣшей у меня не было; а родственики, копорые съ неперпвнїемъ ожидали минушы моего вѣчнаго услокенїя, большею частїю люди, не умвющїе обходиться съ деньгами: шо ешь, они считающъ шолько, проценшы, копятъ для себя, хошящъ высшавить себя передъ цѣлымъ свѣтомъ, держашъ хорошїй споль и называющъ глупцемъ шого, кто ошнїмаетъ у себя, чшобы шѣмъ болве помогать другимъ, нуждающимся. Эши люди, думалъ я, нивющъ и безъ шого слишкомъ много. — Было у меня, правда, нѣсколько прїемышей и воспитанниковъ, копорыхъ взростиль я или самъ или черезъ другихъ, но я не зналъ, шаковы ли они, шаковы должны бышь. У всякаго была своя на рукавъ прорѣха. Я вздумалъ сдѣлать безъ дальнихъ околичностей: назначиль каждому равную сумму, безъ различїя, и вдругъ спалъ здоровъ.

„Во время болѣзни, когда я лежалъ и видѣлъ вокругъ себя прислугу наемниковъ, по-

чувствовало сердце мое необходимость быть любимым не изъ видовъ. Туть я спалъ часто думашъ о тебѣ и неперпѣливо желалъ своего возвращенія. Ты прѣхалъ. Но я захопѣлъ напередъ испышашъ, нѣшъ ли и у тебѣ на рукавѣ прорѣхи. Помѣстѣе Альшекъ, совершенное гнѣздо нищенства, куплено мною нарочно для этого. „Туть будешъ хорошая проба“ — думалъ я — „чтобъ узнать на своемъ ли мѣстѣ у него голова и сердце. Другъ мой Валленрошъ, по добротѣ своей, не откачался участвовать въ моихъ затѣяхъ. Нужно было его имя, и онъ позволялъ располагашъ имъ. Шмишъ опдалъ напечаташъ въ газетахъ объявленіе о томъ, что ищешся повѣренный, показалъ его тебѣ, привелъ тебѣ къ г. Валленрошу — остальное ты знаешъ. Я скрывался, потому что мнѣ хошѣлось хорошенько узнать тебѣ.

„Туть, между прочимъ, Валленрошъ склонилъ меня въ пользу одной Паспорской вдовы, которой мужа зналъ я очень хорошо. Онъ былъ товарищъ и другъ моего дѣшства; жена его была Ангель въ образѣ женщины. Еслибъ она не полюбила друга моего, Вальшеа, то бышъ бы ей не его, а мою жену. Въ дѣвушкахъ была она мною любима и ничего о томъ не знала; едва и самъ я былъ ей извѣщенъ. Но, какъ сказано, она

любила Вальшера, и я опступился, преодо-
 лѣвъ склонность, копорая чуть было — я
 не хочу скрывать — чуть было не сдѣлала
 мнѣ неизцѣлимой на рукавѣ прорѣхи. Чрезъ
 Валленроша получала я время отъ времени
 извѣстія о прежней своей любезной, и когда
 благородный Вальшеръ умеръ, оставя ее въ
 бѣдности, я помогалъ вдовѣ тоже посред-
 ствомъ моего друга. Мы перевели ее въ Аль-
 шекъ. Эша женщина — говорилъ я Валлен-
 рошу — вѣрно все еще такъ же мила. „Да,
 она мила“ — отвѣчалъ мнѣ другъ мой — „но
 дочь ея, Іозефина, ужъ наспоящій Ангель.“
 Ага! думалъ я, если такъ, и если мой Кон-
 радъ не дурной дѣшина, то это ксташи И
 г-жа Вальшеръ съ своимъ Ангеломъ дочерью
 оспалась въ Альшекъ, гдѣ мы поселили и
 себя.

„Всякой разъ, когда пы ѣздилъ въ В*,
 чшобъ передать Валленрошу деньги и оп-
 чешы свои, я опсправлялся инкогнишо въ
 Альшекъ. Сердце мое не могло нарадоваться
 шобою. Ты началъ съ прорѣхи на рукавѣ и
 въ одинъ годъ сдѣлалъ весьма много. Тупъ
 рѣшился я тебя усыновить и опдать тебѣ
 все добро свое. Конрадъ идешь по моимъ
 слѣдамъ — думалъ я: онъ славный молодець.
 Но можешь ли онъ любить меня, какъ оп-
 ца? — Вошь какой вопросъ лежалъ у меня

на сердцѣ и — ахъ, милый Конрадъ! будь що прорѣха или нѣтъ, но впошъ вопросъ былъ для меня всего важнѣе. Такимъ-то образомъ сыграли мы съ шобой небольшую комедію, въ которой швоему сердцу доспалось бытъ въ большихъ пискахъ. Но не досаду на это, любезный Конрадъ. Ты меня, старика, сдѣлалъ счастливымъ. Теперь конецъ комедіи. Я ѣду съ шобой въ Альшекъ; буду жить у себя и немного помогашъ шобѣ; въ Альшекъ мы устроимъ для себя земный рай и постараемся сдѣлаться достойными небеснаго. Съ сдymi волосами, каковъ я шеперь, откроюсь г-жѣ Вальшеръ въ своей пошоянной, неизмѣнной любви, а ты ужъ раздѣлывайся съ швоею Іозефиною.“

І о з е ф и н а.

Ни слова о шомъ, сколько чувспвовалъ Конрадъ радости, благодарности и любви. Всякой легко себя предспавишь его благополучіе. Въ первую свободную минушу вечера, оставшись одинъ въ своей комнашѣ, бросился онъ на колѣна и съ радостными слезами, просширая руки къ Небу, благодарилъ Божеское, благодѣтельное Провидѣніе. Пошомъ, еще все глубоко умиленный въ серд-

цѣ, сѣлъ за письменный столъ. Г-жѣ Вальшеръ описалъ исторію своего счастья, а Іозефинѣ исторію своего сердца и его желанія.

Марбелю, по его дѣламъ, оставалось много кое-въ чемъ распорядиться въ Регенсбургѣ, такъ что прошло три недѣли, а о повѣздкѣ въ Альшекъ нельзя было еще и думать. Между тѣмъ началась переписка. Г-жа Вальшеръ ошвѣчала, какъ вдохновенная. Она увѣдомляла, что Іозефина совершенно здорова и что скрываемый ею восторгъ видѣнъ изъ каждой черпы ея лица. Писала и сама Іозефина. Конрадъ читалъ ея письма всякой разъ, когда только могъ уловить свободную минушу; а если не удавалось читать, то смотрѣлъ украдкой на буквы, ею начертанныя; если же и по невозможно было, держалъ въ рукѣ дорогой листочикъ, который носилъ вездѣ съ собою, и воображалъ, что держитъ Іозефинину руку.

Между тѣмъ спранныя дѣвушка и въ письмахъ своихъ была также чудна, какъ въ обращеніи съ Конрадомъ. „Нѣтъ“ — писала она — „я васъ не люблю. Я не могу любить васъ. Увѣряю васъ, что никогда такое чувство не зараждалось въ моемъ сердцѣ. Я люблю свою мамушку; больше всего милую мамушку; люблю цѣлый свѣтъ. Но васъ — меня что-то ошъ васъ

опшаквиваетъ. Не знаю, какъ называть, какъ описатьъ это чувство. Какая-то почтительность, какое-то благоговѣннѣе, что-то еще болѣе; какъ будто желаніе съ одной мыслию объ васъ исчезнуть, испребиться. Хорошо, что вы меня любите; больше я ничего не заслуживаю. Уже и того много, что вы снисходите мыслями къ такому незначительному шворенію, какова я; что вы опшакваете меня предъ цѣлымъ свѣтомъ. Но — что бѣ я васъ любила — это было бы слишкомъ по-человѣчески. Я боюсь этимъ обыкновеннымъ словомъ оскорбить чистоту моихъ чувствованій. Въ васъ есть что-то выше земнаго, чѣмъ и я заимствовалась, и все перемѣнилось въ глазахъ моихъ — вся природа, каждое деревцо, каждый листочикъ. Все было не то, пока вы не пріѣхали въ Альшекъ. Я смотрѣла на вещи, какъ и всѣ другіе. Но пустьъ какъ будто новое солнце возсіяло и озарило всѣ шворенія инымъ, блестящимъ свѣтомъ.

„Я бы не имѣла духу сказать вамъ все это лично; но вдали отъ васъ исчезла моя застенчивость. — Безъ васъ, правда, безъ васъ не могла бы я дышать; но не понимаю и того, какъ могла я жить близко васъ и непрерывно быть съ вами. Сдѣлайте меня равнодушнѣе: разрушите странное чувство,

которое при одной мысли объ васъ мени проникаеть — тогда буду я съ вами, какъ и съ другими; и, можешь быть, буду шѣмъ счастливѣе, чѣмъ болѣе человѣческаго стану находить въ васъ и въ себѣ въ присущствіи вашемъ.“

Марбель, который долженъ былъ прочиташь письмо Іозефины и читалъ охотно, улыбался. „Конрадъ“ — сказала онъ — „твой Ангель-Іозефина считаешь тебя существомъ сверхъестественнымъ; но вы, дѣши Элизіума, не все будете плавать на воздухъ. Вошь, увидимъ!“

З а к л ю ч е н і е.

Марбель приготоуилъ своему воспитаннику самый пріятный сюрпризъ въ Регенсбургѣ. Однажды, когда онъ пріѣхалъ съ нимъ къ своему другу, Валленрошу, на обѣдъ и они вошли въ комнату, Г-жа Вальшеръ и Іозефина встрѣтили ихъ, объ еще въ дорожныхъ плащяхъ. Конрадъ поблѣднѣлъ отъ радостнаго испуга, обнялъ съ горячностію мать; но глаза его устремились на Іозефину, которая спояла неподвижно, съ пошупленными взорами и пылающими щеками. Пріятыя учтивости и пріѣвшствія такъ

называемаго большаго свѣта, впрочемъ многочисельныя для многихъ людей, бывающыя часто неоцѣненны. Они помогли и нашему любящимся выдти изъ замѣшательства и въ общихъ обоудно - лесныхъ выраженіяхъ скрыть пылокое движеніе сердець ихъ. Стали смотрѣть другъ на друга безъ шрепета, говорить безъ смущенія. За споломъ спарики развеселились и Марбель объявилъ г-жѣ Вальшеръ, какъ онъ былъ въ юности ея почишательемъ и какъ теперь, въ старости, хочетъ быть первымъ ея другомъ. Они вскорѣ ознакомились совершенно и вскорѣ сказали все другъ другу.

„Но дочери вашей и моему сыну еще много оспается сказать другъ другу“ — шепнула Марбель г-жѣ Вальшеръ. „Надобно имъ доспавить случай поговорить въ саду.“

Пошли въ садъ. Проходили мимо густыхъ кустарниковъ и темныхъ алей. Конрадъ и Иозефина нарочно были всеми оспавлены. Марбель съ г-жею Вальшеръ разсуждали между шѣмъ о будущей участи молодыхъ людей.

Прошелъ часъ, прошелъ другой; а Конрадъ и Иозефина не являлись. Начало смеркаться, но они все еще не показывались.

„Ужъ я начинаю бояться“ — сказала Марбель — „чшобъ они шамъ не умерли

онъ восхищенія.“ Онъ взялъ за руку г жу Вальтеръ и вмѣстѣ начали искать пропавшихъ. Нигдѣ не слышно было, чтобъ они говорили. Наконецъ нашли ихъ сидящихъ на скамьѣ, въ глуши кустарниковъ: безмолвно сморгали они другъ на друга; Конрадъ держалъ руку Іозефины у своего сердца. И ни одинъ изъ нихъ не услыхалъ подходящихъ. Отецъ и мать обвили ихъ своими руками, и тогда только опомнились они отъ упоенія и возвратились къ насшоющему свѣшу.

„Слава Богу, что вы еще дышете!“ вскричалъ Марбель. Однако пора васъ выгнать изъ вашего мечтательнаго міра. У васъ, какъ я вижу, превеличайшая на рукавъ прорѣха. Никто не вылечитъ васъ, кромѣ Паспора.“

Приспѣшенные молодые люди пошли съ любезнымъ старикомъ. На другой день Марбель велѣлъ ихъ обвѣнчать и отъ алшара проводилъ къ дорожной повозкѣ. „Ты, мой сынъ“ — говорилъ онъ — „не годишься здѣсь ни на четверть часа. Послѣ завтра поѣдемъ мы всѣ въ Альбекъ и заведемъ тамъ хозяйштво; а ты поѣзжай теперь въ Лейпцигъ; что тамъ дѣлать, узнаешь изъ этой инштрукціи; только не позже двухъ недѣль

возвратись въ Альшекъ. Чшобъ тебѣ не было скучно, Іозефина будетъ провожать тебя.“

Молодые повѣхали; но еще въ двѣнадцатый день возвратились въ Альшекъ. Тутъ Марбель, г-жа Вальшеръ, а вскорѣ и вся деревня, сбѣжались въ восторгѣ къ нимъ на встрѣчу. Іозефина цвѣла, какъ роза. Она увѣряла, что при первой любви чувствовала только мечтательное счастье; но истинное, житейское, гораздо лучше, потому что прочнее.

Вл.

А Н Е К Д О Т Ъ.

„Вы удивляетесь солнцу“ — говорилъ однажды Капуцинскій монахъ въ своей проповѣди — „и презираете мѣсяць. Но вы не разсудите, что первое показывается только днемъ, а послѣдній свѣтъ даже и ночью.“

Л А Н У Ц Ц И.

Какъ располковашъ непоняшное, споль часто видимое явленіе въ нравственномъ мірѣ: что ненависть всего сильнѣе ожесточаетъ другъ прошивъ друга именно такіа сердца, копорыа, по усшаву Вышняго, рождены для взаимной любви? Что можешъ бышь ужаснѣе ненависти между брашьями? И какъ часто дилась кровь брашій въ шѣ времена, когда паршіи Гвельфовъ и Джибеллиновъ, попеременно владычествуя, раздирали несчастную Ипалію! Какъ часто, въ эпошъ враждебный вѣкъ, несогласіа вкрадывались въ семейства и разрушали самыя тѣснѣйшіа родственныа связи!

Въ шо время, когда паршіи Гвельфовъ и Джибеллиновъ съ равно-неушомимою ненавистью, съ одинакимъ ожесточеніемъ преслѣдовали другъ друга, знашнѣйшіа Тосканскія республики, Пиза и Флоренція, раздираемыа ужасами междоусобной войны, были часто пешпромъ жесточайшихъ семейственныхъ распрей. Слѣдующая исторія послужитъ пому плачевнымъ примѣромъ.

Двѣ сестры, отличныя сколько же своими прелестями, какъ и знаменитію рода, вышли за-мужь: одна за Флорентинца Бандинелли, изъ парціи Гвельфовъ, другая за Пизанца Лануцци, изъ парціи Джибеллиновъ. Соединенныя съ самаго младенчества узами нѣжнѣйшей дружбы и искренней родственной любви, сдѣлались онѣ матерями двухъ сыновей: Антонія Бандинелли и Фридриха Лануцци.

Несноснѣйшій нравъ Флорентинца возродилъ въ немъ съ самой юности, еще во время дѣтскихъ игръ, жестокою ненавистью къ его двоюродному брату — ненавистью, которая съ лѣтами усилилась. Едва достигъ онъ осмнадцатилѣтняго возраста, едва могъ владѣть конемъ и оружіемъ, какъ пылая ненавистію и жаждою къ боямъ, отправился однажды верхомъ въ Пизу. Уже онъ былъ вблизи городскихъ стѣнъ, какъ увидѣлъ своего врага, котораго, ничего не подозрѣвая, прогуливался на конѣ по уединенному берегу Арно. Безъ малѣйшаго повода со спороны Лануцци, начинаешь онъ осыпашъ его ругательствами, выдергиваетъ мечъ и соскакиваетъ съ лошади, чтобы напасть на него. Прошивникъ, будучи вынужденъ обороняться, дѣлаетъ шажокъ. Но Лануцци умѣетъ лучше управлять мечемъ и припомъ

на его споронъ спокойствіе чистой совѣсти. Онъ не ищетъ нанести рану врагу своему, спарается только ущюмить его и заставить опшшупашъ; наконецъ одолеваетъ его и повергаетъ на землю. Лануци могъ бы шеперь умертвить своего прошивника; но благородное сердце его надѣется еще побдишь любовью. „Ты видишь“ — говоритъ онъ, приспавя мечъ къ груди его — „шы видишь, что жизнь швоя въ моихъ рукахъ; но съ радостію дарю ее тебѣ. Вспомни о любви матерей нашихъ; заклинаю тебя, вспомни объ ней, и чтобы не огорчалъ ихъ болѣе, оставь опшныиъ всякую вражду между нами.“ — Бандинелли въ шакомъ положеніи общаетъ все, чего шребуешь опъ него благородный прошивникъ; но едва получаетъ свободу, какъ вскакиваетъ съ новою яростію и наноситъ Лануци сзади ударъ, кошорый неминуемо повергъ бы его мертвымъ, если бы, по какому-то инстинкшному движенію, не успѣлъ онъ уклониться опъ меча врага своего.

Раздраженный шакою гнусною измѣной, Лануци не можетъ уже болѣе укротить справедливаго своего гнѣва. — „Бездѣльникъ!“ восклицаетъ онъ: „шы не хочешь мира; прими же достойную награду за свою подлость.“ При сихъ словахъ, однимъ ударомъ

повергаешь онь Бандинелли на землю и остав-
ляешь его плавающего въ крови.

Возвращаясь въ Пизу, Лануцци, обогранный кровію двоюроднаго брата, не хочешь показаться въ домъ своей мащери и скрывается въ жилищъ одного друга, откуда отправляешь во Флоренцію письмо, въ кошоромъ просто и вѣрно описываешь происшедшее. Смерть Бандинелли приводила его въ отчаяніе, хотя одна только необходимостъ защищаться принудила его нанести рану своему прошивнику.

Но чудовище жило еще и должно было жить долго, чшобы оправить ядомъ жизнь Лануцци! — Поселяне увидѣли его на полѣ и принесли во Флоренцію, гдѣ перевязали ему рану и нашли ее, хотя опасною, но не смертельною.

Злодѣй, въ кошоромъ вмѣстѣ съ силами снова возвращалась и прежняя ненависть; въ кошоромъ спыдѣ бышь побѣжденнымъ, или лучше злоба и ярость, возрожденныя неудачею подлаго покушенія, если возможно, еще болѣе воспламенили чувство вражды и мести; злодѣй, говорю я, изобрѣшаль гнуснѣйшую клевету, чшо бы погубишь Лануцци. Не было свидѣтелей, кошорые могли бы оспоришь несправедливостъ его показаній. Онь объявилъ, чшо на него напали неужи-

данно, разбойнически. Партія Гвельфовъ, къ которой онъ принадлежалъ, взяла его сторону. Лануци казался уже преслупникомъ въ глазахъ ихъ и потому, что былъ Джибеллинъ. А какъ въ это время перевѣсъ власти былъ на сторонѣ Гвельфовъ, то несчастный Лануци, не взирая на всѣ оправданія, не смотря на кляшвенныя увѣренія въ его невинности, былъ лишенъ всѣхъ своихъ помѣстій и осужденъ на изгнаніе изъ Пизы.

Но Лануци обладалъ однимъ изъ рѣдчайшихъ благъ, какія только можно имѣть на землѣ — драгоценнѣйшимъ сокровищемъ въ несчастіи, которое во дни благополучія мы рѣдко приобретаемъ и столь же рѣдко умѣемъ сохранить — Лануци имѣлъ друга. Бельфіоръ былъ его единственною опорою, въ особенності, когда и мать его, сокрушенная глубочайшею горестью, начинала сомнѣваться въ добродѣтели своего сына.

Бельфіоръ, употребивъ къ защитѣ Лануци всѣ усилія, къ сожалѣнію безъ успѣха, предложилъ ему наконецъ удалиться вмѣстѣ съ нимъ въ одно изъ его помѣстій. Тамъ надѣялись они въ тишинѣ наслаждаться взаимною дружбою и спокойно и счастливо проводить дни свои. Но мѣра спрдакій,

опредѣленная Лануцци неушомимымъ рокомъ, еще не исполнилась.

Въ своемъ уединеніи, иногда, когда ему возбраненъ былъ возвратъ въ опечесшвенный городъ, получилъ онъ жестокою вѣспью о болѣзни, постигшей мать его. Вскорѣ за нею, чшобы еще болѣе удручить его горестію, послѣдовало и извѣстіе о ея кончинѣ. Въ мрачной шоскѣ проводилъ онъ опныиъ свое время и только изрѣдка пріятныя воспоминанія изъ дѣтъ его дѣшсшва разсѣвали на корошкія минушы пѣму, кошорою была облечена душа спрадальца.

Его комнаша въ замкѣ Бельфіора была опдѣлена опъ спальни хозяина и друга только одною залою. Въ одну ночь, едва начиналъ онъ засыпашь, какъ шумъ въ залѣ пробудилъ его. Онъ приподнялся съ постели; вслушиваея, но шумъ уже ушихъ. Полагая, чшо его испугъ былъ только послѣдшвіемъ горесшныхъ призраковъ, преслѣдующихъ несчастнаго и во снѣ, старался онъ снова заснушь; но шщешно. Нѣсколько минушь спушя слышался ему вздохъ: казалось, онъ выходилъ изъ комнашы его друга. Лануцци удвоиваеяшъ вниманіе и новый вздохъ, шяжелѣ перваго, поражаеяшъ слухъ его. Мгновено вскакиваеяшъ онъ съ постели и бросаеяшъ къ кровати Бельфіора. Зовеяшъ его

— нѣшь опивѣша. Въ шемношѣ не можешъ онъ иначе удосповѣришься о сосшоянїи своего друга, какъ ощуцавъ его руками, схватываешъ его и прижимаешъ къ груди своей — но онъ все еще не пробуждаешся. Успращенный горесшнымъ предчувствїемъ, Лануцци бѣжишь въ свою комнашу, берешъ лампу и снова возвращаешся къ постели Бельфіора — но, о ужаснѣйшее зрѣлище! другъ его плаваешъ въ крови; смершоносное желѣзо въ его сердцѣ; онъ самъ обагрень драгоцѣнною кровью вѣрнѣйшаго друга, кошорый снова выпускаешъ слабый, уже послѣднїй вздохъ. Лануцци въ безпамяшсшвѣ, съ ужаснымъ крикомъ повергаешся на бездушннй шрупъ и лишаешся чувсшвъ. Лампа выпадаетъ изъ рукъ его, свѣшъ пошухаетъ, и снова ночь распросшираешъ мрачннй покровъ свой надъ невинною жершвою убїйсшва.

Между шѣмъ живущїе въ домѣ пробудились и сбѣжались. Служишели бросились къ своему господину и находяшь его — умерщвленнаго, плавающаго въ крови; Лануцци распросширешъ на его шрупъ, съ неподвижными глазами; у ногъ его дымишся шолько что угасшая лампа. — Ужасъ поражаетъ всѣхъ. Лануцци пробуждаешся изъ спрашнаго онѣмвння, съ испушленїемъ вскакиваетъ и восклицаетъ: „Гдѣ онъ? Гдѣ гнус-

ный убійца? Для чего не могу я вонзить въ грудь его эпошь кинжалъ? О Бельфіоръ! о вѣрнѣйшій, единственнѣй другъ мой!" Глаза его наполняются слезами и онъ снова упадаетъ безъ чувствъ на охладѣвшій пруть.— Ужась и прелепъ оковывающъ предстоящихъ: они не смѣютъ говорить, не смѣютъ повѣрить другъ другу свои подозрѣнія. — Съ разсвѣтомъ распространяется повсюду и вѣсть объ ужасномъ происшествіи. Съ быспрошою молніи доспигаемъ она Пизы. Тѣ, кому люди вѣрили управленіе правосудіемъ, посылаютъ своихъ присланныхъ: всѣ жившіе въ домъ Бельфіора захвачены, Лануцци представленъ предъ судію, который принадлежитъ къ партіи Гвельфовъ. Здѣсь видишь онъ себя вмѣстѣ съ прочими, подозрѣваемыми въ ужасномъ преступленіи; но показанія всѣхъ обвиняютъ его. Мѣсто, гдѣ нашли его служители; кровь, копорю обогрены были его руки и грудь; его блѣдность, его прелепъ; шолько что пошущая лампа, найденная у ногъ его; прежнее его осужденіе и причина, къ тому побудившая; и наконецъ, что всего важнѣе, его вензель на кинжалѣ, извлеченномъ изъ раны Бельфіора, кинжалъ, который всѣми признанъ принадлежащимъ Лануцци — все, все соединилось, чшобы обвинить его. Самое его опчаяніе говорило противъ

него. — „Я“ — восклицалъ онъ — „я умершвилъ своего друга, единственнаго, кошораго имѣлъ на свѣтѣ! Того, кому обязанъ сохраненіемъ жизни, споль ненависпной для меня въ эту минушу! Того, кого любилъ болѣе, нежели самаго себя! Для кошораго охотно пролилъ бы послѣднюю каплю своей крови! Я, я могъ умершвилъ его! Я могъ осквернить руку мою шакимъ ужаснымъ злодѣяніемъ! И когда, въ какое время, въ какомъ мѣсѣ? Въ пишинѣ ночи измѣннически нарушилъ сладкій покой его — я, его другъ, кошорому далъ онъ кровь и пріюшъ? И меня считающъ способнымъ къ шакому гнусному поступку? О Небо! На какія ужасныя мученія осудило Ты меня? Великій, милосердый Боже! Неужели мѣра испытаній Твоихъ еще не исполнилась? Неужели я не довольно шерпѣлъ? О пѣнь моей матери! проси за швоего сына, умолай Всемогушаго, кошорому извѣстна моя невинность!“

Произнеся слова сіи, несчастный Лануци погрузился въ совершенную безчувственностъ; но ничто не могло опровергнуть сдѣланныхъ прошивъ него показаній, или хоша малѣйше ошклонишъ ошъ него подозрѣнія. Къ счаспію его, между судьями находился одинъ изъ шѣхъ людей, коноорые, въ особенности во время междоусоб-

ныхъ безпокойствъ, почти никогда не встрѣчаюся. Имя его было: Кардега. Хотя и принадлежалъ онъ къ паршии Гвельфовъ; однако не думалъ, что бы Джибеллинъ, призванный предъ судъ, долженъ уже бытъ обвиненъ пошому шолько, что онъ Джибеллинъ. Будучи справедливъ и благороденъ, онъ подавалъ приспращнымъ своимъ современникамъ примѣръ суди правосуднаго, произносящаго приговоръ по совѣси и по законамъ. Еще болѣе: онъ дерзалъ не шолько по-человѣчески мыслишь; но и дѣйствовашъ по-человѣчески. Тронушый скорбію Лануцци, благородною ошкровенноспію, кошорая видна была во всѣхъ его черпахъ, во всѣхъ словахъ, онъ явно защищаль его. Прочіе судьи напрошивъ въ ошчаяніи обвиняемаго видѣли шолько послѣдствія упрековъ совѣси или обыкновенную уловку пресшупниковъ. Они говорили, что доказашельсшва его злодѣянія слишкомъ явны; что рука его уже привыкла къ убійсшву и обагрена кровію двоюроднаго брата; что не нужно долѣ умѣрять благодѣшельную спрососшь законовъ, шѣмъ болѣе, что необыкновенность пресшупленія заслуживаетъ и жесточайшее наказаніе, въ примѣръ и предосшереженіе другихъ; что народъ и безъ того жаждешъ мщениа и громко шребуешъ его смерши; что не зачѣмъ долѣ

опкладывашь. . . . Почти единогласно Лануцци былъ осужденъ на казнь. — Тщешно Кардега нѣсколько разъ принимался защищать его; щешно напоминаль о проклятіи Невесъ, поспигающемъ судію несправедливаго — онъ не успѣль ни въ чемъ, и только получилъ печальное ушѣшеніе объявишь несчастному Лануцци ужасный приговоръ, прошивъ него произнесенный.

Когда заскрипѣли тяжелые запворы шемницы, сердце благороднаго Кардеги сжалось и слезы невольно полились изъ глазъ его — но онъ оперъ ихъ. Съ спокойнымъ и швердымъ духомъ долженъ онъ былъ явишься къ несчастному: онъ шелъ ушѣщать.

Двери подземной храминны опворились и при блѣдномъ свѣшъ лампы увидѣль онъ Лануцци, злополучнаго Лануцци въ глубокой горести, удрученнаго шжестію цвпей, распросшершаго на влажномъ полу. Снова соспраданіе объяло его душу; еще сильнѣе забилось сердце благороднаго мужа, пошокъ слезъ полился изъ глазъ его — онъ не въ соспояннн былъ удержашъ ихъ.

„Меня“ — началъ заключенный — „меня обвиняете вы въ убійствѣ; меня считаеете „измѣнникомъ!“ — Сынъ мой! — возразиль ему великодушный судья — человекъ сродно заблуждашься и погрѣшашъ. Я считаю себя

невиннымъ и пошому менѣе сожалѣю о себѣ, нежели о судьяхъ, которые произнесли смертный приговоръ швой. — „Мой смертный приговоръ! — И шакъ уже рѣшено! Посрамленный низойду я въ могилу!“.... Цѣпь ужасныхъ мыслей, возродившихся въ душѣ Лануци при семъ спрашномъ словѣ, повергла его въ изспупленіе, которое мало по-малу перешло въ совершенную безчувственность. Продолжительная, пыжкая ночь облекла душу его. Всѣ приближавшіеся къ нему ушопали въ слезахъ и шщепно спарались хоня нѣсколько его успокоить. Мысль о смерти не была для него ужасна: со времени кончины машери и пошери друга, въ ней одной шолько полагалъ онъ конецъ своимъ спраданіямъ. Но жишь въ памяти своихъ согражданъ гнуснымъ убійцею; прешерпѣвъ казнь въ опечесшвенномъ городѣ, гдѣ всякой предметъ напоминалъ ему лѣша его юности — вошь что подавляло горешію его душу.

Кардега снова посѣшилъ его и воспользовавшись минушой наружнаго спокойшвія, замѣченнаго имъ въ несчастномъ спрадальцѣ, съ дружескимъ учасшіемъ взялъ его за руку и указывая на образъ распяшаго Спасишедя висѣвшій прошивъ него на спѣнѣ, сказалъ:

„Развѣ ты думаешь, что Ояъ былъ виновень? Посмотри на Его раны, удивляйся преданности Его воли Всевышняго и помни, что прешерпѣлъ Топъ; Кто умеръ за себя на крестѣ.“ — Долго, въ молчаніи и съ умиленіемъ смотрѣлъ Лануцци на крестѣ; потомъ, какъ бы вдохновенный свыше, воскликнулъ: „О Боже, Боже праведный и милосердый! Да совершился святая воля Твоя! Прости пренешъ моего сердца! Не ожиданіе смерти виною его — нѣтъ; самое поношеніе принимаю охотно. Я заслужилъ смерть, коль скоро Ты въ премудрости Своей обрекъ меня на казнь. Какая мнѣ нужда до мнѣнія людей, Божественный Спаситель! — Трижды опрекся ошь Тебя вѣрнѣйшій изъ Твоихъ Апостоловъ, а мнѣ, недоспойному рабу Твоему, посылаешь Ты въ мрачную темницу Ангела ушѣшишеля. — О Кардега! Я обязанъ тебѣ болѣе, нежели жизнью: умираю съ вѣрою въ Бога и Его Небеснаго Сына. Скоро услышу я привѣщствіе моей матери, скоро почувствую объясніе моего друга, котораго не могъ я спасти ошь руки убійцы!“

Всѣ бывшіе свидѣтелями такой перемѣны въ молодомъ чловѣкѣ, едва вспулившемъ на поприще жизни, увѣрились шеперь совершенно въ его невинности и всѣ единодушно желали его спасенія. Молва о его благоче-

спіи, о его швердомъ упованіи на Бога, разнеслась въ народъ, и уже со всѣхъ сторонъ слышенъ былъ легкій ропотъ. Желали опсрочишь исполненіе слишкомъ поспѣшно произнесеннаго приговора; требовали новаго изслѣдованія, зрѣлаго обсужденія дѣла. „Время“ — шакъ говорили всѣ — „ошкроешъ виновнаго; Лануцци не можешъ бышь злодѣемъ.“

Нѣкошорые, довольно значущіе люди изъ паршіи умѣренныхъ, рѣшились обратишь для сего прямо къ судьямъ, и уже общее мнѣніе было въ пользу Лануцци. Но Кардега, благородный Кардега не шерялъ ни минушы времени. Еще прежде, нежели начашо было слѣдшвіе, опправиль онъ нарочнаго во Флоренцію; эшошь нарочный возвратишь и скоро все приняло иной видъ.

Убийца Бельфіора былъ бандишь, подкупленный Бандинелли, чшобы умершвишь Лануцци. Подлый Флореншинець, не довольшвуясь шѣмъ, чшо гнусною клеветой успѣлъ лишишь своего двоюроднаго брата всего имущества и изгнашь изъ опечества, хошѣлъ посягнушь еще и на жизнь ненавистнаго ему Лануцци, единшвеннаго свидѣтеля его прежняго измѣническаго поступка.

Въ шошь день, когда они въ первый разъ дрались другъ съ другомъ, у Лануцци

выпалъ бывший при немъ кинжалъ, который поселяне, принесшіе Бандинелли домой, оставили у него, считая, что онъ принадлежитъ ему. Флорентинецъ опдалъ эпощъ кинжалъ одному находившемуся въ службѣ у Гвельфовъ бандишу и общалъ ему большое награжденіе, если онъ совершитъ убійство.

Кардега, отправивъ нарочнаго во Флоренцію, просилъ убѣдительно друзей своихъ строго наблюдать за всѣми входящими и выходящими изъ дома Бандинелли. Такимъ образомъ убійца былъ схваченъ. Изъ его признанія открылось, что онъ тайно прокрался въ домъ Бельфіора и пробылъ тамъ до полуночи; но ошибаясь въ комнахъ, умертвилъ Бельфіора вмѣсто Лануцци. Онъ имѣлъ приказаніе, врученный ему, принадлежавшій сему послѣднему кинжалъ оставилъ въ груди Лануцци, чтобы такимъ образомъ на него пало подозрѣніе въ самоубійствѣ. Совершивъ пресупленіе, злодѣй спѣшилъ оставилъ Пизу; но предъ врачами Флоренціи принужденъ былъ сражаться съ однимъ изъ своихъ поварей, равнымъ образомъ подкупленнымъ Бандинелли, убишь его, какъ скоро онъ возвратишься. Побѣжденный признался ему въ томъ, чтобы искупить жизнь свою.

При входѣ въ палаты Бандинелли, куда прокрадывался онъ въ намѣреніи умертвить

гнуснаго измѣнника, схватили его сыщики: Флорентинскій Магистратъ, принадлежащій какъ и Кардега, къ партіи Гвельфовъ, безпрекословно передалъ бандита Пизанцамъ; шѣмъ болѣе, что объ республики были въ это время въ мирѣ и Бельфіоръ принадлежалъ къ одной изъ знашнѣйшихъ Пизанскихъ фамилій. Припомъ же и Бандинелли, происходящій равнымъ образомъ ошъ знаменишаго дома, не имѣлъ причины чего либо опасаться: по варварскимъ законамъ того времени, его посшданный посшупокъ не влекъ за собою никакого другаго наказанія, кромѣ упрековъ собшвенной совѣсти.

Какъ скоро сіе происшествіе сдѣлалось извѣстно въ Пизъ, весь народъ, принимавшій уже искренное участіе въ судьбѣ Лануцци, предался восшоргу. Только для него самаго шакой скорый, неожиданный переходъ ошъ горести къ радости, имѣлъ опасныя послѣдствія: вмѣсто того, чшобы продлить дни его, онъ едва не прекрашилъ ихъ. Когда Лануцци услышалъ, чшю невинность его всѣми шоржешвенно признана, въ душѣ его произошло шакое сильное волненіе, чшю онъ полумертвый упалъ на землю.

Кардега не осшавлялъ его, сшарался всѣми силами подашъ помощь, и когда Ла-

нуци опять пришелъ въ себя, оба поверглись предъ образомъ Спасителя.

„О религія!“ воскликнулъ Лануци: „ты дала мнѣ силу перенести мысль о поносной смерти; теперь ты дѣлаешь еще болѣе — научаешь меня обязанности снова жить. О мать моя, о Бельфіоръ! Твой сынъ, твой другъ былъ всегда достоинъ вашей любви, вашего уваженія. Милосердый! Удостои бышь душеводителя и для сердца Бандицелли! Проси ему и да послужишь случившееся со мною примѣромъ для судей всѣхъ вѣковъ, всѣхъ народовъ, какъ часно обманываешь наружность! А ты благородный Кардега, ты, кошорому обязанъ я честию и жизнью, скажи, чѣмъ могу возблагодарить тебя?“ — Дѣлай для другихъ то, что Всевышнему угодно было дозволишь мнѣ одѣлать для тебя — былъ опивъ великодушнаго.

Съ Нѣм. С. В — нѣ.

ПРИЗНАНІЯ МОЛОДОЙ ДѢВУШКИ *).

*Fallere credentem non est operosa puellam
Gloria.*

Ovid. liv 2.

Непоследнее счастье для осьмидесяти-
лѣтняго старика подружиться съ дѣвушкою
въ пятнадцать лѣтъ, простодушною какъ
самая невинность, прекрасною, какъ Ангель
и остроумною, какъ демонъ. Мнѣ доспалося
въ удѣлъ такое счастье. Я живу въ Парижѣ
въ домѣ г-жи Лорисъ и занимаю маленькую
комнатку въ нижнемъ этажѣ. Хозяйка моя,
которой старшая дочь умерла съ печали,
узнавъ о смерти своего мужа, убишаго въ
сраженіи — хозяйка моя, говорю я, воспи-
тываетъ у себя, со всею нѣжностію и по-
печительностію матери, милую сироту,
оставшуюся послѣ ея дочери — ту самую
дѣвушку, которую описалъ я выше нѣсколь-
кими словами.

Молоденькая Ида есть чудо своего пола,
во всемъ смыслѣ этого выраженія. Едва вый-
дя изъ ребячества, со всею свѣжестію кра-

*) Изъ L'Hermitte de la Guiane.

сопы она соединяетъ необыкновенную привлекательность, необыкновенное благоразуміе — я гошовъ сказахъ даже, нравственную омытностъ зрѣлаго возраста. Моя компанка окнами въ садъ; Ида всякой день по ушрамъ приходишь гуляшь; влѣзаешь ко мнѣ прямо въ окно и остаешься на полчаса времени разговариваешь со старымъ своимъ другомъ, котораго называешь она своимъ Робинзономъ. Последний разговоръ нашъ подалъ поводъ къ раскрытію въ ней шакого рановременнаго разсудка, шакихъ понкихъ замѣчаній, что я въ шопъ же день записалъ ихъ. — Она пришла и постучалась у моего окна гораздо раньше обыкновеннаго.

Пустынникъ (*отворяя окно*).

Такъ рано, милая Ида! Вѣдь къ вамъ въ эти самые часы приходишь учишь Историю и Географію!

И д а.

Сегодня какой-то праздникъ, который онъ всегда проводитъ въ кругу дѣшей своихъ и вчера сказахъ мнѣ, чтобъ я не ждала его. У бабушки я начала было учиться, но вдругъ вошла г-жа Гальонъ и я скорѣе, скорѣе вонъ.

Пустынникъ.

Такъ вы ее же любите?

И д а л.

Напротивъ , очень люблю ; но недавно потеряла она дочь однихъ со мною льшь : шакъ я боюсь , чшобъ мое присушствіе не напомнило ей слишкомъ живо ея потерю.

П у с т ы н н и к ъ .

Какъ можете вы угадывать шайну шаккой печали ?

И д а л.

Поспавляя себя на мѣсто того , кто , ее чувствуешь.

П у с т ы н н и к ъ .

Чшо бъ знашь всю силу подобныхъ огорченій , надобно умѣвъ предшавивъ себя шосчасшіе , котораго лишаемся мы при шаккихъ потеряхъ . Только опытностію обучающа чувствовашъ , какъ обучаюлся ею и всему другому .

И д а л.

А я шакъ могу васъ увѣрить , чшо мы , молодые дѣвушки , часшо дѣлаемъ шолько видъ , будшо слышимъ въ первый разъ о шаккихъ вещахъ , которыя уже давно знали . Всѣ думающъ , чшо у насъ глаза шолько для шого , чшд намъ показывающъ , уши шолько для шого , чшд намъ говорящъ ; всѣ смотряющъ шолько на воспитаніе , какое мы получили ,

и никакъ не хощашъ сдѣлать намъ чести повѣришь, что мы и сами умѣемъ думать, разсуждать, наблюдать. О себѣ скажу я вамъ ошккровенно, добрый мой Робинзонъ, что я лучше всего знаю то, чему меня не учили.

Пустыжникъ.

Какъ же вы до этого дошли?

И д а.

Я безпрестанно сравниваю правила, которыя преподають мнѣ, съ примѣрами, которыя у меня передъ глазами; шуть выходишь много прошиворѣчій; я держу ихъ себѣ на умѣ, спараясь какъ можно скрывать, что такимъ образомъ узнаю.

Пустыжникъ.

Не поропишесь, милая Ида, узнавать науку свѣта. Съ истинами бываешь, какъ съ сѣменами: ихъ надобно сѣять въ удобное для нихъ время. Воспитаніе показываешь намъ общество въ такомъ видѣ, какъ оно должно быть.

И д а.

За чѣмъ же, скажишь, допускають насъ видѣть его такъ, какъ оно есть? За чѣмъ принуждають замѣчать, что совсѣмъ не дѣлаешь того вечеромъ, о чемъ твердишь цѣлый день, и что въ свѣтѣ послушають

вовсе не по нѣмъ правиламъ, по какимъ насъ воспеваютъ? Во всѣхъ книгахъ, по кошарымъ я учусь, говорится, что доброта души гораздо превосходнѣе красоты свѣтлой; что прочныя добродѣтели надобно предпочитать пріятнымъ шаланшамъ; но лишь только выду въ госпиную и со всѣхъ споронъ начнушь осыпашъ похвалами мой спанъ, мое лице, мой голосъ. Мнѣ кажется, что я имѣю доброе сердце, довольно крошкой нравъ, не совсѣмъ шупой умъ — но никому еще не вздумалось похвалить меня за это.

Всякой разъ, когда въ моихъ урокахъ, или въ чпеніи, дойдетъ дѣло до любви, бабушка поспѣшь перевершываетъ спраницу и шакъ скоро, какъ будто подъ руку попался ей горячій уголь; приходитъ училель пвнія и я сто разъ должна повпоряпъ, на всѣ лады, по-Италіянски и по-Французски, что *любовь есть верховное благо*, что *нельзя жить безъ любви* и что *нѣтъ счастья, когда не вкушаешь любви*; вечеромъ ѣду въ оперу: шамъ Весшалка позвольтешъ себя закопашъ живую, ушѣшаясь шѣмъ, что одну минушу насладилашъ любовью. Куда бѣ я ни пришла, вездѣ говорашъ, вездѣ поюшъ о любви, славяшъ ее, сожалѣютъ о ней; а бабушка все еще швердо увѣрена, что мнѣ и на умъ не приходило знашъ, что́ шакое

любовь, мнѣ, которая вышвердела почти наизусть седьмую книгу Телемака!

Пустыникъ.

Въ такомъ случаѣ вы знаете, что эта спрашивается должна бытъ управляема разсудкомъ; что иначе, она дѣлается причиною беспорядковъ въ обществѣ, бѣдствія семействъ и спыда тѣхъ, которые предаются ей.

И д а л.

Я очень вѣрю, добрый Робинзонъ; но признайшесь, что все таки это заманчиво для молодой дѣвушки, которая привыкла замѣчать внимательнѣе, чѣмъ дѣлается, чѣмъ говорится вокругъ нее. Желала бы я знать, чѣмъ спали бы опивчаться пому, кшо скажешь: „Любовь есть конечно первая связь, первая прелестъ общества, потому что она служить неисчислимымъ предметомъ разговоровъ, цѣлью всѣхъ желаній, пружиною всѣхъ искусствъ. Она должна непременно возвышать счастье семействъ, потому что вездѣ принимаютъ съ особенною благосклонностью, съ радостію, людей, которые подаютъ въ ней разительные примѣры. Безъ сомнѣнія она придаетъ имъ особое достоинство, потому что называющъ *побѣдами* успѣхи, какіе они приобрѣтающъ.“

Пустыникъ.

На это спали бы опивчашь, милая Ида, что въ госпипныхъ всего меньше можно узнать достоинство людей; что пѣ, которыхъ всего лучше принимающъ въ свѣтѣ, не всегда всѣхъ болѣе уважающся, и что употребляемыя шамъ слова, подобно маркамъ въ игрѣ, имѣющъ только условную цѣну, которая бываетъ различна, смотря по паршямъ, и вмѣстѣ съ ними оканчивается.

И д а.

На этошъ разъ я довольна вашимъ сравненіемъ; но когда я буду за-мужемъ, шо сдѣлаю вамъ на это пакія возраженія, ошъ которыхъ будешъ вамъ не такъ легко ошдѣлаться. Теперь же попробуйте оправдашъ другія прошиворѣчія, о которыхъ мнѣ до-чѣ спрашивашъ, а вамъ опивчашъ.

Съ пѣхъ поръ, какъ я себя помню, мнѣ безпрестанно швердшъ, что честная бѣдностъ достойна всякаго уваженія, а недобромъ пріобрѣшенное богатство заслуживаетъ полное презрѣніе. Вы часшо обѣдывали у моего дядушки съ господами Д'Аршель и Мадларъ: нѣшъ, какъ говоршъ, честнѣе и бѣднѣе перваго; нѣшъ и ростовщика богаче шораго. Между пѣмъ вы могли замѣшшъ, что послѣдній имѣешъ всегда лучшее мѣсто за

споломъ, а бѣдный Д'Аршель принужденъ садиться на шею, гдѣ я покажу ему мѣсто погды себя.

У меня есть двѣ пепушки — вы ихъ знаете; знаете и то, что онѣ имѣютъ весьма различную славу. Г-жа Монжене примѣръ всѣхъ добродѣтелей; она пожертвовала своимъ имѣніемъ обязанностямъ сунруги; для нее нѣтъ другаго удовольствія, другаго счастья, какъ въ обязанностяхъ мащери: она живетъ, забывшая всѣмъ свѣтомъ, въ бѣдности, близкой къ нищестю. Ея сестра, Графиня д'Эссениль, шла путемъ совершенно противоположнымъ: не смотря на то она вездѣ принята, всѣ въ ней ищутъ, стараются ее заманивать и угощать; богатство, почести, даже уваженіе служило ей воздаяніемъ за ея поведеніе. Знаю, что я не должна поступать, какъ Г-жа д'Эссениль; но и не желала бы имѣть участъ Г-жи Монжене.

Намъ, молодымъ дѣвушкамъ, безпрестанно толкуютъ о крошечности, осторожности и скромности. Многo труда стоило приобрести два послѣднія качества, къ которымъ я не слишкомъ была расположена по характеру; но всякой день бываю свидетельницей, какія похвалы распочаютъ кузинѣ моей Адели, какъ предпочитаютъ ее всѣмъ подругамъ, и все оцѣню, что въ

ней находящъ совершенно прошивное пѣтъ добродѣтелямъ, которыя намъ превозносятся, какъ первѣйшее украшеніе нашего пола. Природа, Религія, воспитаніе предписываютъ намъ уважать старость, и въ отношеніи къ вамъ и къ бабушкѣ, я не знаю другой обязанности, которая была бы для меня пріятнѣе. Но посмотрите, съ какимъ презрѣніемъ говорите о старикахъ! Какъ убѣгаютъ ихъ? Какъ дѣлаютъ посмѣшищемъ даже самую ихъ хилость! Не знаю также, почему всѣ смѣются, когда я говорю, что любовь моя къ вамъ шакъ велика, что я желала бы сдѣлаться вашею женою; однако тошно объ закладъ биться, что смѣются надъ вами.

П у с т ы н и к ъ.

И вы конечно станете также смѣяться, когда угадаете шайну ихъ насмѣшекъ.

И д а.

Я никогда бы не кончила, если бы захотѣла разказать вамъ все, что у меня на умѣ. Напримѣръ, что случилось со мною въ прошедшее воскресенье? Я провела первые годы своего дѣтства съ Аннешою, дочерью горничной, которая ходила за моей манушкой; она однихъ со мною лѣтъ; мы воспитывались въ одномъ пансіонѣ и я очень къ

ней привязана. Теперь она живетъ въ деревнѣ и я не видалась съ нею года чешыре или пяшь. Представыте себѣ всю радость нашего свиданія. Цѣлое утро проговорили мы въ моей комнашѣ; наспалъ часъ обѣда; я звала ее иди вмѣстѣ и сѣсть за споломъ подлѣ меня; она опказалась, хотѣла, чшобъ я спросила напередъ позволенія у бабушки; бѣгу въ полной увѣренности, чшо не сочтушь худымъ шого шеперь, чего не считали худымъ за нѣсколько лѣшь. Ни чуть не бывало: бабушка говоритъ мнѣ, чшо это неприлично и чшо надобно послать Аннешу обѣдать въ людскую.

Сколько я ни повшоряла, чшо она была подругою моего дѣшсшва; чшо она очень мила, очень хорошо образована; чшо я всегда называла ее своимъ другомъ; сколько ни старалась напоминать бабушкѣ, чшо она сама швердила мнѣ спо разъ, какой смѣшной и несносный лорокъ шщеславіе: ничшо не помогало; она наговорила мнѣ кучу, доказывая, чшо я худо пользовалась ея насшавленіями; и шолько просьбами и слезами могла я наконецъ упросишь, чшобъ доброй Аннешѣ позволили обѣдать со мною въ моей комнашѣ. Аннеша же, уходя, увѣряла меня, чшо когда бы я ни вздумала навѣшцишь ее — всегда

буду обѣдаться за столомъ со всѣмъ ея семействомъ.

Ида разсуждала весьма справедливо, и ея маленькія нападенія были дѣланы съ такимъ искусствомъ, что я дѣйствительно затруднялся иногда въ отвѣсахъ. Мнѣ удалось однако дать ей наконецъ почувствовать, что замѣченныя ею противорѣчія въ воспитаніи и въ нравахъ только по наружности шаковы; что личныя выгоды, приличіе, вѣжливость, обязанности по обстоятельству, принуждаютъ иногда пресупать въ свѣтѣ строгія правила религіи и нравственности; но при всемъ томъ послѣднія — и я поспирался въ свою очередь доказать это примѣрами самыми разительными — служатъ единственною порукой въ уваженіи общества, безъ котораго не можешь быть истинныхъ удовольствій, а еще менѣе насущаго счастья.

Съ Фр. Вл.

А Н Е К Д О Т Ы

І.

Аббать Полиньякъ, споль много участвовавшій въ призваніи Принца Конши на Польскій пресполь и за худой успѣхъ сего предпріяшія впавшій въ немилосць Людовика XIV, былъ однако посланъ симъ Государемъ, какъ искусный дипломашъ, для переговоровъ въ Гершпруиденбургъ и потомъ въ Упрехшъ. Раздраженный высококомѣрнымъ пономъ Голландцевъ, онъ сказалъ имъ однажды: „Государя мой! Вы говорите какъ люди, кошорые вовсе непривыкли побѣждать.“ Два года слущя, на конгрессѣ Упрехшскомъ, онъ опшспилъ еще блиспашельнѣе за униженіе, прешерпѣнное имъ въ Гершпруиденбургъ. Уполномоченные Голландіи, примѣпя, что опъ ихъ скрывающъ нѣкошорыя условія мирнаго договора, объявили Миниспрамъ Короля Французскаго, что опъ они пригошвились выѣхашъ изъ ихъ государшва. „Нѣшъ, господа“ — опвѣчалъ имъ Аббать Полиньякъ — „мы не выѣдемъ опсюда. Наши переговоры будущъ увашъ, будущъ объ вашъ и будущъ безъ вашъ.“

2.

Леди Морганъ въ книгѣ своей о Франціи говоритъ, что умѣешь разговаривать (*causer bien*) и быть хорошимъ разскащикомъ (*bon raconteur*) служишь тамъ и до сихъ поръ вѣрнѣйшимъ средствомъ поспѣшь въ лучшее общество. Въ доказательство приводишь она слѣдующій анекдотъ :

„Маркиза W. изчисляла мнѣ однажды отличнѣйшихъ особъ, которые до революціи составляли ея вечернія общества (*soirées*) и при этомъ упомянула съ большимъ восторгомъ о Шанфорѣ. „Ахъ!“ воскликнула наконецъ она съ необыкновеннымъ чувствомъ: „я потеряла въ немъ своего лучшаго. . .“ — Тутъ замолкла она на минушу, и я намѣревалась уже дополнить рѣчь, прерванную сердечнымъ сокрушеніемъ, словомъ: *друга*, какъ вдругъ повинорила она: „Я потеряла въ немъ своего лучшаго разскащика!“

3.

Госпожа Жофрень заказала однажды славному живописцу Ванлоо двѣ каршины: одна должна была представить концертную залу съ большимъ оркестромъ и многочисленною публикою; другая такъ называемая *pièce de conversation* въ Испанскомъ костюмѣ.

Ванлоо писалъ ихъ съ большимъ тщаніемъ и охотою и пошому принадлежали они къ удачнѣйшимъ работамъ сего знаменитаго художника.

Онъ просилъ за нихъ 3.000 ливровъ. Г-жа Жофрень, въ восхищеніи оныхъ, послала ему, при весьма лестномъ письмѣ, 4.000 ливровъ.

Объ каршины заслужили удивленіе знатоковъ, и слава о нихъ распространилась повсюду, даже и въ отдаленныхъ краяхъ Европы.

Послѣ смерти своей Ванлоо, какъ и многіе другіе великіе художники, оставилъ наслѣдникамъ своимъ весьма недоспапочное состояніе.

Г-жа Жофрень рѣшилась объ каршины — которыя съ смертію живописца приобрѣли еще большую цѣну — продать съ публичнаго торга. Для сего выставила она ихъ въ Лувръ, дабы всякій могъ ихъ видѣть и удостовѣриться въ изящности живописи.

Екатерина II узнала объ ихъ продажѣ. Она дала порученіе купить ихъ за какую бы то ни было цѣну. При публичномъ торгѣ послѣдняя цѣна соспоялась въ 34,000 ливровъ. Императрица купила каршины и деньги за нихъ были тогда же заплачены.

Г-жа Жофрень, удержавъ изъ нихъ у себя 4.000, послала остальные за тѣмъ 30.000 ливровъ вдовѣ живописца при слѣдующемъ письмѣ :

„За нѣсколько лѣтъ предъ симъ супругъ вашъ занялъ у меня 4.000 ливровъ подъ залогъ двухъ картинъ. Замѣшя, что мнѣ сіи послѣднія очень понравились, былъ онъ такъ благосклоненъ, что оставилъ ихъ у меня и никогда не требовалъ назадъ.

„Вчера продала я обѣ эти картины за такую цѣну, что могу имѣть теперь удовольствіе препроводить къ вамъ при семъ прилагаемые 30.000 ливровъ, какъ законную вашу собственность. Конечно, мнѣ бы слѣдовало напередъ испросить ваше согласіе на продажу картинъ; но не припишите этой вины съ моей стороны недосмотру моего къ вамъ почтенія, а только дружескому желанію быть вамъ полезною, и будише увѣрены, что чувства сія будише цѣпашъ къ вамъ навсегда и пр.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Издатели Сына Ошечества и Сѣвернаго Архива, желая придашь Журналамъ своимъ болѣе разнообразія, и въ шоже время избѣжать необходимыхъ при нынѣшнемъ ихъ успройствѣ повпореній, рѣшились, съ начала будущаго года, соединить пруды свои, и въ шоже времени раздѣлишь свои изданія, по содержанію ихъ, на три часши, изъ коихъ каждая будешь заключашь въ себѣ особые предметы. Донынѣ чинатели получали въ каждомъ изъ сихъ Журналовъ спашьи сходнаго и одинаковаго содержанія; нерѣдко случалось и шакъ, что Сочинитель, начавъ свою спашью въ одномъ, ошправлялъ продолженіе и окончаніе въ другой изъ нихъ, и шѣ любители чшенія, кошорые получаютъ шолько одинъ изъ сихъ Журналовъ, лишались начала или конца спашьи. Сверхъ шога, въ извѣсшяхъ о новыхъ книгахъ, *каждый* изъ Издастелей помѣщала разборъ оной въ своемъ Журналѣ, и разборы сіи нерѣдко, по необходимости, были почти одинаковаго содержанія. Ошнынѣ неудобство сіе прекратился, и, вѣвшо Сына Ошечества, Липерашурныхъ къ нему Прибавленій, Сѣвернаго Архива и Липерашурныхъ Лисшковь, выводитъ будешь съ 1825 года слѣдующіе три ошдѣльные Журнала:

I. СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, Журналь Литерашуры, Полишки и Современной Испоріи, издаваемый Н. Гречемъ и Ѳ. Булгаринымъ. Въ оный входящъ слѣдующія спашья :

1. *Руская Словесность.* Духовное и свѣтское Краснорѣчіе. Разсужденія о Рускомъ языкѣ и о Руской Литерашурѣ.

2. *Иностранная Словесность.* Извѣстія объ успѣхахъ Словесности въ чужихъ краяхъ. Переводы лучшихъ иносшранныхъ произведеній.

3. *Изящная Словесность.* Подъ симъ заглавіемъ будутъ помѣщаемы спашья, соспавлявшія донныѣ *Литературныя Прибавленія къ Сыну Отечества*: Повѣсти, Сказки, Анекдоты и ш. д. Издашеля приложатъ все свое спараніе, чшобъ сіе опдѣленіе ихъ Журнала сохранило вниманіе публики, копорымъ Литературныя Прибавленія пользующся въ шеченіе шрехъ лѣшъ.

4. *Критика.* Разборъ новыхъ, досшойныхъ вниманія произведеній Руской Словесности.

5. *Поэзія.* Спихопворенія опдѣльныя, и опрывки изъ большихъ Поэмъ, Трагедій, Комедій и проч.

6. *Науки и Изящныя Искусства.* Подробныя свѣдѣнія о новыхъ произведеніяхъ Наукъ и Изящныхъ Искусствъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Спашья, опносящіяся къ шеоріи Наукъ и Художествъ.

7. *Современная Исторія и Политика Европы.* Разсужденія и повѣстшвованія о новѣйшихъ и прежнихъ политическихъ и военныхъ дѣлахъ; выписки изъ иносшранныхъ испориче-

скихъ и политическихъ Журналовъ; важнѣйшіе Государственныя акты, рѣчи, договоры и ш. п.

Для избѣжанія частыхъ перерывовъ продолжительныхъ спашей, Журналъ сей будетъ издаваться не каждую недѣлю, но по два раза въ мѣсяць, 1го и 15го числа, книжками въ шесть и болѣе печатныхъ листовъ.

II. СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ, Журналъ Исторіи, Спашисники, Пушешествій и Нравовъ, издаваемый О. Булгаринымъ и Н. Гречемъ, будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій:

1. *Всеобщая Исторія.* Переводы изъ древнихъ и новыхъ классическихъ Писателей. Биографіи сихъ Писателей.

2. *Россійская Исторія.* Граматы; извлеченія изъ Лѣтописей, Хронографовъ и другія достопамятності древней, средней и новой Исторіи Россіянъ и прочихъ Славянскихъ народовъ. Крипическія изысканія о шемныхъ мѣстахъ Исторіи Россійской. Разборъ важнѣйшихъ историческихъ сочиненій. Древности. Монеты.

3. *Статистика и Политическая Экономія.* Свѣдѣнія статистическая о Россіи и о смежныхъ съ нею Государствахъ. Теоретическія изысканія и описанія практическихъ способовъ, клонящихся къ усовершенствованію земледѣлія, фабрикъ, рукодѣлій, торговли, домоводства и проч.

4. *Путешествія.* Путешествія Россіянъ по чужимъ краямъ, еще ненапечатанныя; Россіянъ и иностранцевъ по Россіи; важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ ча-

спяхъ Свѣша. Извѣстія объ экспедиціяхъ полярныхъ.

5. *Правовѣдѣніе.* Теорія Судопроизводства. Юридическія изслѣдованія. Знаменистые процессы (causes célèbres).

6. *Нравы.* Спашьи о нравахъ и обычаяхъ, въ родѣ Адиссонова Зришеля, Джонсонова Побродяги, Пустынника Жуи, донынѣ помѣщавшіяся въ Лисерашурныхъ Лисшкахъ.

7. *Слѣсъ.* Кришическое разсмотрѣніе историческихъ, спашиспическихъ и географическихъ сочиненій, каршъ, плановъ и проч. Извѣстія о новыхъ книгахъ, каршахъ, планахъ и ш. п. Крашкія извѣстія о путешественникахъ и онкрытіяхъ, ими сдѣланныхъ; свѣдѣнія спашиспическія и географическія. Къ сему Журналу будущъ прилагаемы поршрешы, каршы, виды, планы и ш. п.

Сей Журналь будешъ выходишь, какъ и прежде, книжками въ 6 лисшовъ, чрезъ двѣ недѣли, 8го и 22го чисель каждаго мѣсяца.

III. СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА, Журналь Новостей по часпи Ишоріи, Полишки, Нравовъ, или Новая Политическая и Лисерашурная Газета, издаваемая Н. Гречемъ и Ѳ. Булгаринимъ. Въ оной помѣщаемы будущъ всѣ крашкія и легкія спашьи, по вышесчисленнымъ предметамъ, получающія цѣну свою ошъ скорого и незамедлительнаго выхода оныхъ въ свѣшъ, чего донынѣ, въ Журналахъ еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ, нельзя было доспигнуть. Въ сей Газетѣ будущъ содержашья :

1. *Новости политическія заграничныя*, кои донинѣ помѣщаются были еженедѣльно въ Сынѣ Ошечества. Въ Сѣверной Пчелѣ будутъ сообщаться важнѣйшія извѣстія, полученныя на канунѣ или за нѣсколько часовъ до выпуска въ свѣтъ нумеровъ оной.

2. *Новости внутреннія*. О необыкновенныхъ случаяхъ и явленіяхъ въ природѣ и общежитіи.

3. *Новости неполитическія*. О новыхъ изданіяхъ и предпріятіяхъ. О произведеніяхъ Наукъ, Художествъ и Ремеслъ.

4. *Современная Руская Библіографія*, или извѣстія обо всѣхъ выходящихъ въ свѣтъ Рускихъ книгахъ, съ крапками о содержаніи и доспойнствѣ оныхъ замѣчаніями.

5. *Словесность*. Легкія спихошворенія. Крапкія спашья о нравахъ, обычаяхъ и Лишерашурѣ. Пешербургскія Записки.

6. Извѣстія о новѣйшихъ модахъ.

Сія Газета будетъ выходитьъ прижды въ недѣлю, по вшорникамъ, чешвершкамъ и суббшамъ, лисшми, наподобіе Journal des Débats.

Издашели сихъ Журналовъ, ободряемые въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ благосклоннымъ вниманіемъ просвѣщенной публики къ усерднымъ ихъ шрудамъ, приложашъ всѣ спаранія къ лучшему и успѣшнѣйшему удовлетворенію справедливымъ ея шребованіямъ. Преимущественно будутъ они спарашья о слѣдующемъ: 1) Издавашъ книжки и лисшы своихъ Журналовъ съ величайшею исправношю въ назначенные дни. 2) Помѣщашъ спашья поучительныя, пріятныя и полезныя; занимашья выборомъ и обрабош-

кою оныхъ, а не печаташь на обумъ, что попадеши, шолько бы наполнишь обѣщанное число листовъ. 3) Опнюдь не печаташь ничего шакого, что уже было когда либо напечатано на Рускомъ языкѣ; менѣ же всего позволяшь они себѣ выписывать списашьи изъ другихъ нашихъ Журналовъ. 4) Наблюдашь, что въ помѣщаемыхъ у нихъ списашьяхъ, сохраняемы были чисшоша и правильность Рускаго языка, и 5) Опнюдь не помѣщаешь ничего шакого, что могло бы показаться оскорбительнымъ для нравовъ, или чего нельзя бѣ было читашь молодымъ людемъ. Благоговѣнїе къ Вѣрѣ, уваженіе нравственности, безпредѣльная, душевная преданность къ Государю и любовь къ опечешву будуще водить перомъ ихъ.

Получивъ обѣщаніе досшойнѣйшихъ нашихъ Лшператоровъ и Ученыхъ способствовашь имъ своими шрудами, они приглашающъ всѣхъ любшелей Наукъ и Словесности доставляшь въ ихъ Журналы свои произведенїа, но обязывающъ печаташь шолько то, что сообразно съ цѣлю ихъ изданїа, что содержанїемъ и слогомъ досшойно вниманїа просвѣщенной публики. Въ сѣмъ случаѣ принимающъ они на себя обязанность оппечашывашь на свой щепъ до двухъ сотъ экземпляровъ доставленной имъ списашьи особо, въ пользу Авшора; но въ случаѣ невозможности помѣстшшь какую либо списашью, опказывающъ опъ всякой по сему предмету переписки и опъ обязанности доставляшь рукопись обратню. Изъ сего исключаютшя историческіе акты, и ш. п.,

кошорые , по снятіи съ нихъ копіи , возвращающіеся доснавившимъ съ благодарностію.

Подписка на сіи при Журнала принимается порознь , а именно:

	въ Санкш- пешербур- гъ.	Съ пересыл- кою и съ до- спавленіемъ на домъ.
1. За годовое изданіе или 24 книжки <i>Сына Отечества</i> , со включеніемъ Литературныхъ Прибавленій .	40 р.	45 р.
2. За годовое изданіе или 24 книжки <i>Съвернаго Архива</i> со включеніемъ Литературныхъ Листковъ. . .	40 р.	45 р.
3. За годовое изданіе или 156 листовъ <i>Съверной Пчелы</i>	40 р.	50 р.

Подписываться можно: въ С. Пешербургъ, въ типографіи Коллежскаго Совѣтника Греча , въ большой Морской, въ домъ Косиковскаго, подъ No 69; у Издашеля Ф. В. Булгарина, живущаго въ домъ Кошоміна, подъ No 57, у Полицейскаго моспа; также въ магазинъ для чтенія А. Ф. Смирдина у Синяго моспа, и въ книжномъ магазинъ Ив. В. Сленина; въ Москвѣ, въ Университетской книжной лавкѣ А. С. Ширяева и у О. Л. Свѣшниковъ. Сіи книгопродавцы назначаются комисіонерами Редакціи. Иногородные благоволяшь адресоваться прямо въ Газетную Экспедицію С. П. б. Почтамта.

Николай Грегъ. Ѡаддей Булгаринъ.

Сентября 8. 1824.

М Е Ч Т А Т Е Л Ъ.

(Повѣсть, сог. А. Лафонтена.)

Гольденеръ къ Мюллеру.

Вопшь я опяшь здѣсь, милый другъ мой — не скажу счаспливъ, а покоенъ. Покоенъ? Врядъ ли и шо! Къ кому ни придешь изъ прежнихъ знакомыхъ, у всякаго находишь кучу милыхъ дѣшей, а не рѣдко и прекрасную машь, въ кошорую нѣкогда самъ влюбленъ былъ всею сердцею. Начнушь шушишь на счешъ моего безженсшва и раздираюшь мнѣ душу своими шушками. Но эшо еще не все. Прошивъ моихъ оконъ шошь домъ, гдѣ жила нѣкогда дѣвушка, кошорую любилъ я болѣе всего на свѣшѣ, любилъ въ молчаніи и до сихъ поръ не могу забышь. Вонъ шамъ сшояла она, вонъ изъ шого окна выглядывало ея милое личико — личико, на кошоромъ я спалъ уже замѣчашъ легкій опшѣнокъ взаимной любви.

Все эшо шакъ на меня дѣйспвуешъ, чшо я оставилъ всѣ мои знакомсшва, нанялъ себѣ небольшой домикъ съ садикомъ на самомъ концѣ предмѣспія и провожу шамъ бѣольшую часшь дня, чшобъ шолько не попадалось мнѣ на глаза окно прежней моей любезной. Ко-

нечно, я долженъ уже опказаться опъ существеннѣйшаго счастья въ жизни — супружества; но мое здоровье и — не смѣйся пожалуйста — мое зеркало хошяпъ увѣришь меня въ пропивномъ. Сегодня свершилось мнѣ придцашъ шесть лѣтъ, и я одинъ: нѣтъ около меня милой подруги, кошорая бы со взоромъ, исполненнымъ любви, пожелаала мнѣ прожитъ еще сполько же — нѣтъ вокругъ меня любезныхъ малюпокъ, кошорые лепесали бы свое радостное привѣтствіе... Но полно! — Мнѣ спановишя грустно.

А какой бы пріятнѣйшій день могъ быть для меня нынѣшній, если бъ — если бъ —

Ее звали Элизой. Она была Ангель. Никогда не увижу я шакого прелесшнаго лица, шакого гибкаго, спройнаго спана. Ей было шеснадцашъ лѣтъ, мнѣ двадцашъ. Не имѣя уже родителей, я могъ свободно располагать своею рукою. Я любилъ ее чрезмѣрно, но — помнишь ли, какъ ты смѣялся — любовь моя была шакъ скромна, что едва осмѣливался я взглянуть на нее, когда она спояла у окошка. Уже румянецъ игралъ живѣе на щекахъ ея, когда она меня видѣла; уже дружеское привѣтствіе было наградою за мою привязанность, когда мы встрѣчались. Мой дядя вѣрно что нибудь замѣшилъ. Онъ

спалъ мнѣ говоришь о женишбѣ; упомянулъ имя, споль мнѣ любезное — споль пламенно любимой мною сосѣдки; но могъ ли я опкрышь ему свои чувства, когда не смѣлъ признашья въ нихъ самому себѣ? — Онъ ушелъ опъ меня въ досадъ.

Прошелъ мѣсяць. Вдругъ вижу: множество карешъ съѣзжается къ дому Элизы. Спрашиваю — и что жь? Элизина свадьба. На другой день я увхалъ изъ города съ опчаянiемъ въ сердцѣ. Черезъ годъ возвращаюсь. Нахожу дядю своего разряженнаго въ пухъ. „Одѣвайся, Леопольдъ!“ говоришь онъ: „ты долженъ бышь кумомъ у г-жи Крюгеръ, жены моего прiяшеля.“ Ъду. Предшавъ себѣ: родильница была Элиза. Эпо меня поразило, шѣмъ болѣе, что она показалась мнѣ еще прелеснiе прежняго. На возвращномъ пуши дядя сказалъ мнѣ: „Эта прекрасная женщина, Леопольдъ, была бы вѣрно швоею женой, если бь ты не подурачился. По всему сужу я что она пошла бы за шебя охошнiе, нежели за Крюгера. Но ты — ненависпникъ женщины!“

Я молчалъ; огонь разливался по моимъ жиламъ. Одна минуша разговора съ нею наеднѣ не выходила у меня изъ ума. Она взяла меня за руку и назвала кумомъ. Я, — чувство живѣйшей гореспи наполняло мою

душу — я сказала ей: „Ахъ, Элиза! не помня надѣялся я никогда слышать изъ устъ вашихъ!“ Что жъ она? — она захохотала! Да, любезный Мюллеръ, злобный смѣхъ ея опозвался мучительно въ груди моей.

На другой день я опять уѣхала. Дядя писалъ ко мнѣ, что и она съ мужемъ куда-то совсѣмъ отсюда переселилась. — О, какъ провела бы я нынѣшній день, если бъ — если бъ любила не такъ нѣжно. Но она смѣялась мнѣ въ глаза. О, эпоху смѣхъ и любовь моя никогда не выдашу у меня изъ памяти.

Гольденеръ къ Мюллеру.

Въ саду.

Не знаю, добрый ли геній мой привелъ меня сюда, или судьба опять хочетъ надо мною позабавиться. Послушай, Мюллеръ! Въ самый день моего рожденія иду я къ рѣчкѣ, кошорая спруишя возлѣ моего сада и со-сшавляешъ его границу — сажусь въ ку-спарникѣ, чтобъ мечшашъ о прошедшихъ — счастливыхъ и вмѣстѣ горесшныхъ дняхъ моей жизни. Въ первый разъ, сквозь деревья, замѣчаю по шу спорону рѣки домъ, обросшій жимолосшью. Передъ окнами спояшъ двѣ ли-пы; вблизи ихъ бесѣдка, а кругомъ всего

дома садъ. Вездѣ признаки хозяйственнаго домоводства, счастливой семейственной жизни: здѣсь на веревкахъ развѣшено бѣлье; шамъ на луку пасется пара коровъ, маленькре спадаетъ овецъ съ ягняшками. Теперь поспѣйся надъ чудакомъ! Въ десяти шагахъ отъ меня копаешь гряды садовникъ, котораго спомню бы мнѣ только спросишь о своихъ сосѣдяхъ; однако я до сихъ поръ не могу покинуть свою дурную привычку, которая сполько разъ приводила меня въ замѣшательство, которая лишила меня Элизы — не могу рѣшиться спрашивать, узнавать имя, общошательства, слушаешь болтливаго рассказчика — въ то время, когда, можешь бышь, случай говоришь мнѣ внезапное, пріятнѣйшее знакомство. Иногда, правда, и я разсуждаю, какъ человекъ хладнокровный; разсудокъ напоминаетъ мнѣ мои дѣла и смѣется надъ призраками воображенія, но сердце всегда ему не покорно. Я хочу, чшобы цупь жизни моей былъ усыпанъ цвѣтами Поэзи, сколько эшо возможно. Хочу, чшобы мечты были справами моего Эдема и чшобы ничшо обыкновенное не имѣло шууда доснупа. Можешь представишь, какъ часто въ холодномъ мѣрѣ вспрѣчаю я прошивное своимъ чувствамъ, какъ часто долженъ

покоряшься общей долѣ — но и минута забвенія меня вознаграждаетъ.

Сначала спалъ я восхищаясь прелестнымъ видомъ проспаго, уединеннаго, очаровательнаго жилища, кошорое, казалось, сама любовь избрала мѣстомъ своей обители. Еще ни одинъ человекъ не появлялся, а я уже спарался разгадать себѣ, какого соспоянія, какого пола, какихъ лѣтъ тѣ люди, кошорыхъ Богъ послалъ мнѣ въ сосѣдство. И въ это время, какъ воображеніе рисовало мнѣ картину ихъ семейственной жизни, я уже былъ привязанъ къ нимъ всею душою.

Былъ на веревкахъ говорило мнѣ, что это должны быть люди средняго соспоянія: мужъ, жена и двѣ дочери. На чубукъ висѣла соломенная шляпка, подлѣ куришельной прубки лежало начашое вязанье: символы брачной любви. Красное плашье, висѣвшее на веревкѣ, судя по цвѣшу, принадлежало дочери; и это еще върояннѣе пошому, что шупъ же на скамьѣ лежала другая шляпка, кошорая оплчалась опъ первой пещпрыми лентами и цвѣтами. Моя зришельная шрубка увѣряла меня, что шалия краснаго плашьца сшиша не на днпашю, и уже я видѣлъ въ своемъ воображеніи дѣвушку, одаренную опъ природы всѣми прелестями; уже сердце мое начинало биться, какъ у двадцатилѣшняго

юноши. Мнѣ предсавлялась уже она, въ ея соломенной шляпкѣ, съ лейкою въ рукѣ; вошь она поливаетъ цвѣшы; вошь бѣгаетъ, рѣзвился съ ягняшками... И что бы могло бытъ привлекательнѣе для взора, если бѣ въ самомъ дѣлѣ все это было передъ моими глазами?

Спан прекрасныхъ голубковъ на крышѣ, насѣдка съ маленькими цыплятками, множество домашнихъ пшицъ, между копорыми лежала спокойно большая дворная собака — по всему угадывалъ я семейственное счастье людей, копорыхъ любилъ уже всемъ сердцемъ, любилъ шакъ, какъ будто десять лѣтъ жилъ въ мирномъ кругу ихъ.

Богаство не было ихъ удѣломъ: споль подѣ липою, спулья, плашье — все увѣряло меня въ эшомъ; но шѣмъ пріятнѣе были мечшы мои, пошому что мое богаство могло принести имъ какую нибудь пользу.

Кшо-то идешъ! говорилъ я самъ себѣ. Должна бышь дочъ: она вѣрно подойдетъ посмошрѣшь развѣшенное бѣлье. Чшо, если бѣ ей было двадцать чешыре года? подумалъ я, вспомня о своихъ шридцаши шесши. Не мѣшаешъ, если бѣ и еще года два, при побольше.

Зазвенѣлъ колокольчикъ у двери — вышла дѣвушка — глупецъ! куда дѣвались всѣ

пвом расчепы! — вышла дѣвушка, едва ли и шесънадцати лѣтъ. Хошь я, по чувству нѣжнаго приличія, ошбросилъ свою зришельную шрубку, но шѣмъ не менѣе предесшнѣй спанъ красавицы обворожилъ меня. Она спрыгнула съ крыльца, порхнула два шага впередъ, и голуби, куры, цыплята полешѣли къ ней на встрѣчу, какъ будшо она была ихъ богиня.

Наклонясь, брала она одного цыпленка за другимъ къ себѣ на руки, и съ милою невинношю прижимала ихъ къ груди своей. Тушь бросила имъ пригоршни двѣ корму, и какъ вѣшерокъ порхнула къ бѣлью: сняла его, сложила въ корзину, сорвала два полевые цвѣшка, посмошрѣла въ шу спшорону, гдѣ пѣлъ вечернѣй соловей, пошомъ на заходящее солнце, пошомъ ошашъ на пшенцовъ своихъ, пошомъ — исчезла.

Шесънадцашъ лѣтъ! говорилъ я, идучи домой. Нѣтъ, Гольденеръ, она съ шобою не пара.

Продолженіе.

Здѣсь сизу я ошашъ, добрый Мюллеръ, на своемъ очарованномъ мѣстѣ, какъ будшо прикованъ, какъ будшо пойманный мошылекъ

на раскаленной иглѣ. Сажу и разсуждаю обо всѣхъ, даже и малѣйшихъ качествахъ своей шесънадцатилѣтней незнакомки. То краснѣю, то смѣюсь надъ собою, то думаю: что смо- прѣшь на избалованный свѣшь? Пусть онъ себѣ издѣвается! Я зашкну уши. Если это невинное дитя — дитя? ну, ей ужъ шаки около шесънадцати лѣтъ! — если это дѣ- вушка бужель меня любишь — по напурѣ вещей это не совсѣмъ не сбыточно, — а впрочемъ кому же до того нужда — если мы проживемъ вмѣстѣ долго, чего я надѣюсь, то различіе будешь спановишься все меньше и меньше, и — Боже мой, по мнѣ пусть цѣлый свѣшь будешь счастливъ, но пусть не мѣ- шающъ бышь счастливымъ и мнѣ!

Однако это все мимоходомъ; не по хо- шѣлъ я писашь къ тебѣ, а только испорію милой дѣвушки и моей къ ней любви, копо- рая уже можешь похвалишься успѣхами. Самъ удивляюсь своей навязчивости. Къ ея сердцу приближаюсь я скорыми шагами, какъ левъ къ своей добычѣ. Ужъ ты не упрекнешъ меня въ молчаливости и заспѣнчивости.

Первые дни провелъ я въ наблюденіяхъ: ничто не укрылось отъ моего вниманія — и моя сосѣдка-красавица, и каждый изъ се- мейства ея, и всѣ малѣйшія подробностями... Но всего болѣе она сама! — Надобно бышь

кускомъ льда, чѣмъ не превратишься въ пламя! Представь себѣ своего пріятеля, сидящаго въ кушарникѣ въ предельнѣйшее ушро, и въ тридцати шагахъ отъ него — болѣе навѣрное нѣтъ ширины въ нашей рѣчкѣ — въ такомъ недалекомъ разстояніи сидишь на берегу дѣвушка — красота, какой не приписывали и богинямъ во времена баснословныхъ! Она зачерпываетъ воду въ чистый хрусталь, и моешь нѣжное, румяное лице свое, бѣлыя руки, не мечшая имѣть свидѣтелей. Какое восхищительное зрѣлище! и вода пышетъ пламенемъ на сердце швоего друга! — Вошь начинается она пѣть: — деревья преклоняють свои вѣтви; вѣщерокъ улегся на правѣ; сшруя, всплеснувшись, умираешь — вся природа въ безмолвіи внимаешь сладостному голосу. Вошь исчезаетъ она за кушарникомъ, мелькаетъ за вѣтвями липъ, осѣняющихъ бесѣдку, гдѣ гоговишь завтракъ своимъ родителемъ; и мелодическіе звуки разговоръ ея съ машерью едва достигаютъ отшуда моего очарованнаго слуха. Чего не далъ бы я, чѣмъ приняшь участіе въ этомъ родственномъ сообщеніи двухъ нѣжныхъ сердець! Вошь беретъ она свою работу: прилежаніе водить руками, но мечны — я угадываю — лепашь предъ ея праздными, полузадумчивыми взорами. Теперь,

оставляя работу, она беретъ изъ рукъ ма-
шери маленькую, чешырехлѣвную сестру
свою, ласкаетъ ее, нянчить, училса сама
исполнять священныя обязанности, ей нѣ-
когда предназначенныя. Малышка сидитъ у
ней на колѣнахъ; она занимается ее милыми
сказочками о голубкахъ, копорые вокругъ
порхаютъ; о цвѣтахъ, копорые украшаютъ
прелестную грудь ея.

Она чаще моешь руки и чаще молился
Богу, нежели жила въ восточнаго края. Я
видѣлъ, какъ она, смотря въ слѣдъ уходя-
щей машери, складывала на груди бѣлыя
свои руки и поднимала къ небу голубя —
голубя? — глаза свои — я видѣлъ, и могу
ли думать, что это не молитва, чистѣй-
шая, какую только невинность можешь при-
нести Творцу вселенной.

Такъ вмѣстѣ съ крылатыми Горами,
перемѣняетъ она свои непрочныя занятія:
что забота о милыхъ ея сердцу, что благо-
дарное Всевышнему, что свѣтлая, дѣвствен-
ная веселость на челѣ ея — и въ каждомъ
движеніи, въ каждомъ новомъ чувствѣ — но-
вая, невыразимая прелесть! Бѣжитъ ли,
какъ легкая серна — желаетъ быть ягнен-
комъ, копорого спремилса она обрадовать
своею лаской; плещется ли волнами — го-
ришь неперпнѣемъ дождашься шой спруи,

кошорая скашилась съ милovidнаго ея личика; поешь ли — гошовь на вѣки онѣмѣшь; говоришь ли — жалѣешь, за чѣмь слухъ не для однихъ словъ ея, чшобь ими полько услаждашься.

О другъ! я снова нашель юносшь свою. Теперь знаю: кшо шакъ способенъ любишь, шощь не соспарѣешь, шощь заслуживаешь любовь, шощь получишь ее. Хошь мнѣ самому смѣшно, но шебь, какъ другу, признаюсь: я сдѣлалъ себѣ новую пару плашья, по послѣдней модѣ. Мой спарый Фридрихъ ошь радости помолодѣлъ. Я не могу не улыбашься, видя, какъ терпѣливо свиваешь онъ въ кольца локоны на головѣ моей. Онъ смѣкаешь, куда я мѣчу и, занимаясь моимъ головнымъ уборомъ, спараешься длинными увѣщаніями внушишь мнѣ духъ и смѣлосшь. Кончивъ свою работу, подводишь меня къ зеркалу, кошорое привезъ изъ городской квартиры, пошому чшо я шеперь здѣсь въ саду и ночую. — „Посмошришесь“ — говоришь онъ — „посмошришесь, добрый, любезный баринъ! Да пусшь будешь дѣвушка хошь шешьнаццаши лѣшь —“

Да; она шочно эшихъ лѣшь, Фридрихъ.

Онъ вздохнулъ, и нахмурился, продолжаешь: „Ну, да пусшь хошь и шешьнаццаши; пусшь

шакъ прекрасна, какъ мамзель Элиза, чпо жила прошивъ насъ“ —

Да, Фридрихъ — и еще прекраснѣе, и добрѣе, и просподушнѣе, и милѣе, — она какъ Ангель, Фридрихъ! И въ уединеніи воспитана, на глазахъ мапери, не зная свѣта, не зная заманчиваго обращенія молодыхъ мужчинъ.

„Слава Богу! да хопя бъ и шакъ. Вы не усшуните и первому красавцу въ городѣ. Лишь полько покажешь: лишь полько прогалопируйше разъ на своемъ ворономъ. Вѣдь глазокъ молодой дѣвушки хочешъ, чшобъ его понѣжили. Пошомъ повъжайше на парѣ Англійскихъ гнѣдыхъ въ своемъ фашонѣ передъ ея окнами; а шамъ время опъ времени сыграйше ей на своей флейшѣ, спойше. У васъ голосоъ прекраснѣй. Напишите ей списхи. Да хопъ бы она была сама добродѣшель“ —

Такова она шочно, Фридрихъ.

„А все-таки она дѣвушка; слѣдспвенно хочешъ знашь, чшо ее любяшъ. Часшо ли же вы ее видѣли?“

— Очень часто, Фридрихъ.

„Ну, чшо жъ? еспъ ли успѣхъ? Расскажише мнѣ все, пожалуйста.“

— Да она меня еще не видала; даже не знаешъ, сущеспвую ли я на свѣшѣ.

„Возможно ли?“ вскрикнулъ онъ и вздохнулъ. „Не забудьте, что шакъ же точно потеряли вы свою Элизу, которая ужь по-длинно была сама добродѣшель.“

Да, милый Мюллеръ, Фридрихъ говоритъ дѣло и я уже рѣшился, во что бы то ни стало, прямо показаться своей красавицѣ шѣмъ болѣе, что, говоря правду, я еще совсѣмъ не видалъ ее хорошенько. Я знаю ее, ея сердце, ея лице, ея походку. Но Богъ вѣдаетъ, чего бы не далъ, чтобы узнать, блонкурая она или брюнетка, голубые ли у нея глаза или черные. Полагаю, что голубые и вошь почему: деншы и цвѣшы на головѣ ея всегда голубые. Чего бы я не далъ, чтобы узнать, какъ она улыбается, родится ли ямка на розовыхъ щечкахъ ея или нѣтъ. Но даже и эти сомнѣнiя служатъ для меня испочинкомъ чиспѣйшаго наслажденiя. Величайшую прелестъ женскаго пола составляетъ осанка — передъ нею всякая другая шѣлесная красота исчезаетъ. Такъ говоритъ Леди Монпегю и она говоритъ правду — я это чувствую.

Однако и мой старый Фридрихъ говоритъ дѣло. За все шѣмъ не хочу я опкрышь вшой честной и прямой душѣ, кого я люблю. Онъ, пожалуй, по своему добродушию и преданности, въ состоянiи прямо идти и вы-

дашь меня двѣдушкѣ; а эшимъ разспроилъ бы всѣ мои надежды. И такъ я шеперь его обманываю: ѣзжу нарочно, какъ онъ совѣповаль, въ городъ, чшобы привести его въ заблужденіе; а мое любимое мѣспечко въ саду онъ также мало знаетъ, какъ и семейство, кошорое живешъ за рѣчкой.

Фамилія опца — Мюнсперь. Онъ главный надсморщикъ при Княжескихъ виноградникахъ. Его почти никто здѣсь не знаетъ. Самая должность и близость границы заспавляютъ его бышь очень оспорожнымъ. Сказывающъ, что прежній надсморщикъ потерялъ мѣсно свое по подозрѣнію въ измѣнѣ. А онъ, говоряшъ, былъ ни въ чемъ не виновашъ, кромѣ того, что часно посѣщаль общества.

Я приношу за шо благодареніе Небу. Лешъ не могла проникнушь въ чистый сосудъ эшой лиліи. Наконецъ провѣдалъ я и объ имени. Опець и машъ зовушь ее Гольдиной. Не знаю однако, какое собственно эшо имя. О Мюллеръ! вѣрный другъ мой! Какія восхищительныя шайны опкроешь мнѣ любовь, когда я буду наконецъ любимъ! Вы, холодныя души, вы срываеше цвѣпокъ любви однимъ разомъ, прежде нежели рука милой, съ медлишельною довѣрчивоспію, раскроешь лиспокъ за лиспкомъ, или пошупленный взоръ, румянецъ, выступившій внезапно на щекъ из-

мѣнишь ей и усладишь васъ мало по-малу развишіемъ пріятныхъ сокровенностей.

Продолженіе.

Слущая два дня послѣ нашего разговора, Фридрихъ мой приходилъ ко мнѣ съ лукавою на лицѣ улыбкою и говорилъ: „Милая, сударь, дѣвушка — въ самомъ дѣлѣ Ангель, а вы“ —

— О комъ говоришь ты, Фридрихъ?

„О дѣвицѣ Мюнсперъ, что живешь тамъ прошивъ нашего сада, за рѣчку. Ну, право, Ангель. И если бъ вы, вмѣсто того, что бъ лежалъ за кустами на спорожѣ“ —

— Откуда ты знаешь это, Фридрихъ?

„Милая дѣвушка такъ простосердечна и опкровенна, что все рассказала мнѣ сама.“

— А ты былъ такъ простосердеченъ и опкровененъ, что выболталъ ей все обо мнѣ?

„Извинише, сударь, этого я не сдѣлалъ. Опъ васъ самихъ должна она узнать, что вы ее любите.“

“ Короче, онъ идетъ въ домъ главнаго надсмотрщика въ то время, когда ни опца ни мапери не было дома, и спрашиваетъ, нѣтъ ли лодки, чтобы переѣхалъ ему шуда —

показывая на садъ мой. Дѣвушка значитель-
но улыбаешся и спрашиваетъ въ свою оче-
редь, развѣ онъ принадлежишь къ этому до-
му, и чей эшопъ домъ. Честный спарикъ,
преданный мнѣ всею душою, начинаешъ осы-
лашь меня похвалами. Тогда признаешся и
дѣвушка, что меня знаешъ, и въ то же время
бросаешъ такой значительный взглядъ на
кушарникъ, что Фридрихъ говоритъ: „Да,
шамъ всегда сидишь мой добрый баринъ.“ —
Да — повшоряешъ она самымъ невиннымъ
тономъ и нѣсколько покраснѣвши — шамъ
сидишь онъ съ самага разсвѣша и большую
часшь дня! — И такимъ образомъ разгова-
ривающъ они добрые полчаса обо мнѣ, объ
ея родителехъ и о тысячѣ вещей, о кошо-
рыхъ любопытствоваль мой Фридрихъ. Име-
ни моего онъ не сказалъ. Ты знаешъ, какъ
мнѣ эшо любо.

Фридрихъ увѣряль меня, что я сдѣлалъ
большое впечатлѣнiе на дѣвучку и что она
почши уже угадала мою любовь. „Повзжай-
ше сегодня на вашихъ Англійскихъ гнѣдыхъ“
— говорилъ онъ — „прямо къ отцу, и сего-
дня же, добрый мой баринъ, будешъ она ва-
шею невѣскою. Скажише ему кто вы — бо-
гатый г. Гольденеръ. Зачѣмъ скривашъ имя?“

Сердце сильно у меня билось отъ восхи-
щенiя и шоски. Повѣришь ли, Мюллеръ, я

Нов .Библ. Ч. IV.

чуть-было не рѣшился послѣдовать его совѣту; однако оставшись одинъ, поразмыслилъ. — „Нѣтъ, невозможно“ — сказалъ я ему послѣ. „Но мы не останемся въ бездѣйствіи. Черезъ мѣсяцъ, добрый Фридрихъ, все будетъ рѣшено!“ И я почти обънялъ его въ радости.

Самые лучшіе цвѣты, изъ Княжескаго сада купилъ я, чтобы доставить къ ней. „Но какъ мы это сдѣлаемъ?“ спросилъ я печально. Фридрихъ на все гораздъ. Онъ перешагнулъ изъ нашего садоваго пруда въ рѣчку маленькую лодку, на которой едва можно помѣститься одному человѣку. Я написалъ къ цвѣтамъ небольшіе стихи; въ нихъ любовь была уже въ половину открыта. Фридриху казались они однако слишкомъ неясны и при всемъ томъ онъ почти у меня ихъ вырвалъ. Прикрѣпивъ къ цвѣтамъ бумажку, поѣхалъ онъ на лодкѣ черезъ рѣчку и положилъ ихъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно купается она по утру.

Возвращаясь, онъ утверждалъ, что должно бы чуть приложить богашую діадему или хорошенькіе золотые браслеты. „Вопль вздоръ какой!“ вскричалъ я почти въ сердцахъ. „Золото! обыкновенное золото! Ахъ! И цвѣты кажутся мнѣ еще не довольно вѣрны.“ Онъ ворчалъ себѣ подъ носъ, стоя на

своемъ. Мы продолжали браинься. Я велѣлъ спряшашь куда-нибудь лодку шакъ, чшюбъ дѣвушка не могла замѣшишь, опкуда взялся подарокъ. „Боже мой!“ вскричала онь: „по лодкѣ-шо и должно ей видѣшь, опкуда взялись цвѣшы.“ Дѣло дошло до шого, чшо я долженъ былъ приказашь повелишельнымъ пономъ господина. И лодка была наконецъ спряшана.

Тупь я залегъ опяшь въ кушарникъ, и спѣсенная грудь моя помилась неперцвнїемъ знашь, чѣмъ все эшо кончшся.

Она пришла — прелеснїѣ и свѣжѣ, нежели самое ушро. Лишь шолько легкими прыжками порхнула она къ берегу, и вдругъ ошановилась въ изумленїи. Долго поворачивала головку свою шо къ мѣспу, гдѣ прежде я прятался, шо къ лѣсу въ прошивуположную шпорону. Не знаю, чего искала шамъ глазами она. Еще недошрогиваясь до цвѣшовъ, она долго смошрѣла на нихъ — какъ будто любовалась. Пошомъ взяла горщкш и понесла, но все поглядывала вокругъ, не примѣчаешь ли кшо за нею.

Вдругъ попалась ей на глаза бумажка; она ошановилась, оглянулась еще нѣсколькш разъ и начала чшшашь — о, какъ билось у меня сердце! — Долго чшшаны были спшхш; пошомъ спряшала она ихъ у груди своей,

попомъ онашь вынула и чинала съ большимъ вниманіемъ.

Наконецъ приближась къ спящему подъ липою сполу, она съла, оперлась головою на руку и казалась погруженною въ мечшмы. О! чего бы я не даль, чшобы узнашь одну мысль души ея!

Пришли ея родители. Я думаль, чшо она покажеть имъ и цвѣшны и бумажку. Однако нѣшь! — Она оспалась одна съ машерью. И ей не показала спиховъ, хощя украдкой разъ десять вынимала и чинала ихъ снова. По всему замѣшно въ ней было виупреннее движеніе. И пищцы оспались не кормлены долѣ обыкновеннаго, и сесспру не забавляла она сказочками — сидѣла задумавшись и мало принимая учаспія въ происходящемъ вокругъ нея. О какое для меня шоржештво! Она скрыла опъ машери спихи мои, а сама шакъ часто ихъ чинала — могло ли бышь чшо нибудь мнѣ пріятнѣе!

Въ маленькой роцѣ на шой споронѣ рѣчки засадила Фридрихъ мой чешверыхъ музыканшовъ нашего гарнизона. Они играли на рогахъ любимыя ея пѣсенки, кошорыя подслушаны были мною и положены на ношы. Фридрихъ хощѣлъ было музыканшовъ помѣшшть на шой споронѣ, гдѣ мой садъ

однако я запрешилъ , не смощря на всѣ его увѣренія , что иначе не узнаешь она , кто дѣлаешь ей такой пріятный сюрпризъ.

На дняхъ досталъ я прекрзснѣйшую діадему , написалъ къ ней нѣсколько стиховъ , кошорые необыкновенно удались мнѣ , и хотѣлъ послашь все это — нечего говорить , куда ; и однако никакъ не могъ рѣшиться . Каждое утро любовался діадемою , перечитывалъ стихи и все мѣшкалъ . Однажды не нахожу ни шого ни другаго . Спрашиваю у Фридриха ; онъ преспокойно отвѣчаетъ : „Все въ рукахъ вашей невѣсты . — Теперь въ послѣдній разъ“ — продолжаетъ онъ — „совѣтую вамъ , добрый баринъ , ѣхать къ опцу и свашаться порядкомъ . Иначе — что бы не случилось чего непріятнаго . Недавно замѣтилъ я шамъ въ ролицѣ какого-то молодца ; кошорый такъ же споелъ на спорожѣ , какъ и вы здѣсь ; но ему много что двадцать чешыре года , и судя по быспрымъ глазамъ его , кажется , онъ лучше разумѣеть шперечь , нежели вы.“

О ужась ! Мюллеръ ! Представъ себѣ испугъ мой ! Я рѣшилъ — немедленно — еще маленькіе стихишки , въ кошорыхъ я почти прямо говорилъ о любви своей — я рѣшилъ послашь ихъ . Тотчасъ заспавилъ Фридриха перенисывашъ , какъ и всегда дѣлалъ , чщобъ

какимъ нибудь образомъ рука мой не изменила мнѣ. Какъ скоро эти стихи произведушь желаемое дѣйствіе, я рѣшился — все приготишь къ своему знакомству съ родственниками Гольдины.

Въ слѣдующемъ письмѣ надѣюсь тебя уведомить, какъ счастливъ я обладаніемъ твоей любезной невинности.

Еще болѣе заставляешь меня шоропиться замѣчаніе моего Фридриха, что всѣ мои знакомые думаютъ, будто я презираю женитьбу и только для забавы издалика завожу любовныя связи. Ахъ, какъ мало знаютъ они мое сердце! Прощай.

У ней черные глаза — блестятъ, какъ два солнца — говоритъ мой Фридрихъ. Жаль! А я люблю голубые глаза болѣе всего на свѣтѣ.

Гольдина къ своей теткѣ.

Тепушка, милая тепушка! Предъ вами должна я открыть свое сердце. Вы только десятиью годами старше меня и потому больше, нежели мапушка, примете участія въ моихъ маленькихъ заботахъ, въ моемъ шоржествѣ. И ей открыла я кое-что, но это открытіе очень много мнѣ стоило, а

вамъ скажу, не запинаясь, что наконецъ часъ мой ударилъ — я нашла себѣ поклонника и еще не одного, а разомъ двухъ. Одинъ караулишь въ лѣсу, когда я выхожу на лугъ — съ черными, сверкающими глазами; другой выглядываетъ изъ за кустарника, когда я бываю въ саду: у него глаза голубые. А всего замѣчательнѣе то, что оба прескромные, предпочтительные люди. До сихъ поръ все только еще сморщивъ.

Голубоглазый — какъ его зовушь, я еще не знаю — очень хороша собою, много что придумала двухъ лѣтъ и, сколько я могла узнать — конечно не безъ оспорожности — человекъ богатый, добрый человекъ — добръ какъ солнце! сказалъ слуга его; Ангель-хранитель! говоряшь нуждающіеся у насъ въ окошкѣ. Да у него и на лицѣ видна такая доброша, такая крошосъ, что я бы никакъ не задумалась отдашь ему свою руку. Его осанка, походка, все показываетъ внутреннее спокойствіе души. Ошибаешься въ этомъ я не могу, потому что, между шѣмъ какъ онъ ожидаетъ меня поущру съ маленькой зрительной трубкой, я уже наблюдаю за нимъ въ большую башюшкину изъ своего окна съ анпресолей, и гогова сказать, что онъ каждую минушу думаешь. Если я съ часъ времени заспаваю его прождашь, онъ съ

пріятною улыбкой качаешь головою. Вотъ что у него тогда на умѣ: „Милое дитя! видно сегодня у нее много хлопотъ. Дай Богъ ей управиться и не скучашь, какъ я безъ нее скучаю.“

Черноглазый — въ шомъ не замѣтно такой крошечки. Если я и четверть часа опоздаю выгнашь на лугъ дворовыхъ пилицъ своихъ, онъ ужъ понаешь въ непрерывнѣйшей ногой, какъ будто хочешь расколоти землю на-двое. Щеки его разгораются гнѣвомъ, и съ уснѣй его — я въ это мѣсто увѣрена — лепсѣя на меня не благословеніе, а проклятіе. За то ему еще не болѣе двадцати чепырехъ лѣтъ. Онъ очень пылокъ и сиропивѣй. Часто вдругъ убѣжитъ въ такую досадъ, какъ будто ужъ никогда не думаетъ ворошиться — однако послѣ приходитъ опять.

Богатъ ли? — Ахъ, пешушка, этого я не думаю, потому что онъ живетъ въ маленькой бѣдной каморкѣ въ городѣ — скромно и просто, какъ Сократъ. Его зовутъ Мюллеръ.

Я внутренно смѣялась, думая: посмотримъ, кто-то первый выйдетъ изъ своей засады. Никто не выходилъ. Но я нашла однажды, въ шомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно пошрамъ моюсь и куда ни одинъ человекъ, кромѣ меня, не заглядываетъ — множество

прекраснѣйшихъ и самыхъ рѣдкихъ цвѣтшвъ. Тупь же попалась мнѣ на глаза, бумажка — развертываю и что жь? премиленькіе спишки, съ большимъ чувствомъ и вкусомъ написанные, но безъ имени. Дивясь такому сюрпризу, я смошрѣла въ кустарникъ за рѣчку — тамъ никого не было; въ роуу — и тамъ никого. Спишки проникли, какъ смрѣла, въ мое сердце. Оно билось уже для одного поэта — но кто онъ? . . .

Черноглазый! говорила я себѣ увѣрительно, пошому что другому нельзя было переправиться черезъ рѣчку безъ лодки, а мось, какъ вы знаше, ошъ насъ далеко. Въ пошъ же день вечеромъ услышала я музыку: играли на чешырехъ рожкахъ и прекрасно — всѣ любимыя мои пѣсни, и ту пешушка, самую любимую, кошорой вы меня научили.

Черноглазый! сказала я рѣшительно, и въ груди моей замирало дыханіе. Навѣрное онъ, пошому что голубоглазый велѣлъ бы играть у себя въ саду. Музыка привела меня въ восхищеніе, и я спала гораздо чаще выгоняшь на лугъ дворовыхъ пшницъ своихъ. Однажды загнала ихъ шакъ далеко, что мой робкій почиташель долженъ былъ выдши изъ засады; проходя мимо меня, онъ поклонился и приномъ взглянулъ — ахъ, какъ онъ взгля-

нуль, шешушка! Я оцблагодарила за поклонъ привѣшаво.

Да, шешушка, онъ очень дикъ и спроцивъ; однако, по взгляду судя, чеспный малой. При шомъ сочиняешь прекрасные стихи и знаешь музыку. Ужь сердце мое спало нышь, ужь были часы, въ кошорые могла я шолько плакаться — пошому, шешушка — пошому чшо я право буду добрая слушница въ жизни для шого, кшо назначень мнѣ будешь милосердымъ Небомъ; но Боже избави Вошь ужь я ошашь плачу шешушка!

Немного спуспя, вдругъ нахожу я ошашь діадему съ нѣсколькими спишками, кошорые въ пысячу разъ прелеспише, нежели сама дідема. Тогда родились во мнѣ новыя сомнѣнія. Въ состояніи ли, думала я, черноглазый дѣлань шакіе подарки; а если не онъ, шакъ не его и стихи, не его была и музыка. Но мое сердце билось уже для повша, для образованнаго, чувствительнаго и умнаго человека. Въ шоскъ побѣжала я къ жиду ювелиру и спросила, чшо споишь діадема, кошорую хочю купишь для своей пріятельницы! Жидъ черкнулъ раза два по оселку, пошомъ счель жемчугъ, пошомъ спаль вѣсишь У меня спалось сердце и замиралъ духъ, пошому

что, правду скажешь, я ужь была нѣсколько на споронѣ черноглазаго.

Жидъ съ лукавою улыбкою держа діадему надъ головой моей, слазаль: „Не поздравить ли васъ, мамзель? Эшо богатый дорогой подарокъ — ужь вѣрно опъ жениха.“ Щеки мои запылали, какъ въ огнѣ. Онъ оцѣнилъ мнѣ шакъ дорого, что я спыжусь скажешь. И шакъ, шепушка, я сижу и шеперь взвѣшиваю, какъ жидъ, качесшва обоихъ моихъ поклонниковъ, но язычекъ вѣсовъ не склоняещя ни на волосъ ни въ шу ни въ другую спорону — и я сама не въ себѣ!

Приѣзжайше пожалуйста, милая шепушка, чтобъ я одна не надѣлала глупостей, или чибобъ мои, до упрямшва молчаливые почишатели, въ самомъ дѣлѣ не привели меня въ опчаяніе.

Скажу вамъ за новосшь, что здѣсь появился опянь мой крешной ошець, Гольднеръ. Придешся и вамъ покрасившь, шепушка! — Вошь видше что : машушка говорила, что онъ вѣрно меня, свою крешницу, не оставишь — надѣлишь даже порядочнымъ приданымъ; — „пошому что“ — прибавила она — „я увѣрена, что онъ до сихъ поръ еще насъ любишь. И если бъ увидѣлъ сеспру мою — ну, красивше же, шепушка — се-

стиру, которая шакъ на меня похожа, тогда, кно знаешь, чшобы вышло?...“

А если бь машушкѣ знала еще, чшд вы мнѣ говорили. Помнише ли? „Видя любовь вшого благороднаго челоувѣка“ — сказали вы — „я бы скорѣе умерла, нежели рѣшилась выдши за другаго. Ахъ, Элиза не умѣла цѣнишь его прекраснаго, вѣрнаго сердца, а ша, копорая умѣла бы цѣнишь, его никогда не видала!“ И вы тогда покраснѣли, милая шепуника; покраснѣйше же и шеперь или пріѣзжайше сюда, чшобъ краснѣшь вмѣшшь со мною. Ахъ, пріѣзжайше пожалуйста! . .

Гольдеперъ къ Мюллеру.

Милый, добрый мой Мюллеръ! Поздравляю шебя, отъ души поздравляю!— Недавно иду я въ загородный свой домикъ, и мнѣ встрѣчается молодой челоувѣкъ — голову держишь прямо, глаза сверкають, щеки въ пламени, машешь палкой и говоришь вслухъ самъ съ собою. Я гляжу на него, галжу, и шы, любезный дружище, шы споишь передо мною живой! Въ эшу минушу закричалъ ему кно-шо: Мюллеръ! и тогда я прямо пошелъ на него. Эшо сынъ швой, штарый дружище! сынъ сестры моей, швой Карлъ.

Начинаю говорить съ нимъ, сказываю, что я, шашу его къ себѣ въ домъ. Можешь представить, какъ я былъ радъ, что залучилъ его. Ему же, напротивъ, это какъ будто не нравилось. Спрашиваю: „куда ты шель, Карль?“ Онъ спалъ зачинашья, наконецъ сказалъ пасмурно: За своими дѣлами.

„Что у тебя за дѣла, Карль? ужь вѣрно любовныя?“

Онъ мрачно смотрѣлъ въ землю. Спало бышь я угадалъ. Это заспавило меня говоришь ему по-дружески и мнѣ удалось разшеведить его сердце. Кинувъ шляпу и палку въ спорону, бросился онъ ко мнѣ на шею и закричалъ: „Да, я люблю! да, я люблю!“

— Такъ расскажи жь поскорѣе, Карль; если шущь нѣшь ничего худаго, я буду швоимъ помощникомъ. Какъ ее зовущь?

„Леопольдина. Ахъ, любезный дядюшка, чистѣйшая, невиннѣйшая душа!“

— А ея прозванье? — Онъ призадумался, началъ вспоминать. Что жь? Вышло на повѣрку: Леопольдина Крюгеръ.

Я не вспомнился ошъ радости, пошому что — представъ себѣ, шарый другъ мой — это была дочь Элизы, моя крестница. По мнѣ назвали ее Леопольдиной. „Скажи мнѣ“ — вскричалъ я въ восторгъ — „какіе у нее глаза? Не голубые ли, какъ?“ — какъ у ма-

шери, хопъль я сказашь, однако удержался, чпобы не подашь виду, какъ близокъ я къ дочери и къ машери.

— Ахъ, дядюшка! Прелеспявйшіе голубые глаза, исполненные огня, чувшва и невинности. —

Тупъ я вздохнулъ: у моей Гольдины черные глаза — блеспяшь какъ два солнца — говоришь Фридрихъ; а я люблю голубые.

„Что жъ, Карль, видно она къ шебъ не шакъ милосшва?“

— Ахъ, дядюшка, я ёще шолько ее видъль; никогда ни одного слова не говорилъ съ нею. И что могу сказашь? Я ничего не значу — не богашъ. Какія могу имъшь надежды, какія объщашъ? Я люблю ее несказанно; однако скоръе ръшусь умереть, нежели обольщашъ милую дъвушку надеждами, кошорья, можешъ бышь, никогда не исполняшся.

„Вошь какой вздоръ, племянникъ! Да чему жъ шы учился, скажи мнъ?“

— Юриспруденціи; но что могу я съ нею безъ видовъ, безъ покровителей — даже скажу опкровенно, безъ большой къ ней охпшы? Моя любимая наука: Сельское домоводшво. Въ ней я шакже довольно успъль и былъ бы конечно не послъднимъ хозяиномъ. Но объ эшомъ нельзя и подумашъ. —

„Именно объ эшомъ надобно думать, Карль. Къ Иванову дню кончился срокъ аренды на мое имѣніе. Будь ты моимъ арендашоромъ.“

Онъ выпучилъ на меня глаза. — Безъ денегъ, любезный дядюшка? —

„Что за вздоръ, племянникъ! — развѣ ты не сынъ моего друга, не сынъ сестры моей? При эшомъ имѣніи будешь сытъ и доволенъ.“

Онъ опять упалъ ко мнѣ на шею. Я проэкзаменовалъ его и былъ доволенъ его знаніями. Ужъ онъ управлялъ имѣніемъ Совѣтника Юнкера. Дѣло у насъ было скоро слажено.

„Теперь ступай, Карль, скажи Леопольдинъ: я люблю васъ, сударыня!“ и дѣло въ шляпѣ.“

— Дядюшка! Я шакъ робокъ. Невинность эшой дѣвушки дѣлаешь меня заспѣнчивымъ. Ну, если она не любитъ меня? Я боюсь —

„И, брашь, какой ты чудакъ! Заспѣнчивъ! Чего шушь бышь заспѣнчивымъ: вѣдь всякая дѣвушка смышляешь сама жениха. Иди прямо и ничего не бойся, и если промѣшкаешь, шо другой вырвешь ее у тебя изъ подъ носу. Сегодня же вечеромъ закажи, чшобъ была музыка вблизи ошъ ея дома;

завтра положи ей на окно букетъ рѣдкихъ цвѣшовъ съ хорошенъкими спихами. Отъ меня ты можешь научишься, какъ понравишься дѣвушкѣ. Сдѣлай хорошій подарочекъ: діадему или пару браслетъ; но и при шомъ спихи — непременно! Да, да, Карль, надобно начашь какъ можно смѣле — сильными средшвами. Вошь тебѣ деньги. Одѣнься получше. Да гдѣ ты живешь?“

Бѣднякъ жилъ въ маленькой каморкѣ въ самой глуши.

„Эшо не годится, Карль. Найми себѣ другую кварширу. Я пошлю къ тебѣ своего воронаго коня — прегордое живошное! Ты долженъ нѣсколько разъ проскакать передъ ея окнами. И глазамъ дѣвушки надобно приносишь жершвы. Возьми деньги и вошь еще пара браслетъ. Возьми, говорю я, и будь смѣле. Счасшѣ не покидаешъ смѣлаго. По нѣкопорымъ, важнымъ для меня причинамъ, я не могу шеперь пригласишь тебѣя въ свой домъ. Также прошу: нигдѣ обо мнѣ ни слова, какъ будшо вовсе не знаешъ меня. Ну, спунай Карль, не робѣй! Надобно, чшобы все было корошко, да ясно. Спунай же, а у меня шеперь ешть нужныя дѣла; я долженъ ошашься одинъ.“

Когда онъ ушелъ, я шопчасъ опсправилсѣ въ свой садъ, и уроки, кошорые давалъ ему и кошорые собспвенно занялъ опъ своего Фридриха, мнѣ самому внушили смѣлоспъ. Хочешъ ли побипсьѣ объ закладъ, дружипце: кшо скорѣе доспипнешъ цѣли, я ли съ Гольдпной, или Карлъ со своею невѣспой? Въ шопъ же день началъ онъ говорипсь съ Леопольдиною: о чемъ-шо спросилъ ее, похвалялъ погоду и ппакъ далѣе. Попомъ, на моемъ ворожомъ пролетѣлъ мимо еѣ дома. На другой день видипсь ее въ концерпъ, говорипсь оппашъ и провожаешъ домой. Она спрашиваешъ, какія у него здѣсь дѣла; попомъ, еспъ ли родспвенники? Онъ опвѣчаешъ, что у него никого нѣпшь; что даже никшо его не знаетъ въ городѣ. „Но здѣсь“ — продолжаешъ онъ — „единспвенная, прелесппѣпшая, благороднѣпшая надежда моей жипзи, и еспл она не исполнплась, шо я прощусь со всѣмъ, что мнѣ мило на свѣпъ.“

— Ну, Карлъ, что же сказала Леопольдина? Это довольно ясно. —

Она краснѣешъ; онъ замѣчаешъ, что рука, за кошорую онъ велъ ее, не много шрепещешъ. Передъ еѣ домомъ она ласково благодарипсь его и прощаешся. — Видипшь ли, прпѣшель, совѣпшь мой пособилъ. За шо, прпшедпш ко мнѣ, Карлъ бросилсѣ обпимаешъ.

меня, какъ счастливѣйшій смертный въ цѣломъ мірѣ.

Однако, хочешь ли: ударимся объ закладъ, Мюллеръ! . . . Чтѣо всѣ вши слова, хотя бы сама любовь ихъ говорила, пропивъ очаровательныхъ, гармоническихъ поновъ музыки, копорыми я, какъ бы невидимую, пончайшею съпью, опушывая сердце Гольдины, смягчаю его, привожу въ сладостное помленіе спраспи? Сидя въ своемъ куспарникѣ, я извлекаю изъ флейпы своей эспи магическіе, душу попрясающіе звуки. И она, она понимаетъ меня; чувспвуешь, что я люблю ее безпредѣльно; попому что съ нѣкопорого времени выходить рѣже на берегъ, и по крадучись — милую головку склопя на грудь, по спѣша, по оспанавливаясь — не впо ли признаки задумчивой любви! — И пройдя мимо, она уходитъ на дугъ, гдѣ скрывается опъ взоровъ моихъ. Но я инамъ доспигающъ слуха ея звуки моей флейпы, моихъ гармоническихъ фантазій; и шамъ они, какъ раскаленные стрѣлы, проникающъ ей въ душу, наполняющъ пламенемъ невинную грудь ея.

Бьешься ли объ закладъ, что я дальше буду со своею флейпою, нежели сынъ швой со своими словами, хотя ужъ онъ иперь еъ радости ходить на головѣ. Онъ открылъ

Леопольдинъ любовь свою ; но что значить это ? О, вы не знаете, совсѣмъ не знаете всей обворожительности Поэзии, всей силы, съ какою дѣйствуетъ нѣмая любовь !

Вонъ тамъ сидитъ она и теперь въ саду своемъ — я вижу ее отсюда — вижу, какъ опирается она кончикомъ косынки слезу съ чернаго своего глаза — я вижу это и счастливъ ! Трепещу мгновенія, въ которое предстану предъ нею — въ которое буду видѣть въ первый разъ плѣнительныя черты прелестнаго лица ея !

Фридрихъ мой говоритъ: одно слово лицомъ къ лицу всеперо лучше, нежели десять сонатовъ изъ-за угла. Мнѣ онъ смѣшенъ. Прощай!

Гольдина къ своей теткѣ.

Ну, милая пестушка, все рѣшено. Я буду рассказывать по порядку, если полноша чувствъ не собьетъ меня. — Нѣсколько дней назадъ иду я въ городъ мимо мельницы, у которой надобно переправиться черезъ рѣчку. Вдругъ вижу тушь черноглазаго: онъ сидитъ на холмѣ у мельницы и шрое дѣтей вокругъ него прелестною группою. Я приостановилась, чтобы полюбоваться этою кар-

тиною, и дѣши увидали меня. „А, мамзель Гольдина“ — вы знаете, что вѣшимъ именемъ съ колыбели моей зовушь меня дома и въ окологкѣ — „мамзель Гольдина!“ закричали они и бросились ко мнѣ, паща и его за собою. „Какія славныя сказочки рассказываль намъ г-нъ Мюллеръ“ — говорила старшая дѣвочка, держа его за руку и схвативъ мою. „какія славныя!“ продолжала она: „будшо какой-то Принцъ и какая-то Принцесса, мамзель Гольдина—будшо Принцъ любилъ Принцессу и не смѣлъ сказать, пока не умеръ съ печали.“

Черноглазый краснѣль и безпрестанно перерываль болшунью-дѣвочку; но она на него не смотрѣла, рассказывая по-своему дальше. „Вошь видише, г. Мюллеръ“ — сказала тогда же мальчикъ — „вѣдь хорошо, что вы подождали еще; шеперь можете проводить мамзель Гольдину въ городъ.“ Мы сѣли въ лодку и переѣхали. Онъ пошелъ со мною молча и вздыхая. Я первая собралась съ духомъ начать говорить съ нимъ.

Я была увѣрена, милая пешушка, что онъ зналъ, когда мнѣ надобно идти въ городъ: онъ былъ за заборомъ, какъ башюшка сказалъ мнѣ, чѣтобъ я одѣлась и собралась шуда. Онъ ждалъ меня у мѣльницы. И прежде нѣсколько разъ слыхалъ онъ, когда я со-

биралась въ городъ; но всегда издали только за мною слѣдовала. Чшо же теперь придало ему смѣлоспи? Не знаю — только право не я.

Мы говорили о деревенской и городской жизни. У меня сорвалось съ языка, чшо я опять пойду въ городъ, когда будешь концершь, пошому чшо очень люблю музыку. Онъ ничего не сказалъ, чшобъ и самъ любилъ ее. Я говорила о чпеніи, о спихахъ. Онъ сдѣлался опять молчаливъ. Какъ же онъ скромень! подумала я.

Въ городскихъ ворошахъ онъ меня оставилъ. Въ шомъ домъ, куда я пришла, въ задумчивоспи сшою у окна — вдругъ онъ явился опять на прекрасномъ, гордомъ ворономъ конѣ. На заборъ красильщика висѣло сукно и развѣвалось ошъ въпра почши черезъ всю улицу. Конъ пугался — не хопѣлъ иди и брыкалъ. Мюллеръ думалъ его укрощить ласками. Напрасно. Гордое живошное поднялось на дыбы. Всѣ проходящіе разбѣжались въ испугъ. Онъ сидѣлъ не робѣя, и наконецъ, когда ласки не помогли, началъ крушить уздечку; дергалъ ее сильно шуда и сюда, и пришпоря коня, проскакалъ мимо развѣвающегося сукна, съ шоржешивомъ сильнаго, безшрашнаго всадника.

Ужь въ эшошь разъ, пешушка, онъ взялъ, кажешся, съ собою кусочикъ моего сердца. Послѣ увидѣлись мы въ концертѣ. Онъ долго искалъ меня глазами; наконецъ когда нашель, спалъ какъ вкопанный — угрюмъ, даже печалень, какъ мнѣ казалось. Около меня — да, я лучше во всемъ признаюсь вамъ, пешушка, — около меня было двое знакомыхъ молодыхъ людей, которые какъ будто условились не давати мнѣ слушати музыку. Я постаралась опъ нихъ опдѣлаться и тогда, казалось, и Мюллеръ спалъ повеселѣе. Завсѣмъ пѣмъ былъ ли концертъ или нѣтъ, я почти не знаю: у меня все вертѣлось въ головѣ, пойдетъ ли онъ меня провожати, и какъ приступишь къ тому.

„Покорно благодарю, не беспокойтеся — очень благодарна, не шрудитесь — ахъ, помилуйте, сдѣлайте одолженіе“ — Такъ говорила я тому и другому изъ своихъ знакомыхъ, предлагавшихъ мнѣ услуги, какъ будто имѣла у себя десятокъ готовыхъ проводниковъ, и что жъ? — За штрафъ на концѣ лѣсницы очутилась одна. Скоро однако подошелъ онъ ко мнѣ съ вопросомъ: „Довольны ли вы?“

Кшо далъ ему смѣлость, пешушка? Повторяю, что не я, право не я. Мы пошли — не помню, что и какъ начали говоришь,

но кажешся, съ чего бы ни начали, а не живовало бы что случилось. Черезъ пять минутъ послѣдовало объясненіе въ любви, хоть не явное, но подъ покрываломъ, самымъ прозрачнымъ. Какъ, и какими словами онъ еще сдѣлалъ, въ прозѣ или въ стихахъ — правду не знаю. Минъ и безъ того было о чемъ думать: первое — какъ устоять на ногахъ; второе — удержавъ шрепетаніе руки — что сердце сильно билось, нужды нѣтъ; шрепціе — не даваешь волю снамъ вздохомъ, которые шѣснились въ груди моей и хотѣли вылетѣть; четвертое — закрышь глаза, чтобы слезы не капились по щекамъ моимъ; пятое — въ шаковой сумашоухъ чувствъ и мыслей идши подлѣ него прямо и порядочно; наконецъ къ довершенію всего: сдѣлашь ошвѣшь, несомнѣнъ неприличный. Последнее было ужъ совершенно невозможно, пошому что тогда бы и вздохи и слезы прорвались вдругъ со словами. И шакъ я ничего не ошвѣчала; за то послѣ было очень спыдно, что не нашлась, какъ ошвѣчашъ.

Если бъ все это знала я прежде, шешущка, не бросила бы ни одного взгляда ни на того ни на другаго изъ своихъ поклонниковъ.

Только что послѣ концерта пришла я домой, какъ въ душѣ моей заиграа тысяча

нныхъ спрунь на разные лады. Я не знала какъ унять сумашоку чувствъ своихъ — плакала, упрекала себя въ суровости къ молодому человѣку... Наконецъ побѣжала въ свою горенку, спала усердно молишься; пошомъ бросилась въ постель и закушалась въ одѣяло, думая про себя: оставьте меня, Богъ съ вами!

Поупру спало мнѣ повеселье. Постной! думала я: сбѣгаю на рѣчку и посмошрю, что-то дѣлаешь мой добрый, скромный сосѣдъ. Онъ игралъ на флейтѣ, и прекрасно! Ахъ, пещушка, сколько чувства! Мнѣ мечталось, что маленькій кустарникъ, откуда выходили эти мелодическіе звуки, хочеть привлечь меня своею очаровательною гармонією. Но поздно, поздно, добрый сосѣдъ! Опъ своего умилишельнаго адажіо мѣло мое сердце любовью, но — увы! — не къ тебѣ, а къ своему сопернику. Упоная въ этихъ сладостныхъ звукахъ, душа моя переселялась въ обворожительную страну любви, но ей мечтался шамъ — не ты, дорогой сосѣдъ! — а пошь юноша, кошорый въ роцѣ, или у мѣльницы, или гдѣ бы шо ни было, думаетъ о ней съ радостнымъ прещаніемъ сердца. Долго сидѣла я, пераясь въ мечтахъ, подъ пѣвнишельные звуки флейцы, но — не понимаю сама, какъ очу-

лилась вдругъ въ рошѣ, и — онъ споялъ шамъ подъ развѣсисшимъ дубомъ, и уже своею милою, души и чувствва исполненною улыбкою встрѣчалъ слабую дѣвушку, которая, почти не помня себя, сѣла предъ нимъ, какъ вкопаная.

„О, какъ прелесны!“ — сказалъ онъ — крошкимъ голосомъ — „эти гармоническіе звуки въ такое пріятное ушро!“ Сказалъ и поцѣловалъ почтительно мою руку. Я поскорѣ вынула изъ мѣшка своего работу и спала прилѣжно вязать, только изрѣдка поднимая глаза свои, и по въ тѣ минушы, когда слова его, все больше спрашныя, все больше прогашельныя, приводили меня въ сладоспное смущеніе. Ахъ, какъ обрадовалась я, когда закричали имя мое: Гольдина. Прощайше! сказала я, улыбаясь, и была опять свободна.

Свободна? нѣтъ, шешушка! Въ мѣшкѣ своемъ, которъй на одну минушу побывалъ въ рукахъ его, нашла я пару золотыхъ браслешъ. Вотъ видите: эшми цѣпями онъ навсегда оковалъ меня.

И эшъ браслешы, судя по работѣ, принадлежали къ діадемъ; онъ были поже съ жемчугомъ. Спало бышъ Мюллеръ и спихошворецъ; спало бышъ сердце мое напередъ его угадало. О, милая шешушка, какъ ра-

дуетъ меня это открытіе! — въ тысячу разъ болѣе, нежели то, что онъ не бѣденъ. Да! кто дѣлаешь такіе подарки...

Мой флейшистъ спалъ поже посмѣлѣе, милая пепушка; онъ вышелъ изъ зеленой своей засады. Ахъ, поздно, очень поздно! А какъ онъ хороше съ собою, пепушка! Какъ мило, почтительно поклонился онъ мнѣ съ того берега. Я отблагодарила такъ вѣжливо, такъ ласково, какъ шолько была въ состояніи.

Онъ уходилъ, приходилъ и опять уходилъ. Замѣтно было, что борется онъ съ какимъ нибудь намѣреніемъ. Въ эту минуту я не могла вспашъ съ мѣста, ни за что въ свѣтъ не могла, хотя въ роцъ ждалъ меня взявшій мою свободу — ждалъ, можешь бышь, еще съ крѣпчайшими оковами, нежели его золотыя браслеты. Да, пепушка, я не могла сойти съ мѣста, и чувствовала, что мнѣ должно бышь ласковой, непременно должно!

Вотъ сосѣдъ мой появился опять; онъ задумчиво посмошрѣлъ на воду, попомъ вдругъ сказалъ мнѣ — голосомъ, которъй былъ чистъ, звученъ и пріятенъ, какъ его флейша: „Все за рабошой, милая сосѣдка!“

Я съ самую дружескою миною отвѣчала: „Подъ вашу музыку такъ пріятно работать!“

Онъ поклонился мнѣ съ большою ловкостію; но шутъ былъ и конецъ нашего разговора. Я ушла, однако не прежде, какъ скрылся и онъ. Сердце билось у меня сильно; мнѣ казалось, что я не хорошо съ нимъ поступаю; почти рѣшалась я уже опдаться молодому человѣку его браслеты и діадему, потому что сама не знала, прилично ли мнѣ ихъ держать у себя. Но когда я вышла на лугъ, онъ встрѣшилъ меня такимъ почтипительнымъ, робкимъ взоромъ; сказала мнѣ пару словъ, столько кропкихъ и нѣжныхъ, что я никакъ не могла съ самаго начала огорчить его тѣмъ намѣреніемъ, съ копорымъ пришла. Однако на всякой случай готовъ былъ у меня особый планъ. Я хотѣла завлечь его въ споръ, даже въ ссору, и въ это время оставить ему его подарки. Сначала все шло хорошо; едва только слегка намекнула я, что мнѣ не совсѣмъ нравятся его привѣтствія, какъ огонь и молнія за сверкали въ глазахъ пылаго юноши; но въ это самое время добрый сосѣдъ наигрывалъ на флейтѣ своей такіа восхитительная фантазія, что въ крутящихся глазахъ Мюллера явилось крошкое пламя любви, и я, я,

жалкая, забывъ о томъ, что хотѣла ожидать браслешы, погрузилась въ задумчивость, въ нѣжное, поминательное уныніе.

Если бъ не флейта, ничего бы не было; а то онъ посмопрѣлъ на меня шакъ умильно, что взоръ его вмѣстѣ со звуками проникъ въ мое сердце. Я тоже на него посмопрѣла. Онъ жаль мою руку въ кадансъ ноющихъ звуковъ флейты и вдругъ очутился передо мною на колыняхъ. Ахъ, вы не будете бранить меня, пешушка, если испытали дѣйствіе на душу плѣнительной, въ восторгъ приводящей музыки. Я плакала; онъ плакалъ тоже и заклиналъ меня принять еще золотное кольцо въ залогъ ненарушимой вѣрности. Я взяла и — все рѣшилось.

Гольдина къ своей теткѣ.

Да, пешушка, это былъ въ самомъ дѣлѣ такой часокъ — слаще, нежели цѣлая жизнь; или, если въ жизни бываетъ ихъ нѣсколько, то кто же осмѣлился роптать? Но на другой день, едва успѣла я опрѣдѣть, какимъ порожествомъ наполняется душа невѣсны, вдругъ опять начались заботы и скорби. Изъ окна увидѣла я, что сосѣдь мой раскланивается черезъ рѣчку съ моимъ опчимомъ;

съ пой и съ другой стороны лезаюшь при-
вѣшствія: мой добрый сосѣдъ! мой почтен-
нѣйшій сосѣдъ! — того и смощри, что они
бросяся черезъ воду въ объятія другъ
другу. И башюшка мой, какъ ни добръ, все
таки знаешъ разборъ между бѣднымъ чело-
вѣкомъ и богатымъ. — Это было вчера.

Я смѣкнула, что богатаго сосѣда ожи-
даюшь въ госпи, но пока переправится онъ
черезъ мостъ у рѣчки, многому надобно бы-
ло сдѣлаться.

Мюллеръ поже не бѣденъ. Онъ взялъ на
аренду богато имѣнїе, правда, что бездене-
жно, однако имѣнїе принадлежитъ его дядѣ;
сшало бышь я не наудачу соединяю судьбу
свою съ Карломъ — шакъ зовушь его, ми-
лая пелушка.

Но вопъ мои заботы. Башюшка неча-
янно увидѣлъ у меня цвѣшмы, не спросилъ
даже: ошкуда, а посмошрѣлъ на меня съ
улыбкою, какъ будно хошѣлъ сказашъ: не
худо! Но что значишь эша улыбка?

И шакъ сегодня поуштру я все ошкрыла
машушкѣ — о Мюллерѣ; объ сосѣдѣ же какъ
будно ничего не знаю. Машушка не была
довольна моимъ объясненїемъ; она залилась
слезами: „Совсѣмъ неизвѣстный чело-
вѣкъ“ — сказала она крошкымъ голосомъ.

Я его знаю, милая маменька.

„Ахъ, если бѣ это было за нѣсколько недѣль, но теперь... Я буду говорить съ опцемъ своимъ.“ — Тутъ она ушла, а я осталась неподвижна, какъ статуя, пока бабюшка закричалъ: Гольдина!—Гольдина поползла, какъ черепаха. Но зная, что передъ бабюшкой всего лучше говорить бодро, я скрѣпилась.

„Гольдина“ — сказала бабюшка — „ничего дѣлать, другъ мой: изъ твоихъ заповѣй ничего не выдешь, потому во-первыхъ — вѣшь право, это не годится! — Во первыхъ — ну, клянусь душою, что это совсѣмъ никуда не годится. Твой молодой человекъ — вовсе нельзя этому быть, попому что — еще надобно согласіе твоего крестнаго отца, г-на Гольденера.“

— Согласіе? — сказала съ изумленіемъ машушка.

„Да, согласія, милая Элиза, и очень согласія! Не сама ли ты мнѣ говорила, что эшотъ благородный человекъ на крестинахъ прижималъ дочь свою къ своей груди, чуть не плакалъ надъ нею? И онъ сказалъ тебѣ: „Элиза! позвольте мнѣ имѣть участіе въ судьбѣ эшого дитяши!“ а ты подала ему руку и отвѣчала: „Располагайте ею, г. Гольденеръ, по вашей воли!“ Не сама ли ты рассказывала? — да и сестра твоя!“

— Ахъ, што была прогашельная сцена!
— сказала со слезами машушка. — Конецъ
ея былъ однако жъ дурной. Я хотѣла скрышь
печаль свою. Онъ самъ въ уныніи сказалъ,
чего бы не должно было, и я — чшобы
скрышь отъ вошедшаго мужа попрысавшія
насъ чувства — громко засмѣялась. Онъ
ушелъ, и я не видала его болѣе. —

„Правда; но развѣ не давалъ онъ на вос-
нишаніе крестницы большихъ суммъ, кошо-
рыми поддерживалась ты съ покойнымъ му-
жемъ своимъ въ бѣдности? И кто можешь
сказать, какое участіе хотѣлъ онъ принять
въ судьбѣ ея?“

— О, если счастье моей дочери отъ
него зависить, то она счастлива, ея жела-
нія исполнятся! —

„Сомнѣваюсь, милая Элиза. Сомнѣваюсь.
Онъ вѣдь здѣсь, Элиза. Если онъ согласишся,
шакъ и я не прочь. Однако онъ не согла-
сится. Онъ, какъ я думаю, назначилъ уже
для Гольдныи человека очень, очень благо-
роднаго. И она не стоила бы никакого му-
жа, если бъ отказалась исполнить желание
благодѣтеля ея родителей.“ Съ этимъ онъ
ушелъ.

„Гольденеръ шакоей благородный чело-
вѣкъ“ — сказала мнѣ машушка — „что я
не сомнѣваюсь... Если бъ ты сходила къ не-

му — лучше пусть отецъ и не знаетъ о томъ — сходи, право, милая Леопольдина, онъ живетъ — вѣдь ты знаешь домъ его въ городѣ.“

Я иду, пешушка, и ничто въ свѣтъ не было еще для меня такъ тягостно. Ахъ, если бь я могла прежде поговорить съ Карломъ, хотя одну минушу. —

Я одѣлась какъ можно лучше. Надобно, чтобы я походила на машушку — говорашь мнѣ. О, вѣрно я буду счастлива! вѣрно!

О, дай Богъ мнѣ умолишь его словами и слезами!

— — —

Ахъ, любезная пешушка, до сихъ поръ не могу я придти въ себя! до сихъ поръ голова у меня идетъ кругомъ, и мнѣ кажется, что я съ ума схожу! Послушайте — но буду ли я въ состоянiи рассказать порядкомъ! —

Я иду. Звоню. Дѣвка открываетъ дверь. Спрашиваю г-на Гольденера. „Какъ прикажете доложить? господинъ мой собирается идти со двора.“

— Леопольдина Крюгеръ — говорю я, и лишь только успѣла вымолвить, какъ выбѣгаешь онъ съ крикомъ радости мнѣ на встрѣ-

чу и предсавыше себѣ, пешушка, кто же это? Мой страшный почишатель, мой эдейшисш! Я не вспомнилась; у меня опнялся языкъ. Между шѣмъ онъ пащисш меня въ компану, обнимаешъ. „Леопольдина!“ говоришъ онъ: „милое дитя! дай на себя посмотришь: похожа ли ты на мамъ свою.“ И онъ ведешъ меня къ окну, къ свѣту. „Да, дитя мое“ — продолжаешъ онъ — „щакіе же прекрасные, крошкіе голубые глазки.“ И онъ цѣлуешъ меня. Тешушка — еслибъ онъ куклу держалъ въ это время въ рукахъ своихъ, и ша была бы ловче меня. Какимъ спрахомъ, какою шоской спѣснена была грудь моя! Не долженъ ли былъ онъ подумать, будшо я пришла за шѣмъ шолько, что его искашельство слишкомъ зашянулось надолго.

„Скажи же, какими судьбами попала ты ко мнѣ, милая?“

— Моимъ несчастіемъ — пролепешала я наконецъ и заллалась слезами.

„Несчастіемъ? бѣдненькая! несчастіемъ? Но можешъ ли это спашься? Неужели твой Карлъ — виновашъ, радосш испоргла найну изъ груди моей. Но можешъ ли это бышъ, милочка? Невѣста Карла и несчастлива!“

Ахъ, пешушка, какъ передамъ, какъ перескажу вамъ чувштво бышраго перехода

опъ жеспокой шоски къ величайшему воспорту! „Счастлива!“ вскричала я, упавъ къ ногамъ его: „счастлива, любезный башюшка! безпредельно счастлива!“

Тутъ пришла его очередь удивляться. Онъ покачалъ головою: „Сперва несчастлива“ — сказалъ онъ — „попомъ другая крайность. Чшо жь эшо значить?“

Ахъ, милая пепушка, не должна ли я была сгорѣть со стыда въ эшу минушу — чшо могла и на одну секунду почищать вшого благороднаго челоувка своимъ поклонникомъ? — Какъ онъ зналъ уже любовь мою къ Карлу, шо я и разсказала ему, чшо башюшка не хочеть дать намъ своего согласія, и послалъ меня къ нему.

Онъ опять покачалъ головою. Я разсказала далѣе, чшо слышала о происходившемъ на моихъ крестинахъ. „Да, эшо правда, эшо правда, дитя мое! Такъ если я соглашусь, ты получишь позволеніе опца своего? Такъ опъ меня зависишь рѣшишь швою учась? Опъ меня? И эшо сказалъ опецъ швой? Ну, если шакъ, шо Карль швой, Леопольдина! Скажи мнѣ, вѣрно Карль проболтался, чшо я его дядя?“

— Нѣтъ, вы видѣли, добрый мой башюшка, чшо я изумилась опъ словъ вашихъ.

„Ну, слушай же! не сказывай Карлу ни слова о томъ, что ты со мною говорила. Умѣешь ли ты молчать, дочь моя?“

— Какъ могила, башюшка!

„Спѣдись — какъ вѣрность: это лучше! — Такъ пооди же домой, милая, пошому что теперь мнѣ совсѣмъ недосугъ. Скажи Карлу, что отецъ твой не соглашается на вашъ бракъ, и если Карлъ придетъ къ тебѣ сегодня вечеромъ, то дѣлай все, чего онъ попребуешь. Слышишь ли? Все дѣлай.“

— Хорошо, башюшка; все, чего попребуешь.

„Все, чего попребуешь. Довольно ли у тебя смѣлости?“

— Какъ у любви.

„Хорошо; хотя и любовь бываетъ иногда ужасно заспѣнчива, какъ напримѣръ любовь Карлова. Безъ меня недалеко бы онъ ушелъ. Такъ вечеромъ, другъ мой, ты все сдѣлаешь, чего онъ попребуешь, и ни слова опцу и мапери! Спупай же — право мнѣ теперь не время — свои дѣлишки. Богъ съ тобою, душа мое! Будь смѣла, какъ любовь!“

Я пошла, и дорогой встрѣшила своего любезнаго. Что должно было, ему сказала, но ешь, будто родители запрещаютъ мнѣ его видѣть. Онъ выходилъ изъ себя. О, какое шрудное положеніе, петушка, въ борьбѣ

внупреннаго воспорга съ шѣми горестными словами, которыя должна я была выдавать за правду. Завидя посстороннихъ, онъ ушелъ въ опчаяніи. Я успѣла только шепнуть ему на ухо, что вечеромъ ожидаю его въ роцѣ. Машушкѣ сказала я, что креспнаго опца не заспала дома. Можете судить о моемъ нешерпѣніи, въ ожиданіи вечера. Что-то напишу я вамъ завтра, шепушка?

Гольденеръ къ Мюллеру.

Твой Карль все-таки скорѣе поспѣлъ, нежели я. Однако, дружище, я же пособилъ ему славною шпукою — пособилъ и себѣ сбыть съ рукъ эту милую пару. Я заботился о нихъ, желая имъ счастья; но признаюсь, не много они меня задержали. Однако завтра же воля Фридриха моего исполнится. Я ѣду къ Надсморщнику и прошу Гольдини-ну руку. Сердце ея давно уже мое; за то ужъ моя флейца насвисывала и фанпазировала — превосходѣе, чѣмъ у Дюлона и Друэша.

Вопъ какъ все было:

Твой сынъ признается въ любви своей дѣвушкѣ. — Признается? Не понимаю, какъ дѣлающъ это люди! — Она ему шоже признается.

„Спуйай же къ родителѣмъ“ — сказала я Карлу — „сошлись на меня; а мнѣ право шеперь некогда.“ Такъ прогналь я молодца, а самъ взяль флейшу и пошелъ.

На другой день — шоже былъ я гошовъ идши въ садъ — являешся вдругъ невѣсна швоего сына, Леопольдина. Сказашъ правду, прекрасная дѣвушка, мила, какъ Ангель! Но — не смѣйся же, пошому что я говорю сущую истину — передъ Гольдиной она совсѣмъ исчезаешъ. Ну, что жъ? Лишь бы онъ любилъ ее! . . .

Такъ вошь что: Леопольдина — авѣдъ въ лицъ ея не очень много сходства съ ея машерью, кошорая была шакъ прелесна! — Леопольдина открываетъ родителѣмъ любовь свою; дорогой папичка, кошораго я до сихъ поръ не могу шерпѣшь, вдругъ говоришь: нѣшь! — говоришь, что я долженъ располагашъ ея судьбою и ссылаешся на пару словъ, сказанныхъ на ея крестинахъ, и на шо, что я раза два помогаль Элизъ деньгами, когда она была въ нуждѣ. Короче, молодець вздумаль меня посадить, какъ червя, на свою уду. Эшо меня оскорбило. Я, не мѣшкая, даю согласіе, приказываю дѣвущкѣ молчашъ и все исполнишь, чего ношребуетъ ошъ нее швой Карль.

Въ такихъ забошахъ, говорю я шевъ, пошерявъ у меня цѣлый день; но мнѣ было,

как называюшь, споллагоря, пошому что я уже сдѣлалъ большой шагъ — познакомила съ опцемъ Гольдини, Г. Мюншеромъ. Онъ навѣрное замѣшилъ мою привязанность къ своей дочери, пошому что былъ чрезвычайно ласковъ и просилъ посѣпить его.

Твой сынъ пришелъ, какъ разъяренный левъ. Я сыгралъ ему извѣстную пѣсню: Не надо бодрости терять, когда невѣсту хочешь взять. — „Она будешь швоя“ — сказалъ я — „если ты сдѣлаешь безусловно все, что я велю.“

Онъ клянется—гошовъ, хопъ въ омушь. „Сегодня вечеромъ въ девять часовъ карета моя будешь спояшь у ворошь — ты посадишь Леопольдину — сядешь самъ и поведешь въ мою деревню. Я дамъ тебѣ письмо къ Пастору. Онъ обвиняетъ васъ и дѣло въ шляпѣ. Слышишь ли?“

Тутъ мой прусливый заяцъ, который за минушу гошовъ былъ хопъ въ омушь, пренецешъ во всемъ шѣлѣ и дрожащимъ голосомъ говоритъ: „Увезши, дяюшка?“

— Да, увезши племянникъ и дѣло въ шляпѣ. Иначе я въ споронѣ.

„Да Леопольдина не согласится.“

— Согласится, если любить себя. Другъ мой, опъ меня узнаешь ты науку любви — не безпокойся! Фридриха дамъ я

тебѣ, а съ родителями раздѣляюсь самъ. Въ любовныхъ дѣлахъ, Карлъ, все должно быть быстро—какъ молнія, горячо—какъ пламя.

Онъ бросился ко мнѣ на шею и поклялся увезти дѣвушку. Вошь, Мюллеръ, вошь мое мщеніе. Отецъ вырвалъ у меня изъ-подъ носу Элизу; я вырвалъ у него Леопольдину, его дочь. Вѣдь онъ самъ сказалъ, что я долженъ рѣшить участь ея.

Да, дружище, увези! И я шеперь такъ на это готовъ, что, пожалуй, еслибъ согласилась Гольдина —

Теперь вечеръ. Когда дѣло будетъ кончено, Фридрихъ забѣжитъ взять отъ меня письмо къ Паспору; тогда они увидятъ и я свободенъ — я отправляюсь къ г-ну Мюнсхеру.

Скажи шеперь, не счастливый ли я человекъ? Вошь идешь Фридрихъ.

Продолженіе.

Едва держу перо, любезный другъ; стараю отъ спѣха — но долженъ писать къ тебѣ, долженъ просить, чтобы ты сожегъ всѣ мои письма и не растворялъ рта о любви моей. Фридрихъ ужъ будетъ молчать.

Фридрихъ пришелъ съ фонаремъ въ руки. Онъ зналъ только то, что дѣло идетъ о похищеніи. Я былъ въ восторгѣ. „Что, Фридрихъ, теперь дѣвушка въ нашихъ рукахъ?“

— Да, да! сударь. Только кто разберешь всѣ ваши зашвы? Гольдину, закушанную съ головы до ногъ, выведъ подъ руку молодой человѣкъ, который казался мнѣ очень печаленъ. Она тоже, опираясь на плечо его, рыдала. Я шущь ничего не понимаю.

Я засмѣялся. „Гольдина, говоришь ты? Не думаешь ли, что я сдѣлалъ похищеніе? я?“

— Конечно. Когда я увидѣлъ и узналъ Гольдину —

„Гольдину? Ты съ ума сошелъ, Фридрихъ.“

— Помилуйте, сударь, я знаю, что говорю. По вашему приказанію взялъ я фонарь и пошелъ съ молодымъ человѣкомъ. Сердце сильно забилося у меня отъ радости, когда онъ повелъ меня черезъ мостъ шуда, гдѣ живешь Надсмотрщикъ. Я мысленно хвалилъ смѣлость вашу и рѣшимость.

„Гдѣ живешь Надсмотрщикъ, говоришь ты?“ Меня подирало по кожѣ.

— Гдѣ живешь Надсмотрщикъ. Мы остановились въ роцѣ; въ окнѣ Гольдины видна была свѣчка. „Эпо нашъ условный знакъ“ — сказалъ мнѣ молодой господинъ.

„Въ окнѣ Гольдины? Чшо ты мѣлишь? эшого бышь не можешь.“

— Точно было. Свѣчка погасла: Дверь ошворилась, и Гольдина кашлянула два раза. Мы сдѣлали шже. Она пришла, упала рыдая на грудь молодого господина и сказала: Ахъ, любезный Карль!

„Эшо сказала Гольдина?“

— Да! Но я думаю, чшо со мной брашь ея или близкій родшвенникъ, пошому де, чшо баринъ мой конечно не поручишь Гольдины. . . —

„Сказала: любезный Карль!“

— Да; и продолжала: Карль! шчно ли эшо воля г-на Гольденера? — Точно, милая Гольдина, вошь и слуга его. — Эшо меня успокоило. Я сказалъ: вѣдь вы знаете меня, сударыня. Точно по его вошь. — Ахъ, эшо ты! молвила она: ахъ, какой швой добрый, благородный господинъ! —

„О, даъе, даъе, Фридрихъ! я спою на ножахъ.“

— Я шо же споялъ не на пуховикахъ: имъ вздумалось обняшь другъ дружку и поцѣловашься. Я посвѣшилъ въ лице молодому господину. Эшо былъ шощь самый, ошь кошораго я васъ ошерегалъ — помнише, чшо все караулилъ въ лѣсу.

„Неправда; я знаю Карлову невьшшу! Чоршъ возьми, если шы не врешь! Либо шы цьянъ, Фридрихъ!“

— Да вы не знаете даже, какіе у Гольдины глаза.

„Нужды нъшь! Я знаю, что Карлова невьшша — дочь Элизы, и называется Крюгеръ, а Гольдина — Мюнсперъ.“

— О! шакъ все же правда! Изъ ихъ разговоровъ узналъ я, что Надсмошрцикъ—Гольдининъ опчимъ.

Я, внѣ себя отъ огорченія, велю позвать садовника, который оспавался въ моемъ домѣ вмѣсто Фридриха; спрашиваю его; онъ рассказываетъ — и я гошовъ сквозь земли провалишься. Опецъ Гольдины умеръ. Надсмошрцикъ Мюнсперъ женился на вдовѣ. Гольдина собшвенно называется Леопольдиной и — швой сынъ похищилъ мою любезную!

Тутъ стоялъ я, какъ сумасбродъ, на посмѣянїе свѣшу — но любовь еще сильнѣе пылала въ груди моей. Фридрихъ не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшаго упрека. Онъ смошрѣлъ на меня съ состраданіемъ и поддерживалъ подъ руку.

„Всего лучше, добрый мой баринъ“ — сказалъ онъ: — „если вы спанете показывать, будшо обо всемъ знали. Кому извьшна ва-

на любовь къ Гольдинъ, кромѣ вашего зяи и меня? А мы умѣемъ молчать.“

Что всего болѣе огорчаетъ меня въ этой испорці, такъ это, что я былъ влюбленъ, до безумія влюбленъ — въ призракъ, въ существо, жившее только въ моемъ воображеніи. И теперь, когда я представлялъ себѣ Леопольдину, то совсѣмъ не чувствовалъ никакой любви — смѣялся въ самомъ себѣ; но при одной мысли о своемъ идеалѣ, я весь воспламенялся и ядъ ревности наполнял мою душу. Я не могъ приучить себя думать, что любезной моей не существуетъ въ мірѣ.

Фридрихъ нашелся и шутъ дашъ мнѣ добрый совѣтъ: „Повѣдемъ-те вмѣстѣ въ Обердорфъ — сказалъ онъ: вы будете часто смотрѣть на Леопольдину. Это можете быть вамъ пособить.“

Я рѣшился. Между тѣмъ совсѣмъ уже смерклося. Для Карла велѣлъ я осѣлать лошадей, а самъ, закутавшись въ плащъ, пошелъ къ каретѣ. Нѣтъ, не эту дѣвушку любилъ я. Довольно спокойно сѣлъ я подле нее, смотрѣлъ на нее пристально и увѣрялся, что въ ней нѣтъ и подобія Гольдины: ни темно-каштановыхъ волосъ, ни черныхъ глазъ, ни того благороднаго, гордаго Греческаго лица, которое такъ живо напечатлѣно

было въ душѣ моей. Также спокойно могъ я спросишь: „Какъ случилось, милая, что ты познакомилась съ Карломъ?“

— Вошь какъ,, любезный бапюшка — начала она. — Давно уже примѣчала я, что Карль спережешъ меня въ роць. Однажды поушру нашла я прекраснѣйшіе цвѣты, копорые поставиль онъ на берегу рѣчки для меня въ подарокъ, а при томъ самые нѣжные стихи, копорые писалъ онъ по вдохновенію доброй души своей и пламеннѣйшей спрасни.

Есть минушы, дружице, въ копорыя бываешъ до смерти спыдно. Таково было мнѣ въ эшо мгновение. Трепешнымъ, запи-нающимся голосомъ сказала я: „Эшо все было ошь меня, милая Леопольдина! Твой Карль шакъ заспѣничивъ. Надобно же было какъ нибудь начашъ, и я спалъ за него дѣйствовашъ. Цвѣты и стихи получила пш ошь меня.“

— Ошь васъ? — сказала она въ изумленіи. — Боже мой! Какіе же прекрасные пишете вы стихи! Такъ спало бышь и діадема ошь васъ? и другіе предеспнѣйшіе спишки, копорые меня шакъ восхищили? Ахъ, милый, милый бапюшка, какъ вы добры! — И роговая музыка ошь васъ же?

„Опъ меня. Его нельзя было ни къ чему уговорить. Я подслушала твои пѣсенки, положилъ ихъ на ношы и велѣлъ играть опъ его имени.“

— Ахъ, какъ хорошо — ну право, какъ хорошо, что я ничего этого не знала.

„Опъ чего шакъ, другъ мой?“

Она покраснѣла, улыбнулась — попомъ сказала, запинаясь: — Да, еслибъ я знала, что все это опъ васъ. . . . Стихи были шакъ прогашельны; какимъ сладоспнымъ восхищеніемъ исполнилась опъ нихъ душа моя! Какъ легко могло мнѣ придти въ голову. . . . При томъ же я совсѣмъ не знала, зачѣмъ спережете вы меня въ своемъ кушарникѣ.

„Ты могла бы подумать, что я тебя люблю? не правда ли?“

— Почему жъ не шакъ? У всякаго есть щеславіе, любезный башюшка! Большое, очень большое счастье, что я воображала, будто все это дѣлаешь для меня Карль. Я очень много слышала объ васъ хорошаго. Да зачѣмъ скрывашъ? Я уже начинала шочно это думать. И могло ли придти мнѣ на мысль, что вы спережете меня для другаго?

Признаюсь шевъ, Мюллеръ, что положеніе мое было шущъ совсѣмъ не завидно. Къ счастью подвѣхалъ къ карешъ Карль и далъ раз-

говору другое направленіе. О, какъ мучила меня мысль, что Гольдина, такъ горячо любимая Гольдина, была бы моею, еслибъ я послушался Фридриха.

Мечты снова заиграли въ моемъ воображеніи; я спалъ опять Леопольдину смѣшивавшъ съ прелестнымъ идеаломъ моего сердца; но скоро спохватился и, чтобы не дать себѣ воли, посадилъ Карла въ коляску, а самъ сѣлъ на своего вороного, съ копырымъ онъ не совсѣмъ-шо хорошо умѣлъ управляться.

Вороной вздыбился и запрядалъ. Мнѣ было вшо любо. Во мнѣ самомъ буншоваала кровь, какъ и въ немъ. Карлъ закричалъ отъ спраха, но скоро ошвыкшій конь почувствовалъ на себѣ насшоящаго своего хозяина и рабски повиновался. Леопольдина сказала, улыбаясь: „Я никогда не видала такихъ славныхъ вздоковъ, какъ вы, милый бапюшка!“ Ахъ, зачѣмъ не послушался я Фридриха!

Я прискакалъ напередъ, и когда они прѣехали, Пасшоръ былъ уже гошовъ благословишь ихъ, что и сдѣлалъ; а я — я опять шопъ же пусшынникъ, спарый, несчастный, осшавленный цѣлымъ свѣшомъ пусшынникъ!..

Родители прѣвѣжали сюда. Опшчимъ считалъ меня шочно влюбленнымъ въ его пад-

черицу; но здѣсь узналъ онъ, что я богатый Гольденеръ, и смѣялся своему заблужденію.

Когда она стоишь передо мною, то вижу въ ней дочь Элизы и прелестную жену моего сына. Когда же изъ окна смотрю, какъ ходишь она въ саду въ шой одеждѣ, кошорую носила Гольдина, то — кровь моя кипишь и леденеешь. Но мало по-малу проходишь и шо. Я уже прибралъ къ своимъ рукамъ это, больше всего пиранившее меня платье. Прощай. Твой старый пуспынникъ.

Карлъ къ своему отцу.

Обердорль.

Мы здоровы, любезный башюшка; а дядя Гольденеръ прыгаетъ на одной ножкѣ, и своимъ счастиемъ умножаетъ наше. Его пошоянное сердце могло любишь только одну Элизу, но пуспынническая жизнь дѣлала его несчастнымъ. Моя Гольдина полагала много надежды на прівздъ ея шешки, Эмили, кошорая гораздо моложе Элизы, сестры своей, но удивительно какъ на нее похожа.

Наконецъ она прівхала и сдѣлала на дядю большое впечатлѣніе, кошорого однако ни-

кто изъ насъ не замѣшилъ, кромѣ сарага Фридриха. Дядя пошчасъ спалъ прятаясь опъ Эмилии и любилъ ее, по словамъ Фридриха, изъ поэтической опдаленности. Тушь за шайну опкрыла мнѣ Гольдина — ахъ, какою доброю женою наградилъ меня Богъ и мой дядя! — что Эмилиа давно уже, по рассказамъ о дядѣ, по его вѣрности къ сестрѣ ея и по его великодушію ко всему ихъ семейству, чувствовала къ нему нѣкоторую склонность, и эта склонность обратилась въ любовь, какъ скоро она его увидѣла.

Но къ чему служило все это? И дядя и шешка молчали. Фридрихъ посмашривалъ на меня уныло. Наконецъ я рѣшился сдѣлать ему допросъ. — Фридрихъ! — сказала я — какъ намъ помочь дядѣ? Скажи, точно ли онъ любитъ Эмилию?

„Любитъ и любитъ спрашно, сударь. Вѣдь я его повѣренный, его единственнѣй повѣренный.“

— Что жъ? хочешь ли онъ на ней жениться?

„Какой, сударь, вопросъ! Да онъ былъ бы счастливейшій человекъ въ свѣтѣ, если бы она согласилась быть его женою.“

Такой же допросъ сдѣлалъ я Гольдинѣ о шешкѣ. Она сказала поже, пошому что шешка была повѣренная Эмилии.

Я велѣлъ заложить лошадей, повѣхалъ въ городъ, остановился у дома своего шестя и велѣлъ вызывать Эмилию на пару словъ. Она пришла. Я успремилъ на нее приспаль-но глаза и съ мрачнымъ видомъ сказала: милая пешушка, мнѣ предстоить опасный путь.

„Что такое, Карль? Вы меня пугаете.“

— Нечего дѣлать! Опъ вшого зависить счастье моего дяди, счастье шого благороднаго человекъ, кошорый увезъ для меня Гольдину, на что бы конечно для самага себя не рѣшился. Во что бы ни спало, надобно на все опважиться.

„О, если для него, Карль, шо конечно должно на все опважиться. Да что жъ такое? Развъ не видите моего спраха и нетерпѣнія?“

— Сядьше въ коляску и я вамъ разкажу, пешушка. —

Она съла. Въ одно мгновение заперлись дверцы, коляска вихремъ пошчалась, и къ обѣду прѣвхала Эмилия сюда, гдѣ никогда не была еще — смяшенная и в спревоженная. Я ввелъ ее въ комнашы. Жена моя встрѣпила насъ крикомъ: „Ахъ, пешушка! милая пешушка!“ Дядя покраснѣлъ; его дыханіе сперлось. Эмилия также покраснѣла, но спросила, улыбаясь: Мнѣ кажешся, Карль, вы взду-

мани меня увезши. Это право похоже на похищеніе!

„Я похищилъ васъ, шепушка, точно похищилъ.“ Тупъ оборонясь къ дядѣ, сказалъ я: „Любезный дядюшка! Когда я любилъ Гольдину, вы были моимъ помощникомъ, вы меня осчастливили; и какъ я былъ слишкомъ заспѣнчивъ, вы вмѣсто меня, увезли жену мою. Такъ по пословицѣ: рука руку моешь. Вѣдь вы любите шепушку также спрасно.“

Онъ покраснѣлъ, какъ молодая дѣвушка, и опушилъ глаза въ землю. Эмилиа хотѣла убѣжать изъ горницы, но я остановилъ ее: „Вы похищены!“ сказалъ я сурово, взявъ ее за руку. „Дядюшка!“ продолжалъ я: „вы любимы, и это знаю. Тешушку похищилъ я для васъ, какъ вы для меня похищили Гольдину.“

Тупъ вывелъ я изъ комнаты жену свою и оставилъ любящихся однихъ, запреща входящихъ шума, пока не позовушь. Въ залѣ расхаживалъ я большими шагами взадъ и впередъ и признаюсь, былъ не слишкомъ покоенъ.

Какъ бы вы думали, бапюшка! Время проходило, я прислушивался часто у дверей, но они не говорили ни слова. Гольдина тоже время отъ времени прислоняла голову

къ двери, улыбалась — но на лицѣ ея была уже написана тоска. Все еще не говоряшь! повпоряла она, ошходя.

„Я не понималъ, что съ ними сдѣлалось и спалъ скучашь. Тупь пришелъ Фридрихъ. Когда Гольдина разсказала ему обо всемъ, онъ вспрыгнулъ ошъ радости, какъ молодой. Попомъ приложилъ ухо къ двери — и все ни одного звука!

Тупь спалъ онъ пошохоньку ошворяшь дверь. Я смотрѣлъ въ щель — и Фридрихъ и Гольдина. Дядя споялъ на колѣнахъ предъ своей возлюбленной и уста его покоились на ея рукѣ. Мы зашворили дверь и въ радости шепшали: „Ну слава Богу!“ . . . Наконецъ дядя позвалъ Фридриха. Краска играла на щекахъ его и Эмилии. Дядя украдкой пожалъ мнѣ руку; шешушка поцѣловала Гольдину въ болпаливыя уста и — далѣе никшо не узналъ ничего:

Спустия при дни сказалъ мнѣ дядя: „Да; она меня любить!“

— Но скажите, дядюшка, какъ вы это узнали? Вѣдь вы въ цѣлые при часа ни слова не промолвили,

„И, Карлъ, Карлъ! Кшо шанешъ объясняшься словами въ любви!“ сказалъ онъ гордо.

— Желала бы я знашь, какъ же онъ сдѣлалъ это иначе? — говоришь моя Гольдина.

Черезъ мѣсяць будешь свадьба. Мы васъ ожидаемъ, любезный бапюшка. Вашъ другъ счастливъ. Мы счастливы всѣ.

Вл.

А Н Е К Д О Т Ъ.

Во время Египетской компаніи Французовъ, Генераль Клеберъ командовалъ подъ начальствомъ Наполеона, но поступки его выходили нерѣдко за границы его власти и повелѣнія Главнокомандующаго не всегда съ точностію исполнялись. Однажды, когда былъ имъ оказанъ новый знакъ послушанія, Бонапарть велѣлъ позвать его къ себѣ. Все предвѣщало ужасную сцену, шѣмъ болѣе, что Генераль Клеберъ былъ весьма горячъ и муштина высокой, видный ростомъ и сшаномъ, сдѣловашельно въ семъ отношеніи совершенный контрастъ Наполеона. Когда онъ явился, послѣдній встрѣшилъ его сими словами: „Скажише, кто изъ насъ выше? Кажется вы, Генераль Клеберъ, выше меня только головою; но еще одно непослушаніе и эта разница исчезнетъ. Подише!“ — Клеберъ поминался.

ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ *).

Liegend schwebt der Koloss
Ueber den Trümmern, —
Und es flammt von der Sterne
Fürchtlich mir entgegen
Sein Name: Schicksal.

К. Н. Heidenreich.

Веселое общество офицеровъ сидѣло вокругъ кипящаго на столѣ самовара. Бесѣда товарищей, стаканъ хорошаго чаю и шрубка вакштафа — вошь первѣйшія наслажденія на временныхъ квартирахъ, гдѣ общественныя связи бывають шакъ рѣдки. Разговоры не умолкають; каждой судишь, какъ умѣешь; и шушки, какъ выстрѣлы бѣглаго огня, одна за другой слѣдуютъ. Твердое сердце воиновъ пребуешь сильныхъ впечатлѣній — и ось шого любимѣйшіе предметы ихъ разговоровъ суть опасности въ бояхъ или въ любовныхъ интригахъ. Долго и наше веселое общество занималось сими предметами, наконецъ разговоръ перешель къ предчувствіямъ.

„Я вѣрю предчувствіямъ только въ картахъ“ — сказала молодой Поручикъ Вѣтровъ — „шущъ какъ будто что-шо гово-

*) Истинное происшествіе служило каякою для сей повѣсти. *Сог.*

ришь: *примажь къ этой, или сойди съ другой!*“ —

— Я всступлюсь за предчувствія — ошвѣчалъ Ротмистръ Б***, поглаживая яншарнымъ мундшпукомъ длинныя усы свои — а въ доказательство разскажу вамъ происшествіе, котораго былъ очевидцемъ. — Какъ всѣмъ вамъ извѣстно, я служилъ прежде въ *** карабинерахъ. Полкъ нашъ стоялъ бригаднымъ лагеремъ въ Крыму. Графъ N. N., съ которымъ я былъ очень друженъ, жилъ со мной въ одной палашкѣ. Онъ любилъ бродить пѣшкомъ, а для него и я часто забывалъ лѣнь свою. Вблизи нашего лагеря, на берегу небольшой рѣчки, которой имени не помню, въ прекрасномъ живописномъ садикѣ, было сельское кладбище. Никогда Графъ спокойно не проходилъ мимо его; часто онъ вздрагивалъ, перемѣнялся въ лицѣ; часто говаривалъ мнѣ: не знаю ошъ чего, Б***, но всегда, проходя мимо эшаго мѣста — мнѣ кажется, я вижу свѣжую могилу, и эша могила какъ будто для меня вырыта. — Сколько я ни шутилъ надъ его видѣніемъ, сколько не смѣялся шому, но не могъ перемѣнить его чувства при видѣ кладбища. Спустя нѣсколько времени, Графъ, поссорясь съ Капитаномъ другаго полка, вышелъ на дуель, получилъ смертельную рану и черезъ шестнадцат-

дашь часовъ умеръ. Тѣло его положили на погребъ самый кладбищъ, мимо копорого не проходилъ онъ безъ шрепеша. Послѣ этого приключенія — продолжалъ Б-й — я вѣрю предчувствіямъ, хотя силы ихъ не испытывалъ надъ собою.

„И сколько примѣровъ подобныхъ предчувствій“ — сказалъ одинъ изъ офицеровъ — „можно найши въ Исторіи, и древней и новой!“

— О! въ этомъ случаѣ — отвѣчалъ Вѣтровъ — я историкамъ не очень вѣрю. Они и женщины, чтобы достигнуть своей цѣли, ни за что считающъ вдвое увеличивъ и украсить истину. Разверните Плушарха, и вы увидите, что рѣдкій изъ его героевъ не предвидѣлъ во снѣ будущей судьбы своей!

„И такъ ты и снамъ не вѣришь?“

— Еще менѣе, чѣмъ предчувствіямъ. Да и что такое сновидѣніе?

„Дѣятельность души во время сна“ — отвѣчалъ Б-й. — „Въ минушы бдѣнія, душа наша принимаетъ впечатлѣнія отъ нашихъ чувствъ; въ минушы сна она отъ нихъ не столько зависима. И такъ мудро ли, что дѣятельность ея возвышеніе, что она, предвидя будущее, представляешь его въ аллегорическихъ картинахъ, копорыя во всемъ

сходешвуюшь съ ошвѣсами древнихъ оракуловъ!"

— Не всегда, Въпроть! — возразилъ Маіоръ Милоновъ, любимый всеми за свою кротость и доброту. — Ежели всѣ согласны, я готовъ прочесть вамъ ошпрывокъ изъ испоріи моего пріятеля, кошорый увѣришь шебя, Въпроть, какъ сны бывають иногда ясны. — Все общество просило Маіора исполнить обѣщаніе. Тѣснѣ сдвинулся кругъ, шрубки снова закурились, и Милоновъ, вынувъ шепрадь изъ дорожнаго своего портфеля, началъ читашь слѣдующее.

Громы войны замолкли, миръ былъ заключень — и войска, обогащенныя воспоминаніями побѣдъ своихъ, весело возвращались въ ошечество. Древній знаменитый Кіевъ былъ назначень главною квартирою *** Гусарскому полку, въ кошоромъ служилъ Рохмиспромъ молодой Ипполитъ Мировъ. Съ воображеніемъ, нѣсколько мечшательнымъ, соединялъ онъ благородную душу. Любимый шоварищами, уважаемый солдатами, любезный человекъ въ обществѣ и храбрый воинъ на полѣ чести, Мировъ одними удовольствіями считалъ двадцать семь лѣтъ своей жизни. Рубецъ на лбу и бѣлый крестъ въ пешлацѣ

ручались за его храбрость; имѣніе въ порядкѣ и независимое состояніе оптимали у него всѣ заботы. Казалось, счастье избрало его своимъ любимцемъ.

Теперь, сидя на конѣ, Ипполитъ думалъ о занятіяхъ, копорыя ожидали его на постоянныхъ квартирахъ. Верстъ десять не доѣзжая города, на поворотѣ вправо сползъ квартирьеръ 4-го эскадрона. — „Сюда, Ваше Благородіе“ — сказала онъ Мирову, копорый въ задумчивости не примѣпилъ его. — А! здорово, Кудринъ, каковы конюшни? — „Знатныя, Ваше Благородіе!“ — А квартира? — „Чистая и веселая!“ — И не далеко? — „Версты три — не дальше.“

Эскадронъ выпянулся по новой дорогѣ; Гусары спѣшились, облегчили лошадей и вольнымъ шагомъ шли возлѣ вѣрныхъ своихъ шоварищей.

Скоро открылся рядъ бѣлыхъ избъ, разбросанныхъ между зеленѣющимися ивами; на пригоркѣ возвышалась простая деревянная церковь; не много подалѣ, за небольшой рѣчкой, краснѣлась изъ-за саду крыша господскаго дома. — Эпа деревня была назначе подъ эскадронъ, которымъ командовалъ ровъ.

Распросы о состояніи крестьянъ мѣщикъ, всегда основываясь первое

ство съ хозяевами. Ошккровенный воинъ радуешся, видя довольныхъ крешьянъ и вмѣстѣ съ ними хвалишь добраго помѣщика, кошораго имя никогда не изглаживается изъ его памяти. Но помѣщика несправедливаго не щадишь непринужденный солдатъ. Онъ всегда произносишь имя его съ пренебреженіемъ, съ хулою; ибо никто не гнушается болѣе несправедливостію, какъ воинъ, привыкшій къ безусловному исполненію законовъ. Справедливость естъ палладіумъ воинской дисциплины.

Сиди на лавкѣ, въ сипцевомъ халашѣ, Мировъ съ улыбкой слушалъ спарушку, свою хозяйку, кошорая съ добродушіемъ хвалила своего барина, г-на Добрава.

„И шакъ вы всѣ его любите?“ — Какъ ошца нашего, сударь! — „И онъ всегда живешъ здѣсь въ деревнѣ?“ — Всегда съ нами, какъ ошецъ — и лѣшомъ и зимою.

Благородный человекъ! думалъ Ипполишь — я не знаю шебя, но люблю и почишаю душевно. И сія похвала подвластныхъ тебѣ естъ лучшая награда для добродѣтельной души швоей!

„Велико ли у него семейство?“ — спросилъ Мировъ послѣ нѣкошораго молчанія.

— Было шрое дѣшонокъ, сударь; но спаршшая дочь году нѣшть какъ скончалась. Тамъ,

подъ церкви, подъ березою похоронили покойницу. Все семейство и до сихъ поръ не перестаетъ кручиниться, особливо наша барышня, Софья, которая жила съ покойницей, какъ рыба съ водою! — Иполизъ задумался; взоръ его не покидалъ зеленыхъ ивъ, копорыя опоясывали пригорокъ, гдѣ возвышалась церковь.

— Дай Богъ много лѣтъ здравствовать нашей барышнѣ, Софьѣ — продолжала словоохотная сшарушка — она добра и шиха, какъ голубка. Болѣнъ ли кто въ деревнѣ? — она присылаетъ ему лѣкарство. Нужду ли терпятъ? скажи только Анюшкѣ, ея горничной, какъ шухъ и помощь.

Опдохнувъ ошъ перехода, Иполизъ долго еще спрашивалъ о семействѣ Доброва, а болѣе всего о прелестной Софѣ. Мечтапель въ воображеніи своемъ рисовалъ образецъ совершенства, кошорому красками служили похвалы благодарныхъ крестьянъ. Ему сдѣлалось душно въ тѣсной избѣ; полное сердце требовало свободы, чистаго воздуха. Иполизъ снялъ со стѣны двуствольное ружье свое; вѣрный *Гекторъ*, ласкаясь къ нему, махалъ хвостомъ. Но опойдя нѣсколько шаговъ ошъ кварширы своей, Мировъ перемѣнилъ намѣреніе, возвратился, повѣсилъ ружье на прежнее мѣсто, оставилъ Гектора, не

смотря на его желаніе и ласки, дома — и одинъ тихими шагами пошелъ по деревнѣ.

Вечеръ былъ тихъ и прекрасенъ, — послѣдніе лучи солнца рубинами свѣпились сквозь густую зелень садовъ; вдалекѣ ошзывались напѣвы соловьевъ, и мириады мошекъ кружились въ бальзамическомъ воздухѣ.

Есть минушы, говоришь Шиллеръ, въ которыхъ мы дѣлаемся добрѣе, чувствительнѣе ко всему насъ окружающему; минушы, въ которыхъ чувствуешь непреодолимое желаніе прижать къ сердцу каждую травку, каждой цвѣточкѣ. Въ такомъ расположеніи былъ нашъ мечтатель. Громы брани умолкли; разсѣянности переходовъ кончилась — и воображеніе Ипполита снова возвратилось къ любимѣйшимъ мечтамъ своимъ.

Непримѣнно очутился Мировъ у ограды церковной; калитка была только пришворена — онъ вошелъ въ жилище смерти. Наклоненныя ивы осѣняли могилы; простые кресты возвышались на нихъ. Нѣсколько бронзовыхъ памятниковъ подъ общей крышкой привлекли любопытство Ипполита. Онъ подошелъ, прочелъ надписи: тамъ покоились предки нынѣшняго помѣщика. Недалеко отъ сего мѣста Мировъ увидѣлъ свѣжимъ дерномъ покрывшую могилу; букетъ увядшихъ еще незабудокъ лежалъ на ней.

Здѣсь вѣрно покоишься сестра Софія — думалъ Ипполитъ — и эти цвѣтш върно сорваны ея рукою и принесены на гробъ друга.

Онъ поднялъ букетъ, вынулъ изъ него два цвѣшка, а остальные положилъ на прежнее мѣсто. Въ это время услышавъ за собой голоса разговаривающихъ, Ипполитъ поспѣшно спряталъ свою добычу и хотѣлъ уже удалиться; но вдругъ остановился, какъ громомъ пораженный.

Къ нему на встрѣчу шла Софія. Онъ узналъ ее по черному платью, которое обрисовывало стройный станъ ея; узналъ по выраженію доброты, которое такъ ясно было видно во всѣхъ чертахъ ея прекраснаго лица.

Въ одной рукѣ держала Софія букетъ незабудокъ, другою опиралась о плечо юноши, лѣтъ четырнадцати, прелестнаго, какъ Ангель.

Сердце Ипполита было приготоовлено къ сильнымъ впечатлѣніямъ и пишиною мѣста и разгоряченнымъ воображеніемъ; и такъ мудро ли, что это явленіе подѣйствовало сильно на его душу, что образъ Софіи слился съ тѣмъ идеаломъ, о которомъ мечталъ пламенный юноша.

Еще долго бродилъ Ипполитъ , думая о Софiи, о будущемъ. Картины счастья мелькали неясно въ его воображенiи и прiятный сонъ докончилъ романъ его благополучiя.

На другой день прелестный, чепырнадцати-лѣтний Добровъ пришелъ пригласить Мирова, именемъ своихъ родителей. Нужно ли говорить, съ какою радостiю принялъ Ипполитъ приглашенiе. — Онъ познакомился со стариками — добрыми, любезными; познакомился съ прелестной Софiей и ежедневно видѣлъ картину семейственнаго счастья, которая для добраго сердца такъ утѣшительна, такъ приманчива!

Есть случаи въ нашей жизни, которые даютъ новый видъ всему, насъ окружающему, перемѣняя насъ самихъ. Это камень, оспанавливающий теченiе ручья и дающiй ему совершенно другое направленiе. Такое дѣйствiе имѣла надъ чувствительнымъ сердцемъ Софiи смерть сестры. Безпечность младенца исчезла; задумчивость заснула мѣсто веселости. Часто черные, прекрасные глаза Софiи наполнялись слезами; часто, усыпленная неясными мечтами, могла она проводить цѣлые часы, смотря на звѣздное небо. Но иногда взоръ ея прояснялся, и тогда ничего не могло быть прiятнѣе, забавнѣе разговоровъ ея и шутокъ.

Смѣялась ли она или успрямляла задумчивый взоръ свой къ небу, кружилась ли въ быспромъ вальсъ или пѣла при тихихъ аккордахъ гитары — Софія равно была прелестна, равно добраша души ея отражалась во всѣхъ движеніяхъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ прекрасной. Съ нѣжносною любила она юнаго Ариспа, брата своего, прекраснаго, чувствительнаго. Вмѣстѣ ходили они на могилу сестры, вмѣстѣ занимались чтеніемъ — и вмѣстѣ соспавляли радость и веселіе родителей.

Долго ли познакомишься, подружисья добрымъ людямъ, особливо въ деревнѣ, гдѣ такъ мало разсвѣянности, гдѣ нѣтъ принужденности, и съ такою радостію принимають хорошаго собесѣдника? — Миронъ сдѣлаася любимцемъ всего семейства. Съ старымъ Добровымъ полковомъ онъ о хозяйствѣ, о заводахъ; доброй старушкѣ рассказывалъ свои походы; съ Ариспомъ ѣздилъ на охоту, а для прелестной Софіи рисовалъ узоры, переписывалъ ноты или поливалъ цвѣтны въ маленькомъ ея садикѣ. Всѣ хвалили Ипполипа, всѣ любили его и говорили, что его любящъ; одна только Софія молчала при такихъ похвалахъ и всегда при спальнѣ смотрѣла на свою работу. Ариспъ полковалъ это въ выгодную для Ипполипа

сторону, — и мы повѣримъ ему; ибо кто лучше его могъ знать сердце любимой сестры? — Но Аристъ примѣчалъ и въ Ипполигъ признаки любви: — онъ не ошибался. И возможно ли было мечтателю не влюбиться въ прелестную Софію? — Въ ней онъ нашелъ идеаль, о кошоромъ давно вздыхало его сердце; съ нею думалъ воскресить Аркадію, о кошорой мечталъ въ часы уединенія. Но еще Ипполигъ не открывалъ своихъ чувствъ; онъ хотѣлъ узнать мысли Софіи. Иногда ушгшалъ себя надеждой, иногда мучилъ предположеніемъ, что его не любятъ. Это общая участь всѣхъ любовниковъ, кошорая для нихъ имѣетъ столько прелестей.

Насупилъ день рожденія Ариста. Ипполигъ, рано поуспру, пришелъ съ поздравленіемъ къ юному своему другу и принесъ ему въ подарокъ легкое Англійское ружье, кошорымъ шакъ часто любовался Аристъ, и съ кошорымъ иногда ходилъ на охоту. Добрый юноша съ благодарностію бросился на шею Ипполига: „Какъ бы я желалъ“ — сказалъ онъ — „и будущій и всѣ годы моей жизни провести и встрѣтиться съ вами, г. Роммистръ, какъ нынѣшній.“ — Ипполигъ вздохнулъ. — Аристъ! — сказалъ онъ послѣ нѣкошораго молчанія — въ сей день, для себя священный, въ сей день, въ кошорый шмъ

выходишь изъ ребяческаго возраста, я дѣлаю тебѣ подарокъ, важнѣйшій въ жизни, — повѣряю тебѣ мою пщину. Я люблю сестру свою — со всею силою первой, пламенной любви!

Арисъ улыбнулся. „Я зналъ это давно, любезный Ипполитъ“ — отвѣчалъ онъ — „ваши взгляды, ваша задумчивость, разсѣянность, давно мнѣ то открыли.“

Какъ пріятно было Ипполиту разспрашивать Ариса о чувствахъ Софіи. Съ какою жадностію слушалъ онъ доказательства, что она къ нему не равнодушна, что онъ ей нравится. Каждая бездѣлка важна для любовниковъ, все порождаетъ надежду: зародыши ея хранились уже въ сердцѣ вмѣстѣ съ любовью.

Ипполитъ съ юнымъ другомъ своимъ, который съ этого часа сдѣлался ему еще любезнѣе, перешли въ залу, гдѣ у чайнаго столика собралось все семейство.

„Спанный сонъ видѣлъ я нынѣшнюю ночь“ — сказалъ Арисъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и поздравленій — „мнѣ чудилось, будто гуляю по прекрасному лугу. Тысячи цвѣтвъ благоухали вокругъ меня; жаворонки пѣли и кружились въ воздухѣ — и мнѣ было такъ легко, такъ пріятно! Вдругъ приблизился ко мнѣ спарець въ бѣ-

лой одеждѣ; съдая борода его волною ниспадала до пояса, на которомъ были изображены разные гіероглифы; въ одной рукѣ держалъ онъ жезлъ, другою съ повелительнымъ видомъ указывалъ мнѣ вдаль. Оставь меня еще нѣсколько времени здѣсь — просилъ я его — мнѣ шакъ пріятно, шакъ хорошо на эпомъ лугу, среди эшихъ цвѣшовъ. — Старець качалъ съдую свою голову, и на всѣ мои просьбы опвѣчалъ шѣмъ же знакомъ вдаль. Наконецъ просьбы мои, казалось, смягчили спарца, и онъ произнесъ торжественнымъ голосомъ: даю годъ тебѣ времени; черезъ годъ ожидай меня, я приду за тобой.“

Разсказъ Ариста поразилъ все семейство. — „Такой необыкновенный сонъ“ — сказала спарушка Добрава, смотря съ нѣжною заботливостью на своего сына — „долженъ предвѣщать что-нибудь важное въ швоей жизни.“

— И пріятное—подхватилъ Ипполитъ — пошому что почтенный спарець въ одеждѣ невинности не можетъ быть изображеніемъ ничего злаго.

Суевѣріе и предразсудки сильны надъ человекомъ въ несчастіяхъ. Довольное сердце не тревожится ими. Видъ благополучія успокоиваетъ воображеніе, и человекъ счастли-

вый настоящимъ, видишь и въ будущемъ одно счастье.

Скоро и въ семействѣ Добровыхъ забыли сонъ Аришна. Ипполитъ узналъ, что любимъ Софіей, открылся ея родителямъ и съ восторгомъ получилъ ихъ согласіе.

Она моя! — писалъ онъ брату своему въ Москву — и обручальное кольцо на рукѣ моей, символъ вѣчной любви къ ней, предвѣщаетъ мнѣ цѣпь счастливейшихъ дней до гроба! Теперь только, любезный братъ, я узналъ цѣль жизни, теперь только узналъ цѣну минувшамъ — потому что каждую раздѣляешь со мной моя Софія! И какое блаженство провести всю жизнь съ этимъ Ангеломъ; быть ей кровникомъ, опорой, другомъ.

Такъ писалъ счастливый Миронъ. Незадаченный съ своей невестой, онъ удовольствіями считалъ минувшны; сидя съ нею рассказывалъ свою бурную молодость, свои походы. — Какъ часно — говорилъ онъ — среди браней, среди шумныхъ бесѣдъ моихъ поварихъ, вздыхалъ я о мирномъ спокойствіи; сердце мое предчувствовало, что нѣтъ совершеннаго благополучія безъ любви, безъ искренняго участія. Воображеніе рисовало мнѣ идеалъ — и я нашелъ его въ тебѣ, моя Софія, нашелъ съ первой минувшны, въ копорую себя увидѣлъ.

Мирно и пріятно прошекали дни всего семейства. Дружба и любовь украшали однообразіе деревенской жизни, и время летѣло.

Наступалъ день рожденія Ариста. Мать и сестра готовили маленькой праздникъ своему любимцу — и чтобы неожиданностію еще болѣе украсишь его, просили Ипполита на канунъ этого праздника взять Ариста на цѣлый день съ собою на охоту.

Верстѣ на 20 отъ деревни Доброва, недалеко отъ береговъ Днѣпра, было мѣсто, для охоты весьма удобное. Туда отправился Ипполитъ съ Аристомъ, взявъ съ собою и вѣрнаго Гектора. День былъ пасмурный; мѣлкой дождь вырывался изъ сѣрыхъ тучъ; но онъ не устрашалъ охотниковъ. Голодь приправилъ имъ холодныя кушанья, рукою заботливой мащери изготовленныя — и охота продолжалась съ рвеніемъ и веселостію. Каждый считалъ выстрѣлы и свою добычу — и шумя хвастались другъ передъ другомъ. Наконецъ сдѣлалось темно, и дождь усилился. „Пора кончить — сказала Ипполитъ, пора отдохнуть и осушиться; я думаю, объ насъ дома безпокоятся.“

— Еще одинъ только выстрѣлъ — отвѣчалъ Аристъ — ружье мое заряжено, а мнѣ не хочется пошерять заряда. — „Хорошо!

и пойду впередъ, приготоваю ужинъ и все нужное къ нашему опъзду, а ты между тѣмъ не долго мѣшкай; Иванъ останешся съ шобою.“ —

Ипполишь пошелъ къ мѣсшу, гдѣ стояла его коляска, а Ариспъ, высмашривая шицу, медленно пробирался сквозь кустарниковъ. Идучи такимъ образомъ, онъ не примѣтивъ довольно глубокаго рва, поскользнулся и упалъ въ него. Иванъ шелъ за нимъ. „Возьми за конецъ моего ружья — сказалъ Ариспъ, подавая ему прикладъ — и помоги мнѣ выкарабкашся изъ этого проклятаго рва.“ Неосторожный Иванъ схватилъ прикладъ, шпрунулъ нечаянно язычокъ — и выпрѣлъ полешѣлъ въ грудь несчастнаго юноши.

На крикъ Ивана прибѣжала Ипполишь, кошорый въ недалекомъ разстоянн, у своей кбляски, распоряжался къ опъзду. Какое зрѣлище поразило его! Какой ударъ гошовила судьба несчастному! —

Ариспъ, обезображенный, опаленный близкимъ выпрѣломъ, лежалъ во рву. Онъ дышалъ еще. Его перенесли и положили въ коляску. Не смѣя предпашъ съ Ариспомъ предъ его родншелей, Мировъ повезъ его въ городъ къ полковому Докшору, съ кошорымъ былъ онъ прѣшель. Всѣ спаранія врача были безуспѣшны. Ариспъ скончался. *Мой сомъ*

обылся! было послѣдними словами умирающаго.

Кто опишетъ отчаяніе Ипполита! Онъ долго лишень былъ способностей своего разсудка. Силою должно было опорвать его отъ трупа и запереть въ особенномъ кабинетѣ. Докторъ взялъ на себя печальную обязанность приготоуишь семейство Добровыхъ къ вѣспи, споль неожиданной и ужасной. Она была громовымъ ударомъ, которыи въ одно мгновение превратилъ въ ничто храмъ счастья всего семейства. Отчаяніе заступило мѣсто спокойнаго увѣренія, и судьба доказала имъ, сколь не твердо и крапковременно счастье земное.

Ни Софія, ни Ипполитъ не могли болѣе мыслишь о взаимномъ соединеніи. Несчастлиная смерть Аришта была страшной бездной, которая на вѣкъ ихъ разлучила.

Милоновъ пересталъ читать; но всѣ молчали, ожидая, казалось, окончанія исторіи несчастнаго Ипполита.

„При взятіи Праги — началъ говорить Милоновъ послѣ нѣкотораго молчанія — я получилъ сильную конпузію, отъ которой лишился чувствъ. Меня перевезли въ ближайшей госпиталь. Возлѣ меня лежалъ Ип-

полицѣ, смертельно раненый. Часто мы бывали вмѣстѣ во дни счастья, и теперь судьба соединила насъ въ жилищѣ страданія. Онъ протянулъ ко мнѣ дрожащую свою руку, схватилъ мою, и просилъ исполнить послѣднюю его просьбу. — Клянусь! — отвѣчалъ я съ жаромъ — и ежели рокъ не позволитъ мнѣ самому, ежели и я долженъ буду пасть здѣсь, въ краю чуждомъ, то передамъ ее другому съ сердцемъ благороднымъ. — Не ко всемъ судьба такъ не милосерда, какъ ко мнѣ; — отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ, вынулъ записную книжку и, подавая мнѣ, продолжалъ: вручи это Софїи; скажи ей, что я любилъ ее до послѣдней минуты моей жизни. — Голосъ его слабѣлъ, блѣдныя губы опаздывались произносить слова. Казалось, воспоминаніе потеряннаго благополучія лишило послѣднихъ силъ несчастнаго. Черезъ нѣсколько часовъ жизнь и страданія Ипполита прекратились.

„Я возвратился въ общество. Вѣрный данному слову, первою заботою почелъ оповѣстить мѣсто пребыванія Софїи. Она была уже Княгиней ** и жила въ Москвѣ. Въ одно утро явился я въ богатыхъ ея чертогахъ. Князя не было дома. Приказавъ доложить, что имѣю важныя бумаги вручить Княгинѣ, я сочинялъ въ умѣ своемъ рѣчь,

полную упрековъ, копорую хощь привѣщивовашь Софію. Сердце мое обливалось кровію при видѣ сихъ бронзь и фарфоровъ, украшающихъ залу, при мысли, что Софія могла бытъ счастлива и безъ Ипполита, копорый, думая объ ней, встрѣшилъ и самую смерть.

„Меня позвали въ гостиную. Въ упреки плашь сдѣла Софія за сполкомъ, занимаась работою. Блѣдность прекраснаго лица, черта задумчивости на челѣ, показывали ясно, что счастье не было ей удѣломъ; что одинъ только блескъ его окружаетъ ее.

„Мое явленіе было для нее привидѣніемъ времени счастливыхъ и минувшихъ; блѣдное лице ея покрылось еще болышею блѣдностію. Я забылъ всю рѣчь свою; сердце мое исполнилось состраданія къ злополучной.

„Эту записную книжку — сказала я, приближаясь — умирающій Ипполитъ просилъ меня вручить вамъ, Княгиня. Воля умершаго для меня священна. Послѣднія слова его были — ваше имя. — Благодарю васъ — отвѣчала она тихимъ голосомъ, взявъ изъ рукъ моихъ записную книжку — благодарю васъ за эпошь намяшникъ, драгоценный моему сердцу. — Послѣднія слова едва были слышны: такъ тихо произнесла она ихъ; я поклонился и хощь удалиться, зная, сколь

непріятень, въ минушы печали, видъ поспорошняго челоуѣка.

„Вдругъ подошла ко мнѣ Софія.* Огонь блескъ въ черныхъ глазахъ ея; румянецъ рисовалъ блѣдныя щеки. — Я знаю, вы любили Ипполита — сказала она, взявъ мою руку — вамъ извѣстна наша исторія, и сердце ваше конечно обвиняетъ меня за то, что другому могла я отдать мою руку. Но судьба, которая такъ неожиданно, такъ внезапно разлучила меня съ Ипполитомъ, соединила меня съ Княземъ также вопреки всѣхъ вѣроятностей. Не обвиняйте же несчастную — не упреки заслуживаетъ она, а состраданіе. — Слезы прервали слова ея; закрывъ лице плашкомъ, вышла она изъ комнаты.

„Я узналъ всѣ обстоятельства, принудившія Софію выйти за Князя — и когданибудь расскажу вамъ ихъ.“

— О, завтра же, завтра же вечеромъ! — вскричали слушатели. —

Повторяешь ли мои чинашели это желаніе? . . . *)

. е а

*) Вѣроятно многіе повторяютъ — вѣстѣ съ Издательми. Изд.

МАРТЫНЪ ВАЛЬДЕКЪ.

(Сказка изъ Романа: *Антикварій*, соч. Вальтера Скотта.)

Въ глуши лѣсовъ Гарца, въ Германіи—и особливо около горы Блоксбергъ, сохранилось преданіемъ въ народѣ множество сказокъ о волшебникахъ, демонахъ и привидѣніяхъ. Большая часть жителей сей страны состоиць изъ угольниковъ и рудокоповъ; по роду занятій своихъ, они весьма склонны къ предрасудкамъ, и часто приписываютъ силъ чародѣйства или дѣйствию духовъ разныя явленія природы, поражающія удивленіемъ взоры ихъ въ чащѣ лѣса или во глубинѣ рудоконей. Изъ числа такихъ сказокъ особенно всѣмъ извѣстна шамъ одна; будто бы въ лѣсахъ Гарца является демонъ исполинскаго роста съ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ и съ такимъ же поясомъ, держащій въ рукъ сосну, съ корнемъ изъ земли вырванную. Многіе изъ жителей увѣряють, что имъ случалось видѣть изъ долины, какъ разхаживаетъ онъ, почто въ такомъ видѣ, по скапу горы; и шакъ велика увѣренность въ эпомъ дивѣ, что даже новѣйшій скептицизмъ не находитъ другаго ередства переувѣришь себя,

какъ предполагая въ шомъ оппическiй обманъ.

Въ старинныя времена демонъ сей имѣлъ гораздо чаще сношенiя съ сосѣдственными жителями; и, какъ ушверждаетъ преданiе, нерѣдко вмѣшивался въ дѣла людей, съ своеволиемъ, свойственнѣмъ такому роду существъ, то естъ: или ко вреду ихъ, или къ пользѣ. Но замѣчено было, что его дары въ послѣдшвиі времена становились нерѣдко пагубны даже и для шѣхъ, коимъ онъ наиболѣе покровительствоваль. Паперы, говоря длинныя проповѣди въ назиданiе своихъ слушашелей, часто заключали ихъ увѣщанiемъ—не имѣть ни прямыхъ, ни побочныхъ сношенiй съ демономъ Гарца; и спарики нерѣдко рассказывали повѣсть о Маршынѣ Вальдекѣ дѣшямъ своимъ, когда они смѣялись надъ опасностью, кошорая казалась имъ воображаемою.

Въ срединѣ Гарцскаго лѣса была небольшая деревня, называемая Моргенбродъ; въ ней каедру крытой соломою цѣркви занялъ Капудинскiй Миссiонеръ. Горячо воспаваль онъ прошивъ развращенiя жителей и сношенiя ихъ съ волшебниками, духами, феями; а особливо съ ненавистнымъ демономъ Гарца. Тогда (во времена Карла V) Люшерово ученiе уже начинало распроспраняться по деревнямъ,

и крестьяне смѣялись рвенію добраго Капуцина. Но жаръ проповѣдника усиливался по мѣрѣ презрѣнія, ему оказываемаго, и—на оборотъ—презрѣніе усиливалось по мѣрѣ усугубяемаго жара. Прихожанамъ не нравилось, когда ихъ мирнаго, съ давнихъ лѣтъ поселившагося на Блоксбергѣ демона, къ кошорому они такъ привыкли, спавили на ряду съ Бельегоромъ; Ашарошомъ и даже съ Вельзевуломъ, и когда безъ всякаго милосердія осуждали его на низверженіе въ бездонный кладезь. Спрахъ, чшобы демонъ не вымесшилъ надъ ними прокляшій, въ ихъ присущствіи довольно дерзко прошивъ него прозносимыхъ, присоединился къ учаспію, какое принимали они въ немъ съ незапамяшнаго времени. — Миссіонеръ Капуцинскій, разсуждали они, кошорый сегодня здѣсь, а завпра будешь въ другомъ мѣспѣ, можешь говоришь, чшдъ ему вздумаешь; но мы, давніе и посшоянные обитатели здѣшняго края, мы должны за него расплачивашься. Такія сужденія раздражали умы ихъ; не довольсшвувсь насмѣшками, они взялись за каменья, спали бросашь ими въ Капуцина, и выгоняя его изъ земли своей, совѣшовали проповѣдывашь прошивъ демоновъ въ иномъ мѣспѣ.

Трое молодыхъ угольниковъ, бывшіе при томъ, и также не безъ дѣла, возвращались

послѣ въ свою хижину. Дорогой, какъ весьма естественнo, зашелъ между ними разговоръ о демонѣ Гарца и о проповѣдяхъ Капуцина. Максъ и Жоржъ Вальдеки, старшіе братья, соглашаясь, что Миссіонеръ нехотѣли зашѣлять проповѣдывать о свойствѣ и характерѣ Гарцскаго демона, утверждали впрочемъ, что весьма опасно принимать дары сего духа и вообще съ нимъ водиться. По ихъ сужденію, онъ, при всемъ своемъ могуществѣ, былъ чрезмѣрно причудливъ и сношенія съ нимъ никогда добромъ не оканчивались. Не онъ ли далъ храброму рыцарю Эбершу Рабенвальдскому того знаменишаго чернаго коня, съ копорымъ рыцарь побѣдилъ всѣхъ своихъ соперниковъ на большомъ Бременскомъ турнирѣ? И не низвергнулъ ли конь и всадникъ въ пропасть споль глубокую, что съ шѣхъ поръ не было никакихъ уже о нихъ слуховъ? Не онъ ли научилъ даму Герштруду Троденъ волшебству сбивать масло, и не была ли она сожжена какъ чародѣйка, по приказанію Главнаго Уголовнаго Судьи, за то, что пользовалась этою шайною? Но всѣ такіе примѣры о пагубныхъ слѣдствіяхъ мнимыхъ благошвореній демона Гарцскаго, не сдѣлали никакого впечатлѣнія на умъ Маршына Вальдека, меньшаго изъ трехъ братьевъ.

Пыкій Маршынъ соединялъ въ себя
 всѣ качества, сродныя жителямъ горъ; приу-
 чивъ себя, по необходимости, взбираться съ
 величайшими опасностями по ушесамъ, онъ
 сдѣлался отваженъ до невѣроятія. Робость
 брашьева смѣшила его. „Не напѣвайте мнѣ
 шакихъ вздоровъ“ — говорилъ онъ имъ :
 „эпошъ демонъ добрый малый; онъ живетъ
 между нами, какъ поселянинъ; лазитъ по го-
 рамъ и по ушесамъ, какъ будто охотился
 за дичью или спережеть козъ; любя Гарц-
 скій лѣсъ и его окрестности, онъ не мо-
 жетъ быть равнодушенъ къ участи живу-
 щихъ съ нимъ на одной землѣ. Но если даже
 онъ и въ самомъ дѣлѣ такъ золъ, какъ вы
 думаете, можете ли онъ имѣть какую ни-
 будь власть надъ тѣми, которые пользуют-
 ся его дарами, не давая никакого на себя
 обдзательства? Когда вы ставите на ли-
 шейной заводъ уголь; то развѣ деньги, пла-
 щимыя вамъ за него начальникомъ завода,
 вѣдѣмъ старымъ нечестивцемъ Блезомъ, не
 также хороши, какъ и тѣ, которыя полу-
 чаете вы отъ Пашера? Не дары демона мо-
 гутъ причинить вредъ, но ихъ употребле-
 ніе. Явись онъ мнѣ въ сію минушу и укажи
 мину золопа или серебра: я начну рыть зем-
 лю, прежде нежели успеешь онъ оборотить-
 ся ко мнѣ спиною, и пока будешь съ полъ-

вою употреблялись данное мнѣ ошъ него сокровище, до тѣхъ поръ буду считать себя подъ покровительствомъ существа гораздо высшаго, нежели онъ.“

Спаршій братъ замѣнилъ, что весьма рѣдко употребляется съ пользою недобромъ нажитое имѣніе; но Маршынъ возразилъ спрощиво, что владѣя всѣми сокровищами Гарца, онъ не перемѣнился бы ни въ привычкахъ, ни въ мысляхъ, ни въ характерѣ.

Максъ совѣтовалъ ему говорить о такомъ предметѣ съ осторожностію, и не безъ труда отвлекъ его вниманіе на травлю медвѣдей, о которой они прежде замыслили. Разговаривая такимъ образомъ, дошли они до своего жилища, небольшой хижины, построенной на скалѣ холма въ узкой долинь, посреди Блоксберга. Они смѣнили сестру свою, смотрѣвшую во время ихъ отсутствія за горниломъ, въ которомъ жглось уголье, пошому что эта работа пребуеть непрерывнаго надзора; ночью обыкновенно одинъ изъ нихъ поочередно всегда оставался насторожѣ.

Спаршій братъ, Максъ Вальдекъ, которому досталось караулить первые два часа этой ночи, былъ очень изумленъ, увидя вдругъ на противуположномъ холмѣ большой огонь и вокругъ него множество разныхъ фигуръ,

кружащихся и дѣлающихъ спранныя пѣло-движенія. Сначала намѣревался онъ позвать своихъ братьевъ; но вспомнилъ предприимчивый характеръ младшаго, и боялся, что ему не удастся разбудить Жоржа, не помѣшавъ сну Маршына. Пришло ему на умъ и то, что, можешь быть, демонъ пугаетъ его видѣніемъ за безразсудныя рѣчи, говоренныя наканунѣ его брашомъ. Онъ призналъ за лучшее прибѣгнуть къ молитвѣ и въ безпокойствѣ и страхѣ ждалъ конца этого спранныго чародѣйства. Огонь, нѣсколько времени пламеня, началъ угасать; спало темно, и въ продолженіи оспальнаго времени Максъ шревозимъ былъ только воспоминаніемъ видѣннаго.

Жоржъ смѣнилъ Макса, который въ свою очередь отправился спать. И его глазамъ представился на противномъ холмѣ большой огонь, также окруженный призраками; ихъ легко было различить, когда спановились они между хидиною и огнемъ, прыгая вокругъ и дѣлая движеніе руками, какъ будто занимались они совершеніемъ какого-нибудь таинственнаго обряда. Жоржъ, споль же благо-разумный, какъ и старшій брашь, но посмѣлье его, рѣшился вблизи разсмошрѣть это диво, и перебравшись черезъ небольшой ручей, пекущій по долину, приблизился къ

огню на распояннѣ полеша спрѣлы; и все огонь сверкалъ также ярко передъ его глазами.

Сущесва, окружавшія его, походили на призраки, какіе представляюща намъ во снѣ; разсмотрѣвъ ихъ, Жоржъ увѣрился, что они изъ другаго міра. Въ числѣ сихъ спранныхъ фигуръ замѣнилъ онъ мохнапаго великана, держащаго въ рукѣ сосну, вырванную съ корнемъ, кошорою, казалось, мѣшалъ онъ по временамъ огонь, и безъ всякой одежды, кромѣ вѣнка и пояса изъ дубовыхъ лиспьевъ. Жоржъ осполбенѣлъ, узнавъ демона Гарцскаго лѣса по описанію, какое дѣлали о немъ паспухи и охошники, выдавшіе его иногда на горахъ. Онъ побѣжалъ-было назадъ, но успѣдился своей прусоспи, ворошился опяшь къ холму, гдѣ видѣнъ былъ огонь, и что жъ? Къ величайшему его удивленію, шамъ ничего уже не было.

Блѣдные лучи мѣсяца освѣщали долину; на лицѣ Жоржа выступилъ холодный потъ, волосы его спали дыбомъ; онъ робкими шагами приближался къ мѣспу, гдѣ за нѣскольکو минушь горѣлъ огонь и гдѣ споялъ высокій дубъ, казавшійся ему въ пламени; но не нашель шамъ ни малѣйшаго признака, который оправдывалъ бы имъ видѣнное: мохъ, шрава, цвѣшны—все было невредимо, и лиспья

Высокаго дуба качались подъ каплями росы.

Съ препенемъ воропился опъ домой и, подобно своему брату, рѣшился не говорить о томъ, что видѣлъ, боясь возбудить въ Мартынѣ то предприимчивое любопытство, которое казалось ему святошашствомъ.

Наконецъ должно было встать и Мартыну: пѣснухъ прокричалъ уже близкую смену ночи упреннею зарею. Мартынъ осматривая горнило, гдѣ лежали дрова, приготовленные на уголь, и удивился, что огонь начиналъ угасать, чему причиною былъ Жоржъ, который, бѣгая за привидѣніемъ, забылъ о главной своей обязанности. Прежде всего вздумалъ - было онъ позвать своихъ братьевъ; однако не рѣшился помѣшать сну ихъ и самъ придалъ огню новую пищу. Но подложенныя имъ дрова были сыры, и огонь не только не разгорался, а сталъ потухать еще болѣе. Мартынъ тотчасъ побѣжалъ за сухими дровами, бывшими въ запасъ, и возвратясь, нашель огонь уже совершенно погасшимъ: случай довольно важный, опъ котораго могъ пропасть цѣлый рабочій день. Взбѣшенный неудачею, принялся онъ высѣкать огонь, но прутья также опсырѣвъ, и всѣ его усилія оставались напрасны. Дѣлать было нечего: онъ пришелъ домой, чтобы раз-

Будить братьевъ, какъ вдругъ пролился свѣтъ въ хижину сквозь окно и спѣнныя скважины: онъ отперъ дверь и увидѣлъ такое явленіе, кошорымъ были испуганы его братья.

Сначала подумалъ онъ, что сосѣди, упражнявшіеся въ томъ же ремеслѣ и изъ соперничества бывшіе съ ними въ частыхъ распряхъ, перешли за свой рубежъ и стали промышлять въ той части лѣса, которая совсѣмъ не принадлежала имъ. Снова собирався онъ разбудить своихъ братьевъ, чтобы идти вмѣстѣ наказать за такую дерзость; но, разсматривая движеніе тѣхъ, которые, казалось, работали около огня, онъ въ минушу переѣнилъ намѣреніе, и хотя былъ нѣсколько недовѣрчивъ въ подобныхъ случаяхъ, но не могъ не увѣриться, что видимое имъ сверхъестественно. Кто бы то ни былъ, люди или духи, говорилъ смѣлой Маршынъ, и чтобы они тамъ ни работали, я пойду попросить у нихъ огня для нашего горнила. Онъ раздумалъ будить своихъ братьевъ. Тогда вообще полагали, что въ такомъ дѣлѣ можно успѣть только, когда бываешь одинъ, безъ товарищей; припомъ же онъ боялся, чтобы прусось братьевъ не помѣшала и ему въ его предпріятіи. Снявъ со спѣнны дѣланный шестъ, онъ пошелъ въ твердой

рѣшимости не сморѣвъ ни на какія опасности.

Съ такимъ же успѣхомъ, какъ бранъ Жоржъ, но съ большею отважностію перелазилъ Маршынъ чрезъ ручей, взомель на холмъ и былъ уже шакъ близко къ видѣнной имъ шолпѣ, что не могъ не узнать въ главномъ лицѣ Гарцскаго демона. — Первый разъ въ жизни онъ содрогнулся; но вспомня, что давно искалъ шакого случая, ободрися: самолюбіе возвратило ему храбрость, которая начинала уже исчезать; смѣло пошелъ онъ къ огню; по мѣрѣ его приближенія, существа, окружавшія кошера, спановились спрашивать и чудить. Онъ встрѣченъ былъ громкимъ хохомъ, кошораго несогласные и необыкновенные звуки раздрали слухъ его болѣе, нежели погребальныя пѣсни.

„Кто ты?“ — спросилъ великанъ, спираясь дасть неправильнымъ черпамъ своимъ видъ важности, кошора, хотя онъ и удерживался, часно измѣнялась однако въ злобный смѣхъ.

— Я угольникъ Маршынъ Вальдекъ — опивчалъ предпримчивый юноша, не запинаясь. — А ты кто?

„Владыка горъ и рудниковъ. Но какъ оживился ты смущаясь моею шажива?“

— Я пришел за огнем для своего горнила. — И в свою очередь спросил онъ безъ робости: А что у тебя за шайншва?

„Мы празднуемъ“ — ласково отвѣчала демонъ — „бракосочетаніе Гермеса съ Чернымъ дракономъ. Возьми огня и уйдя. Никакой смертный не можешь долго видѣть насъ, не подвергаясь гибели.“

Маршынъ воскнулъ оспріе шеста своего въ горящую головню, и не безъ труда поднявъ ее, пошелъ къ своему жилищу, сопровождаемый громкимъ хохотомъ, который возобновился съ большею силою и раздавался по долину. Сколько ни былъ Маршынъ занятъ видѣннымъ, но, пришедши въ жилищу, прежде всего заботился положить головню между сухими дровами, чтобы развесити огонь въ горнила; однако, не смотря на всѣ его усилія и на пособіе раздувальнаго мѣха, головня его наконецъ погасла, не передавъ огня ни одной лучинѣ. Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ, что костеръ все еще пылаетъ на холмѣ, хотя существа, окружавшія его, исчезли. Вообразивъ, что демону вздумалось пошутить надъ нимъ, онъ со свойственною ему смѣлостію, рѣшился попытаться въ другой разъ, снова пошелъ на холмъ, взявъ шамъ безъ всякаго препяшства другую головню, — но и ея не удалось ему развесити

огня. Безнаказанность удвоила въ немъ дерзость; онъ по прежнему добрался до огня и взялъ шамъ большое горящее полѣно; но когда уходилъ, послышался ему голосъ: *Не смѣй придти сюда въ четвертый разъ.*

Когда и шумъ усилія зажечь огонь не имѣли никакого успѣха, Маршынъ ошказался ошъ новаго покушенія, и, бросясь на свою лиспвянную постель, рѣшился ждашь ушра, чшобы разказашь своимъ брашьямъ о всемъ, чшо съ нимъ случилось. Изнуреніе шѣла и волненіе мыслей скоро усыпили его; онъ былъ разбуженъ криками радости и изумленія. Брашья его, проснувшись, удивлялись, чшо огонь пошущенъ, и спали вышаскивать дрова изъ горнила, чшобы наложивъ ихъ порядкомъ, удобнѣе было развесити огонь; въ золѣ нашли они при мепаллическіе слишкка. По ремеслу своему будучи нѣсколько знакомы съ Минералогією, они шопчасъ увидѣли, чшо эшо слишкки изъ золоша самага чшешаго.

Восхищеніе ихъ нѣсколько умѣрилось, когда Маршынъ объявилъ, какимъ образомъ эшо сокровище досшалось въ ихъ руки; шю, чшо они видѣли сами, не позволяло имъ сомнѣваться въ испинѣ его разказа. Однако не могли они превозмочь въ себѣ искушеніе подѣлаться счастиємъ своего брата. — То-

гда Маршынъ Вальдекъ, считая себя уже главою семейства, накупилъ земель и лѣсовъ, построилъ замокъ, выхлопоталъ дворянскую грамоту, и получилъ такія же преимущества, какъ и сосѣдніе Бароны, къ крайнему ихъ неудовольствію. Ошважность на войнѣ и въ частныхъ ссорахъ попушала нѣсколько зависть, которую навлекъ онъ на себя внезапно своимъ возвышеніемъ и надменными замыслами. Однако Маршынъ Вальдекъ скоро явилъ новый примѣръ, что немногіе изъ людей могутъ предвидѣть слѣдствія своего нечаяннаго счастья. Вредныя его склонности, развитіе которыхъ оспанавливала прежде бѣдность, начали сильно возрастать и подъ вліяніемъ спрасшей, при средствахъ къ ихъ удовлетворенію, принесли пагубные плоды. Одна спрашь пробуждала другую: скупость давала нищу надменности, а сія насыщалась жестокосердіемъ и кровопійствомъ.

Маршынъ Вальдекъ характеромъ своимъ, всегда дерзкимъ и предприимчивымъ, но онъ счастья сдѣлавшимся болѣе рѣшительнымъ и даже наглымъ, навлекъ на себя ненависть не только дворянства, но и низшаго класса людей. Они смотрѣли съ сугубымъ негодованіемъ на упрѣснительныя феодальныя права, которыми пользовался безъ зазрѣнія и со всею жестокостію человѣкъ, вышедшій изъ

ничтожества. Приключеніе его, сколь ни было оно скрывается, начинало спланиваться извѣстнымъ. Окруженный общими и частными врагами, въ ссорѣ со всеми сосѣдями, Маршынъ, или лучше Баронъ фонъ Вальдекъ, какъ тогда называли его, не разъ съ горесцію сожалѣлъ о трудахъ и удовольствіяхъ бѣдности, незнакомой съ зависцію. Однако онъ не перьялъ бодрости: казалось, она еще болѣе укрѣплялась въ опасностяхъ. — Неожиданный случай ускорила его паденіе.

Герцогъ Брауншвейгскій возвѣстивъ о большомъ турнирѣ и приглашалъ къ нему всѣхъ благородныхъ Германцевъ, происхожденія свободнаго и честнаго. Маршынъ Вальдекъ въ великолѣпныхъ доспѣхахъ, съ двумя своими братьсями и многочисленною свитою, пышно вооруженною, осмѣлился явиться посреди собравшихся рыцарей и просить дозволенія вступить на ристалище. Этому поступку показался дерзосцію выше всякой мѣры. Тысячи голосовъ вскричали, что бывший загребашель золы не можешь быть шеплимымъ на рыцарскихъ играхъ. Разъяренный до бѣшенства Маршынъ выхватилъ мечъ и ударилъ имъ Герольда, кошорый по общему желанію пропившися допустилъ его къ турниру. Сто мечей вдругъ засверкали, чинобы наказашъ его за дерзоссть, считавшуюся тогда

пресшупленіемъ, равнымъ святошашспву и царубійспву. Вальдекъ защищался какъ левъ; но былъ наконецъ схваченъ и приведенъ къ Маршаламъ шурнира: они шупъ же присудили за возмущеніе общеспвеннаго спокойствія и за ударъ, нанесенный неприкосновенной особъ Герольда, опрубить ему правую руку и, лишивъ дворянспва, выслать изъ города. Его обезоружили, исполнили надъ нимъ приговоръ и предали послаъ шого на поруганіе черни, кошорая гмалась за нимъ съ громкимъ крикомъ, называя его чародѣемъ и кровопійцею и изрыгая на него всякія хулы и ругашельспва.

Свиша его уже давно обратилась въ бѣгство и разсыялась. Однако брашьямъ удалось вырвать Маршына изъ рукъ черни, кошорая съ звѣрскимъ удовольспвіемъ насыщая свое мщценіе, шерзала его до шого, чшо обремененный ударами и изшощенный пошереку крови, лишился онъ чувспвъ. Но эшого было не довольно: враги его, изобрѣшашельные въ своей жестокосши, неиначе позволили брашьямъ везши его, какъ на шелегѣ угольниковъ, подобной шой, кошорою онъ нѣкогда управлялъ самъ. Брашья положили его въ шакую шелегу на связку соломы, едва надѣясь довезши его живымъ до безопаснаго мѣспва.

Когда Вальдеки въ шакомъ жалоспномъ пушешествіи приближались уже къ окрестностямъ своей родины, вдругъ увидѣли они, что по дорогѣ, ведущей между горами жпо-шо, имѣющей видъ спарика, идешь къ нимъ на встрѣчу. И чѣмъ ближе подходилъ онъ, тѣмъ огромнѣе становился; мантія слетѣла съ плечь его и посохъ превратился въ сосну, вырванную съ корнемъ: гигантскій демонъ Гарцскаго лѣса предсталъ передъ ними и наполнилъ сердца ихъ ужасомъ. Когда подошелъ онъ къ шелегъ несчастнаго Вальдека, въ глазахъ его изобразилось презрѣніе и насмѣшная злоба. „Каковъ огонь отъ моихъ дровъ?“ спросилъ онъ у Маршына. При видѣ сего ужаснаго существа, два брата оступились; а умирающій напрошивъ того почувствовалъ силы. Приподнявшись, онъ скрутилъ въ кулакъ оставшуюся руку и замахнулся на демона: Сей по своему обыкновенію язвительно захохоталъ и исчезъ, оставя Вальдека въ послѣдней борьбѣ съ природою.

Испуганные братья направили тогда пушь свой къ монастырскимъ башнямъ, вышавшимся среди сосноваго лѣса, вблизи дороги. Тамъ ласково принялъ ихъ Капуцинъ босоногій и длинно-бородый. Маршынъ едва прожилъ столько, чтобы успѣть исповѣдаться въ грѣхахъ своихъ, чего не дѣлалъ съ

самаго начала своего внезапнаго счастья. Онъ получилъ опущеніе изъ усьхъ того самаго священнослужителя, кошораго, ровно за три года предъ тѣмъ, помогаль выгоняшь каменьями изъ Моргенбродскаго окологка. Народъ говорилъ, что сіи три года соотвѣщешвуошь премоъ посѣщеніямъ Маршына на холмѣ за чародѣйскимъ огнемъ.

Тѣло Маршына Вальдека было погребено въ томъ же монастырѣ, въ кошоромъ испуспилъ онъ духъ свой. Тамъ и брашья его, подъ монашескою одеждою, жили и умерли, упражняясь въ дѣлахъ благочестивыхъ. Земли Маршына, на кошорыя никшо не объявляль пребованій, оставались необработанными до тѣхъ поръ, пока Имперашоръ не взялъ ихъ въ свое владѣніе, какъ опщину описанную въ казну. Развалины замка, называвшагося его именемъ, и нынѣ успрашаюшь рудокопа и дровосѣка, кошорые боясь къ нимъ приблизиться, думая, что шупъ присанище злыхъ духовъ. Такимъ-шо образомъ Маршынъ Вальдекъ явилъ собою разительный примѣръ бѣдешвій, кошорыми почти всегда сопровождается богашешво, недобромъ приобрѣшенное и во зло упошребленное.

Г.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

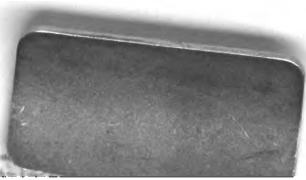
	Стр.
1. Прорѣха на рукавъ (<i>Повѣсть</i>)	3.
2. Анекдотъ	92.
3. Лануци	93.
4. Признанія молодой дѣвушки	110.
5. Анекдоты	120.
6. Мечшатель (<i>Повѣсть</i>)	125.
7. Анекдотъ	192.
8. День рожденія (<i>Повѣсть</i>)	193.
9. Маршынъ Вальдекъ (<i>Сказка</i>)	214.

НВ. Изъ вкравшихся ошибокъ, Издатели просятъ исправить особенно на *стр. 133, стр. 20* *цѣлѣхали* вмѣсто *цѣлѣхали*, ибо послѣднее даетъ совсѣмъ ненадлежащій смыслъ.

Конецъ IV части.

Изданіе *Новой Библіотеки для чтенія* прекращается, и спашь, входившія въ соснавь оной, будущъ помѣщаются въ *Журналъ: Сынъ Отечества*. Впрочемъ, одобренные леспнымъ вниманіемъ публики, Издатели не хошяпъ лишишь себя права со временемъ приняшь снова за продолженіе *Библіотеки*.

NOV 29 1957

FLEX 5

